

WARHAMMER

40,000

NICK KYME

SALAMANDER

BOOK 1 IN THE TOME OF FIRE TRILOGY

Annotation

Костические десантники ордена Саламангр, чьей родиной стал вулканический мир Ноктюрн, обнаруживают древний артефакт, который ведет в другой мир, полный тайн. И вот уже воины, рожденные в огне, противостоят Железным Воинам Хаоса. Однако скоро выясняется, что это не самый опасный их враг. Соперничество среди самих Саламангр подвергает их жесточайшему испытанию. Смогут ли Саламангры прожить достаточно долго, чтобы узнать правду о загадочном мире и принять откровение, которое сотрясет основы их ордена?

- [Ник Кайл](#)

-

- [Пролог](#)

- [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)

- [I](#)

- [II](#)

- ГЛАВА ВТОРАЯ
 - I
 - II
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
 - I
 - II
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
 - I
 - II
- ГЛАВА ПЯТАЯ
 - I
 - II
- ГЛАВА ШЕСТАЯ
 - I
 - II
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
 - I
 - II
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ
 - I
 - II
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
 - I
 - II
- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
 - I

- II

- ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ

- I

- II

- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

- I

- II

- ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

- I

- II

- ЭПИЛОГ

- Об авторе

- notes

- 1

- 2

- 3

- 4

- 5

- 6

- 7

- 8

Ник Кайм

САЛАМАНДРЫ

Посвящается маме. За то,
что ты есть и всегда в меня
веришь. С любовью.

Сорок первое тысячелетие.

Уже более ста веков Император
недвижит на Золотом Троне Терры. Он —
Повелитель Человечества и властелин
тириагов планет, завоеванных
могуществом Его неисчислимых армий. Он
— полутруп, неуповимую искру жизни в
котором поддерживают древние
технологии, ради чего ежедневно
приносится в жертву тысяча душ. У
поэтому Владыка Империи никогда не
утирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии
Император продолжает миссию, для
которой появился на свет. Могучие боевые
флоты пересекают кишачий демонами
варн, единственный путь между далекими

звездами, и путь этот освещен
Астрономиконотом, зримым проявлением
духовной воли Императора. Огромные
армии сражаются во имя Его на
бесчисленных мирах. Величайшие среди
его солдат — Агентус Астартес,
костические десантники, генетически
улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию:
Имперская Гвардия и бесчисленные Силы
Планетарной Обороны, вечно бдительная
Инквизиция и техножрецы Агентус
Механикус. Но, несмотря на все старания,
их сил едва хватает, чтобы сдерживать
извечную угрозу со стороны ксеносов,
еретиков, мутантов. И много более
опасных врагов.

Быть человеком в такое время —
значит быть одним из миллиардов. Это
значит жить при самом жестоком и
кровавом режиме, который только можно
представить.

Забудьте о достижениях науки и
технологии, ибо многое забыто и никогда
не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных

прогрессом, о взаимопонимании, ибо во
траке будущего есть только война. Нет
мира среди звезд, лишь вечная бойня и
кровопролитие, да стех жаждущих богов.

На войне костическому десантнику
нет равных. Он — олицетворение
совершенного солдата, боевая особь рода
человеческого невероятной силы и
безграничной отваги. Костический
десантник не чувствует боли, как
чувствуют ее обычные люди, он не ведает
страха. Он умеет подчинять себе и то и
другое. Но подобную несокрушимость надо
оттачивать и собирать заново перед
каждой битвой. Именно там, в медитации
перед боем, костический десантник
готовит себя, там находит он в себе дух
воина.

В уединении мы обретаем свою
истинную силу. Через самоотречение и
запредельную выносливость становится
мы несокрушимыми. Таковы постулаты
прометейского культа, таковы наши
принципы, таковы наши правила. В огне
битвы рождены мы, братья. На наковальне

войны мы выкованы.

Приписывается
Ту'Шану, магистру
ордена Саламандр.

Пролог

Тсү'ган ринулся вниз с каменного парапета храма.

--- Нет! --- вырвался из горла крик.

И, падая, он слышал хриплый стех.

Низулан спланировал эту смерть. Обвел их всех вокруг пальца. И это оно --- холодное осознание собственной ошибки --- засело сейчас, словно кусок льда, в животе у Тсү'гана.

Он вспомнил бронированный силуэт, приближающийся оттуда, где должен был находиться сам, где --- как верный Саламандр --- обязан был стоять на страже. Заносчивость и самонадеянность заставили его послушаться приказа. Тсү'ган решил, что ради славы стоит рискнуть.

Весь мир вокруг телькнул расплывчатым мазком, когда Тсү'ган полетел к столь близкому полу храма. Из-за своей безрассудной поспешности сержант потерял из виду прятавшегося врага, который сейчас подкрадывался к Кагаю. Капитан стоял один у растекшейся лужи

того, что осталось от варповой твари, которую он только что одолел. И он был слаб...

Ослепительный свет пронорол тьму, словно зазубренный нож, которому все равно, что резать. Тсу'ган падал, раскинувшись, и несколько мгновений растянулся в вечность, пока он провожал взглядом раскаленный луч, прожигающий трак. Он видел, как луч задел Дак'ира, мгновенно оплавив его шлем. Боль от недоброй ласки луча исторгла мучительный крик. Сила луча, выпущенного из мультимелты, отбросила Дак'ира в сторону, избавив от неминуемой гибели. Даже не запнувшись, луч пронесся дальше и попал в Кагая. Капитан вспыхнул, словно факел. Жуткий свет окутал его тело. Кагай закричал, и на мучительный вопль эхом ответил Тсу'ган, который, согнув ноги, ударился в рокрыт и присел. Рокрыт треснул под тяжестью десантника.

С колотящимся в груди сердцем Тсу'ган уже выпрямился и бежал, не обращая внимания на опасность, тающуюся

В темных углах храма. Расстояние до капитана казалось непомерно большим, а шанс на то, что Кагай еще жив, --- ничтожно малым. И все же Тсу'ган не терял надежды.

И, только подбежав ближе и увидев провалившиеся внутрь доспехи Кагая, он понял, что его любимый капитан мертв. Проехавшись подошвами по рокриту, Тсу'ган резко затормозил, чтобы не потревожить оплавленные останки, и рухнул на колени. Он не поднял головы, даже когда услышал крики Н'келна и других боевых братьев, вернувшихся, чтобы помочь. Только они уже опоздали.

--- Саламандры! Убивайте их!

Лай болтерных выстрелов перешел в грохочущее крещендо. Тсу'ган едва замечал, как дергаются вокруг фигуры гибнущих культистов --- последователей порченого кюльта, который и привел Саламандр в это гиблое место, --- когда выстрелы Н'келна и остальных принялись рвать их на куски. Он ощущал пустоту внутри, словно кто-то вонзил кинжал ему в живот и вырезал все внутренности.

Почти физическая боль, сильнее и глубже, чем любая пытка, пронзила его до самой глубины души. Он словно перестал существовать в этом мире и просто наблюдал за происходящим вокруг со стороны.

Звон пуги, отскочившей от наплечника, вернул Тсү'гана обратно. Горечь и нежелание поверить в смерть Кадая обернулись яростью. Дрожащие ладони превратились в кулаки, сжимающие болтер. Тсү'ган уже снова был на ногах. Он встотрелся во лрак, но убийца Кадая уже сбежал.

Краем глаза Тсү'ган заметил, как бросился на него какой-то культист. Защищенный рот не давал презренной твари издать боевой клич. Тонкие, как у скелета, пальцы сжимали эвисцератор. На иссохшем, словно у мумии, теле болтались рваные одежды.

Этот сгодится.

Тсү'ган нырнул под неуклюжий взмах ценного меча, по шлему царапнули стрекочущие зубья. Продолжая движение, всадил кулак человечешке в живот.

чувствуя, как лопаются ребра и дряблые
мышцы. Со звериным рыком вырвал горсть
внутренностей и прикончил культиста
тяжелым ударом болтера.

Едва ответив, как стаялся череп
врага, Тсү'ган повернулся и расстрелял
три фигуры в плащах, убегающие во тьму.
Вспышки выстрелов осветили беглецов, и
те заплясали под градом снарядов, словно
обреченные марионетки. Тсү'ган достал
следующего культиста, перебив ему шею
ребром ладони. Еще двое пали от злого
окрика болтера: их грудные клетки
лопались, когда разрывные снаряды делали
свое страшное дело. Еще один рухнул под
ударом локтя, сломавшего ему шею,
отчего голову культиста своротило набок.

Вокруг Тсү'гана двигались фигуры в
зеленых доспехах — его боевые братья.
Убивая, он лишь ступно осознавал их
присутствие. Тсү'ган не отходил далеко
от тела капитана, держа вокруг него
защитный кордон, который никто не
преодолел бы живым. Культистов было
множество, и Тсү'ган упивался резней.
Когда опустел болтер, он отбросил оружие

и схватил продолжавший стрекотать эвисцератор, вырвав его из мертвых рук культиста.

Тсу'гана накрыла кровавая мгла. Он резал и рубил, рвал и полосовал, пронзал и расчленял, пока вокруг не выросла жуткая стена из кусков человеческих тел. Когда ряды культистов наконец поредели и немногих оставшихся догнали и убили, Тсу'ган ощутил, что могучие ноги его больше не держат. Он снова упал, снова — на колени, прямо в лужу вражеской крови. Концом эвисцератора провел глинную борозду в каменном полу, чтобы жизненные соки нечистых не коснулись тела капитана. Потом закрыл глаза и предался отчаянию.

--- Брат-сержант, --- донесся сквозь туман скорби голос. Голос наслаивал: --- Тсу'ган!

Тсу'ган открыл глаза и увидел перед собой ветерана-сержанта Н'келна.

--- Все кончено, брат. Враги повержены, --- сообщил тот, словно это могло как-то утешить, и прибавил: --- Твой боевой брат выжил.

Тсү'ган воззрился на него в
замешательстве.

--- Дак'ур, --- пояснил Н'келн. --- Он
бүдет жить.

Тсү'гану мысль о Дак'уре даже не
приходила в голову. Кагай --- вот что
сейчас имело значение. Слезы покатились
по лицу Тсү'гана.

--- Кагай... --- еле слышно прошептал
брат-сержант, --- мертв. Наш капитан
мертв.^{[\[1\]](#)}

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Старые традиции

Дак'ур стоял над огненным озером, готовый сжечь своего капитана.

Оплавленные госпехи Ко'мана Кагая вместе с останками его тела привязали цепями к погребальной плите. Внизу плевалась и бурлила лава; языки пламени вспыхивали над ее поверхностью -- и гасли, чтобы тут же возродиться в другом месте раскаленного потока. Черный тратор погребальной плиты отражал багровое свечение лавы, прожилки в камне переливались красным и оранжевым. Две толстые цепи, прибитые костылями к торцу плиты, удерживали ее в вертикальном положении. Керамит защищал поверхность от жара магмы. Плите предстояло отправить Кагая в последнее путешествие -- к сердцу горы Смертного Огня.

Стоя в просторной пещере внутри скалы, Дак'ур вспоминал неторопливое, торжественное шествие к вершине

величественного вулкана. Более сотни воинов проделали долгий путь сюда, пройдя от самого Тесуога, города убежища. Огромная гора вонзалась в пламенеющее оранжевое небо Ноктюрны, похожая на обломленный наконечник копья. Из кратера на ее вершине поднимались тучи пепла, спускаясь вниз по склонам плавными серыми волнами.

Смертный Огонь являл собой прекрасное и одновременно устрашающее зрелище.

Но сегодня не было ни широкастического неистовства, ни яростного извержения камней и пламени — лишь горестный стон по одному из сыновей, которого гора забирала обратно. Саламангра, огнерожденного.

— В огне мы рождены и в огонь вернемся... — нараспев повторял Дак'ур за братом-капелланом Элизием скорбные строки из ритуала погребения, точнее — из «Гимна сожжения». Несмотря на равнодушные в голосе капеллана, Дак'ур чувствовал, как слова, эхом разносящиеся по подземелью, находят отклик и в его

гүше.

Хотя камень пещеры, казалось, не ведал прикосновения человеческих рук, на самом деле святилище это создал магистр кузницы Т'келл. Устройство и удобство пещеры даже спустя многие тысячелетия по-прежнему оставались выше всяких похвал, даже в нынешнюю эпоху обветшания. Т'келл создавал ее своим чутким руководством прародителя Вулкана и был среди первых из его учеников, восславивших его как притарха. Свои умения Т'келл передал будущим поколениям Саламандр вместе с сокровенными тайнами, изученными под руководством техноагентов Марса. Магистр кузницы был давно мертв, и его место заняли другие, но свершения Т'келла продолжали жить. Пещера была лишь одним из них.

Огромный резервуар лавы занимал ее дно. Горячая тягучая магма, выходя из-под земли, служила источником жизненной силы для горы Смертного Огня. Она собиралась в глубоком бассейне из вулканического камня, опоясанного слоями

огнеупорного кератита, и, поднявшись, вытекала через один из многочисленных естественных протоков в скале. В пещере не было ни единого светильника, ибо в них не было нужды: лава источала теплое призрачное сияние. Двигались тени, платая трещало и фыркало.

Капеллана Элизия скрывала тьма, хотя он стоял на скальном выступе, выдающемся из противоположной от Дак'ура стороны пещеры. Плевок лавы бросил резкий оранжевый отсвет на скалу. Этого Дак'уру хватило, чтобы разглядеть эбеново-черные доспехи и слоновью кость череполикого шлема. Вспышка коснулась лишь выпуклостей застывшей маски. Глаза капеллана под линзами рдели красным дьявольским светом.

Изоляционизм служил фундаментальным принципом прометейского учения. Считалось, что только так Саламандр может обрести необходимые для исполнения долга перед Императором внутреннюю стойкость и уверенность в себе. Элизий полностью вобрал в себя этот идеал. Он был заткнут

и холоден. В ордене поговаривали, что вместо основного сердца у капеллана камень. Дак'ир подозревал, что слухи эти могут быть недалеко от истины.

И хотя Элизий почти всегда был сдержан, в бою он становился совершенно другим. Его неугасимое рвение, почти осязаемое, острое, как клинок, и неистовое, как голос болтера, плачиво было боевых братьев. Его ярость, его горячая приверженность культу Прометея передавалась и им. Сколько раз на войне вера капеллана превращала горькое поражение в тяжкий труд добытую победу.

На поясе у капеллана висел знак посвящения: символическое изображение молота. Это была Вулканова Печать, и некогда ее носил знаменитый капеллан Хавьер. Наследие Хавьера, давно уже мертвого, как и многие другие герои, перешло к Элизию.

Там, на самых высоких уступах пещеры, капеллан стоял не один.

Саламандры первой и третьей роты наблюдали за церемонией с кольцевых

уступов, стоя во фронт в темных нишах и сверкая красными глазами. Этой глазной мутации не избежал ни один Саламандр. Генетический изъян, порожденный реакцией на излучение изменчивого домашнего мира, вместе с ониксово-черной кожей придавал Саламанграм почти демонический облик, хотя среди Астартес Императора не было защитников человечества благороднее и преданнее, чем огнерожденные.

Магистр ордена Ту'Шан наблюдал за церемонией с массивного каменного сиденья. По обеим сторонам от него расположились телохранители, Огнедышащие Эмии, воины первой роты --- его роты. Почетные отметины покрывали благородный лик Ту'Шана --- физическая история его подвигов, выписанная на эбеново-черной коже, выжженные шрамы, какие были у каждого Саламангра в соответствии с протейскими традициями. Немногие из ордена, лишь самые прославленные ветераны доживали до шрамов, которые выжигались на лице. Как регент Протеея, Ту'Шан был

облачен в комплект древних силовых доспехов. Его могучие плечи облежала пара наплечников, выкованных в виде ощерившихся огненных ящериц, от которых орден и получил свое название. Мантия из саламандровой шкуры — усыпанная наградами и более древняя, чем те, что носили Огнедышащие Эмии, — висела по широкой спине магистра. Лысая голова Ту'Шана блестела, отражая свечение лавы. Тени от бурлящей магмы ползли по стенам, словно щупальца закатных сумерек. Глаза Ту'Шана походили на два плененных солнца. Уперевшись подбородком в кулак, магистр ордена предавался размышлениям, непроницаемый, словно камень самой горы.

Рассмотрев магистра ордена, Дак'ур перевел взор на Фүгиса. Апотекарий был одет из Инфернальной Гвардии, старой свиты Кагая, от которой ныне осталось всего трое. Шлем Фүгис снял и держал, прижав локтем к боку. Шлем был полностью белым, как и правый наплечник доспеха. По суровому костистому лицу апотекария двигались тени. Дак'ур

показалось, что даже сквозь
поднимающийся снизу мерцающий жар он
заметил, как сверкнули глаза Фүгуса. С
тех самых пор как Дак'ур заслужил свой
черный панцирь и стал боевым братом, на
протяжении всех своих сорока лет службы
он ощущал на себе пристальный взгляд
апотекария. До того как стать Астартес,
Дак'ур был изнейцем, кочевым жителем
пещер Ноктюрна. Огид этот факт уже
был делом неслыханным, ибо никого из-за
пределов семи городов-убежищ еще никогда
не принимали в столь восхваляемые ряды
Костического Десанта. В чьих-то глазах
это делало Дак'ура исключительным, в
чьих-то он выглядел отклонением.
Определенно, с такой сильной, как у него,
привязанностью к человеческим корням не
сталкивался никакой аптекарий. Во
время предбоевых медитаций Дак'ур
грезил. Он четко и ясно вспоминал дни до
превращения в сверхчеловека, до того, как
его кровь, органы и кости были навсегда
перекованы в крепкую как железо форму
альфа-воина. Биологически он являлся
костодесантником, как и остальные. С

точки зрения психологии, трудно было сказать, какие возможности таились в нем.

Капеллан Элизий не нашел порока в дуге Дак'ура. Наоборот, сила духа и упорства изнеица были исключительно чисты, настолько, что тот стал сержантом поразительно быстро, учитывая неторопливость и методичность, принятые в ордене.

Фугиса, однако, интересовала самая его сущность, и он не был скован радикализмом, которым страдал капеллан. Дак'ур представлял для него загадку, в которой аптекарий желал разобратся. Но в этот день его изучающий взгляд не донимал Дак'ура. Фугис ушел в себя, полный горестных мыслей: Кагай был не только его капитаном, но и другом.

В отличие от своих братьев сегодня Дак'ур облачился в наряд железодела, бродячего кузнеца, что обрабатывал железо, добытое в глубинах гор, и трудился в поте лица над тяжелыми

наковальнями. Одевание было архаическим, но на Ноктюрне по-прежнему придерживались старых традиций.

В самые ранние эпохи цивилизации, когда туземные племена жили в пещерах, поклоняясь огненной горе как богине и ее чешуйчатым обитателям как объектам духовного значения, железное дело считалось благородной профессией, а его мастера были вождями племен. Традиция сохранялась на протяжении тысячи лет, пережив развитие примитивных технологий и превращение зачаточного искусства выделки металла в кузнечное мастерство, приход Вулкана и тот момент, когда Чужеземец забрал его обратно на звезды.

Шкура салатандры покрывала чресла Дак'ура. Ремни толстых сандалий туго оплетали ноги. Обнаженная грудь Астартес блестела, словно лакированное эбеновое дерево, — ониксово-черная, тверже черной яшмы. В руках Дак'ур сжимал одну из толстых цепей, что надежно удерживали тело Кадая над огненным озером.

Прометейские обычаи требовали, чтобы умершего провожали два железозела. Напротив Дак'ура на таком же каменном выступе над лавой стоял Тсу'ган, облаченный в такой же наряд. Если изгнейское наследие явно читалось на грубом и неровном лице Дак'ура, благородная родословная племенных царей Тесиода делала лик Тсу'гана надменным и жестоким. Его гладкий череп был тщательно выбрит, узкая темно-красная борода походила на острый выступ скалы. Во всем этом было больше утверждения высокомерия и тщеславия, нежели просто напыщенности. Темные волосы Дак'ура, столь характерные для подземников, кочевников Узнеи, были подстрижены очень коротко.

Когда сержанты на мгновение встретились взглядами, в глазах Тсу'гана холодно вспыхнуло обвинение и едва скрытое презрение. Огненная прорва между ними бурлила и плевалась, словно отражая их враждебность.

Чувствуя нарастающий гнев, Дак'ур отвел взгляд.

Тсү'ган был одним из тех в ордене, кто считал исключительность Дак'ура отклонением. Рожденному в относительно изобилии и достатке, такие только возможны на вулканическом мире смерти, Тсү'гану претила самая мысль, что Дак'ур — достойный кандигат в Астартес. Факт того, что, став костодекантом, низкорожденный и незнатный Дак'ур стал ему ровней, неизменно бесил Тсү'гана.

Но происхождение было лишь подспудной частью той неприязни, что пролегла между ними. Вражда, что так ярко разделила двух сержантов, родилась еще на Морибаре — на их первом задании как неофитов, но ее силу и горечь навсегда изменило недавнее дело на Стратосе.

Морибар... Мысль о мире-гробнице, на котором Дак'ур побывал более сорока лет назад, пробудила горькие воспоминания. Это там Ушорак расстался с жизнью и там родилась кровная месть Нугилана.

Нугилана, который...

Былые воспоминания проступали из подсознания Дак'ура словно заостренные

осколки кремня. Он снова видел ступенчатые очертания дракона, чья красная чешуя блестела, словно кровь, под светом храма ложных богов. Вспышка желты полыхнула перед глазами раскаленной добела звездой — яростная, горячая и неумолимая. Крик. Кадая потупил сознание, и на мгновение остались лишь чернота и эхо его вызывающих чувство вины страданий...

Дак'ур очнулся. Пот катился по щекам, но не от жара лавы — от жара желобкам его искусственно увеличенных мышц, но не от жара лавы — от жара Саламандры обладали устойчивостью к таким вещам, — а скорее от терзающей изнутри боли. Второе сердце судорожно заработало вместе с участвующим дыханием, ошибочно посчитав, что тело входит в состояние повышенной готовности перед боем.

Дак'ур заставил сердце успокоиться, учтя управлять своей собственноразной физиологией при помощи множества чувственных и физических приемов, вбитых в него суровыми тренировками. Он не испытывал подобных видений с самого Стратоса. Милостью Вулкана, видение

прошло лишь какие-то мгновения. Ни один из присутствующих собратьев не заметил этой мимолетной слабости. Дак'ур ощутил внезапное желание заорать и проклял всех богинь судьбы, что привели их по этому темному пути к страшному дню горя и печали, к безутешной скорби по обожаемому капитану.

Смерть Кагая оставила след на них обоих. Дак'ур носил свою отметину открыто — белое пятно скарификации на пол-лица от луча желты. Он снова увидел его в своем видении — тот самый выстрел, что столь мучительно оборвал жизнь Кагая. А вот Тсү'ган прятал свои раны внутри, где они разъедали его, словно раковая опухоль. Пока еще их вражда была скрытой, чтобы не вызывать подозрений и недовольства ни у капеллана, ни тем более у магистра ордена.

Брат-капеллан Элизий почти завершил ритуал, и Дак'ур переключился на свои обязанности. Быть избранным — великая честь, и Дак'уру вовсе не хотелось промахнуться перед огненным взором магистра ордена Тү'Шана.

И вот наконец момент настал. Дак'ур удерживал тяжелую погребальную плиту уже несколько часов, но плечи даже не заметили этого напряжения, когда он начал выпускать цепь, медленно перебирая звеньями. На каждом из огромных, вдвое больше кулака Астартес, звеньев были выгравированы прометейские символы: молот, наковальня и языки пламени. Хотя звенья цепи не расплавились бы, даже коснувшись лавы, подвигающийся снизу жар раскалил их докрасна. Выпуская звено за звеном, Дак'ур сжимал каждое в руке и чувствовал, как символы медленно прожигают кожу.

При каждом перехвате от рук шел дым, но Дак'ур даже не морщился. Он был сосредоточен на задаче и знал, что за каждое звено в цепи следует браться в точности так, чтобы каждые три символа выжигались на лапках в одном и том же месте. Любая ошибка, даже самая ничтожная, станет видна позже. Испорченную отметку счистят жрецы-клеймошники, но вместо нее останутся позор и бесчестье.

Хотя Дак'ур с Тсү'заном больше не встречались взглядами, они действовали сообща, выпуская звенья, одно за другим, в четком согласии. Металлическая цепь звенела, проходя через ворота наверху, в полутьме купола пещеры, и Кагай постепенно опускался в лагу. Вскоре погребальная плита погрузилась полностью. Доспехи и останки тела капитана разрушатся быстро. Сильный жар превратит последние следы его в пепел. И тогда Кагай уйдет вниз, возвращаясь к земле и Ноктюрну.

Плита появилась снова, когда цепь потащили обратно, уже чистая. Ее смертный груз исчез, черная поверхность вытиралась. Когда плита достигла верхней точки, механизм под куполом щелкнул, и Дак'ур выпустил цепь --- его долг был исполнен.

Шаркая ногами, вперед выступил обетный сервитор. Частью из плоти, частью механическое, существо горбилось под тяжестью массивной жаровни. Поток из темного металла, приваренный к хребту сервитора, был полон скопившегося

непла от приношений. Когда сервитор приблизился, Дак'ур погрузил левую руку в пенел и большим пальцем нарисовал на правой похожий на череп символ.

Отвернувшись от сервитора, он хлопнул в ладоши, позволив хлопьям сгоревшей кожи с рук осыпаться вниз, в лаву. Подняв взгляд, Дак'ур обнаружил на месте носителя жаровни пару облаченных в мантии жрецов-клеймошников.

Даже без своих господ Астартес грозно возвышался над слугами ордена. Низко склонив головы, те поднесли горящие жезлы и выжгли на коже Дак'ура новые почетные шрамы. Саламангр приветствовал жар, едва осознавая причиняемую им боль, но в то же время внимывая его чистоте.

Безмолвный обмен взглядами с Тсу'ганом отвлек его внимание, и Дак'ур почти не заметил, как удалились жрецы. Так же как и сначала не обратил внимания на трех слуг, которые подошли вслед за жрецами, неся между собой комплект силовых господ.

Вспомнив, где находится, сержант

поклонился слугителям, протянувшим его боевые доспехи седьмой модели. Дак'ур по очереди брал части доспеха, неторопливо облачаясь, сбрасывая мантию железодела и снова превращаясь в Астартес.

Когда он почти закончил, из тьмы раздался низкий голос:

--- Брат-сержант.

Дак'ур кивнул появившемуся бронированному Саламандру. Слугители неторопливо просветили лицо него обратно в сумрак. Могучий воин, почти на две головы выше Дак'ура, был облачен в зеленые боевые доспехи ордена, эмблема пылающей оранжевой саламандры на черном поле левого наплечника указывала на то, что десантник является боевым братом третьей роты.

--- Ба'кен.

Толстошей и широкоплечий Ба'кен был грозен на вид. А еще он занимал должность специалиста по тяжелому вооружению у Дак'ура и был его самым доверенным товарищем.

Руки Ба'кена были распростерты. В латных перчатках он сжимал вычурно

отделанный цепной меч и плазменный пистолет.

— Твои руки, брат-сержант, — произнес он торжественно.

Дак'ур вознес безмолвную молитву, принимая оружие и наслаждаясь его привычным прикосновением.

— Отделение готово? — спросил он и искоса глянул через озеро лавы на Тсу'гана. Тот также облачался в доспехи. Дак'ур отметил, что Цагон, заместитель Тсу'гана, одевает своего сержанта. «Ниже твоего достоинства, да?» Тихие слова Дак'ура сочлись ядом.

— Третья рота ждет лишь тебя и брата Тсу'гана. — Ба'кен сохранил нейтральное выражение лица и тон. Он услышал сделанное украдкой замечание брата-сержанта, но решил не подавать виду. Ба'кен прекрасно знал о разладе между Дак'уром и Тсу'ганом. Он также знал о попытках Дак'ура наладить отношения со вторым сержантом, как и о том, что слова его стучались в глухие уши и закрытый разум.

— Когда я был молодым, еще простым

неофитом, --- заговорил Ба'кен, пока Дак'ур
вкладывал ценной меч в ножны, а
плазменный пистолет в кобур, --- я
выковал свой первый клинок. Он был
прекрасен --- острый и крепкий, самое
великолепное оружие, какое я когда-либо
видел, потому что это был мой клинок и
сделал его я. Я занимался с клинком
постоянно, так упорно, что он сломался. У
несмотря на все свои старания и часы,
проведенные в кузнице, я так и не смог его
починить.

--- Первый клинок всегда самый
любимый --- и самый бесполезный, Ба'кен, ---
отозвался Дак'ур, занятый креплением
шлема к магнитным заткам на поясе
госнеха.

--- Нет, брат-сержант, --- отозвался
огромный Саламандр, --- я не это хотел
сказать.

Дак'ур прервался и взглянул на него.

--- Некоторые связи, их просто
невозможно создать, как бы нам этого ни
хотелось, --- пояснил Ба'кен. --- Сам
металл, понимаешь? В нем был изъян. Не
важно, сколько времени я провел бы у

наковальни, я все равно не смог бы его перековать. Ничто не помогло бы.

Лицо Дак'ура отрачилось, красные глаза затуманились от чего-то, похожего на сожаление.

--- Не будем заставлять наших братьев ждать, Ба'кен...

--- Как прикажешь. --- Ба'кен не сумел скрыть нотку грусти в голосе. Он не считал нужным упомянуть, что сберег клинок, надеясь однажды все-таки починить его.

--- ...и нашего нового капитана, --- закончил Дак'ур, сходя со скального выступна и вступая во тьму.

Дак'ур с Ба'кеном за спиной прошел вдоль шеренги воинов, пока не добрался до своего отделения. Несколько сержантов третьей роты приветствовали его, кто коротким кивком, кто -- тихим словом одобрения. Эти Саламангры -- Лок, Олкар и Ул'шан, командиры отделений опустошителей, -- были свидетелями трагической смерти Кагая на Стратосе.

Дак'ур на мгновение встретился взглядом с братом Еменом, который ободряюще сжал его плечо. Хорошо было снова оказаться среди своих братьев.

Однако другие были не столь доброжелательны.

У Тсу'гана имелось немало сторонников. Во всех смыслах Тсу'ган был идеалом протетейца: сильный, бесстрашный и самоотверженный. Такого воина легко полюбить, но в Тсу'гане присутствовала и жилка заносчивости. Его заместитель Цагон проявлял

неменьшую самоуверенность, но его методы были гораздо хитрее и коварнее. Тсу'ган сердито зыркал с противоположной стороны храма. Взгляды его приверженцев были не менее уничтожающими. Дак'ура ощупывал их, словно уколы раскаленных кинжалов.

--- Брат Тсу'ган по-прежнему не согласен, --- шепнул Ба'кен своему сержанту, проследив за взглядом Саламангра.

Ответ Дак'ура был более категоричен:

--- Он точно не ведает страха, если продолжает противиться воле магистра ордена.

Не секрет, что назначение преемника Кадая не встретило всеобщего одобрения. Кое-кто из сержантов не таясь его оспаривал. И Тсу'ган выступал главным его противником. Открыто возмущаться ему и другим таким же не давал сам Ту'Шан. Решение магистра ордена --- закон. Но его глаза и уши не могли быть всюду.

--- Он явно ждал, что назовут его

мля, — продолжил Дак'ир с ноткой
затаенной неприязни.

— Наверное. Он уважал Кагая так же
глубоко, как и ты, брат сержант. И вполне
имеет право считать наследника
недостойным, — заметил Ба'кен. — Ходят
слухи, что Цагон начал организовывать
поддержку своего патрона среди других
сержантов.

Дак'ир резко обернулся:

— Он что, собирается оспорить
командование ротой еще до того, как
преемник Кагая принес присягу?

Некоторые из сторонников Дак'ира
повернулись к нему — сержант произнес
эти слова довольно громко. Дак'ир понизил
голос:

— Если его поддержит достаточное
число сержантов, он сможет поспорить с
Ты'Шаном о своем капитанстве.

— Это всего лишь слухи. Может, за
ними ничего и нет.

— Он не постыдится. — Дак'ир
ощетинился при мысли, что Тсу'ган
собирает силы в погоне за властью. Не то
чтобы сержант был недостойн места

капитана. Дак'ир признавал героизм и отвагу Тсу'гана, его боевую хватку. Но Тсу'ган был еще и охотником за славой, агрессивно добивающимся повышения. Амбиции --- это похвально, они заставляют тебя стремиться к большему, но не за счет же других...

Более того, Дак'ира злило, что сам он ничего такого не слышал. К нему не относились с такой открытостью, как к Ба'кену. Во многом он и был тем изгоем, каким изображал его Тсу'ган. Дак'ир мог вдохновить своих воинов, мог повести их в бой --- и они отдали бы за него свои жизни, как и он отдал бы за них свою. Но ему не хватало доброжелательности Ба'кена, его откровенности с воинами третьей роты. Из-за этого он часто оказывался в стороне от внутренней политики.

Дак'ир снова разгневался на сержанта, и вспыхнувший взгляд передал его ярость. Тсу'ган, гордо и надменно стоящий рядом с Огненными Эмиейми и с самим Ту'Шаном, перехватил этот взгляд и в свою очередь уставился на Дак'ира.

Что-то острое и настойчивое

кольнуло сознание Дак'ура, и брат-сержант
отвел глаза от Тсу'гана в поисках
источника беспокойства. Сжимая эфес
вложенного в ножны психосилового меча,
Дак'ура пристально разглядывал
библиарий Нуриил. Ученик магистра
Вел'коны, Нуриил был полным псайкером
уровня эпистолярия. Его тело было
заключено в тугреный силовой доспех,
дополненный убранством из зеленой ткани
и эзотерическими символами. Позади
головы дугой возвышался венец
кристаллического капюшона. Книги и
свитки крепились на цепях к латам,
окрашенным в темно-синий цвет, как и
положено библиарию. Плечи покрывал
глинный плащ из шкуры дракона. Нуриил
прищурился, в глазах его едва заметно
блеснули лазурные искры психического
резонанса.

Что бы там его ни интересовало,
Дак'ур нашел это разглядывание
неприятным. Вероятно, Нуриил перенял
образы наблюдателя от Фугиса, пока
апотекарий был поглощен горем. Решив не
насовать, Дак'ур уставился в ответ.

внутренне ежась от мощи библиария.
Уступил в конце концов Нирил, слегка
улыбнувшись, прежде чем отвести взгляд.

Дак'ур следом за ним посмотрел на
глинный узкий выступ, расположенный
выше того скального уступа, на котором
сейчас находился он сам со своими
братьями. Фигура, прикрытая плащом,
стояла в центре возвышения на конце
выступа, лицо ее скрывал тяжелый
капюшон. Вдвинулся лишь горящий в глазах
огонь. Позади фигуры из темноты
безмолвно выступили два жреца-
клеймощика. Они одновременно взялись за
грубую ткань плаща и стянули его вниз.

Перед ними с высоко поднятой головой
возвышался брат-ветеран Н'келн. Его тело
было обнажено, если не считать
набедренной повязки. На голой коже
вдвинулись свежие шрамы: знаки капитана,
выжженные на груди и правом плече
жрецами.

Возвышение было не просто скальным
наростом. В его камень был утоплен диск,
суровый серый металл которого скрывал
внутренние устройства. Когда служители

отошли, из возвышения взметнулся столб
огня, целиком окутав будущего капитана.
Адское пекло полыхало какие-то секунды,
и, когда пламя угасло, Н'келн опустился на
одно колено и склонил голову. От его
черного как смоль тела поднимался дым,
но Н'келн не обгорел. Наоборот, он
светился от внутренней силы.

Магистр органа Ту'Шан шевельнулся
и поднялся с трона.

--- Стихией огня оценивается наша
отвага и изтерывается наше рвение, ---
провозгласил он. Его низкий звучный голос
словно исходил из самого сердца земли. В
нем была раскаленная сердцевина из
вдохновляющей страсти, и он нес такую
мощь и властность, что все, кто слышал
этот голос, мгновенно склонялись перед
ним. --- Выносливость и стойкость ---
принципы нашей культуры и нашего
учения. Жертвенность и честь ---
добродетели, которых мы, огнерожденные,
придерживаемся. Смирением мы
ограждает себя от снеси и собственного
тщеславия.

Ту'Шан сосредоточил все свое

внимание на Н'келне, который по-прежнему не поднимал взгляда.

--- Сердце Вулкана бьется в моей груди... --- начал магистр ордена, гүлко ударив кулаком в латной перчатке по нагруднику и осенив себя знаменем молота.

Н'келн впервые поднял взгляд после огненного крещения и закончил:

--- С ним я сокрушу врагов Императора!

Ту'Шан широко улыбнулся, и тепло его улыбки отразилось в пылающем взоре.

--- Не брат-сержант отныне... --- нараспев протянул он, вскинув зажатый в руке могучий громовой молот. --- Встань, брат-капитан.

Свод Памяти был почти пуст. Шаги одиноких Саламандр, идущих исполнить свои ритуалы, и слугителей, занятых повседневной работой, гүлко отражались от стен. Доносящиеся из катакомб внизу сквозь скальное сердце бастиона ордена в Тесиоде отголоски работы кузниц --- звон наковален и лязг

металла — ласкали слух.

Гесиог был одним из семи городов-убежищ Ноктюрна. Эти огромные колонии, фундамент которых был глубоко забурен в землю и соединялся со скальными основаниями планеты, были основаны на местах семи поселений племенных царей Ноктюрна.

В каждом из этих городов находился один из семи бастионов ордена Саламандр. Эти аскетические и строгие резиденции были распределены между семью доблестными ротами ордена.

Гимнастические залы предоставляли суровые условия для ежедневных тренировок Астартес; реклюзиум, возглавляемый капелланом роты, занимался их духовными потребностями. На нижних уровнях находились солиториумы — почти голые каменные мешки, которые использовались для предбоевых медитаций и почетного ширатирования. Многочисленные дортуары населялись в основном слугами. В арсеналах хранилось оружие и военное снаряжение, хотя оно предназначалось в

основном неопитам: бывалые боевые
братья зачастую содержали собственные
арсеналы в личных жилищах, живя среди
народа Ноктюрна, где они могли лучше
служить его защитниками и
блюстителями порядка. Трапезные
предоставляли пищу, а в главных залах
проводились редкие общие собрания.
Апотекарион занимался ранеными.
Ораториумы и библиариумы служили
средоточием знаний и учения, хотя
культура Ноктюрна делала основной упор
на жизненный опыт и закалку в пламени
поля битвы.

Катакомбы проходили сквозь
обширные сводчатые погвалы. Здесь
чувствовалась духота, исходящая из
кузниц, а копоть литейных и тяжелая
металлическая вонь плавления
пропитывали каждую нору в камне.
Огромные кузницы — храмы железа и
стали, где наковальня, а не алтарь
служила столпом поклонения, были
повсеместны на Ноктюрне. Часы
религиозных обрядов, проведенные в

насыщенной жары, среди пролитого пота и
густого дыма, имели такое же значение
для Саламандр, как и всякий предбоевой
ритуал.

Самую верхнюю часть бастиона, Свои
Памяти, избрали два воина в зеленых
доспехах, чтобы предаться размышлениям
и вознести молитву в память о погибшем
капитане.

Храм представлял собой обширное и
глубокое пространство. Гармоничные
созвучия фонолитовых подвесок
отражались от скрытых во тьме стен,
высеченных из вулканического афанита.
Стены уходили вверх, словно геодезическая
интрузия,^[2] сходясь к пополю на кратер
отверстия, открытому в огненно-
оранжевое небо Ноктюрна. Шестиугольная
площадка из бездонно-черного обсидиана
служила массивным полом зала. Толстые
колонны из темно-красного фелзита,
пронизанного жилками флуоресцирующего
адамита, поддерживали полукрытый
потолок. Редкие вулканические камни и
минералы, которыми был украшен

величественный храм, добывались после Сезона Испытаний и суровой холодной зилы, наступавшей следом. Подобные образцы геологической красоты встречались на Ноктюрне повсюду. Самые драгоценные из них хранились за надежными стенами и генераторами пустотных щитов городов-убежищ. Багровые отсветы железных жаровен, установленных вдоль стен зала, мерцали на глянцевой поверхности полированного камня. В отраженном свете зал, казалось, сам светился глубинным огнем — словно храм преисподней, поднявшийся из недр тира. В центре зала ревел гигантский столб огня, языки пламени хлестали из раскаленной гобела середины. Два воина, преклонившие у огня колени, казались ничтожными перед огненным столпом.

— Как ушел Кадай, так Н'келн возвысился, — торжественно произнес Дак'ур. На ониксовой коже играли янтарные отсветы мемориального огня. В латной перчатке сержант сжимал жертвенное подношение, которое и бросил

в огонь. Подношение вспыхнуло и сгорело, наклонившись, Да'ур ощутил на лице тепло своей огненной жертвы.

--- Он останется в памяти, --- отозвался благоговейно Ба'кен, сжигая свое подношение.

Церемонию погребения и вознесения завершило принятие Н'келном доспехов капитана. Традиционно, когда умирал старый капитан и его мантию принимал другой, преемник облачался в доспехи предшественника. По обычаю погибшего Саламандра предавали огню в пиреуме --- массивной кузнице-крематории внутри горы. Согласно протетейским верованиям, сущность отошедшего в мир иной переходила в доспехи, когда его пепел приносили в жертву на погребальной плите и он возвращался внутрь горы. Ко'тан Кагай встретил свою смерть от мультимелты предателя. От него мало что осталось, поэтому доспехи тоже отправили внутрь горы. Это выглядело подобающей жертвой. Доспехи для Н'келна выковали новые --- комплект штучной работы, созданный братом Арзосом.

магистром кузницы. После того как Н'келн
восстал из огня капитаном и облачился в
боевые латы, собрание Саламандр
произошло. Ту'Шан с несколькими
Огненными Элияти, присутствовавшими
на церемонии, поднялся на борт «Грозового
Ястреба», который ждал их на Шлаковой
равнине за горой. Пронзив небосвод,
штормовик взял курс на Прометей, в
крепость-монастырь, расположенный на
спутнике-близнеце Ноктюрна, где Ту'Шану
предстояло решить важные вопросы,
касающиеся ордена и Галактики.

На долю остальных выпали
неторопливое шествие обратно в Тесног и
возвращение к своим обязанностям.

Третья рота заслужила короткую
передышку в кампании до следующей
отправки в бой. Сейчас нужно было
заняться укреплением духа и воли в
бойцовских клетках, часовнях и у
наковален. Перед возвращением к
тренировкам Дак'ур с Ба'кеном поднялись
в Свод Памяти. Как и многие другие из
третьей роты, они пришли сюда, чтобы
почтить память мертвых и отдать им

данъ уважения.

--- Недобрые времена настали. ---
Ба'кен выглядел печальным, что было на
него не похоже.

Горячий ветер подул с севера, он
Еджого моря, он принес с собой запах
горячего пепла и резкий привкус серы.
Небольшой вихрь закружил почерневший
пергамент, который Ба'кен возложил у
огня, медленно разрывая его на части и
обращая в пепел. Это напомнило
десантнику о глубоких расколах в роде,
последовавших за смертью Кадая.

--- Когда заканчивается одна жизнь,
начинается другая. Как в кузнечном горне,
метаморфоз --- это жизнь в превращении, ---
раздался спокойный и вдумчивый голос. ---
Где твой ноктюрнский догматизм, Сол?
Ты заставил меня поверить, что родился в
Фетиде.

Ба'кен натянуто улыбнулся, прогоняя
печаль.

--- Догматизма, может, и нет, но ведь
сыны Фетиды --- не философы, брат, ---
иронически-сухим тоном отозвался Ба'кен.
Он склонил голову, приветствуя Емека, и в

глазах его вспыхнули отблески пламени. ---
Мы воины, --- прибавил он, сжав кулак в
шутливом жесте.

Фелида была еще одним городом-
убежищем, хорошо известным своим
воинскими племенами и высокой и крепкой
породой мужчин, которую еще больше
усиливали генетические процессы
превращения в костогесантника.

Емек широко улыбнулся, сверкнув
зубами --- ярко-белыми на фоне ониксовой
кожи, и преклонил колени рядом со своими
братьями.

--- Не желаешь в ответ прослушать
стих из «Прометейского опуса»? ---
парировал он.

Брат Емек, как и его последний
капитан, родился в Гесиоде. У него была
благородная, слегка напускная манера
держаться. Ярко-красные волосы,
выбритые узкими шевронами, сходились ко
лбу. Емек был моложе Ба'кена,
прослужившего в ордене почти столетие,
но не проявлявшего стремления
продвинуться по службе, и даже моложе

Дак'ура, и его глаза светились неусыкаемым любопытством. Он обладал впечатляющими способностями к учению и еще большим к тому желанием. Его познания протейских традиций, философии, истории и культуры Ноктюрна превозносились даже капелланатами органа.

--- Даже в столь подходящем случае, как этот, --- ответил Дак'ур, --- гүтаю, сейчас не время для декламаций.

Пристыженный Етек опустил голову:

--- Мои извинения, брат-сержант.

--- В этом нет необходимости, Етек.

Приняв покаянный вид, Етек кивнул и бросил в огонь свое подношение. На несколько секунд все трое соединились в безмолвном почтении. Потрескивание жертвенного огня служило музыкальным фоном для их отрешенности.

--- Братья мои, я... --- начал было Етек, но то, что он собирался сказать, застряло у него в горле, когда Саламандр глянул сквозь пламя на фигуру, стоящую позади.

--- Смерть Кагая тяжело ударила по всем нам, --- заметил Дак'ур, проследив за

взглядом Емека. — Даже по нему.

— Я думал, его сердце вырезано из камня.

— Похоже, что нет, — сказал Ба'кен, вознеся безмолвную литанию, перед тем как подняться на ноги.

— Эта вражда с отступниками обошлась нам очень дорого. Как думаете, теперь ей конец?

Дак'ира прервали прежде, чем он успел ответить.

— Только не для нас, — зло отозвался Тсу'ган со своей обычной воинственностью.

Дак'ир поднялся на ноги и повернулся к сержанту, который шагал к ним через обсидиановую площадь.

— И не для них, — прибавил Дак'ир и прищурился, заметив позади Тсу'гана его вечного верного лакея Цагона.

Цагон был худым и костлявым, лицо его кривила постоянная презрительная ухмылка. В этом он винил случай, произошедший с ним во время Техетнатского восстания на Крионе-IV, когда во время зачистки генокрадского выводка биокислота какой-то твари из

выводка повредила ему несколько лицевых
мышц, заставив уголки губ Цагона
навсегда опуститься книзу.

Дак'ур находил это выражение лица
весьма подходящим для такого, как Цагон.
Сержант не сводил глаз с приближающейся
пары Саламангр, ступно ощущая за спиной
внушительное присутствие Ба'кена.

--- Это старая месть, Емек, --- поведал
Дак'ур боевому брату. --- Она тянется еще
с Морибара, когда погиб Ушорак. Не
думаю, что Нигилан или Воины-Драконы
так просто забудут смерть своего
капитана. Сомневаюсь, что даже смерть
Кадая утолит их жажду мести. Нет, ---
решил он, --- это закончится, когда один из
нас умрет.

--- Точнее, будет истреблен весь
орден, --- прибавил Тсү'ган без всякой на то
надобности, в качестве уточнения для
Емека. --- Их или наш.

--- То есть ты ожидаешь долгой войны
на истощение, брат Тсү'ган? --- спросил
Дак'ур.

Губы Тсү'гана скривились в
отвращении:

--- Война вечна, изнеец. Хотя чего ждаты от когото из вашего трусливого рода, кроме желанія, чтобы когда-нибудь наступил мир.

--- На этой планете и на многих других в Имперіи найдется немало тех, кто с радостью приветствовал бы его, --- ответил Дак'ир с возрастающей яростью.

Тсү'ган презрительно фыркнул:

--- Они не воины, как мы, брат. Без войны мы бесполезны. Война --- это мой сжатый кулак, это огонь в моей груди. Это триумф и слава. Война дарит нам смысл жизни. Я выбираю войну! Что мы станем делать, когда всем войнам придет конец? Какая польза от нас в мире? --- Он выплюнул последнее слово, словно оно застряло у него во рту, и сделал паузу. --- А?

Дак'ир почувствовал, как твердеют желваки на скулах.

--- Я скажу тебе, --- прошептал Тсү'ган. --- Мы накинется друг на друга.

Наступило молчание, насыщенное угрозой чего-то жестокого и мерзкого.

Тсү'ган улыбнулся грустно и

настелили во.

Рука Дак'ура почти по собственной воле потянулась к ножнам у бедра.

Улыбка Тсу'гана превратилась в злобный оскал.

--- Наверное, в тебе все-таки есть капля воинской крови, изгнеец...

--- Успокойтесь, братья. --- Голос Цагона развеял кровавый туман, застывший глаза Дак'уру. Цагон раскинул руки, вечный показной прилизатель. --- У всех нас здесь одна кровь. Свод Памяти --- не место для споров и ненависти. Храм --- это убежище, где можно освободиться от чувства вины и перестать винить себя. Так ведь, брат-сержант Дак'ур? --- подпустил он шпильку с улыбкой задюки.

Ба'кен оцетинился, но Дак'ур успокаивающе поднял руку. Он уже вынул рукоять клинка, поняв, что все это было лишь простой подначкой. Емек, не зная, как реагировать, просто наблюдал за происходящим.

--- Не только для этого, Цагон, --- ответил Дак'ур, обходя расставленные Цагоном силки. Он повернулся обратно к

Тсү'гану, ясно давая понять, что до прихвостня ему дела нет.

Дак'ур придвинулся ближе, но Тсү'ган выдержал его пристальный взгляд и не отступил.

— Я знаю про твои дела, — сказал Дак'ур. — Н'келн — достойный капитан для нашей роты. Предупреждаю, не тарай память Кагая, соперничая с ним.

— Я буду делать так, как лучше для роты и для ордена, ибо это мой долг и мое право, — с силой заявил Тсү'ган. Шагнул ближе, он зло прошипел сквозь зубы: — Я сказал однажды, что не забуду твоего участия в смерти брата-капитана. Ничего не изменилось. Но усомнись в моей верности и преданности Кагаю еще раз — и я убью тебя, не сходя с места.

Дак'ур уже понял, что с последним замечанием зашел слишком далеко, поэтому капитулировал. Но не из страха, а из стыда. Бросать вызов Тсү'гану — это одно, ставить же под сомнение его верность и уважение к прежнему капитану оснований у него не было никаких.

Удовлетворенный, что настоял на

своем, Тсү'ган тоже сдал назад и двинулся
в обход Дак'ура.

— Как давно он там? — спросил он,
глядя за мемориальный огонь. В голосе
Тсү'гана слышалась едва заметная
нотка печали.

Свод Памяти с северной стороны был
открыт всем стихиям. Сводчатый проход
из белого гадита, гравированный
изображениями огненных змиев, вел на
глинный базальтовый выступ, нависающий
над выбеленными солнцем песками
пустыни Погребальных Костров.
Подсвеченный вечерней зарей, неподвижно,
словно часовой, там стоял апотекарий
Фүгис.

— С тех пор как мы пришли, —
ответил Дак'ур, чувствуя, как платя
вражды между ними гаснет, пусть всего
лишь на несколько мгновений. — Я не
видел, чтобы он хоть раз шевельнулся.

— Он поглощен скорбью. — Емек тоже
взглянул на апотекария.

Тсү'ган скорчил презрительную
гримасу и отвернулся.

— Какая польза в скорби? Скорби

ничего не дает. Может скорбь уничтожить врагов или защищать рубежи Галактики? Скорбь будет противостоять нападкам варна? Думаю, нет.

Егва скрывая презрение, Тсу'ган небрежно кинул обетный свиток, который сжимал в руке, в мемориальный огонь. Свиток соскользнул и вывалился, полусгоревший, из каледеры скопившегося тепла. В какой-то момент показалось, что Тсу'ган почти решил подобрать его, но остановил себя.

— Я не нуждаюсь в скорби, — буркнул он. Затем повернулся и покинул Свод Памяти. Цагон отправился следом.

Когда сержант повернулся к огню спиной, Дак'ур сделал то, чего не сделал Тсу'ган, и принес безмолвную клятву помнить, пока пергамент сгорал.

Фугис неподвижно смотрел на простор пустыни. Он стоял на глиняном выступе темной скалы, который часто использовался как естественная посадочная площадка для «Грозовых ястребов» и других легких кораблей.

Саламандр. Площадка сегодня была пуста, если не считать апотекария, и Фүзис был рад покою.

К северу за безводной пустынной местностью лежало Егкое море. Фүзис увидел его расплывчатую темную линию, из которой тупым клинком торчал высокий шпиль Энпимета, единственного на Ноктюрне прибрежного города-убежища. Его окружали шпиль сателлитов поменьше, многочисленные буровые вышки и добывающие платформы, которые прочесывали морское дно и перекачивали самые глубокие впадины в поисках полезных ископаемых.

Среди безжизненных песков Фүзис заметил, как сахрк, один из местных хищников, крадется за стагом завротуров. Гибкая, похожая на ящерицу тварь скользила, прижимаясь к бесплодной земле, и молнией проскакивала между кучами катней, стараясь поглядеть к добыче на расстояние броска. Стаго, не подозревая об опасности, продолжало брести. Крупные, усыянные костяными пластинами туши покачивались, двигаясь груг за гругом.

Сахрк дождался хвоста колонны и прыгнул, свалив самца завротура. Бык рүхнул наземь и издал жалобный звук, когда хищник отогнул пластины его костяного воротника, чтобы добраться до нежной плоти под ними. Сахрк принялся жадно пожирать добычу, отрывая полосы кровавого мяса крепкими как железо челюстями. Видно было, как куски прогвизгаются по раздутому пищеводу. Остальное стаго испуганно заблеяло и зафыркало. Огни бросились бежать, не разбирая дороги, другие застыли на месте, окаменев от страха. Сахрк не обращал на них никакого внимания. Насытившись, он просто улизнул, оставив объединенную тушу гнить на солнце.

--- Сильные всегда будут охотиться на слабых, --- произнес Фүгис. --- Верно, брат?

Дак'ур шагнул в поле зрения апотекария. К мертвому завротуру уже стекались пагальщики, чтобы доглотать то, что не доел сахрк.

--- Если только сильные не вступятся за слабых и не возьмут их под свою защиту, --- возразил Дак'ур, поворачиваясь

к брату-Саламангру. -- Я думал, ты не
знал, что я здесь.

-- Ты стоишь там уже пятнадцать
минут, Дак'ир. Я знал. Просто решил не
подавать виду.

Наступило неловкое молчание.
Слышно было лишь низкое непрерывное
гудение генераторов пустотных щитов
Тесиода. Генераторы Энимета на севере и
Фетиды на востоке усиливали гудящую
какофонию, слышимые даже через
просторы пустыни и из-под прикрытия гор.

-- На Стратосе мы были слабыми. --
Фугис не сумел скрыть злости в голосе. --
И сильные за это нас наказали.

-- Отступники не были сильными,
брат, -- настойчиво произнес Дак'ир. -- Они
были трусами, они нанесли удар
исподтишка, в спину, и убили его...

-- Бесславно! -- рывнул Фугис,
развернувшись к Дак'иру и не дав тому
закончить. Гримаса гнева перекосила его
тонкое лицо. -- Они прикончили его, как
тот сахрк прикончил завротура: как
свинью, как какую-то скотину.

Апотекарий заторможено кивнул, его

злость уступила место горечи и фатализму.

--- Мы были слабыми на Стратосе... но все началось еще на Морибаре, --- прохрипел он. --- Я проклиная за это Кадая. За его тогдашнюю слабость, раз он не увидел и не положил конец опасности, которую представлял Ушорак, и за верность, которую он не вдохнул в Нигилана, когда была возможность.

Дак'ира ошарашила реакция Фүзиса. Таким апотекарием он раньше не видел. Фүзис всегда был спокоен, даже бесстрашен. Это помогло ему сохранять остроту восприятия. И услышать от него такое --- это внушало тревогу. Что-то умерло в нем, сгорело вместе с останками Кадая на погребальной плите. Дак'ир подумал, что, возможно, это была надежда.

Фүзис подошел ближе. Второй раз за сегодня боевой брат стоял перед Дак'иром лицом к лицу. Но сержант не придал этому значения.

--- Ты видел эту опасность, брат. Она приходила к тебе в видениях почти сорок

лет. — Фүзис сжал наплечник Дак'ира. Глаза апотекария были широко распахнуты, почти безумны. — Как бы я хотел, чтобы тогда ты знали то, что знаем сейчас...

Голос Фүзиса затих. Вместе с ним угасла и охватившая апотекария вспышка, порожденная горем. Он уронил руки и повернулся к заходящему солнцу.

— Может, тебе лучше обратиться к капеллану Элизию? У него... — Дак'ир замолчал: Фүзис все равно его не слушал. Глаза апотекария, блестящие как два рубина, снова уставились на пустыню.

— Брат-сержант...

Дак'ир облегченно выдохнул, услышав голос Ба'кена. Он повернулся к большому Саламандру, который стоял в нескольких метрах позади, словно ждал там уже какое-то время, из уважения не показываясь.

— Брат-капитан Н'келн здесь, в Тесиоде, — продолжил Ба'кен. — Он желает поговорить с тобой.

— Останься с ним, пока не позову, — хриплым шепотом велел ему Дак'ир.

показав взглядом на аптекаря, прежде чем отправиться в Свод Памяти.

--- Конечно, брат, --- ответил Ба'кен и остался ждать возвращения своего сержанта на площадке для «Громоых астробов».

Окруженный темнотой, Тсу'ган склонил голову и подождал жестом жреца-клеймощика.

--- Подожди, --- велел он. Голос эхом раскатился по тесному пространству солиториума. Отзвуки стихли, проглоченные черной, как воды Стикса, тьмой и шелестом переливающихся углей под босыми ногами Тсу'гана.

Цагон еще раньше снял с него силовые доспехи и остался охранять их в прихожей, ожидая возвращения своего сержанта. Тсу'ган стоял голый по пояс, одетый лишь в тренировочные штаны, позаимствованные из гимнастического зала. Дым волнами обтекал его тело, размывая кроваво-красный блеск в глазах. На обожженной коже пульсировали болью свежие шрамы, по которым жрец уже прошелся своим

жезлом. Тем не менее Тсу'ган потребовал еще.

— Зо'кар! — сердито позвал он, возбужденно взмахнув рукой. Голос его звучал хриплым шепотом. — Жги меня снова.

— Мой господин, я... — Жрец испуганно затрепетал.

— Слушай меня, серв, — прошипел Тсу'ган сквозь сжатые зубы. — Приложи жеzl. Сейчас же! — Его голос стал почти утешающим...

Разум костического десантника был в ступоре. Тсу'ган жалел, что не вернулся и не подобрал свое подношение, которое так небрежно бросил в темноту. Кадай был достоин его уважения, а не презрения. Он вспомнил тот момент в храме на Стратосе, когда столкнулся лицом к лицу с Нигиланом.

Ты боишься всего...

Слова, воскресшие в памяти, были словно холодная сталь, пронзившая тело. Убо где-то в глубине души, в каком-то ее тайнике, который нашел и так безжалостно вскрыл Воин-Дракон, Тсу'ган

знал, что это правда. И ненавидел себя за это. Он подвел своего господина и тем превратил в жизнь свой самый главный страх. Очищение — вот единственный ответ слабости. Кадай погиб, потому что...

Боль затопила сознание Тсу'гана вместе с вонью его собственной кожи, подвергшейся пытке. Боль была острой и чистой — Тсу'ган наслаждался ею, находя облегчение в огненном бичевании.

— Счисти ее, Зо'кар, — хрипел он. — Счисти ее всю...

Жрец-клейтовщик, убоявшись гнева своего господина, повиновался, по новой прожигая линии старых побед и прошлых успехов Саламангра. Это уже выходило за рамки церемонии. В том, чему Тсу'ган умышленно подвергал себя, не было чести. Это уже был мазохизм — постыдная уловка, чтобы избавиться от чувства вины.

К тому времени, как Зо'кар закончил, и жезл почти остыл, Тсу'ган уже с трудом дышал. Тело горело мучительной болью, жар от охаживавшего его клейта уходил

легкой дылкой. Все помещение заполняло запах гари и паленого мяса.

Мазохизм входил в пагубную привычку.

Тсу'ган снова видел момент гибели своего капитана. Следил, как тело его пожирает ослепительный луч мультимедиа. Глаза жгло от воскресшего в памяти сияния. С трудом втянув воздух, Тсу'ган смог лишь прохрипеть:

--- Еще...

В своем полубреду он не замечал фигуры, которая наблюдала за ним из сумрака.

Дак'ир нашел капитана в одном из темных залов стратегиума. Аскетичная комната, лишенная знамен, триумфальных досок и трофеев, была суровой, практичной и холодной, почти как сам Н'келн.

Склонившись над простым металлическим столом, капитан внимательно изучал галактические карты и звездные лоции вместе с братом-сержантом Локот. Лок командовал одним

из трех отделений опустошителей
третьей роты — Успенелителями.
Ветеран Багабской войны, он носил черно-
желтые полосы на левом наколеннике в
память о успехах, в которых сражался во
времена того конфликта. Лок был суровым
и прагматичным воином, за два столетия войны
его выдержка приобрела крепость камня.
Левую сторону его лица пересекал глиняный
шрам — от лба, проходя между двумя
латиновыми штифтами за выслугу лет,
до подбородка. Этот шрам Лок заработал
при высадке на боевую баржу Палачей
«Клинок вечных тук» на Багабе.
Бионический глаз на другой половине
заросшего сегой щетиной лица был
имплантирован гораздо раньше, после
очищения Улгарла, когда Лок еще был
простым боевым братом. Лок и тогда
служил в третьей роте и был назначен в
небольшой отряд в помощь второй роте,
которую отправили в поход в полном
составе. Он напоминал Дак'иру старого
змея, чью шкуру, жесткую, словно дубленая
кожа, изживало разрушительное действие
времени. Глядя на его угрюмое лицо, можно

было подумать, что чувствует он себя так же.

Левую руку ветерана-сержанта хватывал силовой кулак. Лок положил громоподобное с виду, но смертоносное оружие на стол, обсуждая с капитаном какие-то вопросы оперативного характера. Какую операцию они собирались проверить, Дак'ир не знал. Многие в ордене считали, что Лока уже пора отправить на повышение в первую роту, но мудрый Ту'Шан понимал, что тот как опытный сержант принесет больше пользы в третьей роте. По мнению Дак'ира, решение оказалось весьма прозорливым.

Лок взглянул на вошедшего Дак'ира и едва заметно кивнул.

--- Сэр, вы вызывали меня, --- склонив голову, произнес сержант.

Н'келн оторвался от своих планов, все еще погруженный в раздумья. Когда он выпрямился, открылось все величие его боевого облачения. С близкого расстояния доспех ручной работы смотрелся по-настоящему изысканно. Инкрустированный символическими

изображениями драконов, отделанный
полосками сверхплотного адамантия,
которые опоясывали усиленную
кератитовую броню, доспех представлял
из себя настоящий шедевр. Явно бывший
частью комплекта, на столе валялся
горжет, который Н'келн отцепил, чтобы
оное было свободнее. Рядом с горжетом
покоился боевой шлем: традиционная
седьмая модель, но более сглаженная, с
кlyкастой драконьей мордой вместо
ротовой решетки. Мантия из
салатандровой шкуры -- завершающая
деталь облачения -- аккуратно висела на
безликом танекене в углу.

-- Благодарю, сержант Лок, на
сегодня это все, -- наконец проговорил
Н'келн.

-- Мой господин, -- отозвался Лок и
прибавил, выходя: -- Брат-сержант, --
Дак'урү.

Н'келн подождал, пока Лок уйдет, и
заговорил снова:

-- Что за непредсказуемые времена,
Дак'ур! Взвалить на себя столь тяжкую
ношу, как эта, было... неожиданно.

Дак'ур потерял дар речи от такой внезапной откровенности.

Н'келн на минуту вернулся к своим картам, пытаясь отвлечься.

Взгляд Дак'ура остановился на мече в ножнах на боку капитана. Н'келн заметил, куда смотрит сержант.

--- Впечатляет, да? --- спросил он, обнажив клинок.

Силовой меч ручной работы загудел, по сверкающей поверхности лезвия заструились голубые изолочки разрядов. Состоящий из двух параллельных клинков, соединенных в нескольких местах внутренними кромками, меч был уникальным в своем роде. Искусно сделанный эфес с гардой в виде драконьей лапы и навершием в виде головы змия был покрыт золотом.

Н'келн обладал правом и привилегией принять также и оружие прежнего капитана, такое же великолепное, как и этот меч. Насколько Дак'ур знал, изровой молот Кадая вполне можно было починить. Почему же Н'келн от него отказался?

--- Признаюсь, я больше предпочитаю это. --- Вложив меч в ножны и отведя их в сторону, Н'келн похлопал по вискавшему виску болтеру, лежащему по другую руку. Надежный черный металл оружия несомненно множеством отметок, обозначающих число убитых врагов, с рукоятки на освященных цепочках свисали череп и орел.

--- Мне известно о недовольстве среди сержантов, --- внезапно заявил Н'келн, хмуро взглянув на Дак'ира. --- Кадай оставил после себя долгую память. И мне не остается ничего, кроме как всегда быть в его тени, --- признал он. --- Я лишь надеюсь, что достоин его памяти. И что мое назначение было оправданным.

Дак'ир опешил. Такой прямоты от капитана он тоже не ожидал.

--- Вы были заместителем брата капитана Кадая, сэр. И вполне справедливо и естественно, что вас избрали в его преемники.

Н'келн задумчиво кивнул, но Дак'иру или своему внутреннему голосу --- брат-сержант не мог сказать.

--- Как ты знаешь, брат Векшан погиб

на Стратосе. Мне нужен новый ротный чемпион. Твой послужной список, твоя преданность и решительность в бою почти не знают равных, Дак'ир. Более того, я целиком доверяю твоей порядочности. -- Взгляд капитана передал его уверенность. -- Я хочу произвести тебя в члены Инфернальной Гвардии.

Дак'ир был сбит с толку во второй раз. Когда он покачал головой, на лице Н'келна отразилась досада.

-- Сэр, на Стратосе я не смог защитить брата-капитана Кадая. Моя ошибка стоила ему жизни и вдобавок нанесла ущерб роте. Я буду служить вам верой и правдой, но с глубочайшим сожалением вынужден отказаться от этой чести.

Н'келн отвернулся. Недовольно выдохнув, он произнес:

-- Я мог бы приказать тебе.

-- Прошу вас не делать этого, сэр. Мое место в моем отделении.

Н'келн какое-то время смотрел на Дак'ира, принимая решение.

-- Хорошо, -- наконец проговорил он, с

засагой, но все же уступая просьбе
сержанта, и прибавил: -- Есть еще кое-
что... Остальные сержанты скоро об этом
услышат, но раз уж ты здесь... Я хочу
исцелить раны, нанесенные третьей ротой.
Дак'ур. Поэтому мы возвращаемся в
Агронный Пояс. Мы прочедем каждую
звезду в поисках малейшего следа
отступников. Я намерен найти их и
уничтожить.

Агронный Пояс был последним
известным местом нахождения Воинов-
Драконов. Именно там Саламандры
сражались с ними на Стратосе, точнее --
попали в засаду и потеряли своего
капитана.

-- Со всем уважением, сэр, но наша
последняя стычка с Нигиланом произошла
несколько месяцев назад. Сейчас они уже
далеко отсюда -- скорее всего, вернулись в
Око Ужаса. -- Дак'ур обратился к картам
на столе и окинул взглядом плотную и
обширную область Агронного Пояса. --
Даже если по какой-то необъяснимой

причине Воины-Драконы продолжают оставаться там, Пояс --- это большой участок пространства. Чтобы хоть сколько-нибудь тщательно обыскать его, потребуются годы.

Н'келн помолчал, решая, стоит ли говорить больше.

--- Библиарий Нуриил прощупывал звездные скопления Пояса и почувствовал психический резонанс, эхо присутствия Нугилана. Мы используем его как ориентир.

Дак'ур нахмурился:

--- По таким данным найти их надежды мало. Следу, что обнаружил брат Нуриил, может быть не одна неделя. Почему вы считаете, что они все еще прячутся внутри Пояса?

--- То, что началось на Морибаре смертью Ушорака, продолжилось убийством Кагая на Стратосе. Обе планеты являются частью Агронного Пояса, из чего можно сделать вывод, что у Воинов-Драконов где-то там логово, из которого они могут устраивать свои набеги. Не имея возможности пополнить

военные припасы у Императора и кузницы Марса, отступники вынуждены брать их где-то еще. Пиратство и налеты --- единственное, что им остается.

--- Надежды мало --- да, я согласен, --- прибавил Н'келн. --- Но даже слабенький огонек, если его разжечь, может стать будущим пожаром. --- Глаза капитана внезапно вспыхнули. --- Ничего еще не кончено, Дак'ур. Воины-Драконы нанесли нам тяжелейшую рану. Теперь ударить должны мы, и ударить так, чтобы они никогда больше не смогли снова пустить нам кровь.

Последние слова Н'келна, прежде чем он отпустил Дак'ура, прозвучали слегка отчаянно, что никак не уменьшило растущих сомнений сержанта:

--- Нам нужна эта операция, Дак'ур. Чтобы исцелить раны, нанесенные нашей роде, и восстановить наше братство.

Дак'ур покинул стратегиум в тревоге: встреча с Н'келном просто выбила его из колеи. Откровенность капитана, признание им собственных недостатков и затаенных сомнений, пусть

и замаскированное, вызывало беспокойство. Хотя бы уже тем, что теперь Дак'ир считал, что, несмотря на всю свою спесь и тщеславие, Тсу'ган может оказаться прав. Н'келн не готов для той чести, которая на него уже возложена, и является братом-капитаном лишь по названию.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Драконья охота

Видение изменилось.

Пропитанные кровью стены храма Аура-Церон источали запах скотобойни. На языке ощущался привкус меди, ржавого железа и чего-то еще -- Дак'ур никак не мог уловить чего...

В пустом пантеоне ложных идолов стояла оглушающая, словно атомный взрыв, тишина. Сначала Дак'ур решил, что -- кроме него -- здесь никого нет. У него тогда вдалеке, на расстоянии, которое казалось невероятным для такого небольшого храма, увидел его.

Кадай сражался с демоническим отродьем.

И произрывал.

Гротовой толот капитана оплетали толпы, соскакивая с наверхия и змеясь по рюкюти. Ветвящиеся разряды волнами разбегались по доспехам Кадая, при этом, на удивление, не издавая ни звука. Демоническое отродье виделось мутным

пятном, края реальности за ним
размывались в темную дыру из когтистых
щупалец и чистой злобы.

Дак'ур бежал беззвучно, преодолев,
казалось, уже не один километр, когда
послышались раскаты грома. Поначалу
слабые, точно вибрация, они нарастали,
пока в конце концов не грохнуло так, что,
казалось, раскололись небеса, и
каноническое крещендо стихло.

Причиной галлюцинации Дак'ур
оказался возле Кагая в тот самый миг,
когда капитан нанес адской твари
сокрушительный удар молотом. Дуги
толний вонзились в омерзительный
силуэт; тварь, вцепившаяся в края
материального мира, сорвалась, и ее
всосало обратно в варп.

Победа, однако, далась нелегко. Кагай
был страшно изранен. Дыхание со свистом
вырывалось у него из груди, генетические
усовершенствования не справлялись с
восстановлением организма. Доспехи,
пробитые и разорванные в десятках мест,
висели, точно старая кожа, которая вот-
вот лопнет и свалится.

--- Будь рядом, брат... --- Голос Кагая походил на скрип гравия. Слышно было, как в горле клокочет кровь. Кагай протянул угрожающую руку. --- Будь рядом...

Дак'ур уже двинулся к нему, когда внезапный порыв ветра принес зловоние, от которого защипало в носу и обожгло ноздри. Сера.

Где-то на краю сознания появилось незнакомое гложущее чувство. Страх?

Он --- Астартес. Он не чувствует страха. Усилием воли Дак'ур подавил чуждое ощущение.

У края глаза засек движение. Ухо уловило звук, похожий на треск рвущегося пергамента и шорох вытертой кожи. Сержант развернулся и заметил быструю приземистую тень, скользящую по темным нишам вдоль стен храма. Где-то в глубине сознания отпечатался образ чешуя цвета крови, глинное змеиное тело.

Дак'ур повернулся кругом, пытаясь уследить за призраком, но заметил лишь, как ускользнул в сумрак шипастый хвост --- огромный, похожий на хвост доисторического ящера.

Треск искр и запах гари за спиной заставили Дак'ура снова развернуться. Огненный плевок погас. Вместе с ним пропал во тьме и огромный безобразный силуэт, крадущийся по нишам храма.

--- Будь рядом...

Чтобы говорить, Кагаю приходилось с усилием втягивать воздух. Капитан опустился на одно колено и оперся на свой молот. Из трещин разбитого доспеха сочилась кровь, пачкая броню неприятным багрянцем. Кагай по-прежнему тянул руку к боевому брату.

Взгляд Дак'ура метнулся обратно к твари. Он ощущал ее злобу как нечто осязаемое -- злоба выдавала тварь среди клубящихся теней -- и чувствовал вонь ее нечистого дыхания, вонь застарелой крови и гниения.

Дак'ур крикнул:

--- Ты его не получишь! -- и бросился к твари.

Со стрекочущим цепным мечом в руке Саламандр вонзился во тьму, стараясь не потерять из виду злобющую тень чудовища. Пока он бежал, тень

изменялась. Ступно проступила пасть,
глинныя клинки зубов, складывающиеся
крылья...

А потом она исчезла.

От бешенства в глазах у Дак'ура
побелело; он развернулся, уже зная в душе,
что опоздал.

Чудовище было у него за спиной, оно
нависло над Кагаем, который по-прежнему
тянул к сержанту руку, явно не замечая
опасности.

Красная чешуя блеснула, точно свежая
кровь; огромные перепончатые крылья
развернулись, словно кина старых,
потемневших кож. Мускулистое тело
непринужденно припало к земле; широкая
бочка груди раздувалась, с влажным
свистом втягивая воздух. С глинной морды
вылились кверху струйки дыма. Из медленно
раскрывающейся пасти, полной острых
желтых зубов, капала горячая слюна.
Капли, падая на пол, шипели, точно
кислота.

Дак'ур побежал, отчаянно пытаясь
успеть встать между чудовищем и
раненым капитаном.

Пасть дракона распахнулась, и Кагай
окатило дьявольским огнем. Полыхающая
стена пламени презградила Дак'уру путь.

В жарком море Кагай и зверь
превратились в два зыбких багровых
призрака. Силуэт дракона постепенно
изменился, превращаясь в человеческий.
Теперь это был огромный бронированный
воин, нагший Ангел Смерти, изменник, а
блуждающий огонь превратился в
ослепительный луч мультимедиа.

Кагай взревел в агонии, и
мучительный вопль Дак'ура присоединился
к нему, слившись в единый крик боли:

--- Не-е-е-е-е-е-ет!

Дак'ур продолжал бежать, движимый
желанием отомстить, но обнаружил, что
успехи превратились в непосильное бремя.
Он стал таким медленным и тяжелым,
что под ним раздалась земля --- и он рухнул
вниз...

Храм растворился, стенившись
тьмой и ощущением жара, уродующего
лицо. Кожа горела, объята пламенем.
Жгучая боль разрывала левую половину
лица. Он попытался закричать, но язык

обратился в пепел. Он попытался шевельнуться, но руки и ноги превратились в обугленные кости. Когда последние крупницы сознания растворились в предсмертной муке, Дак'ур понял, что лежит на погребальной плите Кагая, а вокруг бушует пламя. Плита погружалась в огненную реку. Когда она ушла в лаву целиком, боль стала почти невыносимой, и Дак'ура поглотила абсолютная тьма.

И тогда не осталось ничего: ни жара, ни огня, ни боли. Только тишина и отсутствие бытия.

Затем — хлесткая вспышка красного, тошнотворный душок гниения. Перед глазами вспыхнуло лицо Кагая, окровавленное и страждущее, полусожженное лучом мелты.

Жуткие глаза закрыты, разорванный рот словно скреплен скобами. Из темноты раздался голос Кагая, хлынув одновременно со всех сторон, хотя рваные губы капитана не двигались: «Оставь надежду всяк сюда входящий...»

Затем мертвые веки капитана поднялись, явив пустые глазницы. Рот

распахнулся, словно кто-то вдруг расск
мускулы, державшие его закрытым:

— Почему ты позволил мне умереть?

Дак'ур рывком очнулся. Лицо его под
бесстрастной броней боевого шлема было
покрыто холодной маской пощады. Моргая,
Дак'ур стал хватывать фрагментами
окружающую действительность через
оптические линзы.

На внутришлемном дисплее
материализовались показатели
жизнедеятельности организма
костогесантника, передаваемые
внутренними системами силового доспеха.
Зернистые темно-красные значки
указывали на учащенное дыхание,
повышенное кровяное давление и
зашкаливающий пульс. Замелькали
триады окошек диагностической
информации, перетекаясь с
замедляющимися ударами сердца.
Зрительный имплантат впитывал данные
сразу целиком и сохранял в подсознании.

Успокаивающими приемами,
отработанными при помощи

гипнообработки до автоматического
рефлекса, Дак'ур заставил организм
прийти в равновесие. И только тогда
понял, где находится.

Его окружала прохладная полутьма
отсека-санктуария. Обратившись к
массиву данных боевого шлема, Дак'ур
серией беззвучных команд вывел на экран
план операции и закодированные
инструкции.

Они находились на борту «Огненной
Виверны», ведущей дальнюю разведку в
Агронном Поясе. Ударный крейсер «Гнев
Вулкана» преодолевал бездну реального
пространства в нескольких часах полета
сзади.

С грохотом ожили двигатели.
Хриплый гул турбовентиляторов,
подгоняемых бортовым реактором,
ворвался на слуховые каналы Саламангра.
Дак'ур блокировал самые неприятные
звуки при помощи имплантированного
литанова уха,^[3] пока через несколько секунд
не приспособился. Сейчас он уже совсем
пришел в себя. Видение растаяло словно

дым, хотя отдельные фрагменты еще мелькали перед глазами: дракон и полусожженное лицо Кагая засели в подсознании болезненными занозами.

Закрепленный гравиратой Дак'ур огляделся и увидел вокруг своих боевых братьев. Глаза Саламангр светились в темноте раскаленными углями. Зеленые доспехи десантников в полной боевой выкладке тускло блестели. Болтеры и клинки были надежно закреплены рядом с каждым в стойках из толстой стали. Более мощное оружие — мультиметаллы, огнеметы и тяжелые болтеры — хранилось в оружейном отсеке «Грозового ястреба».

НоктюРН остался позади в нескольких тысячах полета. Брат-капитан Н'келн собрал тогда сержантов, как и говорил Дак'уру, и обрисовал в общих чертах свой план возвращения в Агронный Пояс. Присутствовавший там же библиарий Нириил рассказал офицерам третьей роты, что обнаружил слабое, но отчетливое психическое эхо среди костяного мусора и звездных скоплений системы. Брат-капитан Н'келн выразил

уверенность, что след приведет их к Нигилану, Воинам-Драконам и столь необходимой победе.

Дак'ур вспомнил неодобрительное выражение на лице Тсү'гана, когда капитан описывал операцию. И хотя Тсү'ган умело скрывал свои чувства от Н'келна, Дак'ур знал, что брат-сержант считает галбим капитана безнадежной тратой времени.

Тсү'ган в тот раз не стал открыто осуждать его: магистр ордена уже дважды выслушал его возражения по поводу капитанства Н'келна, и оба раза Тсү'ган не встретил понимания с его стороны. Нет, несмотря на все свое недоверие, Тсү'ган оставался верен ордену и неукоснительно подчинялся приказам. Все свои замечания он оставил при себе — пока.

По общему выражению лиц нескольких других сержантов, особенно из тактических отделений, кроме разве что Дак'урова, было ясно, что Тсү'ган не одинок в своем недовольстве. Дак'ур снова вспомнил о высказывавшихся намерениях показать несостоятельность

новообращенного капитана, потребовать
его отстранения у самого Ту'Шана и
просить о назначении на его место
другого. Честолюбие Тсу'зана не знало
границ. Дак'ур был убежден, что тот в
самом деле жаждет добиться звания
командира третьей роты.

--- Не сидится, брат-сержант? ---
осведомился Ба'кен, словно прочитав его
мысли. Огромный десантник завозился под
гравиратой, поворачиваясь к сержанту.
Два горящих багровым овала нависли над
Дак'уром.

Правила перелетов в глубоком
костосе требовали, чтобы десантники
носили боевые шлемы постоянно --- на
случай пробоины в корпусе.
Загерметизированные силовые госпехи
вместе с тукраноидной железой^[4]
позволяли выжить в безвоздушном
пространстве, пока не придет помощь.

--- Да, брат. --- И это не было ложью.
Дак'ур просто не стал углубляться в
подробности. Он перехватил и взгляд
Емека: глаза Саламангра блестели за

линзати окуляров, тот пристально
встатривался в лицо своего сержанта.

--- Не сидится без боя, --- пояснил он
обоим сразу. --- Нет причин для
беспокойства. --- А вот тут Дак'ур собрал.

Видения поначалу приходили лишь во
время предбоевых медитаций. Появлялись
они редко, раз или два в несколько месяцев.
Обычно Дак'ур грезил о своем детстве, о
жизни на Ноктюрне до того, как стал
одним из Астартес Императора и
отправился к звездам, чтобы нести огонь
возмездия врагам человечества. Многие из
костических десантников не помнили
своей жизни до облачения в черный
панцирь. Воспоминания, чаще смутные и
отрывочные, больше походили на серию
образов, нежели на какой-то четкий и
упорядоченный перечень событий.
Воспоминания же Дак'ура о бытии
простым человеком оставались яркими и
живыми; он мог вызвать их в любой
момент с абсолютной четкостью. Память
пробуждала в нем на каком-то
фундаментальном уровне тоску и
сожаление о том, что ему пришлось

оставить, и желание вновь с этим
воссоединиться.

Чногда он вспоминал Морибар и свое
первое задание. Но прошествии лет эти
воспоминания становились все более
частыми, более жестокими и кровавыми.
Они вертелись вокруг смерти, но Морибар
тогда купался в неизбежности смерти.
Человеческая смертность и почитание
павших были главным товаром планеты.
Дак'ур тогда был простым скаутом из
седьмой роты. Серый мир-усыпальница
накинул-то образом оставил свое пятно на
Саламандре: налет могильной пыли
покрыл его, будто саван; он пробрался в
Дак'ура, словно паразит, что пожирает
гниющую плоть захороненных в черной и
трачной земле Морибара. Дела, которые
Дак'ур совершил на том жутком мире,
заняли его еще сильнее, и, словно
ожившие мертвецы, они теперь не будут
знать покоя. Нигилан -- не будет знать
покоя.

Вновь вспомнив Морибар, Дак'ур
глянул вперед -- туда, где стоял Тсү'ган.
Цагон, находившийся рядом с Тсү'ганом.

пристально смотрел на Дак'ира. О чем он думал, понять было невозможно. В этот раз его брат-сержант, кажется, витал где-то далеко и пропустил короткий разговор в пассажирском отсеке «Грозового ястреба». На борту корабля находилось двадцать боевых братьев: два отделения по десять человек. В «Огненной виверне» оставались места еще для пятерых, но они пустовали. Почтенный брат Амагей занимал передовые позиции в носовой торпедной комнате корабля. Массивный древноутроченный титановый корпус корабля подрагивал в кренящих волнах, в полубессознательном состоянии вновь переживая свои былые победы.

С треском потех, который почти перекрыл монотонное гудение двигателей «Грозового ястреба», оживо вокс-устройство внутренней связи на одной из переборок корабля.

— Братья-сержанты немедленно явиться в кабину экипажа. — Мягкий голос библиария время от времени прерывался, но не узнать его было трудно даже среди гула реактивных ускорителей. — Мы что-то обнаружили.

Тсу'ган отреагировал без промедления. Хлопнув по замку, он отвел раму вверх и двинулся по тесному отсеку к трапу, ведущему в кабину. Проходя мимо Дак'ура, который только-только открыл свою раму — убегающее давление гидравлики зашипело, — Тсу'ган не проронил ни слова.

Дак'ур несколько не горел желанием допытываться о причине его неразговорчивости, — наоборот, он был рад на время отдохнуть от желчности собрата. И поспешил вслед за братом-сержантом, присоединившись к нему и Пуриилу в верхнем носовом отсеке корабля.

Библиарий стоял к ним спиной. Шипастый нижний край его глиняного салатандрового плаща едва касался пола. Над генератором силового дроснеха, занимавшим верхнюю часть спины, четко выделялась дуга кристаллического капюшона. Переплетения проводов выходили из колдовского устройства и прятались в невидимые углубления горжета. Капюшон напомнил Дак'уру об

исключительных способностях Саламандра и той опасной дорожке, по которой ходят псайкеры, даже столь одаренные, как Пуриил, когда обращаются к непостижимым силам варпа. На ум Дак'уру пришел испытующий взгляд эпископа во время церемонии Погребения и Вознесения. Обращался ли библиарий тогда к варпу, чтобы, используя свои поразительные способности, проникнуть в его мысли? В тот раз в глазах Пуриила мелькнуло одобрение, когда Дак'ур выдержал его взгляд. С тех пор -- и сейчас -- сержант испытывал неловкость в присутствии библиария.

-- В голове не укладывается, -- произнес Пуриил, уставившись на нечто видимое в обзорный иллюминатор «Огненной виверны».

В кабине, и так небольшой, в присутствии библиария и двух сержантов стало совсем тесно. Кораблем управлял экипаж из четырех костодекантов: пилот располагался на гравиле в обрубленном носу «Огненной виверны», штурман внимательно следил за

датчиками и сложной авионикой, второй пилот и стрелок занимали два оставшихся места. Каждый был облачен в силовые доспехи, только без наспинного генератора: внутренние системы их костюмов питал реактор «Громого ястреба». Тсу'ган с Дак'иrom одновременно шагнули вперед и встали по бокам от Нуриила, чтобы взглянуть, что же так привлекло внимание библиария.

Еще далекая, но неумолимо приближающаяся невероятно огромная находка Нуриила занимала почти все обозримое пространство. Это был корабль, но не малый кораблик, наподобие «Огненной виверны», а громадный крейсер, сродни летающему городу из темного металла.

Корабль был явно имперской постройки: углиненный и массивный, словно булава на глинной рукояти, с мощным носом, похожим на сжатый кулак. Почерневшая обшивка с отметинами лазерных ожогов, как из-под обстрела, была явно повреждена. Некоторые из многочисленных палуб пробиты. Рваные дыры в бортах походили на следы от

укусом какого-то насекомого, загноившиеся и теперь отваливающиеся струпами. Бездействующие орудия все еще таили угрозу, однако нескончаемые ряды лазерных батарей вдоль бортов поникли, словно упав духом. Остальное вооружение корабля составляли автоматические турели, носовые линз-излучатели и более мощные артиллерийские орудия. Грозная сила, превзойденная, однако, каким-то неизвестным врагом.

Уловатую середину корабля занимали скопления факторий и турниторов, в брюхе размещались колоссальные махины литейных мастерских. Черно-красный, с эмблемой шестерни, крейсер был явно с Марса. Корабль-кузница типа «Ковчег», судно Agentus Механикус.

— Следов энергии в щитах и двигателях не наблюдается. Излучения реактора тоже. — Голос Пуриила из шлема звучал гүлко и с оттенком металла, словно из ведра. Библиарий протяжно выдохнул, словно вычисляя, что же могло случиться с подбитым судном.

--- Корабль мертв. --- В голосе Тсү'гана скользнуло раздражение.

--- И довольно давно, если судить по повреждениям левого борта и кормы, --- прибавил Дак'ир.

--- Так и есть, --- согласился Нуриил, --- но врагов не видно, плазменного следа и проявлений варпа нет. Дрейфующий в реальном пространстве корабль, ожидающий, пока мы его найдем.

--- А мы пытались его вызывать? --- с явным недоверием поинтересовался Тсү'ган.

--- Не отвечает, --- невозмутимо отозвался Нуриил.

--- И это --- тот самый источник психического резонанса?

--- Нет, --- признался Нуриил. --- Я не чувствую тот след уже какое-то время. Здесь совсем другое.

Тсү'ган был прагматичен:

--- Как бы то ни было, корабли таких размеров не появляются в реальном пространстве подбитыми и без энергии просто так. Вероятнее всего, тот, кто это сделал, все еще прячется в системе.

Может, это пираты?

Дак'ур, слѹшая лишь вполѹха, шагнул ближе к иллюминатору и тихо произнес:

--- Там, на корабле, что-то есть.

Заинтересованный Нуриил слегка склонил голову набок в сторону Дак'ура:

--- Что заставило тебя так сказать, брат?

Дак'ур немного опешил, но сдержался и не погал виду: он и не думал, что произнес это вслѹх.

--- Инстинкт, только и всего.

--- Поясни, будь добр. --- Теперь библиарий обратил на него свой изучающий взор в полную силу. Дак'ур ощутил, как некие пытливые щупальца отгибают слои его подсознания, пытаясь добраться до спрятанных там секретов.

--- Просто нутром почуял.

Нуриил потеглил, но потом, похоже, решил оставить секреты там, где они были, и снова повернулся к обзорному иллюминатору.

Но голосу Тсугана было слышно, что он начинает злиться:

--- А мое нутро говорит, что хватит

попусту тратить силы. Воинов-Драконов на этой брошенной посудине нет. Нужно двигаться дальше, и пусть «Гнев Вулкана» решает, что с ней делать.

--- Нужно хотя бы поискать выживших, --- решительно возразил Дак'ур.

--- Для чего, игнеец? Этот корабль --- летающая могила, и ничего более. У нас нет на это времени.

--- А какое время нам, по-твоему, нужно, брат Тсү'ган? --- спросил Нириил, склонив голову теперь в сторону сержанта. --- Мы перенеслись внутрь системы не одну неделю назад. Несколько часов на осмотр корабля не...

--- «Архимедес Рекс»...

Нириил медленно повернулся к перебившему.

--- Что ты сказал?! --- рявкнул Тсү'ган.

Дак'ур показал в иллюминатор.

--- Вон там. --- Точно не слыша сержанта, он указал на левый борт корабля, к которому «Огненная виверна» подходила траверзом. Название корабля выделялось на нем огромными буквами. --- Так называется корабль.

Тсу'ган удивленно повернулся к боевому брату:

--- У что с того?

--- Звучит знакомо.

--- В каком смысле? Ты что, видел его раньше? Как такое вообще может быть?

Пирил нарушил внезапно возникшее напряжение, явно прыгая к какому-то решению:

--- Возвращайтесь в отсек-санктуарий и готовьте свои отделения к высадке.

--- Милорд? --- Тсу'ган не понял логики библиария. Всегдашняя назойливость заставила его отложить выяснения отношений с Дак'иром, чтобы разобраться с новой проблемой.

Пирил не желал ничего объяснять:

--- Это приказ, брат-сержант.

Тсу'ган помолчал, стирившись.

--- Может быть, хотя бы дождется «Гнева Вулкана» и высадится на его abordажных торпедрах?

--- Нет, брат-сержант. Я хочу проникнуть на корабль механикусов тихо. Сенсоры обнаружили открытый ангар истребителей --- мы стоим сесть там.

--- Я не вижу необходимости
соблюдать осторожность, брат-
библиарий, --- продолжил давить Тсү'ган. ---
Как я уже сказал, корабль мертв.

Пронизывающий взгляд Нириила
уперся в Тсү'гана:

--- Так ли это, брат?

«Архитегес Рекс»

Выпустив посабочные опоры, «Огненная виверна» погрузилась в темный ангар корабля-кузницы.

Но огромному ромбовидному помещению замечались тревожные огни, омывая ангар пятнами кроваво-красного света и подсвечивая выстроившиеся эскадрильями небольшие корабли.

Саламандры высадились быстро. Как только десантно-штурмовой корабль коснулся стальной палубы, кормовой трап откинулся, гүлко лязгнув, и по нему загрохотали баштаки

рассредоточивающихся костодесантников. Магнитные затки на подошвах позволяли им перемещаться по металлическому полу в отсутствие гравитации, правда несколько дерганым шагом. Саламандры заняли оборонительные позиции. Заученный маневр был выполнен без запинки, но оказался излишним: не считая множества бездействующих истребителей

механикусов, ангар был пуст. Лишь эхо
высидки Саламандр бродило меж суровыми
стенами с контрфорсами и высокими
ребристым потолком — единственный
признак жизни в огромном помещении.

— Кто-то, наверное, очень торопился
сбежать, если оставил ангар открытым и
без охраны, — раздался в шлеме Дак'ура
голос Емека. Оба отделения и библиарий
использовали общий канал связи, находясь в
постоянном контакте.

— Сомневаюсь, — пророкотал Тсү'ган,
который уже занялся осмотром
многочисленных рядов небольших
кораблей. — Все машины, похоже, на
месте, все закреплены. Никто с корабля не
улетал. Или если и улетел, то не на них.

— Вероятно, они как раз собирались
улететь, — предположил Ба'кен, стоявший
у одного из истребителей. — У этого
открыт гласис.

И не только у этого. У нескольких
истребителей не были закрыты щитки
гласисов на кабинах; у некоторых даже
были распахнуты настежь. Слово пилоты,
приготовив машины к вылету, вдруг

побросали свои посты и отправились варить суп. Никто не знает куда.

— Ни пилотов, ни каких-нибудь танковых бригад, — прибавил Дак'ур. — Даже у контрольных пультов пусто.

— Напрашивается очевидный вопрос... — Но вопрос Ба'кена остался неизвученным, его перебил лязг носового трапа «Огненной Виверны».

Грохот шагов возвестил о появлении бронированной фигуры почтенного брата Амагея. Дрепноут был грандиозен.

Механизированный экзоскелет, в котором располагался бронированный саркофаг брата Амагея, был напичкан рифлеными трубками, кабелями и гудящими сервоприводами. По бокам от раки Саламангра возвышались широкие прямоугольные плечи. Беспредельно отважный Амагей пал при осаде Клутира в войне с ненавистными эльдарами. Его подвиги были столь героические, что останки смертельно раненного Амагея вынесли с поля боя и погребли в броне дрепноута, чтобы Амагей мог сражаться во имя ордена вечно.

Но не только громада киберорганического тела Амагея пятиметровой высоты и почти такой же ширины превращала его в грозного противника: обе его механические руки были оснащены мощным оружием. Левая представляла собой массивный силовой кулак, вокруг которого щелкали электрические разряды; правая несла мультиметр с законченным до черноты стволом.

Ба'кен при виде гредноута опасливо отогвинулся, но это заметил только брат Емек.

--- Во имя Вулкана! --- прогрохотал Амагей механическим голосом. Его пробудили ото сна буквально только что.

Саламандры, как один, грохнулись сжатыми кулаками в нагрудники в знак почтения и уважения к древнему собрату.

--- Какие будут повеления, брат Пуриил? --- Амагей затопал к библиарию. --- Я живу ради службы ордену.

Пуриил склонил голову:

--- Почтенный Амагей, --- затем выпрямился. --- Твое задание: остаться

здесь на страже и охранять «Огненную
виверну». «Архимедес Рекс» сильно
поврежден. Для такого могучего воина, как
ты, брат, там, скорее всего, будет
тесновато.

--- Как прикажете, сир! --- Дредноут,
лязгая, вернулся к кораблю, с рокотом
взвел оружие и стал на страже.

--- Сержанты, построить отделения, ---
приказал Пуриил по внутренней связи,
поворачиваясь к десантникам, --- и
следовать за мной.

Шагая к огромным двусторонним
воротам на дальнем конце ангара, он
провозгласил:

--- Во имя Вулкана!

В ответ, точно эхо, откликнулись
два десятка голосов.

Ангар вел в меньший по размеру, но
точно такой же формы воздушный шлюз.
Емек, который открыл ворота и снова
запер их за отрядом, возился у
единственного терминала, запуская
процедуру входа. В помещение хлынул
кислород. Завертелись янтарные

тревожные маячки. Саламандры стояли, не двигаясь и не издавая ни звука, пока давление не восстановилось и значок на дальней двери шлюза не переключился с красного на зеленый.

Запросив журналы техобслуживания и схемы «Архимедес Рекса», Етек сумел выяснить, что большая часть корабля механиков осталась неповрежденной. Попалубное сканирование показало, что внутри еще имеется ограниченный запас кислорода. Атмосферу, правда --- слабую, поддерживали резервные системы жизнеобеспечения.

Повреждения, которые Саламандры наблюдали во время полета, похоже, по большей части затронули лишь аблативную броню корабля. Внутренние повреждения ограничивались лишь несколькими местами, и зоны эти были герметически отрезаны от остального корабля.

С тяжелым толчком огромные двери шлюза разделились и отошли, открывая дорогу уже внутрь самого «Архимедес Рекса».

Перед Саламангратом протянулся широкий, окутанный мраком коридор. Десантники включили наשלелные люминаторы. Несколько лучей, похожих на зернисто-белые конья, устремились вперед, стараясь разогнать тьму. Клубы вынужденного воздуха стелились по полу, словно бурлящий искусственный туман. Вдоль коридора шли утопленные в стены колонны. Их соединяли мрачные арки, обрамлявшие черные, как воды Стикса, ниши, которые уходили, казалось, в бесконечность, исчезая в сгущающемся мраке впереди.

Пирриил отдал приказ двигаться дальше и активировал психосиловой меч. Клинок тускло засветился.

--- Признаков жизни нет, --- раздался спустя минуту по связи голос Цагона. Десантник периодически поглядывал на сжатый в латной перчатке ауспик, который выскивал биологические импульсы.

--- Корабль брошен, --- проскрежетал Тсуган, держа комбиболтер наготове и

осторожно продвигаясь вдоль стены на шаг
вперед своего занятого аусником собрата.

--- Как в могиле, --- прошептал брат
Ба'кен с противоположной стороны,
поправляя увесистую мультимелту. Сам
того не зная, он невольно повторил слова
Тсу'гана, сказанные еще в кабине «Огненной
виверны».

--- Будет надеяться, что он таким и
останется, --- буркнул Дак'ур, выходя
вперед и поравнявшись с Тсу'ганом.

Несколько минут спустя брат Зо'тан
озвучил общую мысль:

--- Вроде идет вниз.

--- Это один из входных коридоров
корабля, --- сообщил Етек, войдя из стороны
в сторону стволот огнемета. Етека
назначили огнеметчиком после кампании
на Стратосе. Его предшественник, брат
Аксор, пал в бою, став одним из нескольких
огнерожденных, что Саламандры потеряли
тогда. --- Хог ведет вглубь «Архимедес
Рекса», --- продолжил Етек, определив
точное местонахождение отряда по
схематическим планам корабля, которые
сохранил в эйдетической памяти. ---

Сакити темпатами мы достигнем конца коридора примерно через восемь минут.

И снова опустилась зловещая тишина, нарушаемая лишь глухим стуком шагов.

Когда отряд дошел до конца коридора, на них уставились пустые глазницы черепов механикуса. Еще одни массивные двери преградили путь.

--- Брат Емек, --- приглашающе произнес Нурил. Но клинку психосилового меча проскочила короткая вспышка. Библиарий собрался с психической силой.

Емек отпустил огнемет --- оружие повисло на ремне, --- подошел к пульту управления и приготовился привести в действие отпирающий механизм. Девятнадцать костодесантников позади него заняли позиции, изготовившись к бою.

--- Отключая запоры, --- доложил Емек и поспешно отступил назад.

Огромные створки дверей, герметично закрытых снаружи, пошли в стороны. Резкий скрип механизмов мгновенно потонул в невообразимом шуме. После ставшей уже привычной тишины

коридора хлынувший снаружи грохот ударил по ушам словно молотом, и Саламангры как один погались назад. Лишь Пуриил остался невозмутим.

Быстро приспособляясь, Саламангры отсекли давящий звуковой вал точно так же, как это сделал Дак'ур на борту «Огненной виверны». Оставаясь начеку, костодесантники ждали, пока медленный и неумолимый процесс открывания дверей завершится.

Из соседнего зала медленно проступали очертания массивных механизмов кузницы. Ряды за рядами поршней, литейных, печей для обжига и плавильных чанов заполняли огромный механический цех. Конвейеры двигались с монотонным пыхтением, из труб и клапанов периодически вырывались струи пара, громко стучали невидимые шестерни.

Это был производственный муравейник, неторопливо бьющееся сердце из металла и механизмов, смазки и жара. Однако, невзирая на весь свой труд, кузнечные машины старались впускать

Могучая машинерия, лишенная сырья, просто работала по кругу, снова и снова повторяя производственные циклы. Порядками мощных клепальных молотков скопились груды впустую испорченных заклепок. Заряды у молотков давно закончились. Прессы с грохотом били по бегущей ленте из вулканизированной резины: их сокрушительная мощь пропадала впустую без листового металла, по которому нужно было бить. Смазка залила весь пол и сочилась вниз сквозь решетки: не было узлов, которые могли бы смазать пустые углы дзаторов.

Без автономных сервиторов, без агентов, которые дали бы команду, многочисленные и разнообразные агрегаты кузницы продолжали без конца выполнять одинажды запланированные операции. Единственными живыми существами в кузнице были сервиторы, физически пристыкованные к машинам, — они просто действовали по заложенной программе, следуя своим протоколам, как автоматы. Не было видно ни следа судовой команды, не было даже вооруженных скитариев.

призванных следить за порядком, и
марсианских преторианцев. Если
обитатели корабля-ковчега и находились
где-то, то только не здесь.

--- Тиберон, --- отрывисто скотанговал
Тсу'ган в устройство связи, --- выключи их.

Один из боевых братьев отдал честь
и вышел из строя, держа болтер наготове.
Затем ненадолго пропал среди кузнечных
машин. Через несколько минут машины
начали останавливаться и затихать,
грохот постепенно сменялся тишиной.
Брат Тиберон вернулся и присоединился к
отделению.

Дак'ур проверил реакцию
подчиненного машине сервитора кончиком
цепного меча --- сервитор завалился назад,
словно зубья меча перерезали какие-то
невидимые веревочки.

--- Нужно выяснить, что здесь
произошло. --- Дак'ур посмотрел на
Пириила, надеясь на какие-нибудь указания,
но библиарий стоял неподвижно и выглядел
задумчивым.

Тогда Дак'ур осмотрелся и заметил
туннель, не связанный с машинами кузницы.

— Емек, посмотри, может, сможешь
добратся до бортовых журналов
техобслуживания. Возможно, они прольют
свет на то, что здесь случилось.

Емек вновь принялся за дело,
использовав запасное питание от
выключенных машин для активации
пульты. Дак'ир встал у него за плечом.
Салатангр вывел новые схематические
планы корабля, на этот раз вместе с
прикрепленными к ним журналами
техобслуживания. Он читал быстро,
оценивая информационные выкладки и
усваивая их, точно настоящий ученый.
Способность Емека к восприятию знаний и
умение их применять были
впечатляющими даже для костического
гесантника.

— Записи неполные — вероятно, в
результате повреждений, полученных
кораблем, — сообщил он, не переставая
читать. Сенсорные экраны позволяли
Емеку вывести нужные палубы и зоны,
проникая все глубже в поисках ответа,
докапываясь до крох существенной
информации, которая еще осталась у

корабля. -- Поступил сигнал о небольшом повреждении обшивки ближе к корме по правому борту.

-- Мы вошли с левого борта, -- пробормотал Дак'ир. -- Насколько это близко от нас?

-- Через несколько палуб. Потенциально час хода, если считать, что путь свободен и идти будем шагом. Повреждение слишком мало для пробоины от выстрела.

-- Внутренний взрыв?

-- Возможно...

-- Но ты так не думаешь, брат?

-- Корабль дрейфует уже какое-то время: любые внутренние возгорания случились бы раньше, -- пояснил Емек. -- Есть затухающий тепловой след, сопутствующий повреждению, который подсказывает, что пробоина свежая.

-- И что ты хочешь этим сказать, Емек?

-- Я хочу сказать, что пробоина возникла в результате внешнего воздействия и мы не единственные, кто исследует корабль.

Дак'ур помолчал, обдумывая новость, затем хлопнул Емека по наплечнику:

--- Отличная работа, брат. Теперь найди путь, который приведет нас на мостик. Нам может понадобится бортовой журнал «Архимедес Рекса», чтобы все-таки выяснить, что за несчастье с ними приключилось.

Емек кивнул и принялся просматривать ту часть подробного плана «Архимедес Рекса», что касалась местоположения Саламандр в недрах корабля и мостика, находящегося на верхних палубах.

--- Брат-библиарий, --- обратился Дак'ур к Нирилу, оставив Емека заниматься делом.

Нирил повернулся, глаза его на миг вспыхнули психической мощью.

--- Так, значит, мы все-таки не одни.

Дак'ур покачал головой:

--- Не одни, милорд.

Саламандры осторожно продвигались по маршруту, проложенному братом Емекот и загруженному в аусник брата

Цагона. Они прошли грузовые зоны, покинутые жилые помещения для команды и огромные сборочные цеха, которые снабжались кузницами-машинами под главной палубой. Чем дальше Саламандры заходили вглубь корабля, тем чаще им попадались сервиторы. В отличие от сервиторов литейного цеха в недрах «Архимедес Рекса», эти автоматы не были присоединены к машинам или какому-то другому оборудованию. Одни сервиторы безвольно лежали, привалившись к стене, другие свисали, точно сломавшиеся кибернетические куклы, со скатеек и ящиков, многие просто стояли неподвижно, застыв в момент выполнения каких-то своих механических занятий, когда на корабль напали. Кто бы ни подбил крейсер-ковчег, действовал он быстро и весьма эффективно.

Несмотря на запущенное состояние корабля, повсюду выступало железное великоление Механикус, которое становилось тем явственнее, чем глубже заходили Саламандры. Многочисленные рельефные символы Бога-Машины ---

священное зубчатое колесо марсианского братства -- украшали стены верхних уровней «Архимедес Рекса». Ровные, словно солдатский строй, ряды переборок перетекали с альковами в стенах -- небольшими алтарями для поклонения Омниссии. Из-под сводчатых потолков висали на цепях курильницы, источавшие странные ароматы, напоминающие запах масла и металла. Этим тихо курящимся жаровням, развешанным повсюду в многочисленных верхних коридорах, залах и галереях «Архимедес Рекса», предназначалось утиротворять и ублажать духов машин.

Вставленные в ниши стен черепанки вначале легко можно было принять за какие-то ковчежцы для церковных реликвий, но провода и антенны, выступающие из выбеленной кости, выдавали в них киберчерепан -- освященные бывшие головы благочестивых и праведных слугителей Империи. Весь корабль представлял собой монолит слияния религии и металлургии, где духовное начало было сплавлено с машинным.

Тсү'ган опустился к обмякшему телу сервитора. Внешне никаких повреждений у того не наблюдалось, но тем не менее он выглядел неживым и не шевелился. В широко раскрытых глазах, похожих на два белесых стеклянных шара, отсутствовало всякое выражение.

— Нет ни следов разложения, ни гниения, — сообщил Тсү'ган, находившийся во главе отряда. Брат Гонорий с огнеметом наперевес следил за темным и грязным проходом впереди сержанта.

Коридоры корабля превратились уже практически в лабиринт, расходясь триадами туннелей, каналов и переходов, похожих на разветвленные нейронные цепи огромного механизированного мозга. Лишь проложенный Еменом маршрут не давал Саламанграм сбиться с пути. Им пришлось двигаться парами: одно отделение впереди, второе охраняет тыл. Тсү'ган, которому не терпелось действовать, быстро взял руководство в свои руки и возглавил колонну. Библиарий Нириил, похоже, не возражал, заняв место

В середине, между отделениями. Чем больше они находились на корабле, тем реже Нуриил раскрывал рот. Он постоянно обращался к своей псионике, пытаясь найти хоть какие-то следы наличия на корабле других гостей, но присутствие духов машин на борту, хотя и вялых и дремлющих, сводило его усилия на нет.

— Эти существа не мертвы, — сообщил Тсу'ган, поднимаясь на ноги. Несмотря на сильно механизированные тела, сервиторы все равно нуждались в биологических системах для поддержания жизни в своих человеческих частях и органах. Без них они не смогли бы функционировать. — Похоже на что-то вроде гибернации, — прибавил брат-сержант.

— Возможно, это какой-то защитный механизм? — предположил Емек. Он был в паре с Дак'иром, стоявшим сразу за Нуриилом.

Тсу'ган не успел ответить: вмешался Цагон:

— Аусник засек живой организм в грудных тетрах к востоку.

Развернувшись в указанном направлении, Тсу'ган скотандовал:

--- Оружие к бою.

Не разрывая строя, Саламангры двинулись за сигналом, беззвучно тизгающим на ауснике Цагона.

Двести метров на восток привели Саламангр в большой восьмиугольный храм механикусов с арками входов в каждой из восьми стен. Здесь стешение машины и религии преоблагало еще сильнее: железные алтари, пылающие круглые жаровни, религиозные изваяния. По храму, словно вечные часовые, кружили киберчерена.

Загадочные последовательности из единиц и нулей --- наверняка некие эзотерические уравнения, имеющие отношение к премудростям механикусов, --- усевали металлический пол. Огромные электрические батареи с шарообразными наконечниками пускали дуги разрядов по тонким ребристым колоннам электроотводов, озаряя внутренности храма мерцающими белыми отсветами.

В центре зала, очерченном символом
зубчатого колеса, находилась
коленопреклоненная фигура.

Тсу'ган был первым, кто вошел в
храм. За ним последовали Гонорий с
Магоном, держа оружие наготове.
Поначалу фигура показалась брату-
сержанту неподвижной, но, взглядевшись, он
уловил едва заметные колебания: фигура
раскачивалась взад и вперед. Она
находилась к ним спиной, и потому Тсу'ган
не видел, что скрывается под мантией и
тяжелым капюшоном. Осторожно взведя
комбиболтер, он жестами приказал
отделению рассредоточиться. Через
несколько кратких мгновений все
Саламангры уже были внутри и
приготовились к мгновенной атаке.

— По виду магос, — произнес Пуриил.
Глаза библиария за линзами шлема
вспыхнули небесно-голубым светом и снова
погасли. — Ничего не вижу, — прибавил он
глухо. — Ничего, кроме ментального фона.
Как будто его разум отключен или ждет
какой-то искры, чтобы вспыхнуть.

Библиарий перевел взгляд на брата

Цагона, который подстраивал аусник, пытаясь получить более детальные данные.

--- Биоритмы в норме, все функции --- согласно суточному ритму. Дыхание и пульс соответствуют состоянию глубокого сна.

Брат Емек покачал головой.

--- Он не спит, собственно, --- заметил он. Его любопытство чувствовалось даже через вокс-связь. --- Его движения резки, однако точно выверены и повторяются, словно он зациклен в некоем режиме ожидания или машинной кататоники. Это необычно.

--- Объясни, брат, --- отозвался Дак'ир.

--- Магосы --- разумные существа. Это не сервиторы, которые подчиняются доктринальным пластинам и запрограммированным протоколам работы. Магосы, конечно, бездушные нелюди, но они не подневольные автоматы. Должно быть, причиной здесь является какая-то травма.

Тсуган услышал достаточно. Он поднял комбиболтер, тщательно

прицеливаясь.

Дак'ур выставил руку, предупреждая
выстрел:

--- Ты что делаешь?

Даже не видя глаз Тсү'гана за
линзами шлема, он ощутил, как вспыхнула
ярость во взгляде сержанта.

--- Слушай, что говорит твой боевой
брат. Это ловушка, --- прорычал Тсү'ган,
глядя на латную перчатку Дак'ура у
ствола своего болтера. --- Отойди, если не
хочешь лишиться руки, игнеец.

Дак'ур мгновенно рассвирепел. Он не
стыдился своего низкого происхождения, но
ему не нравилось, что Тсү'ган использует
его в качестве презрительной клички.

--- Прекрати, --- предупредил Дак'ур
сквозь сжатые зубы. --- Я не позволю тебе
хладнокровно застрелить человека. Дай
мне сначала переговорить с ним.

--- Это не человек, это тварь.

Но Дак'ур не отступал.

Тсү'ган подержал палец на спусковом
крючке несколько секунд, но затем
уступил в поединке двух сил воли, опустил
оружие и шагнул назад.

— Угу, если хочешь, — зло проворчал он. — Но как только тварь дернется — а, помяни мое слово, она дернется, — я выстрелю. И тогда тебе лучше не стоять на пути.

Дак'ур кивнул, но Тсү'ган на него не смотрел, так что едва ли в этом была необходимость. Дак'ур оглянулся на Ба'кена, тот утвердительно кивнул в ответ, и этот кивок означал, что Ба'кен прикроет своего сержанта. Перед тем как отвернуться, Дак'ур заметил, как смотрит на него Нуриил. Библиарий видел и, без сомнения, слышал весь разговор между враждующими сержантами, однако не проронил ни слова. И тогда Дак'ур подумал: может быть, участие Нуриила в этой операции не ограничивалось только командованием? Не дал ли магистр Вел'кона по требованию Тү'Шана указания оценить, как далеко зашла вражда между сержантами, и принять соответствующие меры или даже доложить о результатах? Или, может быть, библиарием двигали другие мотивы, как-то связанные с его пристальным наблюдением за Дак'уром во

время церемонии на Ноктюрне? Но сейчас было не время размышлять над этим. Дак'ур неторопливо высвободил ценной меч и двинулся к магосу.

Каждый шаг отдавался внутри шлема, точно удар грома, пока Дак'ур с опаской приближался к центру храма. На ходу Саламангр поспатривал по сторонам, следя за глубокими тенями, что прятались в нишах зала. Переключая зрение в оптических диапазонах при помощи имплантированной оккюлобы^[5] в сочетании с технологиями линз боевого шлема, Дак'ур хотел удостовериться, что там не таится никакая опасность.

На расстоянии вытянутой руки от коленопреклоненного магоса он остановился. Напрягая слух, Дак'ур уловил, что молящийся что-то неразборчиво шепчет. Вблизи грох в теле магоса стала явственнее, но было ли тому причиной близкое расстояние, или существо каким-то образом ощутило его присутствие, Дак'ур не мог сказать наверняка.

--- Повернись, --- приказал он негромко. Вполне вероятно, что магос находится в каком-то трансе или глубокой медитации. Быть может, он сошел с ума и теперь пребывает в состоянии некоего кататонического ступора, как предположил Емек. Как бы то ни было, Дак'ур не хотел бы его вснугнуть.

--- Не бойся, --- прибавил он, так и не дождавшись ответной реакции. --- Мы Астартес Императора. Мы здесь, чтобы спасти тебя и твою команду. Повернись.

Но-прежнелу ничего.

Дак'ур взялся за рукоятку плазменного пистолета, пока еще --- в кобуре, и вытянул руку с выключенным ценным мечом.

Едва клинок коснулся темно-красного облачения, как магос развернулся, --- точнее, к незваному гостю, осквернившему святость храма, развернулся, как на шарнире, лишь его торс.

--- Отбрось надежду всяк сюда входящий... --- пролаял магос скрипучим механическим голосом. Фраза, которую он повторял шепотом, теперь наконец

прозвучала внятно.

Слова Кагая из видения ударили Дак'ура словно молотом, так что он едва не отшатнулся.

Магос снова и снова повторял фразу, все быстрее и быстрее, все выше и громче, пока голос его не превратился в неразборчивый вой. Дак'ур, защищаясь, выставил перед собой меч и отступил на шаг назад.

Раздался звук рвущейся ткани. Одежда магоса на спине лопнула, и оттуда выскочили две механические руки, похожие на жвалы какого-то насекомого. На конце одной со стрекотом ожило цепное лезвие, на другой — завизжала вибропила. Бескровная холодная кожа магоса, прошитая проводами и металлом, была похожа на кожу мертвеца. В недвижном взоре не было ни сожаления, ни ярости — лишь одна незатейливая задача: уничтожить нарушителей.

Из рта магоса, точно гразнящий язык из холодной и темной щели, высунулся патрбук. Это был кончик запальника, из которого выскочил тонкий язычок

пламени.

Дак'ур закрылся свободной рукой как щитом, и его окатило волной палящего жара. На внутришлетном дисплее предупреждающе подскочили индикаторы излучения. Продолжая двигаться, Дак'ур вслепую отбил мечом неожиданный выпад вибропилы. Ценное лезвие магоса остановилось было уже нечем, и оно жагдно проскребло зубьями по левому наплечнику, высекая искры. Затем отскочило назад и снова ринулось вперед. Позади Дак'ура зарывкали болтеры, и он уже готовился ощутить, как снаряды пробивают генератор доспехов и спину, но боевые братья целились аккуратно, так что он все же остался в живых. Зато до него донеслись хлопки электрических разрядов и запах озона. Ответная вспышка спереди ослепила шлем, линзы с трудом компенсировали ее яркость, в то время как клинки магоса со стрекотом снова ринулись вперед. Дак'ур понял, что магоса закрыл энергетическим щитом.

--- Прекратить огонь! --- рывкнул у него за спиной Тсу'ган. --- Окружить тварь,

найти генератор щита и уничтожить!

Дак'ур краем глаза видел, как его братья пытаются взять магоса в клещи. Не прекращая попыток найти слабое место в доспехах Дак'ура ударами быстрых как молния механических рук, магос отреагировал на новую угрозу. Взрыв сервомоторами, его скрытое под одеждой тело начало подниматься на паучьих ногах, пока не стало почти на метр выше Дак'ура. Рот магоса раздвинулся, точно диафрагма пист-проигрывателя: второе и третье сопла огнеметов заняли место рядом с первым. Вращая головой, словно перископом, магос принялся извергать струи раскаленного добела пламени, заливая помещение огнем от края до края, чтобы не дать Саламанграм пройти. Огонь оставлял после себя оплавленный пол и выгоревший шлак на месте железных алтарей.

Дак'ур перехватил вибропилу, которая снова метнулась к нему, и срубил ее безжалостным взмахом меча. Ценное лезвие магоса ударило в генератор на спине Саламангра, но вновь встретило

неодолимое препятствие. Дак'ир
развернулся, отбросив это оружие магоса
в сторону, и срубил гидравлическую
конечность ударом с двух рук. Уздав
металлический визг, магос отпрянул. Узда
обрубка брызнуло масло пополам с искрами.
Воспользовавшись моментом, Дак'ир
выхватил из кобуры плазменный пистолет
и прожег в груди магоса дыру. Под
вздутьими складками изогранного
облачения что-то вспыхнуло и умерло.
Однако растянутый рот магоса продолжал
извергать потоки пламени, удерживая
боевых братьев Дак'ира на расстоянии.
Единственный оставшийся путь для атаки
преграждал сам брат-сержант.

Перед ограниченным взором Дак'ира
на мгновение блеснул металл.
Бронированное запястье пронзила боль,
заставив выронить плазменный пистолет.
Сержант глянул вниз и увидел
вращающийся бур, который пытался
просверлить ему руку. Вырвавшись, Дак'ир
схватился за извивающееся из-под одежды
магоса щупальце, которое и орудовал
буром. Саламандр уже собирался обрубить

его, когда из груди твари выскочил второй
теханогендрит, вооруженный чем-то вроде
механической клешни. Дак'ур заблокировал
его лезвием клинка и прижал книзу. Он
прекрасно понимал, что с занятыми
руками теперь только мешает боевым
братьям за спиной, и сделал попытку
сдвинуться в сторону.

— Ба'кен! — завопил Дак'ур, краем
глаза заметив ступный силуэт огромного
Саламангра.

— Держи его крепко, — отозвался
рокочущий голос.

На то, чтобы не дать магосу
вырваться и удерживать его на месте, как
того хотел Ба'кен, ушли почти все
силы.

Невыносимый жар и ослепительный
свет затопили сознание Дак'ура. По ушам
ударил визг выпущенной энергии, и Дак'ур
упал. На краткий миг, пока сияние
термоядерного луча ласкало шлем и
доспехи, Дак'ура словно отбросило обратно
на Стратос — к моменту гибели Кадая.
Сокрушительный удар всем телом о
твердое железо палубы мгновенно вернул

его обратно. Но залу заметалось глүхое эхо нестолкающего грохота: остальные Саламандры дали волю своим болтерам. Вспышки выстрелов подсвечивали магоса, словно в кадрах какой-то макабрической мультимпликации, в которой его тело дергалось из стороны в сторону под сокрушительными ударами болтов.

Выстрелы столкли, и вместе с ними утер магос, грохнувшись на пол перемешанной грядой разбитых механизмов и биологических тканей. Составляющие некогда части его существа усеивали палубу, словно металлический мусор. На обломках, отражая тусклый свет жаровен, блестело масло, похожее на переливающуюся всеми цветами радуги кровь.

Голова, странным образом оставшаяся невредимой, скатилась с распотрошенного тела и остановилась у ног Ба'кена. Из ствола мультимелты еще сочилось паробразное горючее, которое образовывалось в результате химической реакции при выстреле. Ба'кен посмотрел на отрубленную голову с отвращением.

Сопла огнететов втянулись в беззубую
насть --- Ба'кен опасливо отодвинулся, --- и
из нее хлынул поток бинарика, машинного
языка механикусов, похожий на
нескончаемый поток богохульств. Не
дожидаясь команды, Саламандр с силой
опустил на голову бронированный ботинок,
превратив ее в кашу из тканей и проводов.

Дак'ур, уже поднявшийся на ноги,
благодарно кивнул Ба'кену. Тот
незамедлительно кивнул в ответ. Когда
гребезжание бинарика столкло, Дак'ур
повернулся к Тсу'гану, который проверял, не
осталось ли в обломках магоса жизни.

--- Я перед тобой в долгу, брат.

--- Прибереги свою благодарность, ---
холодно отозвался тот, даже не подняв
головы. --- Я сделал это во благо операции,
а не ради твоего благополучия. --- Он уже
собрался уйти, но остановился и взглянул
Дак'уру прямо в глаза. --- Ты угробишь нас
всех своим состраданием, изнеец.

Дак'ур понимал, что Тсу'ган
абсолютно прав: желание спасти магоса
подвергло опасности весь отряд, но Дак'ур
свято верил: случись подобное снова, он

поступит точно так же. Саламандры были защитниками, а не просто какими-то убийцами. Пусть даже другие органы радовались подобной сомнительной славе. Дак'ур хотел донести этот факт до своего собрата, но ровный голос Нуриила не дал ему ответить.

--- Бой еще не закончен. --- Глаза библиария за линзами шлема вспыхнули небесно-голубым. --- Огнерожденные, приготовиться! --- призвал он, когда сказанное дошло до всех.

Из коридора впереди донеслись приглушенные звуки, словно кто-то ворочался, приходя в сознание.

--- Множественные тепловые сигналы, --- сообщил Цагон, когда мгновением позже засветился его ауспик. --- И усиливаются, --- прибавил он, убирая устройство и поднимая болтер. --- По всем проходам.

Саламандры рассредоточились, взяв на прицел входы в храм.

--- Кто-то приближается!.. --- крикнул брат Зо'тан. --- Сервиторы! --- прибавил он. Яркий свет его люминатора выхватил из

тмы одно из ковыляющих созданий.

К грубо обритому черепу сервитора была прибита лоботомлирующая пластина. Сам сервитор был одет в темный комбинезон, местами прожженный, заляпанный маслом и покрытый въевшейся грязью. Кожа сервитора была серой, точно ее покрывал слой пыли или будто вся жизнь из сервитора вытекла, оставив его окаменевшим. Одна рука была сжата в охваченный трепнущим окоченением кулак и прикреплена к груди, раздутой от проводов и толстых ребристых кабелей. Вторая рука оканчивалась механическими клещами. Струйки гидравлического газа таячили в воздухе, словно призраки, когда клещи сжимались.

Дак'ир вспомнил о безвольно валявшихся автоматах, на которые отряд наткнулся по дороге к храму. Точно подсчитать было трудно, но их там были сотни.

--- Еще один здесь, во втором справа! --- крикнул брат Анион.

И за ним до Дак'ира донесся рык брата Г'хеба:

--- Замечены цели в третьем коридоре слева!

Саламандры образовали два полукруга --- по одному на отделение, с библиарием в качестве связующего звена между ними. Каждый встал лицом наружу, на каждый проход оказалось нацелено по одному-два болтерам. Огнеметчики взяли на себя по главному входу каждый. Оставались еще Ба'кен с мультиметлой и брат М'лек из отделения Тсу'зана, вооруженный тяжелым болтером. Дак'ир надеялся, что отрядыхватит огневой мощи.

Брат Емек, стоявший от него по левую руку, проверил запальник огнемета короткой струей пламени.

--- Смерть магоса, должно быть, послужила катализатором для некоего рода активации, --- произнес он по внутренней связи.

--- Сколько их там может быть? --- отрывисто гаркнул Тсу'зан, которому не терпелось расправиться с этим новым врагом.

--- На корабле таких размеров --- тысячи, --- откликнулся Емек.

--- Число не имеет значения. --- Низкий
голос Ба'кена справа от брата-сержанта
напоминал далекие раскаты грома. --- Мы
отправим в ад их всех.

Дак'ур его почти не слушал, уже
ухватив ход мыслей Тсу'гана.

--- Ждать, пока враг не подойдет на
оптимальную дистанцию поражения.
Стрелять короткими прицельными
очередями, --- приказал он по внутренней
связи. --- Боеприпасы беречь.

Психосиловой меч Нириила внезапно
вспыхнул голубым огнем, снова наполнив
брата-сержанта о могуществе библиария.
Аура психической силы заструилась по
успехам Нириила миниатюрными
грозовыми разрядами. Голос его приобрел
потусторонний оттенок.

--- В пламя битвы! --- провозгласил
библиарий.

--- На наковальню войны! ---
воинственно откликнулись Саламандры.

Из мрака с медлительной,
монотонной целеустремленностью, точно
стая механических зомби, появились
сервиторы. На бескровных лицах застыло

отсутствующее выражение. Единственное, что гвизало сервиторати, --- это стремление покарать непрошенных гостей. Оружием ил служили собственные же инструменты: цепные пилы, отбойные молотки, гидравлические лапы-погъемники, даже ацетиленовые горелки, белое пламя которых словно возвещало об их появлении из тьмы.

Салатангры дождались, пока первая волна сервиторов войдет в храм, и обрушили на них настоящий ад. Кровь, масло, плоть и детали низвергались волнами в тизмах кишечных испарений --- автоматы ощутили на себе уничтожающую ярость огня Салатангр. Но, так же как и их убийцам, этим созданиям из плоти и металла был неведом страх: не испытывая никаких эмоций, они неуклонно продвигались вперед.

На место одного убитого заступали два новых, нескончаемой рекой изливаясь из глубин «Архитегес Рекса».

Словно направляемые единым разумом, толпы сервиторов стекались к

храмѹ и чѹжакат внѹтри. Чемъ больше ихъ становилось, темъ ближе они подходили. Несмотря на все свои исключительные умения, Саламанграмъ не удавалось поддерживать настолько непреодолимую стѣну огня, чтобы задержать ихъ. На каждый потерянный метр Саламангры отвечали все более бешенымъ огнемъ, и прежний призыв Дак'ира экономить боеприпасы былъ забытъ.

Довольно скоро безрассудное наступление сервиторовъ стало приносить свои плоды.

--- У меня заканчиваются патроны, --- сообщил брат Анион.

Вслед за нимъ по внутренней связи посыпались доклады остальных: у обоихъ отделений начали заканчиваться боеприпасы.

--- Огнетет на семнадцати процентахъ и снижается... Перехожу на запасное оружие... Боеприпасовъ мало, братья...

Кольцо огня начало рваться.

--- У меня всё, --- доложилъ брат Г'хеб. Послышался четкий щелчок опустевшего болтера.

Дак'ур повернулся и выстрелил из плазменного пистолета в сервитора, вооруженного отбойным молотком, дав боевому брату время достать запасное оружие. Г'хеб с уже дергающимся в руке болт-пистолетом благодарно кивнул.

--- Держитесь, братья! --- крикнул Нириил, сдерживая психосиловым мечом механическую клешню сервитора, который пытался снести ему голову. Этот автомат был одним из тех немногих, кому удалось пройти сквозь град выстрелов. Библиарий раскрыл руку в латной перчатке и окатил сервитора потоком психического огня с растопыренных пальцев, выжигая твари глаза и превращая ее плоть в обугленные ошметки и почерневшее железо.

Сокрушив гытящиеся останки сервитора ударом психосилового меча, библиарий вышел из строя --- в уже вновь сжатом кулаке его наливалось силой раскаленное пламя. Братья Станг и Зо'тан прикрывали Нириила, пока тот, опустившись на одно колено и склонив голову, собирался с силой.

К библиарию двинулись сервиторы, но Станг с Зо'таном остановили их, не жалея последних боеприпасов. Боеприпасов хватило как раз, чтобы Пуриил поднял голову, весь окутанный аурой испепеляющего пламени. Оно рванулось с его коленопреклоненной фигуры яростным пышущим потоком. Передняя часть потока превратилась в голову, рожерившегося огненного змея, который, оббежав кругом Саламандр, заткнул кольцо, вцепившись в собственный огненный хвост.

--- Братья... --- в голосе Пуриила слышался треск бездонных магматических озер горы Смертного Огня, --- ...беритесь за клинки... Сейчас! --- взревел он, и стена пламени ахнула в стороны, точно атомный взрыв. Ядерный огонь обращал все, что попадалось на пути, в пепел. Сервиторы в горячем тареве превращались в чернеющие силуэты и испарялись, точно тени под лучами солнца.

Дак'ир почувствовал, как в разум вбиваются иглы психической отдачи, и незнакомое ощущение причинило жгучую боль. Он убрал плазменный пистолет, в

котором осталась последняя батарея, и остался боевой клинок, взяв в другую руку ценной меч. Кто-то из боевых братьев последовал его примеру, кто-то предпочел вооружиться болт-пистолетом. Те, у кого особого выбора не было, обнажили короткие мечи.

Успепеляющее уничтожение опустошило Нуриила, и братья Станг и Зо'тан продолжали охранять его, пока библиарий возвращался за кордон из зеленых госпехов, чтобы там восстановить силы. Весь пол был усеян обгоревшим металлом и обращенными в пепел телами сервиторов, остатки обетных цепей жалобно роняли слезы расплавленного металла. Теперь у Саламангр было время, чтобы разработать новую тактику.

Огненный шторм опустошил помещение, погибли сотни автоматов, но это дало передышку лишь на несколько секунд.

--- Они опять идут! --- крикнул Ба'кен, и его громоподобный хохот раскатился по огромному залу громким эхом. --- Идут за

своей смертью! -- Ба'кен прицепил свою мультиметлу на магнитный замок позади питающего оружие ранца. Мультиметла была громоздкой, но Ба'кену хватало сил, чтобы таскать ее без особого ущерба для действий в рукопашном бою. Вместо мультиметлы он достал поршневым молотом, сверкающий безукоризненным серебром: оружие, которое создал сам, -- грозное и обещающее разрушение.

-- Придержи своего быка, изнеец! -- сержито рывкнул Тсу'ган и выпустил струю пламени из скотбинированного с болтером огнемета. Химического воспламенителя огнемета хватало только на один выстрел, поэтому брат-сержант потратил его, расчистив еще несколько метров так, чтобы боевые братья поняли план сержанта.

-- Следует к мостику, -- объявил он и выхватил боевой клинок, оставив комбиболтер болтаться на ремне. -- Узкий проход не даст им воспользоваться численным преимуществом.

Пуриилу, еще слабому после психического перенапряжения, сил хватило

только кивнуть.

Выдвигаясь попарно, Саламандры направились в сторону прохода, который, по словам Емека, должен был в итоге привести их на мостик корабля. Пока они отступали, из оставшихся семи входов полезли первые сервиторы, немедленно наказанные отрывистыми щелчками выстрелов.

Однако нужный выход уже снова был забит сервиторами, которые появлялись из незамеченных технических люков и скрытых ремонтных лазов.

Увидев, что план может рухнуть даже прежде, чем Саламандры доберутся до портала, ведущего из храма, Дак'ур кинулся к токоотводам, на которых по-прежнему сверкали разряды электричества.

— Стойте, братья! — крикнул он, когда первая пара Саламандр — Анион с Г'хебом — собралась уже прорубать себе путь клинками.

Рефлекторно повиновавшись, те остановили свое продвижение, и Дак'ур взрезал цепным мечом по одному из

токоотводных пилонів. Из портала как раз появилась первая группа сервиторов, когда с разбитого токоотвода прыгнула дуга освобожденной молнии. Разряд электрической энергии заземлился в тела сервиторов, взрывая скрытые внутри электросхемы и выжигая жгуты проводов. Образовавшейся ударной волной Дак'ура отбросило назад. Электрическая дуга ширилась, перепрыгивая из тела в тело, жадно пожирая автоматы, которых дергало и трясло, пока искусственная молния раздирала их внутренности.

Когда электрическая буря стихла, оставив после себя дымящиеся трупы и вонь паленого мяса и горячего металла, Анион с Г'хебом кинулись в образовавшееся пространство, круша пинками скрюченные тела, расчищая путь.

Дак'ура вздернул на ноги Ба'кен, который тут же удивительно проворно, учитывая груз за спиной, развернулся и раскроил поршневым молотом череп приближающегося сервитора. Когда он повернулся обратно, по силовым доспехам Дак'ура еще расползалась темная рябь

рассеивающейся энергии.

--- Готов выдвигаться, брат-сержант? --- спросил Ба'кен.

--- Ты первым, брат.

Почти половина Саламандр уже вошла в портал и прорубалась сквозь полчища автоматов, прущих из недр корабля. Дак'ур вступил во трак узкого коридора, и на секунду в его голову закралась мысль: нет ли в глубине «Архимедес Рекса» огромных фабрик, непрерывно штампующих целые батальоны этих тварей?

--- Емек, как твой огнемет? --- спросил он по внутренней связи.

Емек покидал храм огнит из последних. За ним остался только Тсү'ган, который, похоже, решил бросить вызов всей орде в одиночку.

--- Осталось шесть процентов, --- ответил Емек между короткими бурлящими струями.

--- Прикрывай тылы сколько сможешь, брат.

--- Как прикажете, брат-сержант.

Тсу'ган убивался актом праведной
резни. Он убивал с азартом, выискивая
новую цель даже прежде, чем уничтожал
предыдущую. Каждый сервитор, который
попадал в пределы его досягаемости, был
убит с безжалостной эффективностью.
Тсу'ган обезглавил одного ударом клинка
позвоночный столб из проводов и жесткого
кабеля остался торчать на месте
срубленной шеи сервитора. Второго он
выпотрошил, выграв горсть скользких от
смазки проводов, так похожих на кишки.
Кулак Тсу'гана, словно молот,
ожесточенно крушил кости и металл
полными ярости ударами.

«Пусть изнеец бежит, — думал
Тсу'ган, бросая взгляд в сторону Дак'ира.
Настешливая ухмылка скривила его лицо
за шлемом. — Чего еще ждать от такого?»

Вокруг него быстро росла кровавая
стена из тел, клинок был так залеплен
маслом и кровью, что стал почти черным.
Эти бездушные твари — ничто против
стойкости огнерожденного.

Однако, сколько бы он ни убивал,
натиск сервиторов не ослабевал.

автоматы продолжали наступать.

От мощного удара зазвенел наплечник, заставив Тсу'гана сделать шаг назад. Он зарубил нападавшего, но получил новый удар, на этот раз в грудь, не успев закрыться, — и пошатнулся. Уверенность в победе внезапно испарилась, уступив место перспективе бесславной смерти. Нет, Тсу'ган жаждал славы и вовсе не испытывал желания сложить голову в какой-то Императором забытой операции на корабле-кузнице механикусов.

Новая мысль закралась в сознание, в этот раз — уже непрошенная: «Я слишком увлекся, я отрезан от братьев...»

Он попытался отступить в коридор, но обнаружил, что окружен. И прогнал от себя мысль, что за браваду, возможно, придется заплатить жизнью.

Слева изверглось копьё огня, опалив край наплечника и заставив вскрикнуть предупреждающе значки на внутришлемном дисплее. Уже почти вскинув руки, чтобы закрыться, Тсу'ган увидел, как падают на колени, а затем осыпаются дымящими кучками объятые

пламенем сервиторы. Он увидел, как брат Емек выпустил огнемет, исчерпав последние капли прометия. И еще он увидел, что путь в коридор свободен.

--- Отзови своего бойца, Дак'ур! --- сердито проорал Тсу'ган по внутренней связи, мысленно оплакивая опаленную броню. --- В отличие от тебя, я не хочу, чтобы мне сожгли лицо!

И неохотно буркнул брату Емеку благодарное слово, когда Дак'ур ответил:

--- Тогда отходи вместе со своими огнерожденными. Ты слишком увлекся, брат.

Тсу'ган сорвал раздражение на сервиторе, далеко опередившем свою стаю, изогнув всех сил врезав твари кулаком. Но внутри брат-сержант облегченно выдохнул: он-то знал, что, если бы не осмотрительность Дак'ура, он, вероятнее всего, был бы уже мертв. Однако осознание этого жгло сильнее, чем все мысли о бесславной гибели на борту «Архимедеса Рекса». И Тсу'ган твердо решил, что на долго в долгу не останется.

Пробиваясь через переполненные коридоры корабля Механикус, Саламангры сражались так, как и призваны были сражаться: вблизи, лицом к лицу с врагом. И хотя оба огнемета уже опустели, пыл и ярость десантников более чем компенсировали эту нехватку. Кровь и масло текли рекой, когда Саламангры, держа строй, отвоевывали один политый кровью метр за другим. Счет убитых сервиторов шел на сотни. Упорные, негибнущие, костодесантники служили воплощением прометейского идеала. Ведь они были огнерожденными, Саламанграми. Война была для них храмом, а битва — божественной истиной, которую они проповедовали болтером и клинком.

Отчаянные усилия привели их в широкую галерею, которая, вероятно, служила контрольной площадкой, судя по рядам стоторовых столов вдоль стен. Надежные металлические колонны, гравированные изречениями на бинарике и символами Омниссии, перемежались с пустыми пролетами, в которых обыкновенно сервиторы-контролеры

учитывали, осматривали и проверяли доспехи, оружие и прочее военное снаряжение. Над покинутыми пролетами нависали на высоте метров пятидесяти широкие стальные мостки. В сумраке трудно было различить подробности, но костические десантники видели, что мостки покоятся на скошенных подпорках, что позволяло им выдерживать значительный вес.

Через взрывостойкие двери с трех сторон от площадки хлынули сервиторы. Тсу'ган, который прорубился в голову отряда, встретил их яростным боевым кличем. Он отсек одному автомату руку — хлынули искры и масло. Так'ур в это время развалил другого от грудины до паха. Из разрубленного тела вывалился ком проводов, похожий на внутренности, когда брат-сержант двинулся мимо твари в поисках нового противника. Шедший за ним Ба'кен расплющил останки одним ударом поршневого молота.

Организованное отступление превратилось в свалку. Саламандры сражались группами по двое-трое,

прикрывая грудь грудью спины, обрушивая
огонь и ярость на непреклонного врага.
Только Нириил дрался в одиночестве.
Никто не остеливался приблизиться к
библиарию: неотразимые, смертоносные
взмахи его психосилового меча прорубали
все, чего касались. Из глаз библиария лился
психический огонь, который, словно лазер,
пронзал ряды сервиторов, рассекая их
механизированные тела. Сжавшийся кулак
--- и призванный огненный змей с ревом
ожил, сжигая автоматы и перекатываясь
через них огненным валом.

--- Ученел Вулкана, отбросьте их!
Огнерожденные не сдаются! --- закричал
Нириил, подбадривая воинов перед лицом
неутоlimо напирających сервиторов.

Расстратив почти все боеприпасы,
многие Саламандры взялись за холодное
оружие. У одних были традиционные
боевые клинки, похожие на спаты
Ультратаринов, другие вооружились
молотами, которые носили в знак
почитания кузнеца и приемного отца
Вулкана --- Н'бела --- или как дань уважения
самому примарху, первому взявшемуся за

это оружие, чтобы разгромить ксеносов, заполонивших тогда Ноктюрн, и освободить планету.

Но честь при всей ее благородной сути сейчас крайне мало что значила. Саламангры постепенно окружали. На расстоянии сервиторы не могли соперничать с десантниками: лишенных дальнобойного оружия автоматов было бы легко одолеть. Однако вблизи дело принимало совершенно иной оборот. Вблизи тяжелые и громоздкие клещи, сверла и молоты сервиторов становились смертельно опасными, так как легко могли пробить силовую доспех. Без передышек отбиваясь от нескончаемого натиска, Саламангры уже могли не надеяться на победу. Если только что-нибудь не изменится...

Сразив очередного сервитора, Дак'ир ощутил приступ фатализма. Несмотря на всю свою подготовку, многочасовые тренировки, постоянное оттачивание навыков и укрепление выносливости, брат-сержант начинал уставать. Саламангры уже несли потери. Брат Зо'тан принадал

на одну ногу. У Станга была глубокая вмятина на шлеме, от которой, скорее всего, у него треснул череп. Еще несколько десантников берегли раненое плечо или руку, сражаясь только здоровой рукой.

Тсу'гана неминутное приводило в ярость, и он разил сервиторов с легкостью, убив вдвое больше, чем любой из боевых братьев. Даже Нуриил, несмотря на всю свою психическую мощь, с трудом поспевал за свирепствующим братом-сержантом. Усталость была для Тсу'гана врагом наравне с автоматами. С ней нужно было точно так же сражаться, преодолевать и не поддаваться во что бы то ни стало.

Неудивительно, что Тсу'ган пользовался таким влиянием среди сержантов третьей роты. Но даже его энергия имела предел.

Что-то тяжелое и твердое ударило Дак'ура в неприкрытый левый бок. Броня на ребрах хрустнула, и в голове у Дак'ура точно взорвалось белое солнце. По словоту доспеху заструилась кровь, черная и густая, похожая на масло его противников. В глазах потемнело.

Заваливаясь назад, Дак'ур увидел лицо своего убийцы: не знающие жалости глаза смотрели на него поверх рта, скрытого под решеткой речевого устройства, обращенного мертвенно-бледной кожей. Рухнув на пол, Дак'ур, словно в замедленной съемке, вспомнил магоса из храма и его неотвратимую смерть.

Последние неразборчивые слова магоса обрекли их всех на погибель.

Приглушенный грохот привел Дак'ура обратно в чувство. Он потерял сознание всего на несколько секунд, потом организм закрыл раны, остановил кровь, срастил кости и выделил в мозг эндорфины, чтобы заблокировать боль. Дак'ур не умер, и вслед за осознанием этого пришли и другие ощущения.

Наверху, под сводчатым потолком, тьму озарили вспышки, с лоскутов донеслись хлопки болтерных выстрелов. Им аккомпанировали звуки чего-то более тяжелого: частое «бүл-чанк», «бүл-чанк» пущи с ленточным боепитанием, лязг гусениц по железу и натяжный скрип

металлических подпорок.

Даже не успев приказать телу встать, Дак'ур уже был на ногах, снова готовый убивать. Ценной меч, не переставший работать, даже когда сержант упал, нашел новую плоть для своих зубов, когда Саламангр вступил в бой.

Усневая среди рукопашной схватки изредка бросать взгляды наверх, Дак'ур ловил блеск желто-черных доспехов, оскалы нарисованного черепа, клыки хищника, наталеванные вдоль конической морды боевого шлема. Пока с обеих сторон хлестал шквал продольного огня, разрывая сервиторов на части, Дак'ура осенило еще одно прозрение. Их спасителями были Астартес.

Зажатые с двух сторон, ряды сервиторов наконец-то начали редеть и отступать. Но не из страха или хотя бы слабенького инстинкта самосохранения — они отступали потому, что их принуждал к этому некий нюанс в управляющей программе. Емек позже выдвинул версию о том, что потери, которые понесли

сервиторы от совместных действий
костодесантников, стали угрожать
минимальной производительности
корабля-кузницы и это условие,
закрепленное в фундаментальных
понятиях механикусов, отменило все
прочие и стало причиной их капитуляции.
Сервиторы просто опустили свои
инструменты, развернулись и ушли.
Некоторых убили при отступлении —
последние капли жажды боя еще не
выветрились из бурлящей крови
Саламандр. Но большая часть сервиторов
ушла невредимой, с трудом волочась
обратно к дремотному ожиданию
хозяйского зова снова приступить к
работе. Но они никогда больше не
дождутся этого приказа, ибо, Дак'ир
теперь был в этом уверен, магос из
восьмиугольного храта был последним
магосом на «Архимедес Рексе».

Когда стихли болтеры
таинственных Астартес, пропали и
отсветы дульных вспышек и наверху вновь
воцарилась непроницаемая тьма. Дак'ир
собрался было воспользоваться

спектральным зрением, чтобы проникнуть
сквозь трак и получше разглядеть
незнакомцев, но решил подождать, когда с
мостков раздался лязг тяжелых шагов.
Подъемники, установленные парами с
обоих концов каждого мостка, опустили
незнакомых космодесантников на уровень
контрольной площадки, где Саламангры
впервые смогли ясно разглядеть
неожиданных союзников. Так'ир оказался
прав: это действительно были
костические десантники — десятеро,
разбитые на два боевых звена, которые
снова объединились, когда подъемники с
тяжелым стуком коснулись палубы, плюс
технодесантник, управлявший
потрепанной в боях мобильной оружейной
установкой. Боевая машина гроыхала на
ходу гусеницами из стальных пластин с
подкладкой из вулканизированной резины.
Ее зауженная конструкция идеально
подходила для тесных коридоров корабля
механикусов, из-за которых брат Арго не
смог принять столь необходимого, как
оказалось, участия в операции.
Стандартная шаблонная конструкция, или

СШК, как ее еще называли, — две
спаренные автомашинки с
модифицированным ленточным питанием
— походила на модель, которая
использовалась между Ересью и Эрой
Отступничества. Схожая по сути с
«Громобоем» Костогесанта, установка
вдобавок несла совмещенные признаки
мобильных оружейных систем «Тарантул»
и «Рапира», которые Агентус Астартес не
использовали уже многие тысячелетия.
Образец, представший перед
Салатандрами, был явно построен на
архаичной схеме.

Сами костогесантники выглядели не
менее архаично. Большинство было
облачено в силовые доспехи Марк-VJ
«Корвус», окрашенные в желтый цвет, с
черной кирасой и генератором и крупными
заклепками на левом наплечнике.
Нагрудники доспехов на месте имперского
орла несли только восьмиугольную
защелку в отличие от современных
комплектов Марк-VJJ «Аквила». Каждый
без исключения доспех был покрыт
многочисленными щербинами и

заплатами. Следы суровых сражений, похоже, носились ими как почетные отметины — с гордостью, точно так же, как Саламандры носили свои выжженные шрамы. Это была броня, сделанная на совесть, — но доказательством тому служила не превосходнаяковка или исключительная надежность, а скорее то, что доспехи эти побивали сотни, может быть, тысячи побед и были пересобраны и перекованы так, чтобы еще побивать новые.

Болтеры тоже были необычными. Удлиненные приклады с более широким плечевым упором были устаревшей версией Марк-Vb «Годвин» Саламандр, если не учитывать ноктюрнских усовершенствований. С барабанным магазином и сарисой — зазубренным, — походил на штык клинком под стволом. Болтеры Астартес в желтых доспехах очень походили на устаревшее оружие, место которому разве что в музее.

Но сами воины были тертыми ветеранами, все до единого. У них не было кузниц и технического мастерства

Салатандр. Они редко получали новые припасы и снаряжение. Они знали только войну и вели ее столь неустанно и непрерывно, что снаряжение их было изношено почти до предела. Когда командир Астартес вышел вперед --- почетные знаки указывали, что это сержант, --- и протянул руку, на Дак'ира снизошло последнее прозрение: это и были те незваные гости на борту «Архимедес Рекса».

--- Я сержант Лоркар, --- заговорил Астартес в желтых доспехах скрипучим шепотом, --- из Злобных Десантников.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Злоба

--- Брат-сержант Дак'ур, третья рота Салатангр, --- представился Дак'ур, показавшийся перед сержантом Лоркаром. После секундного замешательства он сжал запястье костодесантника в воинском приветствии и благодарно кивнул.

--- Салатангр? --- переспросил Лоркар, словно только сейчас их разглядев. --- Из Первого Основания? Это огромная честь для нас.

Злобный Десантник склонил голову, затем отступил назад, чтобы снять шлем. Его боевые братья просто стояли и смотрели.

«Что-то с ними не то», --- подумалось Дак'уру. Злобные Десантники, казалось, нервничали. Все показное дружелюбие Лоркара, вся его почтительность выглядели наигранно, точно его тяготила неожиданная компания.

Отсоединив затки горжета, Лоркар снял шлем и сунул его под мышку. Шлем

был такой же исцарапанный и побитый, как и остальные доспехи сержанта. Большая часть желтой краски облезла, обнажив керамику. Металл шлема покрывали черные косые полосы в сочетании с желтыми — знак, обычно предупреждающий об опасности, — которые, как предположил Дак'ур, указывали на ветеранский статус Лоркара. Суровое лицо десантника только подкрепило его догадку.

В надбровье сержанта Злобных Десантников блестели два платиновых штифта за выслугу лет. Кожа на лице была темной и грубой, словно грязь сражений и кровь врагов въедались в нее столетиями. Подбородок, щеки и скулы покрывала сетка шрамов — настоящая карта перенесенной боли и памятных войн. Волосы Лоркара были обрезаны коротко и небрежно, будто их состригли, особенно не заботясь об аккуратности и явно без помощи слуги. Но больше всего поражали его глаза: пустые и холодные, точно привычные к убийствам и не знающие сострадания и заботы. Дак'ур выдвигал

куски крестня, которые выглядели теплее, чем глаза Лоркара. Не желая показаться невежливым, Дак'ур тоже снял шлем и прицепил его к магнитному замку на поясе. Дрожь изумления пробежала по лицу Лоркара, передавшись его товарищам, когда сержант впервые увидел лик Саламангра.

--- Твои глаза и кожа... --- начал он. На какой-то миг Дак'уру показалось, что рука Лоркара пытается нащупать болтер, висящий сбоку на ремне. Движение было явно неосознанным. Без сомнения, Злобные Десантники никогда прежде не встречали Астартес с меланохроматическим ^[6] дефектом.

--- Таких нас сделал наш примарх, --- невозмутимо пояснил Дак'ур, чувствуя неприятие своих братьев, и нахально встретил взгляд Лоркара своими горящими красными глазами.

--- Конечно... --- Плохо скрытое подозрение на лице Лоркара могло означать что угодно, но только не удовлетворенность объяснением.

Наступившее неприятное молчание нарушил голос Тсү'гана:

— Злобные Десантники, значит? Считаешь, что злоба приносит пользу в бою, брат?

Лоркар повернулся к сержанту Саламангр, который явно издевался над ним.

Тсү'ган решил, что ему не нравится, как их новообращенные «союзники» нялятся на Дак'ира. В их поведении сквозило отвращение и неприятие. Но он вливался не ради изнеица — его презрение к Дак'иру гнездилоь слишком глүбоко, — он вливался потому, что неуважение Злобного Десантника бесчестило всех сынов Вүлкана, а этого Тсү'ган стерпеть не мог.

— Ненависть — самое надежное оружье, — ответил Лоркар со всей серьезностью. В первое слово сержант вложил столько силы, что, үтей оно убивать, Тсү'ган тут же отдал бы концы внутри своих доспехов. — Ты здесь командир, Саламангр?

— Нет, — резко ответил Тсү'ган, его

азвительный тон теперь превратился в
откровенно агрессивный.

--- Эта честь принадлежит мне. --- Уз
рядов Саламандр выступил Пуриил. Его
голос и манеры как никогда были полны
власти и уверенности.

--- Варполюб! --- донеслось шипение
одного из Злобных Десантников.
Десантник был вооружен спаренным
комбиболтером и носил боевой шлем с
клювастым рылом, похожим на пасть
акулы благодаря нарисованным с обеих
сторон зубам.

Лоркар вливался прежде, чем
разыгралось обещанное тоном Тсу'гана
насилие.

--- Простите брата Нелиока, ---
обратился он к Пуриилу, который никак не
отреагировал на слова десантника. --- Мы
не привыкли, чтобы библиари
командовали, --- объяснил Лоркар довольно
неуклюже. --- Злобные Десантники по-
прежнему придерживаются некоторых
догматов, принятых еще на Никее.

--- Этого устаревшего свода эдиктов
примерно десяти тысячелетней давности.

созданного советом, который предстал
перед судом еще до того, как ваш орден
даже был сформирован, -- парировал
Тсу'ган по-прежнему вызывающим тоном.

-- Общение с варпом смертельно
опасно, -- вмешался Нуриил. -- Я понимаю
вашу настороженность, сержант Лоркар.
Но могу вас заверить, что я полностью
владею своим гаром, -- заявил библиарий,
стараясь разрядить ситуацию и
отложить обмен оскорблениями, прежде
чем они перерастут в угрозы, а угрозы -- в
насилие. -- Полагаю, мы задержались здесь
уже достаточно долго?

-- Согласен, -- ответил Лоркар и
бросил мрачный взгляд в сторону Тсу'гана,
перед тем как снова надеть шлем. Затем
затер на мгновение, едва заметно склонив
голову, вслушиваясь в какие-то
неслышимые указания. -- Дальше нам
лучше идти вместе, -- наконец сказал он,
оторвавшись от своих бесшумных
переговоров. -- Сервиторы в этой части
корабля сейчас бездействуют, но мы не
знаем, как долго это продлится и с
какими еще защитными системами нам

придется столкнуться.

Затем Лоркар развернулся, и его воины расступились перед ним, словно воды желтого моря, пропуская сержанта.

--- Хуже, чем Храмовники, --- буркнул Ба'кен Емеку, который тут же порадовался, что под шлемом не видно его устешки.

Но Дак'ур не видел здесь ничего устешного. Встреча со Злобными Десантниками вывела его из душевного равновесия. Держались они с таким видом раздраженного превосходства, точно считали себя единственно достойными звания «костический десантник». Однако здесь они столкнулись с одним из орденов-прародителей. Такой факт было тяжело опровергнуть даже самым упертым. У них были какие-то свои тайные планы, в этом Дак'ур уже не сомневался. И если планы эти пойдут вразрез с заданием Салатандра, то драка наверняка не заставит себя ждать.

Путь в глубины «Архимедес Рекса» проходил по большей части в молчании.

Прежде чем Саламандры последовали за Злобными Десантниками, брат Емек осмотрел раненых, используя свои базовые навыки медицины, и объявил все раны незначительными, а пациентов — годными к дальнейшим боевым действиям. К счастью, они больше не встретили никаких защитников корабля-кузницы. Похоже было, что Лоркар не ошибся: сервиторы вернулись в режим сначки.

Дак'ур сидел у железной стены в каком-то огромном складе. Склад был заставлен множеством металлических ящиков, ящичков и барабанов с боеприпасами — и все они были уже обчищены. Дак'ур сидел на одном из таких пустых ящиков, методично проводя ритуалы ухода за оружием и время от времени поглядывая на технодесантника, который при помощи пробойника и прометиевой горелки пытался взломать запертую взрывостойкую дверь, препятствующую их дальнейшему продвижению вглубь корабля-кузницы. Это была первая преграда, которая не открывалась с пульта управления или

операторского планшета. И это значило, что за ней начинается центральная часть корабля.

Другие Саламандры были заняты тем же, чем и сержант. Как только помещение было проверено и взято под охрану, многие сняли шлемы, пользуясь возможностью избавиться от душной тесноты, хотя бы и всего на несколько минут. Что до Злобных Десантников, все свои чувства, вызванные созерцанием лиц Саламандр, они держали при себе. Нуриил молча медитировал с закрытыми глазами, накапливая резервы психической энергии и возводя ментальные барьеры, чтобы защитить себя от одержимости демонами. Тсү'ган нетерпеливо шагнул из стороны в сторону, ожидая, пока технодесантник закончит свое дело. Дак'ур узнал, что этого Астартес зовут Гаркейн, но это было все, что поведал о себе неразговорчивый технодесантник.

Они уже отклонились от маршрута, проложенного Емеком. Сержант Лоркар с уверенностью заявил, что он со своим боевым звеном пытался пройти там, но

путь оказался блокирован. Гаркейн
проложил на карте другой маршрут,
которым они теперь следовали. Тсу'ган
сопротивлялся дольше всех, но приказ
Нуриила заставил его повиноваться.

— Мы уходим от мостика, — шептал
Емек Дак'иру, одним глазом следя за
собратьями в желтом. Брат Емек был
единственным, кто не занимался чисткой
оружия, потому что тратил свое время,
проводя безлый остотр раненых братьев.
Он задержался возле Дак'ира, чтобы
перекинуться с ним парой слов, не
привлекая особого внимания.

— Не знаю, зачем они здесь, но только
не затеял, чтобы узнать, что произошло с
кораблем или искать выживших. Я
подумал, что вам стоит это знать, брат-
сержант, — прибавил он и вернулся к
остотру раненых.

Полевая хирургия входила в число
многочисленных умений молодого
Саламангра, весьма нужных в отсутствие
Фугиса. Глядя, как работает Емек, Дак'ир
вспомнил об аптекарии и последнем их
разговоре перед отлетом в Агронный Пояс

и отправкой на разведку на борту
«Огненной виверны». Фүгис остался с
третьей ротой на «Гневе Вулкана». Хотя
это место было рядом с Н'келном,
апотекарий раньше редко сторонился
переговой. Дак'ур подумал, не потерял ли
Фүгис нечто большее, чем просто
капитана, когда погиб Кагай? Не потерял
ли аптекарий еще и часть самого себя?

Внезапно фыркнул яркой вспышкой
плазменный резак брата Гаркейна, прервав
раздумья Дак'ура. Технодесантник немного
подкрутил горелку, и мощный луч вернулся
в нормальное состояние. Отсветы плазмы
мерцали над Дак'уром, пока тот проверял
и заряжал последней батареей свой
пистолет. Несмотря на очевидную
нехватку боеприпасов у Саламангр,
Злобные Десантники не горели желанием с
ними поделиться. То, что их оружие было
устаревшим и ни барабанные магазины, ни
отдельные патроны не подходили для их
болтеров, делало ситуацию еще более
странный.

— Их болтеры — это практически
реликты, — прошептал Ба'кен.

Дак'ур сдержался, чтобы не
вздрогнуть: он даже не услышал, как
подошел огромный костодесантник. Ба'кен
бросил опасливый взгляд на Злобных
Десантников и опустил свой ранец с
мультиметрой, чтобы присесть рядом с
братом-сержантом. Злобные Десантники
выказывали такое же недоверие,
обмениваясь незаметными взглядами и
искоса следя за Саламанграмми.

--- Старые барабанные магазины
часто дают осечки, --- продолжил Ба'кен. ---
Удивительно, что до сих пор ни один не
взорвался ит прямо в лицо.

--- Они явно не отличаются
расточительностью, --- согласился Дак'ур, ---
но разве все наше оружие не является в
какой-то степени реликтом?

Ба'кен был одним из тех, кто снял
свой шлем на время короткого отдыха. Его
губы неприязненно скривились.

--- Да, но есть реликты, а есть
реликты, --- произнес он уклончиво. --- Это
оружие следовало разобрать на запчасти и
списать много лет назад. Воин хорошо
настолько, насколько хорошо его оружие, а

эта солдатня со своей латаной броней и
дремучими идеями, мягко говоря,
оборванцы. --- Он затолчал, затем
повернулся и взглянул брату-сержанту
прямо в глаза. --- Я им не доверяю, Дак'ур.

Дак'ур внутренне согласился,
вспомнив о подозрениях Емека, но не стал
озвучивать этот факт. Нравятся они им
или нет, Злобные Десантники сейчас были
их союзниками, хотя и весьма
ненадежными. Любой комментарий в
поддержку точки зрения Ба'кена лишь
породил бы еще большие разногласия.

--- Интересно, что они делают на
корабле? --- закончил свою мысль Ба'кен,
пока брат-сержант молчал. И снова он
повторил невысказанные мысли Емека.

--- Подозреваю, что они не прочь
спросить нас о том же самом, --- ответил
Дак'ур.

Ба'кен как раз собрался продолжить
разговор, но, заметив приближающегося
сержанта Лоркара, протолчал.

Лоркар с боевым шлемом под мышкой
дождался приглашения Дак'ура сесть
рядом, благодарно кивнул и поставил

илет на ящик.

--- Наша прежняя враждебность, ---
приступил он к разговору, --- достойна
сожаления. Мы проявили
подозрительность и вели себя недостойно.
Подобное поведение не подобает братьям-
Астартес. Позволь мне загладить свою
вину.

Это был неожиданный ход.
Определенно не тот, которого ждал
Дак'ур.

--- В этом нет нужды, брат. Это было
всего лишь недопонимание.

--- И все же. Наша кровь вскипела, и
были сказаны слова, недопустимые в
разговоре между Астартес.

--- Тогда извинения приняты, --- кивнул
Дак'ур. --- Но в этом есть и наша вина.

--- Я ценю твое великодушие, брат... ---
Лоркар наклонился вперед и изогнул шею,
словно выискивая ила, --- Дак'ур.

Салатандр снова кивнул, на этот раз,
чтобы показать, что Лоркар не ошибся.
Сержант Злобных Десантников откинулся
назад, стараясь сохранить товарищескую
атмосферу, правда напряженную и

нестественную.

--- Скажи, брат, --- произнес он, и по тону Лоркара Дак'ур понял, что сейчас узнает мотив, который скрывался за неожиданным покаянием Злобного Десантника. --- В Агронном Поясе не ведется никаких военных операций. Что же привело вас сюда?

Лоркар был умен. Дак'ур не мог сказать наверняка, был ли вопрос сержанта просто пустой болтовней, и ощутил крепнущую уверенность, что нечто более глубокое прячется за его словами. Ему хотелось сказать, что сержант выбрал время не очень умно, но он промолчал.

--- Возмездие, --- ответил подошедший Тсу'ган тоном, похожим на лезвие ножа. Явно устав от бесполезной ходьбы, сержант Саламандр уцепился за беседу между Лоркаром и Дак'уром. --- Мы ищем убийц, которые хладнокровно расправились с нашим капитаном, --- изменников, называющих себя Воинати-Драконами.

--- Дела прошлого, значит. Понятно. --- Лоркар постукал по пластрону. --- Это

часть доспеха моего погибшего сержанта.
Я ношу ее, чтобы чтить его жертву. Двое
из моих убитых братьев носили этот
наруч и это оплечье, — он поочередно
указал на детали своего доспеха, — до того
как мои собственные оказались
непоправимо разбиты.

Тсу'ган окаменел от столь
неслыханного неуважения к священным
латам, но дал Лоркарү продолжить.

— А вы еще носите доспехи своего
мертвого капитана? — спросил тот.

Дак'ур вмешался в спор, чтобы
поддержать Тсу'гана:

— Нет. Их сожгли, обратили в пепел,
согласно нашим обычаям.

Лоркарү удивился:

— Вы их уничтожили? — В его голосе
даже слышался ужас. — Доспехи совсем
нельзя было починить?

— Кое-что можно было использовать, —
признал Дак'ур. — Но мы принесли их в
жертву огненной горе на Ноктюрне, нашел
домашнем мире, чтобы Кагай смог
вернуться в его землю.

Лоркарү покачал головой:

--- Прости, брат, но мы, Злобные
Десантники, просто не привыкли к такому
расточительству.

Тсу'ган больше не мог сдерживать
себя:

--- По-твоему, нам нужно было унижить
доспехи нашего капитана так, как ты?

Злобный Десантник трачно глянул на
сержанта:

--- Мы просто чтим наших павших
братьев.

Тсу'ган дернулся, словно ужаленный:

--- А мы -- нет? Мы воздаем должное
своим павшим героям, своим
поплакиваемым мертвым.

Скрежет наконец-то открывшейся
взрывостойкой двери предупредил едкий
ответ Лоркара. Сержант просто поднялся
на ноги и направился к технодесантнику.

--- А зачем вы здесь, сержант Лоркар?
Ты так и не сказал, -- спросил Дак'ир
вдогонку удаляющемуся десантнику.

--- Я не могу разглашать свои приказы
чужому ордену, -- ответил тот коротко,
натянул шлем и ушел к своим.

--- Однако рот ему затыкают не

только правила. Они что-то скрывают, --- пробормотал Тсу'ган, трачно глянув сначала вслеп Лоркарү, затем на Дак'ира, и тоже развернул ся.

Как только Тсу'ган үшел, Дак'ир шепнул Ба'кенү:

--- Держи үхо остро.

Ба'кен, который не отрывал глаз от удаляющегося сержанта в желтых доспехах, кивнул и үбрал рүкү со своего молота.

Полүпрозрачная дымка, точно усталое привидение, медленно стелилась по полу криогенного хранилища. Газообразная смесь азота с гелием, из которой состояло химическое соединение, предназначенное для үскорения криогенных процессов, плавно скатывалась с нескольких полүпрозрачных баков, расположенных у стены большого металлического зала. С высокого потолка свисали вездесүщие күрильницы, в нишах стен были үстановлены небольшие алтари механикүсов. Торчащих наружү шлангов, кабелей и прочей машинерии тоже

хватало. Все это походило на
выпотрошенные внутренности какого-то
механического чудовища, а все помещение
словно представляло собой часть его
организма-машины. Густые пучки труб и
проводов выходили наружу по периметру
комнаты и питали ряд криорезервуаров,
целиком занимающих пару приподнятых
полукруглых площадок в центре. Обе
площадки были подняты метра на два над
полом, с обоих концов на них вели
решетчатые металлические лестницы.
Была тут и платформа выключенного
подъемника, обозначенная
прямоугольником предупреждающих
стрелок. Проход между площадками вел к
единственному выходу из хранилища ---
огромным взрывостойким дверям,
запертым тремя адамантиевыми
стержнями.

Брат Емек провел латной перчаткой
по толстому плексигласу криорезервуара,
разрушив изящные узоры инея.

--- Внешних признаков жизни не
видно, --- пробормотал он через несколько

секунд. — Этот тоже мертв.

Испарения жидкого азота опускались к бронированным ногам Емека, забиваясь вокруг наголенников, и стекали через край площадки, призрачным покрывалом повисая в нескольких сантиметрах от пола.

У стены зала, что была ближе к корме корабля, Гаркейн пытался открыть двери. Тихое шипение плазменного резака приятно аккомпанировало машинному гудению стазисных баков. Половина Злобных Десантников — боевое звено Лоркара — собралась вокруг технодесантника, внимательно наблюдая за его работой, словно то, что находилось за этими дверями, представляло для них чрезвычайный интерес. Брат-сержант Лоркар теперь почти постоянно был занят переговорами по внутренней связи шлемов. Тот, от кого он получал свои приказы, периодически отдавал какие-то указания и требовал докладов о продвижении дел. Остальные костодесантники Лоркара молча стерегли вход и, если только чутье Дак'ура не обманывало, следили за ним и

эго боевыми братьями.

Саламангр в первую очередь интересовали возможные выжившие. Безразличие Злобных Десантников к этому вопросу не прошло незамеченным, однако было оставлено без обсуждений. Какова бы ни была цель этих Астартес, Саламангры ничего о ней не знали, и здесь было не место для того, чтобы один орден предъявлял необоснованные претензии другому, не владея всей информацией. Тем не менее Нурил был твердо уверен, что попыткам Саламангр спасти выживших цель Злобных Десантников не помешает.

Две группы по пять Саламангр, подобранных сержантами из обоих отделений, получили задание исследовать сорок криогенных камер. Одну группу возглавил Емек, вторую — Цагон. Камеры были установлены в два ряда по двадцать штук на приподнятых над полом площадках напротив взрывостойких дверей с обеих сторон. Внутри камер находились человеческие агенты. У некоторых были ампутированы конечности — из заживших обрубков выходили изолированные кабели и

провода. У других были пустые глазницы, обратленные розовыми рубцовыми тканями и крохотными дырочками, куда входили установочные штифты, которые затем вынули. Механические детали для экипажа — бионические глаза, руки, пучки механогендритов и даже гусеницы для тех, у кого были ампутированы обе ноги, — хранились в прозрачных ящиках из бронестекла, несущих печать зубчатого колеса механикусов и закрепленных у своих криорезервуаров. На данный момент восемнадцать из сорока агентов были мертвы.

У одного пошел не так процесс заморозки, высушив тело, — кристаллики льда покрывали мертвую кожу, точно какая-то заразная болезнь. Другой просто утонул в растворе, который не смог катализироваться, когда включили криорезервуар, — в вылезших из орбит глазах агента навсегда затерлось выражение паники, безнадежно колотивший изнутри кулак навечно примерз к стеклу. Другие погибли от сердечного приступа, возможно

случившегося во время криогенного процесса, при отделении механизированных конечностей и аутоментики или от гипотермии и других, не поддающихся распознаванию причин. Одно было ясно: действия, предпринятые для сохранения экипажа, который частично был еще жив, велись в спешке.

--- Брат-сержант Дак'ур, --- раздался в шлеме голос Емек.

--- Говори, брат, --- отозвался Дак'ур. Он стоял на нижней палубе рядом с братом Анионом, который пытался связаться с «Гневом Вулкана» при помощи устройства межкорабельной связи, установленного в зале. Но пока успехов он не добился --- ударный крейсер явно находился вне пределов досягаемости.

--- Вам стоит на это взглянуть, сэр, --- произнес Емек.

Дак'ур приказал Аниону продолжать попытки. Украдкой кинув взгляд на Тсу'гана, он увидел, что тот внимательно наблюдает за Лоркаром и его воинами у взрывостойкой двери. Беглый осмотр остальных показал, что Пуриил поглощен

тем же, хотя Дак'ур подозревал, что
взгляд библиария проникает гораздо
глубже, чем Тсу'ганов. Те боевые братья,
кто не был занят остотролом
криорезервуаров, стояли на страже.
Саламангры перемешались со Злобными
Десантниками, и напряжение между ними
было почти осязаемым. Ба'кен, например,
расположился рядом с костодесантником,
почти равным ему размерами. Злобный
Десантник носил череполик боевой
шлем, клювастое рыло которого было
срезано и запаяно наглухо, чтобы походить
на свой аналог в виде черепа. В отличие
от черепа на шлеме капеллана, который
искусно создавали похожим на настоящую
кость, изображение на боевом шлеме
Злобного Десантника было просто
нарисовано. Он вдобавок был вооружен
плазмаганом и держал его с уверенностью
прирожденного воина. Два массивных
костодесантника были очень похожи,
однако упорно делали вид, что не
замечают друг друга. Дак'ур,
поднимающийся в этот момент по
лестнице к криорезервуарам, понадеялся,

что и дальше не будут.

Емек стоял у третьего из четырех резервуаров, которые должен был осмотреть, когда увидел, что подошел сержант. Дело продвигалось явно медленно.

Большая часть аппаратуры криорезервуаров была повреждена, поэтому определить, как давно длится стазисный сон, не представлялось возможным. Кроме того, это затрудняло определение признаков жизни, но Саламандры, занятые осмотром, проводили его основательно и методично. Большинство биомониторов, расположенных под резервуарами, либо тоже не работали, либо настолько обледенели, что трудно было что-то там различить. Краем глаза Дак'ур заметил, что Цагон в некоторых случаях пользуется ауспином, пытаясь обнаружить признаки жизни. Боевой брат глянул на него в ответ через узкий провал между площадками, и Дак'ур почувствовал, как невольно подобрался.

--- Сэр, --- произнес Емек с легким кивком.

--- Показывай, брат.

Емек отступил назад, пропуская Дак'ура, чтобы тому было виднее.

--- Взгляните сами, сержант. --- Емек обтер ледяные кристаллики инея, который мешал смотреть сквозь плексиглас. Дак'ур взгляделся сквозь неровный разрыв в изморози и увидел внутри останки агента. Сначала трудно было что-либо различить --- в азотно-гелиевом растворе плавала кровь, много крови. Но в баке плавало еще кое-что, накрепко скованное застывшей жидкостью.

--- Плоть, --- сказал Емек из-за спины Дак'ура. --- И осколки костей, если не ошибаюсь.

--- Милость Вулкана! --- выдохнул Дак'ур. Его голос звучал глухо из-за шлема.

--- Самоповреждение, сэр. --- Объяснений тут, похоже, не требовалось. Глубокие рваные раны шли вниз по груди агента, по плечам, по ногам, в четыре дорожки, словно он их проделал ногтями. Руки агента служили явным тому доказательством, все покрытые кровью. Три ногтя были сорваны, явив нежно-

розовую пленку под ними. Остальные были забиты клочьями содранной кожи.

--- У него были глазные имплантаты? --- спросил Дак'ур.

--- Нет, сэр.

Значит, глаза он себе тоже вырвал. Кровь и слезь струились из разогранных глазниц --- глубоких, красных и рваных. Дак'ур угрюмо рассматривал отвратительную картину.

--- Твое мнение?

Емек замолчал, взвешивая слова, пока сержант не повернулся к нему, требуя ответа.

--- Я считаю, что корабль ополчился сам на себя, хотя не знаю как и не знаю почему, --- ответил он.

Дак'ур вспомнил вид «Архимедес Рекса» через обзорный иллюминатор «Огненной виверны»: в ретроспективе повреждения казались странными. Вполне можно было допустить, что корабль мог сам нанести себе ущерб. Это также объясняло, почему они встретили одиозного единственного магоса: он остался последним, убив остальных.

Криохранилище было закрыто не от внешнего врага, а чтобы не пустить остальных обитателей корабля.

--- А что насчет сервиторов? --- Дак'ур продолжил нить рассуждений вслух.

--- Они не так разумны, как магосы и другие агенты. Возможно, на них это не действует.

Дак'ур еще раз глянул на изуродованного агента в баке. Спасение для того пришло слишком поздно. Заткнутый внутри криорезервуара и не имея никого, на кого можно было бы напасть, он явно сам на себя накинүлся.

--- Продолжай искать живых, --- приказал Дак'ур, отворачиваясь и с облегчением отводя взгляд от жуткого зрелища. Когда он спускался по трапу обратно вниз, канал связи с треском ожил. Закрытый канал, предназначенный только для него и Тсү'гана.

--- Братья-сержанты.

Дак'ур оглянулся, услышав голос Нуриила. Библиарий продолжал внимательно следить за сомнительными союзниками. Причина его зова была

очевидной. Злобные Десантники вскрыли взрывостойкие двери. Подойдя к библиотеке, Дак'ур увидел внутренности помещения, на котором так зациклились желтые Астарес. Это был огромный склад сродни тому, что они обнаружили ранее, только гораздо больше. И еще в отличие от небольшого склада боеприпасов здесь хранились огромные запасы готового оружия и брони: комплекты доспехов Марк-VJ свисали с потолочных рам; болтеры выстроились в стойках, точно солдаты на параде, -- новехонькие и нетронутые; коробки, доверху набитые рожками с патронами, стояли на поддонах -- сотни, тысячи обоим в каждой коробе. Во всю длину похожего на ангар помещения простиралась бесконечная серо-черная масса военного снаряжения.

Злобные Десантники уже опустошали склад, сваливая оружие, боеприпасы и доспехи прямо у входа, ограничиваясь зоной, словно очерченной какой-то невидимой линией.

И тогда Дак'ур понял, что делал на «Архимедес Роксе» Лоркар со своими

боевыми братьями. Новехонькое
снаряжение было прекрасной заменой их
небразумительному антиквариату.
Злобные Десантники решили
переворужиться, присвоив себе
содержимое склада корабля-кузницы.

Один из желтых воинов, брат
Немиок, в акульем шлеме, что-то спешно
согласовал с сержантом, после чего достал
из большого подсумка на поясе некое
громозdkое устройство и, взявшись за
толстую ручку, поставил его на кучу
снаряжения. Устройство состояло из
сужающейся трубки с таблеткой наверху,
в которой находился маяк, и небольших
поршней, которые приводили в действие
ребристый компрессионный цилиндр.

Хотя прибор был грубо сделан и
выглядел устаревшим, Дак'ур сразу узнал
его. Это был телепортационный маяк. На
пути к «Архимедес Рексу» Саламандры его
не видели и не засекали датчиками
другого корабля. Дак'ур мог только
предположить, что сенсорат «Огненной
Виверны» не хватало дальности, чтобы
обнаружить его, потому как теперь

сержант был уверен, что у Злобных Десантников есть неподалеку крейсер, телепортариум которого готов втянуть краденое имущество механикусов.

Тсу'ган бросился к желтым Астартес, вставшим кольцом прямо перед зоной телепортации.

— У что это ты делаешь, брат?! — зарычал он на Лоркара, не обращая внимания на остальных.

Сержант, который руководил двумя боевыми братьями, вытаскивающими снаряжение со склада, ответил, даже не взглянув на Тсу'гана:

— А на что это похоже, Саламандр? Я пополняю запасы своего ордена.

— Ты крадешь то, что тебе не предназначено, — возразил Тсу'ган, сжимая кулаки. — Не знал я, что Злобные Десантники — бесчестные пираты.

Лоркар повернулся, и от его прежней бесстрастности не осталось и следа.

— Мы верные служители Императора. Наша честность безупречна. Мы лишь изыскиваем средства, чтобы вести Его войну.

--- Тогда читите договор, заключенный
между Нил и механикусами. У нас,
Астартес, нет никакого права грабить
погбитые корабли Марса. Ты не лучше
пагальщика, рвущего мясо с трупа.

--- Тебе-то вообще какая разница? ---
Лоркар едва заметно склонил голову,
словно глядя куда-то за спину
Саламандру. --- Не суйся.

Едва ощутив прикосновение к
наплечнику, Тсу'ган развернулся и
перехватил запястье костогесантника,
который пытался застать его врасплох.
Вывернув руку до хруста, Тсу'ган заставил
противника опуститься на одно колено.

--- Попробуй встать, и я разнесу
тебе колено, --- пообещал Тсу'ган, обращаясь
к череполикому гесаннику с
плазмаганом. Несмотря на явную боль,
желтый Астартес сначала глянул на
своего сержанта, прежде чем сдаться.

Ба'кен двинулся со своего места, как и
остальные Саламандры: и те, кто стоял
на страже, и те, кто осматривал
криорезервуары.

--- Всем оставаться на местах. ---

Короткий приказ Пуриила остановил дальнейшее обострение ситуации.

Ба'кен, казалось, решил двинуться дальше вопреки приказу, но Дак'ур взглядом предостерег его, и десантник остался просто наблюдать. Из Злобных Десантников вперед шагнул только брат Реннарг, явно действуя согласно предыдущим указаниям своего сержанта.

Лоркар, сжав кулаки, обдумывал свои дальнейшие действия. Время словно остановилось. Напряжение в зале росло, еще чуть надавить — и оно лопнет, обратившись в кровавое насилие. Дак'ур заметил, что Гаркейн переключил оружейную платформу из спящего режима в активный — красная прицельная матрица заплесала на пелене криогаза.

Он подумал: не обезвредит ли технодесантника? В плазменном пистолете еще хватило бы заряда на один выстрел. Однако спустя мгновение Дак'ур отказался от этой мысли. В столь шаткой ситуации любое неожиданное движение могло стать роковым. Тсу'ган пока владел положением, и Дак'уру

придется с этим смириться. Однако не помешает немного подстраховаться, и Дак'ур отдал почти беззвучный приказ по закрытому каналу связи.

--- Ты в самом деле этого хочешь? ---
Тсу'ган все еще стоял спиной к Лоркару, уставившись на десантника, которого держал в захвате.

Лоркар медленно выдохнул и разжал кулаки.

--- Брат Реннарг, подчинись, --- приказал он неохотно, и череполикий Астартес расслабился.

Тсу'ган отпустил его и снова повернулся к Лоркару --- предстояло уладить возникшую затруднительную ситуацию.

--- Это оружие может либо продолжать пылиться на этой развалине, либо быть использовано для уничтожения врагов человечества. Мы его не оставим.

Голос Нуриила вклинился в безвыходное противостояние:

--- Ты ошибаешься. Оружие будет возвращено механикусам для надлежащего распределения. Вас меньше, чем нас.

Никто здесь не хочет драки. Отступитесь или пожалеете.

Гаркейн шевельнулся, намереваясь сделать что-то, о чем позже пожалел бы, но дернулся, словно ужаленный.

«Я разрушу твой разум прежде, чем твой палец нажмет на курок!»

Дак'ир почувствовал психический приказ, адресованный лишь Гаркейну, и его продрал мороз по коже.

Лоркар, не подозревавший о ментальной угрозе, решительно потнул головой:

--- Эти оружие и броня покидают корабль. --- Он прервался, слегка склонив голову, снова выслушивая указания, передаваемые по связи.

--- Давай-ка послушаем твои приказы, Злобный! --- презрительно рыкнул Тсу'ган. --- Или голос на другом конце канала слишком труслив?

Реннарг уже поднялся на ноги и теперь поддерживал сломанное запястье.

--- Ты проявляешь неуважение к капитану Астартес! --- громко заявил он.

Тсу'ган накинулся на него.

--- Так покажите мне этого капитана, --- потребовал он. --- Я слышу лишь шепот труса, который прячется за спиной своего сержанта.

Сзади над набычившимся Реннардом, который стоял, слегка сгорбившись над поврежденной рукой, внезапно угрожающе навис Ба'кен, и Злобному Десантнику хватило ума ничего больше не делать и лишь кипеть от негодования под своим такабрическим шлемом.

Дак'ур кивнул мозучему Саламандру, тот кивнул в ответ.

--- Ну так что? --- продолжал напирать Тсу'ган, сосредоточившись на сержанте Злобных Десантников. --- Где он?

Лоркар шагнул вперед, кольцо доспехов разомкнулось и пропустило его. Сержант отцепил с пояса какой-то предмет и встал лицом к лицу с Тсу'ганом. Тут же встав плечом к плечу с братом-сержантом, Дак'ур заметил, что Нириил сделал то же самое. Лоркар прошипел:

--- Как пожелаешь...

--- Держитесь!

«Чистилище»

Это было последнее, что услышал Дак'ур, перед тем как криохранилище исчезло в яркой белой вспышке. Затем пришла боль, такая глубокая и острая, словно все его органы выворачивало наизнанку, словно сама молекулярная решетка его существа в наносекунду распалась, атом за атомом, затем воссоздавалась и мгновение спустя рассыпалась снова. Запах серы и кордита рвал ноздри, такой оглушающий, что Дак'ур не мог вдохнуть. Резкий привкус меди заполнил рот; все понятия о времени и бытии растворились в море первобытных инстинктов, как у новорожденного. Осязаемое уступило место неосязаемому, когда органы чувств перестали что-либо ощущать.

Вокруг Дак'ура словно медленно проявляли фотографию. Химический запах остался, как и кровь, заполнившая рот. Он увидел металл, ощутил его

твердость под ногами. Следом появились тошнота и внезапный приступ головокружения, от которого Дак'ура качнуло, пока вокруг возвращался материальный мир.

Дак'ур находился на корабле. Устройство в руке Лоркара оказалось маяком наведения, при помощи которого он телепортировал их на борт.

--- Тошнота пройдет. --- Дак'ур узнал скрипучий голос Лоркара.

Салатангр стоял посреди большого круглого зала. Свод потолка, тускло освещенного натриевыми светильниками-сигулякрати, терялся в непроглядной тьме. Огромный зал по периметру был завешен знаменами с описанием многочисленных побед; заглавия на них были выписаны готическим шрифтом. Желто-черные Астартес вздымали черепки и прочие зловещие талисманы, словно демонстрируя их восхищенной толпе. Истории сотни с лишним кампаний были выписаны по окружности зала, и каждая восхваляла вторую роту ордена Злобных Десантников. Злобные Десантники не

входили в число орденів Первого
Основания, они не сражались в Великом
крестовом походе, приводя к Согласию
тысячи миров, однако, глядя на эти лавры,
легко можно было ошибиться и подумать
обратное.

Хвастливые знамена для лучшего
эффекта были украшены изображениями
по-настоящему макабрических символов
одержанных побед. Так'ур увидел черепа
ксеносов: орков, чьи выпирающие челюсти
и покатые лбы нельзя было не узнать,
биоформы тиранидов, знакомые ему по
залу Памяти на Прометее — особенно по
той его части, где рассказывалось о
подвигах второй роты на Умгарле, когда
они вычистили спутник от генокрасской
заразы. Выбеленные черепа ненавистных
эльдаров щерились на него сверху,
презрительные и высокомерные даже после
смерти. Вычурные боевые шлемы
легионеров-предателей тоже были
представлены здесь, пустые и зловещие.
Так'ур с волнением заметил боевой шлем
без узнаваемых меток Хаоса, который
вызвал в памяти болезненный укол

вспоминания. В полутраке трудно было различить, и вдобавок Дак'ур еще не отошел от неприятных ощущений недавней телепортации, но, кажется, шел был затогильно-черного цвета с костяными выступами, торчащими из такучки, словно гребень.

— Угуот, ты мог убить нас всех своим фокусом!

Внимание Дак'ура отвлек голос Тсу'гана. Тот, сжав кулаки, обратил свой гнев и ярость на Лоркара. Сержанта Саламандр трясло, хотя Дак'ур не мог сказать точно — от злости или от последствий внезапного перемещения с «Архимедес Рекса».

Однако Тсу'ган был прав. Телепортация — опасная и неточная наука. Даже при наличии наводящего маяка шансы затеряться в варпе или перенестись обратно в виде бормочущей лужи пузырящегося студня, когда твои внутренности становятся наружностью, оставались неуютно велики. А телепортироваться, когда те, кто переносится, не готовы или не облачены в

терминаторские доспехи, которые могут защитить от суровых физических условий процесса, было еще рискованнее.

— Я это сделал и чтобы изложить свою точку зрения. — Голос, твердый как железо, был полон силы и самоуверенности. Он гулко докатился из того конца зала, что был погружен во тьму, и Саламангры повернулись в поисках его источника.

Там, размыкая круг славы и почета, покоился на стальном возвышении черный трон, на котором восседала фигура, похожая на привольно развалившегося короля. На виду торчали лишь носки баштаков, ореолот отражая свет ближайшей лампы-сигулякра, да смутно проступали из темноты желтые поножи. Личность сидящего до настоящего момента была покрыта тьмой.

Он был явно знатоком военной истории. Над треном висели многочисленные карты древних завоеваний и походов. Хватало там и оружия: эзотерических огнестрельных ружей, клинков неизвестного происхождения и прочих необычных предметов. Все

убранство тронного зала представляло собой выставку горделивого бахвальства, свидетельствующую о явной склонности капитана к тщеславию.

— Я капитан Виньяр. Это — мой корабль, «Чистилище». Если вы думаете, что обладаете здесь какой-то властью, то ошибаетесь. Корабль механикусов мой, я заявляю права на все, что в нем есть.

— Заявляешь права? Ты не можешь заявлять никаких прав на «Архимедес Рекс» и оставишь его под нашим надзором именем Императора, — заявил Тсу'ган.

— Утерь свой пыл, брат-сержант, — предупредил вполголоса до сих пор просто наблюдавший Нуриил. — Ты обращаешься к капитану Астартес.

Дак'ур ответил, что, в отличие от них с Тсу'ганом, библиарий не выказывал никаких внешних признаков дискомфорта от вынужденного путешествия.

— Ты мудр, раз держишь своего сержанта на поводке, библиарий, — произнес Виньяр и подался вперед так, чтобы на его лицо упал свет.

Выражение лица капитана было

таким же твердым, как и его голос. Бесстрастные глаза смотрели с почти квадратной головы, сидящей на широких плечах Астартес. Практически лысый, если не считать редких пучков коротко остриженных волос, покрывающих голову, словно волосатые раны, Виньяр был обладателем щетинистого подбородка и челюсти, похожей на кувалду. Три платиновых штифта намечали линию через лоб над налитым кровью левым глазом.

Капитан был облачен в доспехи, окрашенные в такие же, желтый с черным, цвета, как и у его боевых братьев. Оба наплечника украшали шевроны --- ветеранские знаки «опасности» Злобных Десантников. Черная мантия из всклокоченного горноста висела на плечах, точно старая мешковина. Левая рука оканчивалась силовой перчаткой, пальцы которой казались сплавленными воедино, и, видимо, рука больше не могла разжаться. Дак'ур так понял, что Виньяру все равно не было нужды что-то ею брать, рука ему была нужна лишь как молот.

которым он крушит своих врагов.

Верхняя губа капитана изогнулась, что отдаленно должно было изображать улыбку, но веселья в ней не было. Если Лоркар выглядел суровым, то по сравнению с ним лицо Виньяра было словно налитое свинцом.

Дак'ур отметил, что суроволицый капитан даже не потрудился узнать имя Нуриила и уж тем более их. Имена для Виньяра явно не имели никакого значения.

— Однако он поднял правомерный вопрос, брат-капитан Виньяр, — заявил Нуриил, выступив вперед, когда капитан отпустил Лоркара.

— Неужели? — настешливо поинтересовался Виньяр.

Дак'ур заметил массивные бронированные силуэты в сутраке у границ тронного зала, позади стены из победных знамен. Он понял, что это терминаторы, облаченные, однако, в эрзац-вариант современных тактических гредноутских доспехов. Доспехи были громоздкими, с плечами, возвышавшимися над утопленными, похожими на коробки

боевыми шлемами с рудиментарной
ротовой решеткой. Они были сделаны
гораздо грубее, с ограниченной
подвижностью, но несли довольно
стандартное вооружение, состоящее из
силовой перчатки и спаренного
комбиболтера вместо более привычного
штурмболтера. Тем не менее, несмотря
на всю архаичность, Астартес, облаченные
в эти доспехи, по-прежнему представляли
смертельную опасность.

Пуриил продолжил не колеблясь:

--- Вы немедленно оставите
«Архимедес Рекс» и сдадите корабль
кузнице нам.

--- Пожалуйста, брат, --- ухмыльнулся
Виньяр. Дак'ир сравнил бы его лицо с
торгой акулы, если та вдруг когда-нибудь
развеселится. --- Мне нужно лишь его
содержимое.

--- Которое вы также оставите нам, ---
продолжил Пуриил, не разделяя его
веселого тона.

Виньяр откинулся назад и снова
пропал в сумраке --- игра ему явно
наскучила.

--- Выведи его на экран, --- приказал он в корабельный вокс-линк, встроенный в подлокотник.

Неподалеку от трона Виньяра между плитами палубы полезла вверх небольшая антенна. Поднявшись на два метра, она остановилась и развернула на такую же трехметровые штанги, между которыми появилось голографическое изображение. Оно показывало «Архимедес Рекс», точнее — увеличенный вид части его генераториумов, невидимых с той стороны, откуда летела «Огненная Виверна». Пикт отбрасывал зернистое голубое сияние, зловеще подсвечивая в полутьме Виньяра.

--- Генераториумы, которые вы видите на голоотражении, снабжают энергией в числе прочих и системы жизнеобеспечения корабля-кузницы.

Изображение быстро передвинулось, показав законченный ствол артиллерийской башни.

--- Одна из многих на «Чистилище», --- пояснил Виньяр. --- Магистр Воркан, вы готовы к поражению цели?

Бестелесный голос из вокс-линка
ответил:

--- Да, милорд.

Виньяр снова обратился к
Саламанграм:

--- Одного выстрела хватит, чтобы
нанести генераториумам критические
повреждения, уничтожив системы
жизнеобеспечения, а вместе с ними и
возможность спасти всех выживших на
борту.

Тсу'ган расщиренел, едва сдерживая
себя. Дак'ур почувствовал, как хрустнули
кости пальцев, --- он неосознанно сжал
кулаки. Это было уже слишком. Угрожать
человеческой жизни с подобным вопиющим
пренебрежением --- от такого его просто
тошнило, так что вместо возражений он
издал скрежещущий хрип.

--- Ты не можешь угрожать этим
всерьез. Присваивать оружие, красть с
поврежденного корабля --- это одно, но
убийство...

--- Я не убийца, брат-сержант. --- В
черных пятнах глаз Виньяра сверкнули
злые огоньки, когда он взглянул на

Дак'ира. — Убийство — это нуля ассасина или нож ульевича в спину. Я солдат, как и ты. А на войне приходится кем-то жертвовать. Я действую из соображений необходимости, дабы позволить своему ордену добиться цели. Это вы меня вынуждаете, а не наоборот.

— Только постей, и мне придется отдать приказ своим Астартес на борту «Архимедес Рекса» взять под стражу твоих. Результат получится не в твою пользу, — заявил Пуриил, вновь вступив в спор. — Ты обречешь своих воинов на такую судьбу?

Голопикт отключился, свечение исчезло, антенна убралась.

Виньяр снова наклонился вперед и ответил издевательским тоном:

— Конечно нет. Они будут извлечены оттуда до того, как начнется атака.

— Как? — насмешливо спросил Тсу'ган. — Даже Гвардия Ворона не сможет выполнить подобный маневр.

Виньяр обратил взор на брата-сержанта:

— Точно так же, как мы вытащили

вас. Теленортировать оттуда гораздо проще, чем туда, почему я и предпочел абордажные торпеды для первоначального проникновения.

Заносчивый капитан позволил себе паузу. За это время его самодовольство ненадолго угасло, сменившись налетом показной искренности.

--- Все мы, Астартес, --- братья. Не пристало нам драться из-за такого. Здесь нет злого умысла --- это лишь война. Я сражался более чем в сотне походов, на сотнях миров и в сотнях систем. Ксеносы, предатели и еретики, ведьмы и демоны всех обличий --- все они гибли от моей справедливой руки. Человечество обязано моему ордену, как обязано всем орденам Астартес. Это благодаря силе нашей воли и нашего оружия они живут в безопасности, не ведая об ужасах Древней Ночи. --- Он широко повел рукой, словно вся Вселенная утешалась в его тронном зале. --- Что такое судьба нескольких, когда на другой чаше весов --- Галактика триллионов?

--- Дурные поступки есть дурные

поступки, — возразил Дак'ир. — Нет таких
весов, на которых их могут перевесить
твои победы, брат-капитан, и нет такой
меры, которой можно измерить
чужовищность деяний.

Виньяр выставил руку, его голос стал
как никогда серьезным:

— Я не чужовище. Я делаю то, что
должен, чтобы служить свету
Императора. Но не обманись... — И, словно
колющий ветер сдул пепел с погасшего
 костра, его печаль пропала. — Здесь я
хозяин. И я тот, кто будет диктовать,
что...

Треск вокс-линка из подлокотника
прервал его.

— Да, — нетерпеливо прошипел
Виньяр.

— Милорд, — бестелесный голос
исходил из какой-то неведомой части
корабля, — нас вызывает корабль. —
Потолчав мгновение, голос продолжил: —
Это ударный крейсер Астартес.

Виньяр изогнул бровь, повернувшись к
Саламанграм. Их разговор остался
незаконченным, капитан внезапно ощутил,

что его превосходство испаряется, точно вода с раскаленного песка, и неохотно приказал:

--- Транслируй его в тронный зал.

Связь прервалась, эфир вновь залил ливень помех, пока системы связи корабля переключались на другой источник сигнала.

--- Ваш, я полагаю, --- буркнул Виньяр с горьким презрением.

Пирил даже не успел кивнуть, когда из скрытых в стенах зала вокс-громкоговорителей мощно зазвучал голос капитана Н'келна:

--- Это брат-капитан Н'келн, третья роты Саламандр, с борта ударного крейсера «Гнев Вулкана». Немедленно отпустите моих людей --- или я не ручаюсь за последствия.

Дак'ир улыбнулся за маской шлема. Брат Анион, похоже, сумел установить связь с крейсером.

--- Вы обращаетесь к капитану Виньяру из Злобных Десантников, а мы не выполняем чужих требований. --- Виньяр хорохорился, несмотря на шаткое

положение, в котором оказался.

--- Мои ты выполнишь, --- коротко ответил Н'келн. --- Препроводи моих людей обратно на «Архимедес Рекс». Третий раз я просить не буду.

--- Твои люди могут уйти, когда им захочется. Они сами искали встречи.

--- Ты также передашь корабль-кузницу под нашу ответственность, --- продолжал наступать Н'келн, пропустив мимо ушей слова капитана.

Виньяр нахмурился: ему явно не нравилось, как развиваются события.

--- Корабль наш, --- прошипел он, окидывая злым взглядом стоящих перед ним Саламандр, точно вытещая свой гнев на них вместо их отсутствующего капитана. --- Я его не уступаю.

Вновь возникла пауза, затем вокс-линк затрещал и раздался прежний бестелесный голос:

--- Милорд, «Гнев Вулкана» приводит орудия в боевую готовность.

Виньяр резко развернулся к воксу, точно это был враг, которого можно угрозой или страхом заставить

отказаться от своих слов.

--- Что?! --- рявкнул он, мечая гневные взгляды на Нуриила. --- Подтвердите: корабль Саламандр наводит орудия?

--- Весь борт лазерных батарей, милорд.

Виньяр врезал силовым кулаком по подлокотнику. Из-под кулака посыпались на пол остатки разбитых электросхем и прочие обломки. Капитан яростно уставился на непрошенных гостей.

--- Вы собираетесь открыть огонь по кораблю братьев-Астартес и при этом выговариваете мне за угрозу казнить сборище людей-слуг?

Саламандры спокойно молчали. Противостояние уже почти закончилось, и им нужно было лишь выждать.

Виньяр тяжело осел на полотанный трон, вся его нагтенность и превосходство испарились, стенившись кипящей злобой. В воздухе повисло напряжение, и в какой-то момент показалось, что капитан Злобных Десантников раздумывает: атаковать все-таки «Гнев Вулкана» и перебить чужаков у себя на корабле или нет? В конце концов

он сдался.

--- Забирайте корабль, если он вам так нужен. Но запомните: этого оскорбления я не забуду, Саламангры. Ни один, поднявший оружие против Злобных Десантников, не сделал этого безнаказанно.

Виньяр отвернулся, чтобы в толчании обдуть что-то под покровом сумрака. Когда несколько секунд спустя он заговорил снова, голос его превратился в полное ненависти шипение:

--- А теперь проваливайте с моего корабля!

Не желая подвергать себя капризам телепортариума «Чистилища» или злости его капитана, Пуриил переместил заплывавших Саламангр обратно на «Архимедес Рекс», психически открыв «врата бесконечности» в илматериум. Использовать подобную мощь было довольно рискованно, но Пуриил, будучи библиарием уровня эпистолярия, прекрасно знал свое дело. Трое Астартес вернулись обратно в криохранилище на борту

корабля-кузницы без всяких происшествий.

Когда металлические стены
тронного зала неторопливо растаяли,
Дак'ур нашел путешествие хотя и
неприятным, но все же менее
 дезориентирующим. Вспышка

потустороннего света предвестила их
прибытие, затем ткань материального
мира разошлась, пропуская Саламандр.
Появившись в реальности, они обнаружили,
что окружены своими боевыми братьями с
оружием наготове на случай, если вместе
с ними сквозь разрыв в ткани реальности,
созданный Пурилом, явится что-то
чуждое.

По прибытии на «Архимедес Рекс»,
когда бдительные боевые братья
разошлись, Дак'ур заметил, что Злобных
Десантников больше нет. Виньяр, похоже,
выполнил обещание перенести своих воинов
с корабля. Но не хватало не только их.
Небольшой запас снаряжения, который
Злобные Десантники сложили для
телепортации, тоже отсутствовал.

--- Когда это произошло? ---
потребовал объяснений Тсу'ган, едва

заметив пропажу оружия и доспехов.

--- Во время эвакуации, не больше
минуты до вашего прибытия, --- сообщил
брат Станг. --- И люди, и снаряжение
пропали одновременно.

Станг был одним из тех, кто стоял
на страже и среагировал на возвращение
пропавшего сержанта. Тсу'ган недовольно
покачал головой и повернулся к брату
Апиону, который держался поодаль, у
корабельного вокс-линка. Это он установил
связь с «Гневом Вулкана».

--- Этого нельзя так оставить.
Немедленно вызови капитана Н'келна. Мы
должны догнать этих трусов и вернуть
то, что они украли.

--- Со всем уважением, брат-сержант,
но капитан Н'келн уже извещен.

Ярость Тсу'гана на мгновение
утихла:

--- И что планируется предпринять?

--- Ничего, сэр. Капитан
удовольствовался тем, что у нас остались
корабль и груз оружия. Он не желает
нагнетать ситуацию со Злобными
Десантниками еще больше.

--- Но какой причине? --- спросил
Тсу'ган с резко вернувшейся злостью. --- Они
пираты, что равносильно отступникам в
моих глазах. Виньяр и его ублюдки должны
за это ответить.

Брат Анион, к его чести, не дрогнул
перед сержантским гневом:

--- Таков приказ капитана, сэр.

--- Приказ без объяснений?

--- Да, сэр.

В разговор просочился голос Цагона:

--- Я уверен, что у капитана были на
то свои причины, брат-сержант. Видимо,
он не желает рисковать жизнями всех,
возможно уцелевших, механикусов.

Цагон, не входивший в группу
охранения, стоял возле площадки, с
которой только что спустился по какому-
то делу. Он бросил взгляд на
криорезервуары:

--- Немногих, как это может
оказаться. Вдобавок рота измотана после
предыдущего похода. Мы все еще
зализываем свои раны. Он не мог
согласиться на вооруженный конфликт с
другим ударным крейсером, не обладая

элементом неожиданности.

--- Придержи свой змеиный язык, Уагон. --- Над Саламандрой навис Ба'кен. --- Не тебе обсуждать приказы капитана.

Уагон не стал хорохориться перед огромным воином. Он лишь грустно махнул рукой и отступил на шаг, прежде чем с преувеличенным интересом заняться данными с криорезервуаров, подключенных к его ауспику.

Дак'ур принял эстафету из рук своего специалиста по тяжелому вооружению:

--- Капитан Н'келн достаточно мудр, чтобы понимать, что любая стычка со своими же боевыми братьями, пусть и из такого своевольного ордена, как Злобные Десантники, безрассудна и бесполезна.

--- Твоего мнения никто не спрашивал, изнеец, --- мрачно огрызнулся Тсү'ган. Атмосфера вокруг собравшихся Саламандр снова становилась напряженной, точно Злобные Десантники и не уходили.

--- Успокойся, брат-сержант. --- Голос Нуриила был тверд и холоден, как наковальня. Слабое сияние гасло в линзах его шлема, и Дак'ур предположил, что

библиарий теленатически общался со
своими далекими братьями. --- «Гнев
Вулкана» уже на пути к нам. Мы должны
собраться в ангаре истребителей, где нас
встретит «Грозовой ястреб».
Криорезервуары с выжившими должны
быть подготовлены к транспортировке.

Тсу'ган был готов возразить, явно
рассерженный тем, что он считал
капитуляцией перед лицом врага. Пуриил
направил его энергию в нужное русло:

--- Ты получил свой приказ, брат-
сержант.

Тсу'ган успокоился, к нему вернулось
самообладание.

--- Как пожелаете, милорд, --- ответил
он и отправился собирать свое отделение.

Дак'ур смотрел ему вслед, видя, как
гнев повис над ним темным пятном.
Тсу'ган плохо умел скрывать свои чувства,
даже за керамитовой маской шлема. Но
Дак'ур чувствовал, что недовольство
сержанта направлено не на библиария, а на
Н'келна. Уродливый призрак раскола вдруг
снова затаячил над третьей ротой.

Стараясь выбросить из головы эти

мысли, Дак'ур сосредоточил свое внимание на других Саламандрах, которые в данный момент занимались подготовкой криорезервуаров для немедленной эвакуации и транспортировки, отключая их от бортовых систем корабля и переводя на внутренние источники энергии. Конечно, это была рискованная процедура, которая не обошлась без потерь, но лишь так еще живые агенты могли покинуть «Архимедес Рекс». Как и первоначальный осмотр обитателей криорезервуаров, осторожное их извлечение с корабля-кузницы оказалось делом небыстрым. Емекс с Цагоном, который вернулся к своим обязанностям, руководили командами, кропотливо, аккуратно работая с каждым резервуаром. Окончательный результат был удручающим: выжило всего семеро.

Награда за такое тяжелое путешествие оказалась совсем невелика. Дак'уру снова вспомнились сомнения в решении Н'келна, который настоял на этой операции. Бесплодность результатов на корабле-кузнице служила лишь подтверждением этих сомнений. Он

сколько подумал: сколько еще таких криорезервуаров было разбросано по всему кораблю и сумели ли бы Саламандры добраться до этих резервуаров и спасти остальных выживших? Этим семерых, что еще были живы, когда их переместили на борт «Гнева Вулкана», наконец-то добравшегося до корабля-кузницы, нужно будет доставить в ближайшее медицинское учреждение Империи, откуда их заберут механикусы. Если, конечно, марсиане вообще решат их забрать. В любом случае после оживления и реабилитации они снова вернутся на службу во славу Империи.

— Рад видеть, что ты вернулся целым, с кишками внутри госпехов и со всеми руками и ногами на месте, — вполголоса произнес Ба'кен, невольно вторгнувшись в раздумья Дак'ира.

— Твоя радость уступает лишь моей собственной, брат. Такого Астартес, как Виньяр, их капитан, я еще не встречал. Совершенно безжалостный — полная противоположность Саламандрам. Хорошо снова оказаться среди своих. Однако все

это заставило меня задуматься: не слишком ли мы сострагательны и не упускает ли тот факт, что мы ценим человеческую жизнь, возможно, превыше жизни любого из своих братьев, нашу эффективность как воинов?

Ба'кен негромко и безрадостно хмыкнул:

--- Капеллан Элизий сказал бы, что Астартес не испытывают сомнений, они уверены во всем, особенно в войне. Но на мой взгляд, существует разница между догматами и реальностью. Только задавая вопросы, а затем узнавая, какой из ответов правильный, мы можем по-настоящему обрести уверенность. Что же до сострадания как слабости... Я так не думаю, сэр. Сострадание --- наше величайшее качество. Это то, что связывает нас как братьев и объединяет на пути к справедливой и благородной цели, --- ответил Ба'кен, уверенный и непоколебимый, как сам камень горы Смертного Огня.

--- Наши братские узы в последнее время все больше похожат на удавку. ---

Дак'ур явно намекал на разлаг в третьей
роме.

--- Да, и эта операция нисколько ее не
ослабит.

Пока эти мрачные мысли роились в
голове у Дак'ура, какая-то непонятная
тяга на границе подсознания заставила его
повернуться к распахнутым
взрывостойким дверям, ведущим на склад.
Злобные Десантники сбежали лишь с
небольшой частью хранившегося внутри
снаряжения, но Дак'ура все равно словно
что-то принуждало взглянуть на то, что
осталось.

--- Брат-сержант? --- Голос Ба'кена
вторгся в мысли анализирующего
внутренние ощущения Дак'ура.

Дак'ур оглянулся.

--- Что-то не так? --- спросил Ба'кен.

Дак'ур даже не понял, когда отошел
от него. Внутрь склада его влекло точно
пение сирен, и он уже почти стоял на
пороге, когда Ба'кен окликнул его.

--- Нет, брат. --- Хотя честно, Дак'ур
даже не знал, так ли это. --- Нужно
осмотреть оставшиеся запасы оружия

перед транспортировкой, вот и все.

--- Так пусть этим займутся слуги после нашего возвращения на «Гнев Вулкана». Это дело не для Астартес, тем более не для брата-сержанта.

--- Я просто осмотрюсь, Ба'кен. --- Даже для самого Дак'ира объяснение прозвучало слабовато. Он чувствовал себя странно отрешенным, как когда телепортариум выдернул их из материальной вселенной, а затем вернул обратно, уже на борт «Чистилища». Только на этот раз было как-то по-другому, почти неосознано, словно мир вокруг окутал тонкий слой тумана, обостряя огни чувства, приглушая другие и расширяя сознание.

--- Помощь нужна? Я могу отправить с тобой Г'хеба с Зо'таном.

--- Нет, Ба'кен, в этом нет необходимости. Я справлюсь один. --- Перед тем как отвернуться, Дак'ир прибавил, словно высказывая запоздалую мысль: --- Ты мудр, Ба'кен, и станешь отличным сержантом.

--- Да ладно. Огни созданы, чтобы

командовать, другие --- чтобы сражаться, брат, --- возразил Ба'кен. --- У мне известно, что сам я --- из вторых.

Дак'ир не сомневался, что, сумея он заглянуть за маску шлема собрата, он увидел бы его. А потом, уже не в силах больше сопротивляться, Дак'ир зашел внутрь склада, и Ба'кен вместе с остальными братьями пропал из виду.

Обширное помещение изнутри казалось больше, чем снаружи. Уложенными рядами оружием, доспехами и боеприпасами можно было вооружить небольшую армию. Медленно шагая вдоль зала, в котором была минимум сотня метров от края до края, Дак'ир отмечал стойки с тяжелым вооружением, поставленные между рядами болтеров, ракетные установки, уложенные в устланные пеноматериалом ящики, рядом уютно устроились по трое реактивные боеприпасы; тяжелые болтеры, расставленные на отдельных стойках, казались громогдыми и пропитанными жестокой мощью, рядом лежали ленты боепитания, свернутые в барабаны; ряды

огнеметов с безукоризненно чистыми соплами запальников, рядом лежали баллоны летучего прометия. Еще Дак'ур заметил комплекты силовых доспехов: все темно-металлические, ожидающие посвящения в цвета ордена, которому предназначались, а также оружейников и техногесантников, которые добавят эмблемы и почетные знаки. Доспехи походили на призраки, когда Дак'ур шел мимо. Они выглядели тусклыми и бесцветными, как и все помещение, залитое приглушенным светом. Мощный зов, песнь сирен для него, теперь гремел в ушах и настойчиво пульсировал в основании черепа, словно медленно стучащее сердце. Ближе к концу глинного зала пульсация усилилась, звон в ушах становился все выше. И в тот момент, когда Дак'ур уже готов был закричать, звук пропал. Сержант увидел простой металлический ларец, приютившийся в самой глубине зала, такой неуместный среди всего этого снаряжения. Ларец был небольшой: Дак'ур мог бы удержать его в одной руке. Прямоугольный, с острыми

краяти, он напомунал верхнюю часть наковальни. На плоской крышке виднелась какая-то надпись.

Это был просто ларец, безобидное местопребывание для какой-то неведомой вещи, однако Дак'ур, дойдя до него, затешился. Не страх останавливал его руку --- Астартес были выше подобных вещей, --- скорее, это было что-то, похожее на благословение.

--- Дак'ур...

Саламандр резко развернулся, но, увидев Пуриула, тут же расслабился, но только слегка. Библиарий смотрел на что-то у пояса брата-сержанта. Дак'ур проследил за его взглядом и увидел в своих руках ларец. Он даже не понял, как подобрал его.

--- Я кое-что обнаружил, брат-библиарий, --- довольно глупо сообщил он.

--- Я вижу, брат. Правда, я удивлен, что ты вообще его отыскал. --- Пуриул указал куда-то за спину Саламандра.

Дак'ур обернулся и увидел опрокинутые короба, кучи рассыпанных боеприпасов, перевернутые стойки с

оружием. Столь усердные поиски ларца совсем не отложились в его памяти.

--- Ускал ты не очень тихо, --- сообщил Нириил.

Дак'ур повернулся обратно, всем своим видом выражая неверие.

--- О твоем присутствии меня предупредил грохот, брат, --- продолжил библиарий, и Дак'ур ощутил на себе тот же горящий взгляд: оценивающий, взвешивающий, внимательный.

--- Я... --- смог лишь выдать сержант Саламандр.

--- Дай мне взглянуть. --- Нириил протянул руку и благоговейно принял протянутый Дак'уром ларец.

Затем библиарий обратил всезнающий взор на артефакт в своей руке.

--- Это знак Вулкана, --- произнес он немого погody. --- Это его символ, уникальное клеймо, которое принадлежало только примарху и его отцам кузницы.

Пальцы Нириила скользили по едва различимым желобкам и гравировке, сейчас вдруг проступившим на поверхности ящика. Он касался их

осторожно, словно хрупкого фарфора, хотя ларец был сделан из крепкого металла.

--- Он заперт, --- продолжил он, хотя сейчас, похоже, говорил сам с собой. --- Открыть его не в моих силах.

Библиарий затолчал, словно обнаружив какую-то скрытую грань ларца.

--- Здесь штамп происхождения...

Пириил поднял взгляд, точно онемев от изумления.

--- Что там, брат? Откуда это ларец?

Пириил произнес одно-единственное слово, словно лишь этот звук смог покинуть его уста в данный момент. Это слово было хорошо знакомо Дак'иру, и оно несло в себе тяжкий груз пророчества.

--- Усстваан.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

5

На наковальню

--- Нуриил уверен? --- спросил Ба'кен.
Пока они ждали, когда криорезервуары
погрузят на борт «Конья Прометея».
«Громоподобная ястреб» ждал их возвращения в
ангаре истребителей вместе с «Огненной
виверной» и ее могучим стражем ---
братом Амадеем. Сейчас гредноута уже
закрепили в его гравилесах, и Саламангры
готовились покинуть «Архимедес Рекс».
Оставаться внутри звездной системы они
больше не могли, особенно приняв во
внимание находку Дак'ира. На
поврежденном корабле-кузнице установили
маяк, действующий на частотах
техникусов, и разослали многочисленные
астронавтические сигналы в надежде, что
их услышит какой-нибудь тарсианский
грузовик или имперский буксир. Больше
они ничего не могли сделать. Возможно,
корабль так никогда и не найдут, он будет
дрейфовать веками, сталкиваясь с
другими поврежденными судами, пока

скопление искалеченного металла не превратится в костический скиталец и его не населят создания, для которых холод и тьма — дом родной.

В нескольких километрах от «Архимедес Рекса» дрейфовал «Гнев Вулкана», время от времени выпуская короткие струи плазмы, чтобы не уплыть в бездну космоса. Груз военного снаряжения со склада рядом с криохранилищем уже находился на борту, и сейчас служители составляли его опись. Оружие и доспехи были не столь бесценными, как криорезервуары со своим спящим грузом, поэтому их по-быстрому телепортировали в складской отсек ударного крейсера.

— Да, он уверен, — ответил Дак'ир, впологла наблюдая за урезанным экипажем «Коня Прометея». Сервиторы — часть свиты брата Аргоса — помогали поднимать криорезервуары на антигравитационных подвесках по грузовому трапу в обычно пустующий трюм корабля. Магистр кузницы внимательно следил за их работой. Чтобы в отсеке-санктуарии, где должны были

расположиться криорезервуары, было как можно меньше посторонних предметов, он снял свою серво-сбрую и сейчас носил только базовый комплект техногесантника, но по-прежнему выглядел внушительно. Аргос потерял левую половину лица, когда сражался вместе со второй ротой на Улгарле. Тогда он был простым техногесантником, послушником Кюльта Механикус, недавно вернувшимся после долгой стажировки на Марсе, где изучал литургии обслуживания и управления и постигал общение с духами машин.

Они сражались плечом к плечу с теперь уже сержантом Опустошителей третьей роты Локом, когда встреча с повелителем вывода генокрагов лишила его лица, но не жизни. Аргос рассек тварь пополам своим плазменным резаком, а Лок разнес череп твари смертельным выстрелом из болтера.

Теперь место раны скрыла стальная пластина, потерянный глаз заменила бионическая аугментика. На пластине в качестве знака почета было выжжено

изображение ощерившегося дракона, хвост которого обвивался кольцом вокруг глазного имплантата. Многочисленные спирали выжженных на коже шрамов — гордых символов его многочисленных погубов — появились гораздо позже.

Как и у многих посвященных Отниссии, на безволосой голове Арзоса проступали разъемы, из которых выходили пучки проводов и кабелей, обвивая затылок и уходя в нос. Его доспехи были старинными, ручной работы, но не такими, как у других ветеранов ордена. Украшенные гирляндами машинных интерфейсов, инструментов и устройств электропитания, они сильно отличались от любых силовых доспехов: и реликвий, и всех остальных. Доспехи несли символ зубчатого колеса, указывая на преданность его владельца Агентиус Механикус, но символ дополняла эмблема ордена, гордо демонстрируемая на правом плечнике. Устройство на горжете переводило безэмоциональную металлическую речь магистра в бинарик, когда тот отдавал распоряжения сервиторам.

--- Штатн происхождения очень четкий, --- объяснял Дак'ур, пока первый криорезервуар грузили на «Конь Прометея». --- Этот ларец с Усстваана.

Ба'кен выдохнул, словно пытаясь ослабить тяжкое бремя.

--- Вот уж старое имя, с радостью забытое.

Дак'ур протолчал. О страшной легенде об Усстваане не обязательно было говорить вслух. О ней знали все из бывшего Восемнадцатого легиона.

Усстваанская система была печально известна в анналах истории Космогесанта. И нигде, пожалуй, она не находила столь сильного отклика, как в памяти ордена Саламангр. Теперь уже оставшееся в мифах и древних воспоминаниях, это случилось во времена Великого предательства, когда магистр войны Хорус заманил Вулкана и его сыновей в страшную ловушку и практически уничтожил. Саламангры тогда были легионом, одним из первоначальных легионов-прародителей, созданных Императором. Подвергшись

нападению тех, кого прежде считали братьями, Саламандры вместе с двумя другими лояльными легионами потерпели страшнейшее поражение на планете Усстваан V. Там — в сражении, которое позже стали называть Резня на месте высадки, — погибли тысячи, и сыны Вулкана оказались почти на грани исчезновения.

Чудо, которое позволило избежать этой судьбы, оставалось загадкой на протяжении почти десяти тысяч лет, как и судьба их обожаемого притарха, который, как считали некоторые, так и не вернулся из боя. Героизм Вулкана, проявленный в тот день, воспевали до сих пор, но основой для этих историй служили лишь догадки и гипотезы уже мирного времени. Правда о том, что же на самом деле произошло в той катастрофе, была потеряна навеки. Хотя боль от нее по-прежнему не проходила, точно от застарелой раны, что никак не заживает. Даже постоянно впитываемый огонь не мог выжечь ее из сердец Саламандр.

— Значит, операция в Агронном Поясе

завершена? — спросил Ба'кен, когда последний криорезервуар погрузили на корабль и Саламандры принялись готовиться к отлету с «Архимедес Рекса».

— Вудимо, да, — ответил Дак'ир.

Двое Саламандр стояли отдельно от остальных боевых братьев, которые группами по двое-трое рассредоточились по ангару, наблюдая за погрузкой, сохраняя бдительность и ожидая приказа на посадку.

— И сейчас мы возвращается назад?

— Да, брат. На НоктюРН.

К возвращению на домашний мир Дак'ир испытывал противоречивые чувства. Как и все Саламандры, он воспринимал планету как часть себя самого, и воссоединение, несмотря на ее непредсказуемый характер, было поводом для радости. Но вернуться так быстро... Это напоминало провалом и лишь усиливало сомнения Дак'ира в лидерстве капитана Н'келна.

— Нуриил хочет привезти ларец Ту'Шану, чтобы тот сверился с «Книгой

огня».

--- А что ты можешь о нем сказать? ---
поинтересовался Ба'кен, в то время как
мысли Дак'ура вернулись обратно, к
моменту, когда он нашел на складе ларец с
эмблемой Вулкана.

--- О ларце? Не знаю. Нуриил явно был
встревожен, когда определил его
происхождение.

--- Странно, что ларец хранился среди
оружия и брони, --- заметил Ба'кен. --- Как
ты его вообще там нашел среди всего
этого?

--- Этого я тоже не знаю. --- Дак'ур
затолчал, словно, признав сам факт
находки, про остальное и думать не хотел.
Он вообще заговорил об этом лишь
потому, что доверял Ба'кену как никому
другому, и разговор у них был личный. ---
Мне казалось, что артефакт лежит на
виду. Меня к нему словно вело, как будто
на ларец прицепили маяк, а я шел на его
сигнал. --- Дак'ур глянул на Ба'кена, чтобы
увидеть его реакцию, но здоровенный
Саламандр не шевелился. Он просто
смотрел перед собой и слушал. Дак'ур

продолжил: --- Когда Пириил меня нашел, я даже не понимал, что держу ларец в руках. И не помнил, как переворачивал короба с боеприпасами, чтобы его раскопать.

Ба'кен по-прежнему пребывал в задумчивости, хотя видно было, что он хочет что-то сказать.

--- Скажи, о чем ты думаешь, брат. Сейчас я тебе не командир, а ты мне --- не рядовой. Сейчас мы просто грузы.

Ба'кен повернулся к Дак'иру, но на лице у него не было ни намека на обвинение, недоверие или настороженность --- только вопрос:

--- Ты хочешь сказать, что ларец сам желал, чтобы его нашли и чтобы это было именно ты?

Дак'ир кивнул едва заметно и спросил, внезапно охрипнув:

--- Я что, вроде как проклят, брат?

Ба'кен, не говоря ни слова, хлопнул боевого брата по плечу.

Ту'Шан со своим советом провел в Пантеоне несколько дней. Пантеон был одним из немногих залов крепости.

монастыря Саламандр на Прометеев. Хотя, по правде, бастион представлял собой не более чем костяк, соединенный с орбитальным доком, где скромная флотилия оргена могла отремонтироваться и заправиться. Апотекареон занимался новобранцами и их генетическими усовершенствованиями, пока те превращались в боевых братьев. Испытательные арены были заглублены на уровень подвалов. Именно там, в этих ямах, новички и ветераны могли совместно испытать выносливость и уверенность в своих силах, как и предписывалось правилами Прометейского культа.

Хождение по горячим углям, поднятие тяжелых кипящих котлов, обжигающая боль Жезла испытаний или раскаленных железных прутьев — это была лишь часть доказательств веры и силы воли, полагавших сынам Вулкана. В крепости также находились общежития и залы Реликвий, хотя опять же относительно немногочисленные. Самым престижным из них был Зал Огненных

Эмиев: огромная сводчатая галерея, увешанная шкурами гигантских саламандр, убитых воинами во время обряда посвящения. От них зал и получил свое название.

Огненные Эмии, у которых Ту'Шан был капитаном вдобавок к регентству, жили в казармах на Прометее вместе с самым магистром ордена. Эти уважаемые воины были практически отдельной породой: процесс перехода из прославленных рядов первой роты вносил триады изменений, полностью завершая эволюцию генетического кода десантника. В отличие от других боевых братьев, Огненных Эмиев редко видели на поверхности Ноктюрна, где прочие Саламандры охотно жили среди человеческого населения, хотя часто как отшельники. Обряды Огненных Эмиев были древними и тайными, их проводил сам магистр ордена. Только те, кто прошли самые жуткие испытания и перенесли невообразимые трудности, могли надеяться вступить в ряды Огненных Эмиев.

Доступ в Пантеон был таким же ограниченным, как и в это священное и уважаемое сообщество. Дак'ур, к примеру, никогда его не видел, хотя знал, что это небольшой дискуссионный зал, расположенный в самом сердце Прометея.

Лишь вопросы чрезвычайной важности или глубоко духовного значения обсуждались внутри Пантеона. Там было восемнадцать мест, согласно номеру их изначального Легиона, и так было даже во время Второго Основания, в котором Саламандры не смогли принять участие из-за своей малочисленности.

Главное место сохранялось за магистром ордена, честь носить титул которого принадлежала последние лет пятьдесят Ту'Шану. Еще тринадцать мест предназначались для других магистров: шесть -- для капитанов оставшихся рот, еще по одному на апотекарион, библиариус, капелланство и флот. Оставшиеся три оставались для магистра арсенала и магистров кузницы -- необычного, но неизбежного триумвирата, учитывая пристрастие Саламандр к

оружейному ремеслу.

Три места предназначались для почетных гостей, которых приглашал лично магистр ордена с формального согласия остального совета. Преторский самый старший сержант Огненных Эмиев, часто занимал одно из этих мест. Дак'ур знал, что еще одно гостевое место занимает сейчас Нуриил. Сержанту было интересно, хватит ли библиарию выдержки перед лицом всей иерархии ордена и особенно под взглядом магистра Вел'коны. Последнее место пустовало много лет, еще до того, как Ту'Шан принял мантию регента Прометея. Тому, кому оно принадлежало, был фигурой особо почитаемой.

Здесь магистром Саламандр предполагалось сидеть и сверяться с «Книгой огня». Артефакт этот был написан много лет назад рукой самого примарха. Хотя Дак'ур никогда ее не видел, не говоря уж о том, чтобы прочитать, он знал, что книга была полна загадок и пророчеств. Ходили слухи, что сами ее слова были начертаны кровью Вулкана и

переливались, словно плененный огонь, если поднести книгу к свету. Книга состояла не из одного тома, как можно было предположить из названия, но из десятков фолиантов, расставленных по полкам вдоль круглых стен Пантеона. Расшифровывать текст «Книги огня» было непростой задачей. В ней содержались секреты, раскрыть которые примарх предоставил своим сынам. Книга предсказывала великие события и перевороты тел, кому хватало мудрости понять. Но что, пожалуй, было наиболее примечательно, она содержала историю, описание внешнего вида и местонахождение девяти артефактов, которые Вулкан спрятал по всей Галактике, чтобы Саламандры их отыскали. Пять из этих самых священных реликвий ордена были найдены за прошедшие века стараниями отцов кузницы. Местонахождение остальных четырех было зашифровано и спрятано на таинственных страницах книги.

Так что магистр ордена Ту'Шан и те мастера, кто находился на Прометее,

собрались, чтобы тщательно изучить «Книгу огня» в надежде откопать те крупницы, что имели отношение к находке ларца. Штатн происхождения артефакта уже разжег некоторые страсти в оргене. Кое-кто предполагал, что это означало возвращение Вулкана после столь многих тысяч лет уединения в неизвестности. Другие опровергали первых, заявляя, что Вулкан вообще не пропадал на Усстваане и уже вернулся к моменту разделения легионов и, что бы ни находилось в ларце, к возвращению припарха оно отношения не имеет. Большинство еще хранило молчание и просто следило и выжидало, не остеливаясь надеяться и не дерзая предположить, что за апокалипсис обрушится на Саламандр, если их предку суждено воссоединиться с ними. Терпение, мудрость и проницательность были единственным ключом к разгадке «Книги огня», а с ней — и к загадке ларца. Как при закалке железа или сгибании стали об основание наковальни, любые попытки распутать ее головоломки надлежало предпринимать методично и не торопясь.

Как, в конце концов, и положено поступать
Саламанграм.

Дак'ур применял эти принципы среди
духоты мастерской, глубоко в подвалах
гесиодского бастиона.

«Гнев Вулкана» вернулся на Ноктюрн
несколько дней назад. Из семи агентов-
теханикусов в криорезервуарах, спасенных с
«Архимедес Рекса», путешествия не
перенес ни один. Их тела были преданы
огню в пиреуме. Снова зазвучали вопросы об
эффективности операции в Агронном
Поясе и решении капитана Н'келна
предпринять ее, что добавило соли на и
так жгучие раны. Все эти сомнения
передавались шепотом, но Дак'ур все равно
знал о них. Он замечал эти сомнения в
недовольных взглядах, во взбурораженном
виде сержантов, слышал в разговорах о
тайных собраниях, на которые его не
приглашали. С тех самых пор, как третья
ропта приземлилась на Ноктюрне, Тсу'ган
вел кампанию по выражению недоверия
Н'келну. Или, по крайней мере, так это
выглядело для Дак'ура.

Прометейская культура учила, что

самопожертвование и верность стоят
превыше всего, но, похоже, верность
некоторых сержантов своему капитану
уже трещала по швам.

Единственной крупницей оправдания
для Н'келна служил ларец, найденный на
складе корабля-кузницы. Едва ударный
крейсер третьей роты приземлился на
Прометее, библиарий Пуриил сошел с
трапа и, наплевав на все послепосадочные
процедуры, отправился на поиски
магистра Вел'коны, который мог добиться
аудиенции у магистра ордена. Совет в
Пантеоне созвали немедленно, однако его
вердикт и объявление результатов не
обещали быть такими же скорыми.
Остальных Салатангр с «Гнева Вулкана»
отпустили дожидаться времени, когда их
призовут сеньоры.

Так'ур, как и многие другие,
отправился на поверхность Ноктюрна.

Классифицированный имперской
систематикой как мир смерти, Ноктюрна
представлял собой весьма переменчивое
место. Суровая природа скал и высоченных
базальтовых гор делала нелегкой жизнь

племен, его населяющих. Обжигающие ветра иссушали оголенные равнины, превращая их в бесплодную пустыню. Кипели бурные океаны, выбрасывая столбы жгучего пара при встрече с растекающейся лавой. Поселения на Ноктюрне были немногочисленны и недолговечны. Лишь семь городов-убежищ были достаточно надежными, чтобы служить постоянным приютом для небольшого населения, с трудом влачащего жизнь среди камней и непла.

Но какой бы трудной ни была жизнь здесь, она не шла ни в какое сравнение с сезоном Испытаний. Будучи половиной двойной планетной системы, Ноктюрн делил свою непостоянную орбиту со спутником-переростком Прометеем, и великие невзгоды обрушивались на планету каждые пятнадцать терранских лет, когда два небесных тела сближались. Из земли извергалась раскаленная лава, целые города уходили в бездонные озера магмы. Приливные волны, похожие на пенистых великанов, крушили рыбацкие лодки и стинали буровые платформы. Тучи непла,

изрыгаемые глотками разъяренных гор,
закрывали тусклое солнце. Мощные
землетрясения потрясали само скальное
основание планеты, в то время как небеса
разверзались и сверху падал огонь. Однако
по прошествии сезона можно было собрать
среди пепла превосходный урожай редких
металлов и драгоценных камней. Именно
благодаря ему процветала ноктюрнская
культура кузнечного дела.

Спустя несколько коротких часов,
прошедших с момента их прибытия в
систему, Дак'ур сошел с «Огненной
Виверны» на Цингарском плато. Несколько
его боевых братьев без промедления
возобновили режим тренировок или
призвали жрецов-клеймовщиков для
экскорпации в солиториумах. Другие
отправились в свои поселения и городки.
Дак'ур выбрал мастерские и сейчас
проводил время в кузнице. События на
борту «Архимедес Рекса» и, в частности,
находка ларца Вулкана вывели его из
душевного равновесия. Только в уединении
и при помощи очищающего жара кузницы
он мог вновь обрести покой.

Кузнечный молот бил ровно, вторя
стуку Дак'урова сердца. Саламандр
пребывал в абсолютной гармонии со своим
занятием. На нем были лишь кожаные
кузнечные штаны, покрытый шрамами
торс испачкан сажей и копотью. На черной
коже блестел пот, ручейками сбегая по
желобкам мускулов. Но потел Дак'ур от
работы, не от жары. Кузницы подземелья
были врыты в самое сердце Ноктюрна,
озера лавы собирались в пронизанных
пещерати глубинах, даря жидкий огонь
для литейных и обжигающих пар для
кузнечных мехов. Был некий странный
анахронизм в том, как в душных кузницах
соединялись древние традиции первых
кузнецов Ноктюрна и технологии
Империи.

Агамантиевые взрывостойкие двери,
усиленные армированным керамитом,
отмечали вход в зал, где в потемнелом
трюмился Дак'ур. Подпорные колонны ---
фундамент бастиона --- пронзали
сталактитовый потолок и уходили
глубоко в каменное основание.
Механические инструменты --- резальные

диски, плазменные резакі на верстаках, ленточные шлифователи, радиальные сверлильные станки — стояли рядом с непогрязными наковальнями и железными трубодами горнов. Сложные сервокомплексы и баллистические элементы висели вместе с подбойниками, раскатками и прочим кузнечным оборудованием.

Воздух, полный огуряющего дыма, казался темно-оранжевым от переливающегося свечения лавовых озер. Дак'ур пьянел в законченной атмосфере, впитывая ее каждой порой своего тела, словно это была панацея. И как из металла на наковальне перед ним, с каждым новым ударом молота из его таящейся души постепенно выходила вся грязь.

К концу Дак'ур уже хватал ртом воздух, но скорее от избавления от душевной травмы, чем от физического напряжения. И когда последний звенящий отклик наковальни потерялся во тьме, Дак'ур отложил кузнечный молот и взялся за глинные ручки щипцов. Он закалял не

клинок и не доспех, а нечто совершенно
иное, сейчас медленно темнеющее.
Струйки пара взметнулись с поделки,
когда она показалась на поверхности воды в
глубоком баке рядом с наковальней. Дак'ур
вынул зажатый между железными
пальцами щипцов предмет, и он засиял,
точно расплавленное серебро. Отсветы
лавового потока, пойманные в его
отражении, переливались, словно огненное
море.

Это была маска, подобие
человеческого лица -- его лица -- или, по
крайней мере, его половины. Дак'ур взял
свежевыкованный предмет в руки. Металл
еще жег пальцы. Саламандр, едва ощущая
жар, молча подошел к листу ковального
серебра примерно метр шириной и три
метра высотой, приставленному к стене
кузницы. В нем отразился второй Дак'ур.
Горящие на эбеновом лице красные глаза
установились в ответ. Однако лицо на
самом деле было лишь наполовину черным.
Вторая половина была высветлена почти
добела. Обычная черная пигментация --
меланиновый дефект, которым были

отмечены все Саламандры, — выгорела.
Апотекарий Фүзис сказал, что шрамы не
исцелятся, так как повреждения
затрагивают клеточный уровень.

Дак'ур коснулся обожженной кожи, и
выстрел телты на Стратосе вновь
вспыхнул перед его мысленным взором.
Смерть Кагая рванула душу. Когда он
поднес маску к лицу, из глубины сознания
поднялись осколки воспоминаний, похожие
на ледышки в спокойной воде: сбор камней в
глубинах Узнеи, охота на завротура на
Шлаковой равнине, подъем грунта со дна
Еджокого моря — смертельно опасные
занятия, сохранившие, однако, главные
воспоминания об отрочестве. Картинки
растаяли, словно дым на холодном ветру,
оставив лишь укол сожаления. Какой-то
частью души Дак'ур ощущал печаль по
потерянной прежней жизни, по завершению
прежнего существования, до того как он
стал боевым братом, когда он был просто
Хазоном и сыном своего отца.

Когда прошли годы, полные войны и
славы во имя Императора, горящих городов
и гибнущих врагов, частицы, хранимые

Дак'иrom от тех старых воспоминаний, стерлись, уступив место памяти о битвах, о его крещении кровью.

Тяга к прежней жизни -- которая, по правде, еще тогда только начиналась -- ступила его. Не было ли это нелояльностью или даже ересью -- иметь такие мысли? Дак'ир не мог перестать размышлять о том, почему воспоминания преследуют его.

-- Я больше не человек, -- признался он своему отражению. -- Я больше чем человек. Я эволюционировал. Я Астартес.

Маска скрыла его эбеновый лик, оставив обожженную розовую половину открытой. Он попытался на мгновение снова представить себя человеком, но у него не получилось.

-- Но если я не человек, могу ли я быть человеческим?

Низкий гул открывающихся дверей вторгся в мысли Дак'ира. Он торопливо снял маску и бросил в открытую топку ближайшего горна, принеся в жертву огню. Но половинчатому лицу маски потекли серебряные слезы. Она продержалась

недолго, опала под сильным жаром и
обратилась просто в расплавленный
металл.

--- Негодный клинок, брат-сержант? ---
раздался сзади голос Емека.

Дак'ур захлопнул дверь горна и
повернулся к боевому брату:

--- Нет, просто обломки.

Емека, похоже, удовлетворил такой
ответ. Саламангр был облачен в полный
успех. В отраженном свечении лавовых
озер зеленая броня приобрела злобный
фиолетовый оттенок. Емек держал шлем
под мышкой, и глаза его неожиданно
вспыхнули рвением и энтузиазмом.

--- Нас призывают на Прометей, ---
сказал Емек пару секунд спустя. --- Наши
повелители сверились с «Книгой огня» и
нашли отгадку ларца Вулкана. Ваши
успехи ждут вас в зале рядом, сэр.

Дак'ур обтер с себя сажу куском уже
черной тряпки и принялся убирать на
место инструменты.

--- Где мы должны встретиться? ---
спросил он.

--- На Цингарском плато. Брат Ба'кен

присоединится к нам там.

Емек помолчал минуту, пока Дак'ир заканчивал убирать кузнечное оборудование.

--- У тебя еще что-то на уме, брат? --- спросил сержант.

--- Да, но я не хочу показаться неуважительным.

--- Говори, брат, --- поторопил его Дак'ир.

Емек потедлил, собираясь с мыслями, словно подбирая слова с величайшей осторожностью.

--- Перед тем как мы отправились в Агронный Пояс, еще тогда --- в Своде Памяти, --- я услышал, как брат-сержант Тсу'ган сказал что-то о вашем соучастии в смерти капитана Кагая.

Емек умолк, чтобы оценить реакцию Дак'ира, но тот никак не отреагировал, и Саламандр продолжил:

--- Большинство из нас не были там, когда погиб Кагай. И есть... вопросы, которые требуют ответа.

Дак'ир сначала решил сделать выговор боевому брату: вопрос своего

старшего офицера, в сколь угодно
аккуратных выражениях, мог служить
основанием для наказания. Но Дак'ур сам
велел Емеку говорить открыто и поэтому
сам и напросился. Вряд ли за это можно
судить Емека.

--- Правда в том, брат, что мы все
виноваты в том, что касается
трагической смерти Кагая. Я, Тсү'ган, все,
кто ступил на Аүра-Церон, сыграли свою
роль, даже сам капитан. Здесь нет
никакой тайны, никаких трачных
секретов. Нас перехитрил ловкий и
смертоносный враг.

--- Воины-Драконы, --- утвердительно
произнес Емек в наступившей тишине.

--- Да. Изменники знали, что мы
придем. Они были готовы, расставили для
нас ловушки. Они придерживаются старых
обычаев, Емек: око за око, капитан за
капитана.

--- Но спланировать такую ловушку,
это граничит с... одержимостью.

--- Одержимый, параноидальный,
мстительный --- Нигилан воплощает в себе
все это и еще много хуже.

--- Вы знали его?

--- Нет. Я встретил его только однажды --- на Морибаре, скаутом седьмой роты, во время своего первого задания. Как и не знал его капитана, Ушорака, хотя тот вышколил своего протеже на отлично в мастерстве обмана и злобы.

--- Это тот, что умер на мирегробнице?

--- Да, в кузнице крематория в центре Морибара. Кадай думал, что Нигилан тоже мертв, но, если только мы не столкнулись на Стратосе с призраком, он остался жить --- и довольно неплохо, ведомый ненавистью и обещанием отомстить.

--- И был он когда-то...

--- Одним из нас, да, --- закончил за него Дак'ур. --- Даже сыны Вулкана небезупречны. Способность предавать живет в каждом из нас, Емек. Поэтому мы должны постоянно испытывать себя и свою веру, чтобы избегать соблазнов и эгоистических идеалов.

--- А Ушорак?

Лицо Дак'ура потемнело, и он

опустил взгляд, точно вспоминая, хотя на самом деле он только слышал о деяниях Ушорака, которые привели его к проклятому вероотступничеству. Это случилось много лет назад, и Дак'ир не был тому непосредственным свидетелем.

--- Нет. Он был из другого ордена, хотя позор от этого не становится менее унижительным.

--- Нугилан проделал все это, только чтобы отомстить за своего господина... Он, должно быть, очень ожесточен. Нельзя ли как-нибудь реабилитировать его и изменников под его командованием? Бывали случаи, когда изменникам даровали прощение и предоставляли возможность покаяться. Как было с Палачами.

Дак'ир печально покачал головой:

--- Это не Багаб, Етек. Нугилан со своими приспешниками ушел в Око Ужаса. Оттуда нет возврата. Его последний шанс, как и последний шанс Ушорака, был на Морибаре. Они им не воспользовались, и теперь Воины-Драконы --- наши враги, не отличающиеся от безымянных кошмаров

варна. Только я не думаю, что у Нигилана на уме была исключительно месть, когда он подстерег нас на Стратосе. Было в его планах что-то еще.

--- Почему вы так думаете?

Дак'ир взглянул обратно в глаза:

--- Просто такое чувство.

Распутье

Бок пронзило болью — Тсу'ган пошатнулся и оперся грожащей рукой на стену. Черный трамор холодил ладонь. Постояв минуту, Тсу'ган нашел в себе силы идти дальше. За пеленой почти нестерпимой боли он не заметил, что на стене остался отпечаток руки, от которого пошел пар. Сержант держал путь в зал Реликвий.

Как и многие другие сержанты, он остался на Прометее, ожидая вестей из Пантеона. Все гадали, что же может значить ларец, найденный на «Архимедес Рексе». Кое-кто считал, что, учитывая недобрые времена, ларец мог иметь отношение к месту, где примарх нашел убежище после окончания Ереси. Тсу'ган в этом сильно сомневался. Он был прагматиком, слишком трезвомыслящим, чтобы увлекаться галекити от реальности теориями. Он верил в то, что видел, чего мог коснуться. Он знал лишь

один способ решать проблемы: в лоб, решительно и смело. И с таким намерением, пока Пантеон молчал, Тсү'ган созвал собственное собрание. На встречу явились несколько сержантов, которых втайне уведомил Цагон и которых привлекал блестящий пример для подражания прометейца -- Тсү'ган и оказываемое ему уважение. Они пришли по его просьбе, чтобы поговорить о «серьезной проблеме» внутри роты. Предметом обсуждения на тайном собрании, которое проходило в одном из нетных и редко используемых общежитий крепости, был Н'келн. Пока Тсү'ган шел по черным мраморным коридорам галереи, в нем снова оживилось чувство вины за тайный союз, на которое вдобавок наслаивалось его отношение к смерти Кагая.

Он ждал в полутьме зала. Галогенные светильники были приглушены, в помещении попадал лишь свет снаружи. Они явились, один за другим: Агатон и Екбар первыми, один -- суровый и многое повидавший, второй -- тихий и задумчивый. Оба они были сержантами

тактических отделений, как и сам
Тсу'ган. Затем пришел Варго из одного из
штурмовых отделений, ветеран многих
походов. Де'мас, Кловий и Тифос явились
почти сразу за ним. Последним пришел
Навил, которому больше всех не нравилось
это приглашение. Эти семеро Астартес,
все опытные Саламангры, представляли
пять тактических и оба штурмовых
отделения третьей роты. Не было только
сержантов Опустошителей, тех, кто
сражался на Стратосе рядом с Н'келном. И
конечно, отсутствовал Дак'ур. Он вполне
четко показал свое отношение к недавнему
назначению капитана.

Присутствующие братья-сержанты
сняли шлемы, а Кловий и Тифос их вообще
почти никогда не надевали, и в темноте
вспыхнули их глаза. Тсу'ган подождал, пока
все устроятся, пока будут произнесены
взаимные приветствия и слова уважения,
затем начал:

— Не считите меня изменником, ибо
таковым я не являюсь.

Тсу'ган обвел пристальным взглядом
собравшихся.

— Тогда зачем ты здесь, если не поговорить об измене, не отказаться от клятв, которые мы все принесли самому магистру ордена? — сердито, но в то же время не повышая голоса спросил Навил.

Тсу'ган притворяюще погнул руку, успокаивая Навила и одновременно предупреждая ответ брата Азона, который стоял в темноте за спиной своего сержанта и наблюдал.

— Я хочу лишь сделать так, как лучше для роты и ордена, братья, — заверил присутствующих Тсу'ган.

— Если это так, Тсу'ган, то почему ты прячешься в темноте, словно заговорщики? — спросил Азатон, недовольно прищурившись. — Я пришел сюда, чтобы обсудить разлад в наших рядах и то, как мы можем это исправить. Все разговоры, что я слышал до собрания, касались несогласия и непригодности Н'келна к роли капитана. Так скажи мне, почему я не должен просто развернуться и пойти прямо к Ту'Шану?

Тсу'ган встретил напряженный взгляд брата-сержанта с искренним сожалением:

--- Потому что ты, как и я, знаешь, что Н'келн не годится для этой должности.

Агатон открыл рот, чтобы ответить, но тут же захлопнул его перед неопровержимым фактом. Тсу'ган вновь обратился к собранию, разведя руки в приглушенном жесте:

--- Н'келн --- прекрасный воин, один из лучших в Инфернальной Гвардии, но он не Кагай и...

--- Никто из нас не Кагай, --- потнув головой, настешливо произнес сержант Кловий. Благодаря коренастому, приземистому туловищу, мощным плечам и широкой спине он казался несдвигаемым, точно бронированный валун. --- Нельзя оценивать одного человека сквозь призму памяти о другом.

--- Я говорю лишь о его наследии, --- возразил Тсу'ган, --- и о его способности вести нас. Н'келну нужна направляющая рука, поддержка настоящего капитана. Он как один компонент сплава, который силен лишь в соединении с другим, но в одиночку он... --- Тсу'ган покачал головой, --- он

наверняка сломается.

Прокатившийся по всей комнате ропот показал, что его слушатели вовсе не убеждены. Тсу'ган заговорил напористее:

— Н'келн унаследовал раздробленную роту, для восстановления которой нужна сила. Такой силы у него нет. Как еще объяснить эту глупость с возвращением в Агронный Пояс?

— Если бы ты не вернулся туда, то не нашли бы ларец, — низким голосом возразил Варго.

Тсу'ган повернулся к нему, его собственный голос прозвучал пылко и хрипло:

— Везение, которое едва не стоило нам бесславной смерти и обязало нас перед этими наймитами. — Он яростно выплюнул последнее слово, имея в виду Злобных Десантников. Упоминание об этих бесчестных собаках словно жгло рот.

— Второй ошибкой Н'келна было позволить Виньяру и его псам утащить оружие и доспехи, которые предназначались другому ордену. Они Астартес только по названию и просто

воры. Но Н'келн их отпустил, не сказав даже грубого слова, не говоря уж о погоне.

Тсу'ган замолчал, чтобы его осуждающие речи дошли до слушателей.

— Не сочтите меня изменником, — повторил он, не без удовлетворения заметив, как потемнели лица сержантов.

Даже Навим, казалось, начал поддаваться, — ибо таковым я не являюсь. Я служу лишь ордену. И всегда служил. Я горжусь, что я — огнерожденный, и останусь верным своим братьям до самой смерти. Но чего я не стану делать, так это стоять и смотреть, как ротация катится к гибели. Как и не стану участвовать в безрассудных операциях, где единственная награда — бессмысленная смерть. Этого я сделать не могу.

Агатон озвучил общую мысль:

— Так чего ты хочешь от нас?

Тсу'ган кивнул, словно одобряя решимость собравшихся.

— Придите мою сторону, — просто сказал он. — Придите мою сторону, и мы пойдем к магистру ордена и потребуем сместить Н'келна.

После недолгого молчания заговорил
Навим:

— Ни одного из фактов, что ты
употянул, не достаточно, чтобы снять
капитана. Цу'Шан накажет всех нас за
этот заговор. И отправит к Элизию с его
хирургеоном-дознавателями, чтобы
проверить нашу чистоту.

— Это не заговор! — рявкнул Цсу'ган,
затем, поборов раздражение, понизил голос.
— Я представляю наши сомнения магистру
оргена, ибо это наше право. Цу'Шан мудр.
Он узнает о расколе в роте и будет
вынужден принять меры по его
устранению.

— И кого же он поставит на место
Н'келна? — спросил Агатон, встретившись
взглядом с Цсу'ганом. — Тебя?

— Если магистр оргена сочтет
нужным назначить меня, я не стану
увеличивать от ответственности. Но я не
стремлюсь занять место Н'келна. Я хочу
лишь того, что будет лучше для роты.

Агатон оглядел собравшихся в явной
нерешительности:

— А что с Дак'иром, Откаром, Локом

и Ул'шаном? Почему их здесь нет?

Тсу'ган сохранил высокомерный вид, несмотря на уместный вопрос сержанта.

--- Я их не звал, --- сознался он.

Навим подскочил от такого признания:

--- Почему? Потому, что они никогда с тобой не согласятся? Или потому, что не станут молчать о заговоре? --- Он отмахнулся от собравшегося возразить Тсу'гана: --- Узбавь меня от своих ответов, брат. Мне они не интересны. Из верности своим братьям-сержантам я буду молчать, но в этом участвовать не стану. Я понимаю, ты думаешь, что действуешь из искренней заботы о роде, но ты заблуждаешься, Тсу'ган, --- грустно прибавил Навим и вышел.

--- И я не стану, брат, --- сказал Агатон. --- Не заговаривай со мной больше об этом, или мне придется пойти к капеллану Элизю.

Следом ушли Кловий с Екбаром. Остальные торжественно заверили Тсу'гана, что будут на его стороне, но без поддержки большинства сержантов шансов

на успех почти не осталось. Вскоре и они последовали за недовольными собратьями, оставив Тсу'гана наедине с Цагоном.

--- Почему они этого не понимают, Цагон? Почему они не хотят признать слабость Н'келна? -- Тсу'ган опустился на одну из простых дощатых коек, которыми не пользовались уже десятки лет.

Цагон неторопливо показался из-за спины Тсу'гана.

--- Я не считаю, что мы потерпели неудачу, брат-сержант.

Тсу'ган поднял вопрошающий взгляд.

--- Верно, на нашей стороне всего три сержанта, но это все, что нам на самом деле нужно.

--- Объясни.

Цагон улыбнулся, но в неприятном изгибе опущенного книзу рта не было ни следа тепла или радости. Здесь, в полутраке пустого общежития, он мог показать свою истинную природу.

--- Пойдите со своими жалобами к Элизию. Сделайте так, чтобы Н'келн при этом был в пределах слышимости или хотя бы вскоре об этом услышал. -- Цагон

нарочно помолчал, внутренне аплодируя
собственному коварству, а затем
продолжил: -- Н'келн -- воин крайне
сознательный. Как только он узнает о
вотуме недоверия среди собственных
сержантов, -- прищуренные глаза Цагона
вспыхнули, -- он сам добровольно сложит с
себя обязанности капитана.

Тсү'ган внезапно ощутил, что его
разрывают сомнения. Он глубоко вдохнул,
пытаясь от них избавиться.

-- Правильно ли это, Цагон? Будет
ли то, что я делаю, лучше для роты и
органа?

-- Вы вступаете на тернистый путь,
тилорг, который должны пройти, если нам
суждено когда-нибудь стать снова единым
целым.

-- И все же...

Цагон шагнул вперед, чтобы
подчеркнуть свои слова:

-- Если Н'келн достоин быть
капитаном, так почему он не взял
грозовой молот Кагая? А молот сейчас
лежит в зале Реликвий, забытый и
оскорбленный тем, кто побоялся взять его

в руки, хотя это положено ему по праву.

Тсу'ган неуверенно покачал головой:

--- Нет. Н'келн отказался от молота из уважения.

Но прозвучало это не очень убедительно.

Цагон принял абсолютно невинный и беспристрастный вид:

--- Разве?

Тсу'ган покинул общежитие в молчании, отягощенный собственными мыслями. Боль должна успокоить расстроенный разум. Он немедленно направился к солиториумам. И там, в тишине, под взглядом своего тайного наблюдателя, отдавался на губном призрастию снова и снова, в надежде, в тщетной надежде, что со следующим касанием жезла его совесть успокоится. Но она не успокаивалась, и чувство вины грызло его всю дорогу, пока он шагал по глиняным переходам зала Реликвий, укутанный лишь в простой зеленый плащ.

Строгая галерея из черного трамора была увешана почетными наградами и памятными реликвиями героев давно

минувших лет. Чернота камня, его
гладкость и массивность навевали печаль,
вполне, впрочем, уместную для атмосферы
благословения в этом священном месте.
Здесь, в боковых комнатах и глубоких
альковах, стояли алтари, посвященные
Хавьеру, Кесарю и даже древнему Т'келлу.
Артефакты, слишком ценные, чтобы
предать их огню, и слишком почитаемые,
чтобы предать их кому-то по наследству,
покоились в них вместе с печатями
чистоты, медалями и прочей данью их
памяти. Реликварии были сделаны из
костей обеих ног, потерянных братом
Амагеем при осаде Клутнира. Если
могучий воин когда-нибудь погибнет, их
сожгут вместе с тем, что осталось в
саркофаге, и предадут горе Смертного
Огня. Тсу'ган шел мимо всего этого, и
каждый шаг отдавался болезненными
напоминаниями о нанесенных им самому
себе ранах. Но боль тускнела по сравнению
с душевными муками, которые она никак
не могла утолить. Мелькнула мысль, не
слишком ли он в этот раз перегнул палку,
подгоняя жреца-клеймощика, но Тсу'ган

оттолкнул ее. Склонив голову, он вошел в одну из боковых комнат зала и пропал во мраке. Непроницаемая темнота продлилась всего несколько мгновений, затем на стене вспыхнуло обетное пламя, бросив теплый оранжевый отсвет на мрачный алтарь. Алтарь был сделан в форме наковальни, на плоское навершие брошен покров из салатандровой шкуры. На шкуре лежали обломки богато украшенного зротового толота.

Тсу'ган подошел к алтарю и опустился на колени, охваченный глубоким чувством утраты.

--- Мой капитан...

Слова, произнесенные едва слышным шепотом, все же передали его тоску. Тсу'ган хотел сказать что-то еще, но обнаружил, что не может, и закрыл рот, не издав ни звука. Наступила тишина, всепоглощающая и полная. Тсу'ган снова увидел смерть Кагая. Он вспомнил, как собирал останки обожаемого капитана вместе с Н'келном. Тогда, сражаясь с приступом нежданной скорби и бессильной ярости, Тсу'ган посмотрел в глаза

ветерану-сержанту и ясно увидел, что они выражали.

— Что теперь будет? Кто нас поведет? Я не могу занять его место. Только не сейчас. Я не готов.

Даже тогда, сквозь туман отчаяния, Тсу'ган понял, что творится в душе Н'келна. Чувство долга не позволило бы ветерану-сержанту отказаться занять место капитана, но могло заставить благоразумие. Однако не заставило, и давнишнее воспоминание теперь мучило Тсу'гана, подобно занозе.

Брат-сержант, не в силах больше этого выносить, отвел взгляд от священной гани памяти Ко'мана Кагая и поспешил покинуть комнату-алтарь.

Тсу'ган был так поглощен своими тлущимися мыслями, что не заметил идущего навстречу Фүгиса и столкнулся с ним.

— Прости, брат, — хрипло извинился Тсу'ган, скривившись под капюшоном и натереваясь двинуться дальше.

Фүгис выставил ладонь. Как и брат-сержант, аптекарий был закутан в плащ.

— С тобой все в порядке, брат Тсү'ган? Ты выглядишь... измученным. — Капюшон Фүгиса лежал на плечах, и взгляд апотекария точно пронзал сержанта: к Фүгису частично вернулась его былая проницательность.

— Ничего. Я лишь хотел почтить мертвых. — Голос Тсү'гана срывался, боль от ожогов терзала сержанта. Он снова попытался уйти, но Фүгис преградил ему дорогу.

— И все же голос у тебя, будто ты только что вернулся из боя. — Строгое и пытливое выражение лица апотекария еще сильнее заострило его черты.

— Отойди, апотекарий, — огрызнулся Тсү'ган, внезапно рассердившись и тяжело дыша. — У тебя нет причин меня задерживать.

Холодные глаза Фүгиса рассержено сверкнули.

— У меня есть все причины. — Апотекарий внезапно выбросил руку, ослабевший Тсү'ган не успел его остановить, и тот стянул плащ и капюшон с сержанта, обнажив воспаленные

базровые шрамы на нижней части груди.

--- Шрамы свежие, --- осуждающе произнес Фүзис. --- Ты их обновил.

Тсү'ган попытался возразить, но теперь уже было поздно спорить.

--- И что с того? --- Он скрипнул зубами от ярости, одновременно пытаясь прогнать слишком медленно уходящую боль.

Апотекарий посуровел:

--- Что ты делаешь с собой, брат?

--- То, что должен, чтобы продолжать действовать! --- Злоба Тсү'гана резко сменилась стирением. --- Его убили, Фүзис. Убили хладнокровно, как тех бедолаг, что привели нас в Аура-Церон.

--- Нам всем его не хватает, Тсү'ган. --- Теперь настала очередь Фүзиса сменить настроение, хотя, вместо того чтобы стягнуться, его взгляд, казалось, стал еще холоднее и отрешеннее, словно вновь оживило его собственное чувство тяжелой утраты.

--- Но тебя там не было, когда он умер, брат. Ты не собирал его доспехи и останки, иссушенные так, что даже твое мастерство не смогло бы возродить его в

грудом теле.

Тсү'ган говорил об уничтоженных прогеноидных железах Кагая. Эти органы располагались в шее и груди костогесантника. Извлеченные при помощи умения, которым в совершенстве владели только апотекарий, эти железы могли быть использованы для создания нового Саламангра. Но трагическая смерть Кагая лишила Саламангра даже столь малого утешения.

Фүгис помолчал, решая, как поступить.

--- Ты должен явиться в апотекарион. Там я займусь твоими ранами, --- велел он. --- Я могу вылечить поверхностные ожоги, но бездну боли внутри тебя я убрать не в силах. --- На мгновение взгляд апотекария стягнулся. --- Твоя душа в стянении, Тсү'ган. Так продолжаться не может.

Тсү'ган натянул плащ и измученно выдохнул. При этом под левым глазом у него дрогнула нервная жилка.

--- Что я должен сделать, брат? --- спросил он.

Ответ Фүгуса был прост:

--- Мне следует отвести тебя к капеллану Элизию и заставить исповедоваться в том, что ты сделал, а затем оставить ждать его решения.

--- Я... --- начал сержант, но потом смолчал. --- Да, ты прав. Но позволь мне сделать это самому, позволь мне самому пойти.

Апотекарий заколебался. Он прищурился, вновь испытующе взглянув на Тсү'зана.

--- Хорошо, --- согласился он наконец. --- Но не затягивай, иначе мне придется поточь тебе это сделать.

--- Обязательно, брат.

Фүгус подождал еще секунду, затем развернулся и направился в комнату, где его ждал Кагай.

Тсү'зан двинулся в другую сторону, не замечая фигуры, что следовала за ним по темным коридорам зала Реликвий, той самой, что наблюдала за ним, когда он потерял самообладание у подножия алтаря-наковальни, и шла за ним от самой изоляторной камеры.

Обуреваемый горем, стыдом и болью, брат-сержант дошел до развилки коридора. Светильники-жаровни словно окрашивали коридор потусторонним свечением, но Тсу'ган не обращал на это внимания. На восток коридор вел в реклюзиат, там сержанту следовало дожидаться капеллана и очистить свою отягощенную душу. На запад коридор возвращался в небольшую оружейную, где лежали госпехи Саламандра. Тсу'ган уже собрался повернуть на восток, когда ощутил на плече легкое прикосновение.

--- Куда вы направляетесь, милорд? --- послышался голос Уагона. --- Ваши госпехи в другой стороне.

Тсу'ган повернулся. Уагон тоже был закутан в плащ. Капюшон он натянул так, что виднелся лишь острый нос и изогнутые книзу губы. Худощавая фигура Саламандра без госпехов выглядела еще более худой, из-за чего Уагон казался маленьким по сравнению со своим сержантом.

--- Уагон, я не могу, --- признался Тсу'ган. --- Я должен просить наставлений

у Элизию.

Он попытался двинуться дальше, но Цагон вновь взял его за плечо, на этот раз сильнее.

Тсу'ган поморщился:

--- Убери руку, рядовой. Я твой сержант.

Лицо Цагона осталось невозмутимым, словно маска.

--- Я не могу, милорд, --- ответил он и еще сильнее сжал плечо сержанта.

Тсу'ган нахмурился и перехватил запястье Цагона. Несмотря на раны, он по-прежнему был невероятно силен, и теперь настала очередь Цагона выдать свои неприятные ощущения.

--- Мне не хватит сил удержатъ вас, брат-сержант, но позвольте воззвать к вашей рассудительности, --- попросил Цагон и отпустил плечо сержанта.

Тсу'ган выпустил его руку, рассерженное выражение сменилось просто недовольной гримасой. Цагон воспринял это как позволение.

--- Отправляйтесь к Элизии, если так надо, --- торопливо прошептал он, --- но

знайте: если вы это сделаете, вас
разжалуют и заставят покаяться в
содеянном. Хирурги-гознаватели будут
резать и колоть вас до тех пор, пока не
вызнают все до последней капли. И брат-
капеллан узнает о вашем обмане...

--- Я не обманывал никого, кроме
самого себя, --- огрызнулся Тсу'ган, собираясь
уже развернуться, но Уагон остановил его.

--- Он узнает о вашем обмане, ---
настойчиво повторил он, --- и примется за
тех братьев, кто был на собрании. И не
будет больше шанса занять место Н'келна
и никакой перспективы исцелить нашу
разобщенную роту.

--- Я не хочу занимать его место, ---
возразил Тсу'ган уверенно. --- Моя цель не в
этом.

--- Но если не вы, то кто? ---
продолжил упрашивать Уагон. --- Так
предназначено судьбой.

Тсу'ган покачал головой:

--- Я разбит. Когда зовут битва, мне
становится легче. Лай болтера и грохот
войны в сердце стягчают боль. Но когда
враг повержен и поле боя затирает, боль

возвращается, Цагон.

--- Это всего лишь горе, --- ответил воин, склоняясь ближе. --- Это пройдет. Но не лучше ли ускорить процесс, идя впереди горнило войны во главе собственной роты?

Тсү'ган задумался. Еще недавно почти угасшее пламя амбиций начало разгораться вновь. Он исцелит раскол между своими братьями и в этом обретет свое исцеление.

На память пришли непрошеными слова Нугилана, сказанные им на Стратосе, перед тем как Тсү'ган прыгнул внутрь храма, чтобы стать лишь свидетелем смерти Кагая.

«Тебя ждет великая судьба, но на нее упадет тень другого».

Словам предателя нельзя верить, но благодаря им Тсү'ган начал кое-что понимать. Он убеждал себя, что сам пришел бы к такому выводу, что со временем рассуждения привели бы его к такому же прозрению. В его сознании возник образ Дак'ура, спешащего на помощь капитану за мгновение до смерти. Изнеможенный был чем-то вроде изгоя, но его тоже

окружало ощущение необычной судьбы. Тсу'ган чувствовал это каждый раз в его присутствии. Ощущение притупляла ненависть, но все же оно было. И если место капитана не займет Тсу'ган, его наверняка займет Дак'ур. Ни один из них не достоин возглавлять боевую роту Астартес. Тсу'ган просто не мог позволить такому случиться.

Когда Тсу'ган ответил на услужливый взгляд Цагона, в его глазах и позе появилась твердость.

— Хорошо, — проронотал Тсу'ган. — Но как быть с Фугисом? Апотекарий заставил меня пообещать, что я приду к Элизю.

— Опередите его, — не задумываясь, посоветовал Цагон. — Наш брат так занят своим горем, что поначалу не будет настаивать. А к тому времени, когда начнет, Н'келн уже с готовностью сложит с себя мантию капитана, а вы возвыситесь.

В глазах Цагона загорелось неукротимое честолюбие. Как ближайший помощник Тсу'гана, он ухватится за стремя своего господина, пользуясь его

новообретенной властью и влиянием, и возвысится вместе с ним.

--- Тогда Фүзис не станет раскрывать рта: он поймет, что вы снова хозяин своими чувствам.

Тсү'ган ұставился куда-то вдаль: ослепительные видения вставали перед его мысленным взором.

--- Да, --- выдохнул он, хотя, казалось, за него говорит кто-то другой, --- именно так я и сделаю.

Он вновь посмотрел на Цазона, с новым огнем в багровом взоре:

--- Пойдем. Мне нужно надеть доспехи.

Цазон поклонился, пряча улыбку в тени, закрывшей лицо.

Вдвоем они двинулись по коридору, ведущему на запад. Восточный коридор так и остался нехоженым.

Цазон был доволен. Он сумел заново вдохнуть мужество и чувство уверенности в своего сержанта. С того самого момента, как они вернулись со Стратоса, Цазон превратился в его неотступную и внимательную тень. Он должен был знать

о каждом темном желании, о каждой
мучительной тайне и воспользоваться
этим. Он начал понимать, глядя из
темноты, что в конце концов придется
начать действовать. Просто нужно
дождаться удачного момента. В коридоре
зала Реликвий он втешался очень
своевременно. Минутная заминка -- и
Тсу'ган отправился бы к Элизию, разрушив
все, что Цагон так аккуратно планировал,
и лишив его всех шансов воспользоваться
чужой властью.

Хотя Цагон и был космогесантником
со всеми плюсами и могуществом этого
состояния, ему не досталась физическая
сила Ба'кена. Он не владел психической
мощью Нуриила и религиозным рвением
Элизия. Но вот хитростью -- о, да! --
хитростью он обладал в полной мере. А
еще целеустремленностью и нерушимой
уверенностью, что Тсу'ган однажды
станет капитаном, а он, Кербий Цагон,
будет греться в лучах славы своего
господина. И ничто не должно стоять на
пути к этому. Несмотря на свои
разглагольствования об обратном, Цагон

считал, что Фүзис — это проблема.

И когда они с Тсү'ганом пришли в оружейную, Цагону пришла в голову еще одна, заключительная мысль: с угрозой, которую представляет апотекарий, необходимо разобраться.

Ба'кен и магистр Аргос стояли у подножия Циндарского плато. Их тяжелые ботинки тонули в песке пустыни Погребальных Костров. Саламангры наблюдали за далекой процессией ноктюрнских жителей, направляющихся к воротам Гесиода.

Город-убежище — название очень подходило.

Во время Сезона Испытаний города-убежища распахивали свои ворота и давали приют народу Ноктюрна. В основном кочевая раса, население планеты по большей части обитало в поселениях и временных лагерях, которые плохо переносили разрушения, причиняемые землетрясениями и вулканами. Ноктюрнцы преодолевали огромные расстояния, совершая длиннейшие

путешествия по всей планете в поисках
защиты от стихии.

Крепкие стены и надежные ворота, на
века сработанные искусными мастерами
Ноктюрна, служили бастионами защиты
городов-убежищ в ранние годы колонизации.
Первобытные шаманы — латентные
псайкеры, чьи генетические мутации
позже были лишены покрова тайны и взяты
под контроль — первыми обнаружили
самые безопасные места для этих
поселений. Сделали они это, общаясь с
землей посредством связи, до сих пор
признаваемой и почитаемой народом
Ноктюрна. Позже пришли геологи-
исследователи, которые посоветовали, как
возвести и укрепить зарождающиеся
поселения, постепенно превратившиеся в
города. Но с веками эти города
совершенствовались.

Технологии,
принесенные Повелителем Человечества —
тем, кто был известен лишь как
Чужеземец, дали более надежную защиту
от капризных сил земли. Пустотные
щиты встали на пути лавовых потоков и
пирокластических туч, адамантий и

артированный кералит сдерживали сейсмические толчки и накатывающие огненные валы.

Эти пристанища с их системами защиты встали между расой и ее гибелью от стихии.

Ба'кен поприветствовал Дак'ура низким и сильным голосом:

--- Брат-сержант.

Дак'ур, с Емекот рядом, поодя, кивнул в ответ.

--- Похоже, исход начался, --- заметил брат Емек.

--- Сезон Испытаний близок, --- отозвался Дак'ур. Он посмотрел, как Аргос в магнокуляры разглядывает глинные вереницы пилигримов.

--- Да, --- сказал Ба'кен, коротко кивнув Емеку и возвращаясь к наблюдению, --- кочевые племена собираются вместе, и города-убежища заполняются, как и каждый долгий год.

Емек, который явился с непокрытой головой, задумчиво провожал взглядом глинную вереницу беженцев.

--- Их всегда так много.

Гражданские прибывали со всего Ноктюрна: торговцы, ремесленники, охотники и семьи. Одни шли пешком, другие пересекали пески на каркасных багги и трициклах с толстыми шинами, таща за собой прицепы с пожитками и инструментами. Камнедобывающие машины и гуртовщики, погоняющие стада завротуров, вьючные ящеры, тянущие телеги и широкие фургоны. Нулигримы везли все, что могли увезти; скудные пожитки были обернуты в протасленную ткань для защиты от песка и пыли. Путники носили одежду, защищающую от жары и песка: балахоны, пончо и плащи с нагвинутыми капюшонами. Ни один не пустился в дорогу с непокрытой головой. Кое-кто даже обернул голову и лицо тонким шарфом, чтобы уберечься от палящего солнца.

На последнем километровом отрезке до раскрытых ворот Теснога Дак'ур различил редкие вкрапления зеленых дождевиков вдоль извивающегося людского потока. Задачу оказать помощь и препроводить гражданских в укрытие за

городскими стенами возложили на пятую
роту, которая вместе с Третьей и
Седьмой еще оставалась на планете.

Саламандры, наставив болтеры в
затянутую жарким паром даль, все
время оставались настороже. Они
высматривали хищников, таких как сахра,
и следили за крылатыми тениями
дактилигов, кружащих в небе в поисках
легкой добычи.

— Беженцев мало, — отозвался Арго
с металлическим тембром в голосе,
ненавязчиво опровергнув слова Емека.
Оценив группы гражданских через
магнокүляры, он быстро прикинул: —
Многие останутся страдать за пределами
городов.

Вдалеке, со стороны Фемиды, соседни
Тесиода, словно раскаты грома, заворчал
землетрясение. Там уже начались, пока
еще незначительные, извержения вулканов.
На пути к Цингарскому плато Дак'ир
слышал, что три отдаленных поселения
были разрушены толчками и сгинули без
следа. На горизонте вырисовывалась гора
Смертного Огня. Огромный монумент из

капня и ярости изрыгал потоки пламени и лавы, готовясь к более крупному и более разрушительному извержению. Арзос с мрачным видом опустил магнокуляры.

--- Мы --- стойкое племя, брат-сержант, --- сказал он Дак'ур вместо приветствия.

--- И гордое, --- добавил Дак'ур. --- Именно это делает нас теми, кто мы есть.

--- Хорошо сказано, --- отметил Арзос, но мрачное выражение с его лица не исчезло, когда он отвернулся и снова принялся осматривать глиняную колонну гражданских. Для большинства людей средний срок жизни на Ноктюне был недолгим. И цифра эта станет еще меньше с приходом сезона стещений планетной коры.

Дак'ур обернулся к Ба'кену, указывая на тяжелый огнемет, притороченный к спине могучего Саламандра:

--- Я смотрю, ты не терял времени даром, брат.

--- На замену тому, что я потерял на Стратосе, --- пояснил Ба'кен с жесткой

устешкой, гордо демонстрируя оружие.
Предыдущая инкарнация огнемета
погибла, когда запас протетивового
горючего вступил в реакцию с летучей
химической смесью, выпущенной
культистами в мире высотных городов.
При этом Ба'кена ранило, но крепкий
Саламангр обратил на рану внимания не
больше, чем на какую-нибудь царапину. А
вот тяжелое оружие, которое он так
тщательно создавал, не устояло.

--- Благословлен самим братом
Аргосом, --- прибавил он, указав в сторону
технодесантника.

Аргос отошел к краю кругового
плато, выйдя за пределы металлического
диска в его центре.

--- Ты не с нами, брат? --- спросил его
Дак'ур.

--- Я присоединюсь к вам позже, когда
закончится проверка пустотного щита
Тесиода.

Дак'ур взглянул на бурлящее огненно-
оранжевое небо и прищурился, что-то
высматривая.

--- Ба'кен, а где «Огненная виверна».

которая должна доставить нас на Прометей? — спросил он, отметив, что Аргос сверяется с небольшим наладонником.

— Тут новости не очень приятные, сэр, — ответил огнемечник. — «Грозовые ястребы» готовят для предстоящего отлета. Поэтому в крепость-монастырь нас телепортируют.

Дак'ур вспомнил совсем недавние события на борту «Архимедес Рекса» и последующий перенос на корабль Злобных Десантников «Чистилище». Внутренне он протяжно застонал от подобной перспективы, теперь догадавшись, что Аргос задавал координаты для таяка наведения.

И тут мощный толчок потряс песчаную равнину, завладев вниманием сержанта. В недрах земли заворочался пирокластический грохот, глубокий и резонирующий. Шел он от горы Смертного Огня. Огромное облако из дыма и неплавы выступило над кратерообразным устьем на его вершине и бурлящей серо-черной волной покатилося по каменистым

склонат гигантского вулкана. Гражданские уже вопили, когда в потемневший воздух взметнулся фонтан магмы. Склон вулкана как-то вдруг покрылся обильными потоками тягучей лавы с островками шлака.

Послышался еще более глубокий грохот, и дюны всколыхнуло рябью от мощнейшего толчка, заставив гражданских взвыть от ужаса и прибавить ходу. Тягловые животные отчаянно заревели, не слушаясь паникующих возничих и внося свой вклад в разразившийся хаос. Нарастающий рокот под землей превратился в какофонию, когда из недр горы вырвался мощный луч красного света. Он достиг небес, блистая ослепительным огнем, пронзил, словно копье, тучи непла и пропал, оставив в них пятно.

Проявление неистовства природы продлилось всего несколько секунд. Вслед за ним вопли жителей, растянувшихся по все еще грожащим дюнам, стали еще громче. Потоки лавы иссякли, собравшись в озера, тучи непла скатились вниз и

рассыпались тонким покрывалом по земле.

Вулкан снова уснул, но лишь ненадолго.

--- Ты когда-нибудь видел такое? ---

Основное сердце Дак'ура колотилось. Он посмотрел, как Саламандры, стоявшие вдоль колонны, быстро наводят порядок.

Ба'кен покачал головой в благоговейном изумлении.

--- Это знамение, --- выдохнул Емек, --- наверняка. Сначала ларец, теперь это... Добра не жди.

Дак'ур посуровел: он не собирался поддаваться истерии так быстро.

--- Брат Аргос, --- окликнул он, приглашая техногесантника высказать свое мнение.

Аргос воспользовался магнокүлярами, чтобы осмотреть место появления луча.

--- Подобного феномена я не наблюдал никогда.

--- Что могло его вызвать? --- спросил Ба'кен.

--- Что бы это ни было, --- предположил Емек, --- оно предвещает беду.

Он указал на небо. Огненно-оранжевый свет стал цвета крови, отывая

опутанные толпками небеса неприятным красным свечением. Несмотря на отсрочку апокалипсиса, местные жители задвигались быстрее. Некоторые в ошеломлении и страхе указывали на небо, им приходилось подгонять вперед. Боевые братья подбадривали колонну, заставляя людей прибавить шагу; жесты их были настойчивыми, но по-прежнему спокойными и уверенными. Сейчас поток беженцев вливался в ворота Гесиода. Но многие, чьи фургоны завязли во время землетрясения и кто от страха не мог шевельнуться, были вне пределов досягаемости Саламандр, оставшись на милость суровой стихии.

Обеспокоенный тяжелым положением гражданских, Дак'ир сошел с диска.

--- Мы должны поточь им.

--- Вернись в круг, брат-сержант. ---

Бесстрастный голос Аргоса остановил Саламандра. --- У твоих братьев есть своя задача, у тебя --- своя. Здесь мы больше ничего не сможем выяснить. Ответы будут у Ту'Шана.

Дак'ир неохотно занял место в круге телепортатора.

--- Остается надеяться, что вести из Пантеона будут добрыми, --- пробормотал он и сжал зубы, когда Аргос запустил телепортацию. Металлическая токопроводящая пластина под ногами Саламангр вспыхнула, словно магний, и мир вокруг сержанта наполнился светом.

Телепортация заняла мгновение, и вокруг проступили края приемной площадки. Это была одна из десяти переходных точек внутри телепортариума крепости-монастыря на Прометее. Призрачные испарения варна скатились с шестиугольной плиты, достаточно большой, чтобы вместить целое отделение терминаторов, чего уж говорить о трех боевых братьях в силовой броне.

Разряды энергии с треском вспыхнули и рассеялись по трем токопроводящим балкам, дуги которых загибались над площадкой, словно сложенные щепотью пальцы. Глушители варна, психические буферы и другие предохранительные устройства стояли на

своих местах на тот маловероятный случай, если что-то пойдет не так.

Дак'ир на этот раз пришел в себя после переноса довольно быстро. Зная, что произойдет, он приготовился, и благодаря ноктюрнскому стабильно работающему комплексу телепортации процесс прошел гладко. Автоматические оружейные сервоустановки опустились, не зафиксировав угрозы. Дак'ир сошел с площадки телепортатора и направился к причальной палубе, где уже собирались Саламандры.

Причальная палуба была огромной; к ней вели открытые взрывостойкие двери. Те Саламандры, кто уже перенесся на Прометей или, вероятно, и не покидал его, собирались небольшими группами, вполголоса возбужденно обсуждая возможные последствия того, что обнаружат Пантеон. Одни готовили оружие, проверяя и перезаряжая его с методичной четкостью. Другие преклонили колени в одиночестве, давая предбоевые обеты и прижимая к губам символы молота Вулкана. Повсюду

звучало имя примарха.

В большой секции ангара стояли
восемь «Грозовых ястребов» с
выпущенными посадочными опорами.
Бригады сервиторов и людей-инженеров
под руководством следящих за ними
техногесантников готовили корабли к
отлету. Толстые шланги, по которым
закачивалось топливо в баки кораблей,
извивались по палубе; в термоядерных
реакторах запускали рабочие процедуры;
массивные гусеничные подъемники
перевозили тонны боеприпасов; в
приемники боепитания вставляли
тяжелые барабанные магазины; огромные
батареи носовых орудий заряжали под
завязку. Техногесантники распевали
питанию духом машин; стайки обетных
сервиторов и киберчерепов помогали им в
благочестивых трудах; человеческие
палубные бригады очищали и проверяли
гесантные отсеки; приборные доски,
которые были усеяны изнутри кабины,
осматривали и прогоняли через
обстоятельные протоколы активации;
турбоventиляторы запускали на малой

тяге, чтобы проверить их работу; и каждый квадратный сантиметр обшивки кораблей обследовали и проверяли на прочность.

На причальной палубе царил необычная атмосфера: частью торжественная, как на парадной площади, частью полная решимости, как на сборной палубе перед походом. Разбросанные по всему Ноктюрну, дабы помочь деревням и небольшим поселениям подготовиться к Сезону Испытаний, Саламандры собирались порознь. Они появлялись один за другим, прибывая в тот священный пункт телепортации, который находился ближе. Тем не менее отделения собирались быстро, заполняя причальную палубу бронированной массой и готовясь лицезреть магистра оргена.

Тсү'ган уже стоял вместе с большей частью своего отделения. Остальные тоже начали строиться. Окинув взглядом помещение, Дак'ур увидел Инфермальную Гвардию Н'келна --- бывшее командное отделение Кагая, --- которая ждала своего капитана. Среди них стоял Фүзис,

опустив голову и погрузившись в размышления. Остальные встретили взгляды вперед. Н'келн еще не назначил себе ротного чемпиона, от места которого отказался Дак'ур. Как и не заместил свою собственную вакантную должность ветерана-сержанта. Почтенный брат Шен'кар пока исполнял обязанности заместителя капитана, поэтому Инфернальная Гвардия насчитывала всего троих. Последнее место занимал знаменосец Маликант. Отделения штурмовиков Варго и Навима со своими громогдыми прыжковыми ранцами заняли места на флангах. Возможно, это была лишь игра воображения, но Дак'ур отметил некоторое напряжение между ними. Наверное, это было просто нетерпеливое ожидание, что же сообщит совет Пантеона. Братья-сержанты Агатон и Кловий тоже были здесь вместе с Опустошителями Локом и Откаром.

Наблюдая за братьями-сержантами, Дак'ур вспомнил о том, что попросил Ба'кена сделать перед тем, как вернуться на Ноктюрн.

--- Ты поговорил с Агатом и Локом?

Ба'кен мрачно кивнул, словно вспоминая о неприятном.

--- Тсу'ган точно обращался к сержантам, тактикам и штурмовикам.

Дак'ур недоверчиво покачал головой.

--- Его заносчивость не знает границ. Не могу поверить, что он все еще сопротивляется.

--- Агатон сказал, что несколько сержантов встали на его сторону.

--- Значит, он решил действовать против Н'келна открыто.

--- Не открыто, далеко не открыто. Агатон все делает скрытно и окольными путями. Никаких явных доказательств тому, что Тсу'ган хочет стать капитаном, нет.

--- Нет, но он добивается ссещения Н'келна. В лучшем случае это понахивает нарушением дисциплины, в худшем --- изменой. --- Дак'ур замолчал, стараясь справиться с гневом. --- Но как это ни назови, дальше так продолжаться не может. Нужно что-то делать.

--- Но что? --- задал Ба'кен вполне

резонный вопрос. -- Рассказать капеллану -- сейчас это не вариант. Агатон поклялся хранить молчание.

Дак'ур повернулся к огнеметчику. Выражение на его лице было суровым.

-- Я не Агатон, Ба'кен. И я не связан его клятвой, -- заявил он жестко. -- Эти распри нужно остановить.

-- Другого выхода нет, -- вступил в разговор Емек. -- Нужно рассказать брату Элизию.

Дак'ур покачал головой.

-- Разлада и разногласий и так хватает. Расследование капеллана и его дознавателей только обострит ситуацию. Н'келн хочет исцелить раны нашей роты. Ему нужна наша поддержка и поддержка других, чтобы преуспеть в этом. Если принудить сержантов подчиниться, показывая пример тем, кто не замешан, это лишь усугубит уже существующие обиды. Только заслужив уважение сержантов, Н'келн обретет их доверие и упрочит свой авторитет, -- задумчиво говорил Дак'ур, чувствуя, как порыв к немедленным действиям слабеет. -- Как

ни трудно мне это признать, но Тсү'зан
разжигает недовольство не ради места
капитана. Я даже не уверен, что он вообще
хочет занять место Кагая. Он хочет,
чтобы место капитана занял тот, кто, по
его мнению, достоин Кагая. Как только он
решит, что Н'келн и есть такой человек,
он уступит.

--- Ты уверен в этом, брат? --- спросил
Ба'кен.

--- Нет, --- откровенно ответил
Дак'ур. --- Лишь пламя битвы может
закалить капитана. Он или сгорит, или
переродится заново. Таков путь Прометея.

--- Слова настоящего философа, ---
криво устехнулся Емек.

Дак'ур повернулся к нему, но тут
массивные ворота на гальном конце
палубы начали открываться. Ворота вели
во внутренние покои крепости-монастыря
и в Пантеон. Ту'Шан и совет были близко,
так что Дак'ур ограничился несколькими
словами.

--- Слова твоего сержанта, --- поправил
он. То, что было сказано дальше,
относилось и к Ба'кену: --- Чьи приказы

нужно исполнять.

Оба Саламангра кивнули. Остальное отделение Дак'ира сделало то же самое. Время для разговоров подошло к концу. Ворота со скрежетом открылись. Появился магистр ордена.

Ту'Шан шагнул во главе совета Пантеона, облаченный в полные боевые доспехи. Широкая мантия из шкуры дракона развевалась, точно живая, при каждом его шаге. Глубокие глаза горели всей внутренней мощью недр Смертного Огня. Третья рота была собрана в полном составе. Даже ветераны братья Атагей и Ашатон заняли место среди своих братьев Саламангр. Пара гредноутов возвышалась непоколебимо и уверенно рядом с передним тактическим отделением, которым командовал Ашатон. Брат Ашатон был гредноутом-броненосцем. Электрические разряды оплетали его сейстический толот с присоединенным к рукояти телтаганом. Пламя запальника сонно тигало у огнемета, прикрепленного к попожету на клешию силовому кулаку.

Окруженный по бокам отделением
Огненных Эмиев, громко лязгающих в
своих терминаторских доспехах, Ту'Шан
шествовал по широкому проходу во главе
совета. Свободный проход делил отделения
роты на два равных полукруга и
предназначался для десяти ветеранов
первой роты, которых сопровождал сам
Претор. За магистром органа шел
Вел'кона, старший библиарий и
непосредственный начальник Нурилла.
Эпистолярый шагал рядом с Элизием и
Н'келном, зажатými по обе стороны
Огненными Эмиями. Остальные магистры
были либо заняты делами на поверхности
Ноктюрна, либо вели операции в далеких
звездных системах.

Внимание Дак'ура было приковано
главным образом к Элизию, пока воинский
эскорт проходил мимо, чтобы занять свое
место впереди третьей роты.

В руках капеллан держал ларец
Вулкана.

Солнечная буря

--- Приветствую вас, братья! ---
Могучий голос Ту'Шана раскатился по обширной причальной палубе, долетев до каждого уголка и приковав всеобщее внимание. Даже в окружении членов совета Пантеона, величайших из воинов ордена, Ту'Шан смотрелся вдумчиво и грозно. В глазах магистра ордена светились сила и страсть Вулкана, твердость и дух примарха.

--- Совет сверился с «Книгой огня», и священные страницы принесли нам весть, --- закончил он хмуро. Других преамбул не последовало. Ту'Шан, больше привыкший действовать, чем разглазольствовать, жестом пригласил Элизия.

Капеллан коротко склонил голову и вышел вперед, чтобы его увидели все собравшиеся.

В полном молчании Элизий обвел взглядом Саламандр, дабы те прониклись важностью момента и осознали, что

капеллан всегда бдителен. Предстать с нечистой душой перед Элизием было бы страшной ошибкой. Он обожал прижигать и сдирать кожу для установления благочестивости в воинах. Помогали ему в этом хирурги-дознаватели --- безмозглые сервиторы, которых Элизий собственноручно переделал. Не все, кто входил в его реклюзиат, возвращались обратно. Однако выдержать мастерство Элизия значило, что тебя вообще не в чем упрекнуть... по крайней мере, пока.

Элизий был всего лишь одним Саламандром. Но все без исключения боевые братья, взиравшие на капеллана, ощущали его присутствие точно клеймо из холодной стали, которое, того и гляди, раскалится.

--- «Когда небо покраснеет от крови и гора Кузницы оставит своих сыновей, Вулкан укажет нам путь», --- процитировал Элизий. В голосе капеллана слышались твердые нотки, похожие на раскаленные шины его исповедальных инструментов.

Элизий пристально встатривался в

обращенные к нему лица.

Печати чистоты целыми
гирляндами украшали кобальтово-черный
доспех капеллана. Обетные цепи свисали с
наплечников, нагрудника и горжета. Они
даже были прикреплены к боевому шлему
изображения молотов, графов и
имперского орла.

--- Небо окровавлено, --- продолжил он. ---
Смертный Огонь оставил своих сыновей. ---
Брат-капеллан сжал кулак, чтобы
подчеркнуть свой религиозный пыл. --- Так
написано в «Книге огня», которую оставил
нам примарх. А этим, --- Элизий воздел
найденный на «Архимедес Роксе» ларец,
точно священный символ веры, --- он указал
нам путь.

Элизий опустил ларец и разжал
кулак.

--- Галактические координаты,
спрятанные в зашифрованных символах
ковчега, указывают на участок
пространства, --- объяснил капеллан,
стенив религиозный пыл на прагматизм. ---
Там, на границе Вуали, в сегменте
Темнестус, лежит система, погруженная

во тьмѣ варн-штормов и отрезанная от
света Императора многие тысячелетия. --
Глаза капеллана за череполикой маской
вспыхнули. -- Мы поднимет над ней
озаряющий факел, братья. Штормы
улеглись, и путь снова свободен.
Взгляните на небо Ноктюрна! --
Подвижный как ртуть капеллан легко
вернулся к религиозному воодушевлению,
ткнув руками вниз, указывая в сторону
материнской планеты. -- Кроваво-алая
дымка пятнает наше злобещее солнце. У
рисунков этих пятен совпадает с
созвездием той самой системы. В самом
центре этого звездного узора находится
единственная планета -- та, что была
потеряна для имперских архивов больше
чем на десять тысяч лет, -- Скория. Мне
не нужно объяснять вам важность этого.

По палубе прокатился гомон
недоверия. Элизий не стал утихомиривать
боевых братьев. Более того, казалось, он
испытывал удовольствие от
нарастающего энтузиазма.

Дак'ур был поражен не меньше
остальных. Они, что, как-то узнали судьбу

самого Вулкана? Именно это имел в виду капеллан. Это было всего лишь предположение, но все же.

При всей потенциальной грандиозности открытия лицо Ту'Шана оставалось непроницаемым. Дак'ур уже потом узнал, что луч света из горы отразился от частиц пыли, оставшихся от последнего извержения, и создал псевдозвездное изображение, о котором говорил Элизий. Феномен, без сомнения, был небывалым. Его приняли за знамение великого открытия или близкой гибели — Дак'ур не мог сказать наверняка. Однако он точно знал, что если есть хоть малейший шанс найти Вулкана или узнать о его судьбе, то Саламангры не упустят его.

Дальше Элизий коротко сказал о стойкости и очищающем пламени битвы. Все эти пылкие слова Дак'ур знал наизусть. У него голова шла кругом от того, что стало известно и что еще будет. Когда капеллан закончил и Н'келн вышел вперед, чтобы обратиться к Саламанграм, брат-сержант уже точно

знал, что это будет.

Лицо капитана было твердым как скала.

--- Третья рота, мы отправляется на Скорую, чтобы вернуть прародителя нашего ордена, если он находится там.

Глаза брата-капитана горели такой решимостью, что было ясно: он понимает всю важность этого предприятия и видит в нем шанс воссоединить роту. Дак'ир подозревал, что Ту'Шан тоже это понял.

--- Как бы то ни было, мы отправляется туда без предубеждений и будем глядеть в оба, --- продолжил Н'келн. --- Все мы, --- прибавил он, глубокомысленно кивнув.

--- Империят потерял контакт со Скорией еще в тридцать первом тысячелетии. Этот мир смерти похож на наш, так что это не станет помехой для операции. Авзурь дальней разведки показали, что небольшая звездная система, в которой находится планета, --- место очень неспокойное, с сильными солнечными бурями. С этим мы тоже справится. Неизвестно, с чем мы встретимся на

поверхности, однако, враги там или нет, мы все равно узнаем, зачем примарш послал нас туда. Кроме того, мы будем там не одни. -- Н'келн благосклонно повел рукой, обернувшись. -- Брат Претор и его Огненные Эмии отправляются с нами.

Ветеран-сержант первой роты едва шевельнулся, когда на нем сошлись взгляды всей третьей роты. Это был грозный воин и несравненный тактик, уступающий разве что магистру ордена. Живший и тренировавшийся в крепости-монастыре Прометея, как все Огненные Эмии, он держался отчужденно. Длинный плащ из салатандровой шкуры ниспадал по спине его терминаторского доспеха; бритая голова походила на головку черного крепкого болта, ввинченного между огромными наплечниками. Доблестную фигуру увивали победные лавры, бронированная перчатка сжимала глиняную рукоять грозового молота, к спине был привешен круглый грозовой щит.

Участие Претора в операции вызывало кое-какие вопросы. Служить вместе с ротой Ту'Шана было великой

честью: каждый в ней был настоящим королем-воителем, вдохновляющим остальных боевых братьев. Но оно также бросало тень на авторитет Н'келна. Дак'ур был уверен, что это только подольет масла в огонь Тсу'ганова возмущения. Он потерял брата-сержанта из виду среди стоящих в строю Салатангр. Но это ничего: Дак'ур все равно его скоро увидит — Н'келн уже заканчивал собрание.

— Однако хватит слов: словами мы ничего не добьемся. Огнерожденные! Пошли машинам! «Гнев Вулкана» ждет, чтобы доставить нас на Скорую.

Третья рота надела шлемы и без промедления разошлась: сержанты равкнули приказ, строй распался на отделения, и Астартес спешно промаршировали к посадочным рампам десантно-штурмовых «Грозовых ястребов». Дак'ур собрал своих Салатангр и направился к «Огненной виверне», краем глаза заметив, что Огненные Эмиш тяжело шагают к своему «Неумолоту». Они летели вместе с братом-капитаном Н'келном и его Инфернальной Гвардией. С

нители же отправился капеллан Элизий. Причальная палуба быстро опустела, оставив Ту'Шана наедине с Вел'коной. Костоянию Дак'ира, Нириил присоединился к ним на борту «Огненной виверны». Библиарий скользнул по брату-сержанту своим пронизывающим взглядом и занял место под гравиратой в отсеке-санктуарии. Тсу'ган, ни на кого не глядя, привел свое отделение, поглощенный какими-то мыслями. Многие Саламандры сейчас были заняты тем же. Перспектива найти своего примарха или хотя бы подкадку о его судьбе заставила всех приоткрыть.

Палубные команды сервиторов убрались, и свист турбовентиляторов заглушил все внешние звуки. Поднявшись в воздух вслед за «Неутомимым», «Огненная виверна» втянула посадочные опоры. Вышедшие на полную мощность двигатели с ревом извергли струи пламени, и десантно-штурмовой корабль ринулся вверх. «Копье Прометея» мчался следом. «Инферно» и «Адская буря» присоединились к воздушной колонне.

Сроица транспортных «Громоых
астребов» заняла место в хвосте, неся
четыре БТР «Носорог» и «Лендрейдер»
модели «Ускунитель» --- «Огненную
наковальню».

Взрывостойкие створки в крыше
ангара со скрежетом разошлись, открывая
бездну костоса над головой. У одной из
причальных лап костопорта ждал ударный
крейсер, готовый отнести третью роту к
ее судьбе.

«Гнев Вулкана» преодолевал
заключительный участок пути сквозь
этнпиреи, совершая последний прыжок до
переноса в звездную систему Скории.
Многие Саламандры были заняты боевыми
ритуалами, готовясь к грядущим
испытаниям. Огни сосредоточенно
упражнялись в гимнастических залах
ударного крейсера, другие проводили время
в уединении, повторяя катехизисы
прометейского учения.

Тсү'ган, снова внавший в подавленное
состояние, избрал солиториумы в
тихотной попытке выжечь скрытое

чувство вины.

Цагон, стоя в тени, смотрел, как
Тсү'ган вываливается из
звуконепроницаемой комнаты.

С измученного тела сержанта
волнами скатывался пар, затуманивая
прохладный воздух вокруг. Накрывшись
плащом, Тсү'ган ушел в боковую комнату,
где Цагон, как и было приказано, оставил
силовые доспехи сержанта.

— Астартес, — раздался из темноты
голос.

Цагон не сразу понял, что
обращаются к нему.

Появилась шаркающая жилистая
фигура Зо'кара, жреца-клеймощика
Тсү'гана. Свет прикованных к стенам
люминесцентных красил его жреческое облачение
темно-красным, пока Зо'кар шел к
Саламандру.

Основное сердце Цагона застучало в
груди военным барабаном. В своем
сагистском стремлении увидеть
самобичевание Тсү'гана, хотя и
посредством раскаленного прута Зо'кара,
он не заметил, как подался вперед

слишком сильно и выдал себя. Хорошо еще, что Тсү'ган был так одурманен болью, что не увидел его, иначе все осторожные интриги Цагона оказались бы под угрозой. Закрепившееся доверие, которое он так тщательно взращивал в сержанте, было крайне важно для Цагона: без него он был ничем.

--- Вам не следует здесь находиться, --- настойчиво произнес Зо'кар. Он отложил свой железный прут и уже прогнал обетного сервитора. --- Господин Тсү'ган очень строг в отношении уединенности.

Цагон прищурился:

--- Ты обвиняешь меня в чем-то, раб?

--- Я получил четкие указания, Астартес. И обязан немедленно сообщить господину Тсү'гану об этом нарушении. --- Зо'кар собрался повернуться, но Цагон вышел из тьмы и схватил его за плечо. Он нащупал кость под одеждой и тонкой, как пергамент, кожей клеймовщика и слегка надавил --- достаточно сильно, чтобы завладеть вниманием Зо'кара, но не настолько, чтобы тот завопил.

--- погоди... --- Цагон силой развернул

жреца к себе. — Не гүмаю, что брат
Тсү'ган сейчас в состоянии слүшать.
Позволь мне рассказать ему об этом.

Зо'кар потнул покрытой капюшоном
головой:

— Не могу. Я подчиняюсь господину
Тсү'гану и должен ему рассказать.

Цагон подавил внезапный приступ
ярости и дикого желанія причинить боль
этой ничтожной твари у него в руках.

Он был жестоким с детства. На краю
сознания, словно клочок дыма,
затрепетало смүтное воспоминание, еще
сильнее размытое после перерождения в
сверхчеловека, — полүзабытое
воспоминание о насаженных на палочки
ящерицах на песке Шлаковой пүстыни. Он
ждет в тени скалы, пока палящее солнце
высушит телких ящерок, затем
наблюдает, как их пожирают более
крупные дракониды. Благодаря своей
целеүстремленности и хитрости Цагон
прошел испытания, которые требовались,
чтобы стать костическим десантником,
и был принят в неофиты. Темные порывы,
которых он тогда еще не совсем понимал,

находили себе выход на поле боя. Благодаря острому уму, ставшему еще острее благодаря имперским познаниям в генетике, Цагон делал успехи, всегда держа темные тайники своей души в секрете, подальше от пытливых щупалец капелланов и апотекариев. Благодаря своей скрытности Цагон обнаружил, что ему отлично удаются всякие хитрые делишки. Он вырастил внутри себя черную искру и при помощи полученной подготовки и исключительного интеллекта раздул ее в темное пламя. Пламя с ревом переродилось в черный пожар жажды власти и способов ее получить. Ни одна проверка, даже самая строгая и глубокая, не бывает безошибочной. Среди неисчислимых миллиардов жителей Империи в каждом народе, в каждой вере прячется патология. Эти отклонения часто проходят незамеченными в людях, внешне нормальных и благочестивых, пока не настает момент, когда отклонение выходит наружу. Но тогда, конечно, чаще всего поздно уже что-то сделать.

Сейчас Цагон был драконидом, а Зо'кар — ящерицей на палочке в его власти. Саламандр придвинулся ближе и угрозно навис над жрецом, отчего тот съежился. Когда Цагон заговорил снова, в его голосе слышались хриплые нотки гда прикрытой угрозы:

— Ты уверен, Зо'кар?

— Мало веса, — буркнул Ба'кен и расслабил плечи. Тяговые цепи, прикрепленные к черным перчаткам для силовых упражнений, провисли. Спина Саламандра была похожа на плиту из оникса, твердую и неподатливую, пока он медленно опускал огромные грузы, подвешенные к цепям. Ба'кен присел, мышцы на ногах вздулись, сухожилия походили на толстые тросы. На нем были только тренировочные штаны, так что большая часть его черной мускулатуры была обнажена.

Дак'ир, стоявший у Ба'кена за спиной, ухмыльнулся:

— Больше нет, брат.

— Тогда я подниму тебя, брат.

сержант. Становись ко мне на плечи. ---
Взгляд Ба'кена оставался
сосредоточенным, так что Дак'ур не мог с
уверенностью сказать, шутит он или нет.

--- К сожалению, я вынужден
отказаться, --- с нарочитой досадой сказал
Дак'ур, бросив взгляд на хронометр,
висевший на стене гимнастического зала. ---
Вот-вот начнется перенос внутрь
системы. Нам нужно подготовиться к
высадке на Скорую.

Ослабив перчатки на огромных руках,
Ба'кен опустил их на пол с глухим стуком.

--- Жаль, --- посетовал он, поднимаясь
на ноги и обтираясь полотенцем. --- В
следующий раз надо будет попросить у
интенданта побольше грузов.

Дак'ур вернул на место перчатки,
похожие на пару массивных кусков
обтесанного гранита. Повсюду вокруг
воины третьей роты продолжали упорно
заниматься.

Гимнастический зал был огромен. С
одного края стояли ряды бойцовые
клетки, сейчас полностью занятые: боевые
братья бились один на один друг с другом

или просто повторяли упражнения с холодным оружием. Другие Саламангры занимались на всевозможных тренажерах, которыми был заставлен обширный пол зала, словно сделанный из черного гранита. Еще там имелся потывочный отсек и углубления потемнее, в которых находились огненные ямы, где Саламангры могли укреплять свою выносливость при помощи горящих углей и раскаленных железных прутьев.

Внимание Дак'ира привлек зал баллистики, где Ул'шан с Олкарот повторяли со своими бойцами ритуалы прицеливания. Пока не было, и два брата-сержанта разделили отделение ветерана между собой для наставлений и оценки их меткости. Отгороженные по понятным причинам от остального зала, боевые братья внутри выщербленных пулями стен зала баллистики виднелись сквозь лист прозрачного бронехрусталя.

Дак'ир стоял к Ба'кену спиной, когда тот заговорил снова:

--- У что же ты видел?

Перед тем как прибыть в

гимнастический зал, чтобы заняться боевой подготовкой своего отделения. Дак'ур провел несколько часов в одном из солиториумов ударного крейсера. Во время медитации его посетило еще одно видение. Оно отличалось от повторяющегося кошмара о последних мгновениях жизни Кагая и тщетных попыток Дак'ура спасти его. Это было не воспоминание, которое воображал себе его разум в состоянии тета-ритма, — скорее, это больше походило на предвидение или даже пророчество. Мысли о видении испугали Дак'ура настолько, что он пришел за советом к одному Саламандру, которого знал лучше всех и которому доверял больше всех.

Дак'ур повернулся к Ба'кену, но не увидел на его лице ни намека на подозрительность или скрытые мысли. Ба'кен просто хотел знать. Огромный Саламандр был одним из самых сильных воинов, каких Дак'ур знал, но ценил брат-сержант в нем прежде всего честность и искренность.

— Я видел двухголовую ящерицу,

которая рыскала в темноте безжизненной пустыни, -- ответил Дак'ур. -- Она охотилась и нашла добычу: маленькую ящерицу, блуждающую в одиночестве среди дюн. Ящерица догнала меньшую тварь и проглотила. Потом ускользнула в сумрак и оказалась тоже проглочена. Темнотой.

Ба'кен пожал плечами:

-- Это просто видение, Дак'ур, и только. У всех нас бывают видения.

-- Но не такие.

-- Думаешь, оно предвещает что-то серьезное?

-- Я не знаю, что оно означает. Меня больше беспокоит, почему я вообще их вижу.

-- Ты говорил с аптекарием Фугисом?

-- Он об этом знает, и до смерти Кадая следил за мной, точно дактилид за своей жертвой. А сейчас, похоже, мои сторожеты назначили Пуриила.

Ба'кен опять пожал плечами.

-- Если бы это было проблемой, твоей тенью стал бы Элизий, а не наш брат-библиарий и ты вел бы эту беседу с

хирургеонами-дознавателями брата-
капеллана.

Взгляд Ба'кена померлел и
посерьезнел.

--- Может быть, тебе на рогу
написано было найти тот ларец на
корабле механикусов. Может быть, твое
видение двухголовой ящерицы случилось не
просто так. Я не знаю, ибо сам в такие
вещи не верю. Я знаю лишь одно: ты --- мой
боевой брат, Дак'ир. Более того, ты --- мой
сержант. Я сражался рядом с тобой больше
сорока лет. Вот то единственное
доказательство твоей беспорочности и
силы духа, которое мне необходимо.

Дак'ир сделал вид, что успокоился.

--- Ты мудр, Ба'кен. Явно мудрее, чем я
сам, --- сказал он с безрадостной улыбкой.

Здоровенный Саламангр просто
хмыкнул, вращая плечами, чтобы
разогнать кровь.

--- Нет, брат-сержант, я просто стар.

Дак'ир на это тихо постеялся с
редкой теперь беспечностью.

--- Собирай бойцов, --- велел он. --- Через
два часа на сборной палубе, в полной

выкладке.

Другие сержанты уже начали строить свои отделения. Прислуга стояла наготове с доспехами для тех, кто разоблачился на время тренировки.

— А ты куда? — спросил Ба'кен.

Дак'ур натягивал облегающий комбинезон, поверх которого укладывались и соединялись вместе жгуты электрических мышц, интерфейсные провода и внутренние электросхемы силового доспеха.

— На мостик.

Он пропустил небольшую вольность Ба'кена в общении из-за уважения, которое испытывал к огнемечнику. Дак'ур понимал, что Ба'кен интересовался искренне, безо всякой дерзости.

— Хочу поговорить с братом-капитаном, прежде чем мы сядем.

— А как же «прометейский обычай»?

— Никак. Я хочу знать, что, по его мнению, мы найдем на Скории и считаем ли эту операцию тем самым благом, на которое мы все так надеемся.

Ба'кен вроде удовлетворился

ответом и, отдав честь, направился к обжигающим струям пара потывочной катеры.

Дак'ир в молчании облачался в доспехи, глядя куда-то в пространство перед собой. Когда прислужник закончил, брат-сержант поблагодарил его и вышел из зала. Он решил, что глинная прогулка по мостика прочистит ему мозги. Воспоминания о недавнем видении грызли его беспрестанно, пока он пытался понять его смысл.

Размышления прервало внезапное появление Фүгиса. Апотекарий повернул из-за угла в этой же части корабля. Дак'ир снова вспомнил их беседу снаружи Свода Памяти в Гесиоге. Пелена уныния так и не сошла с апотекария, она просто стала тоньше и шире.

Когда Фүгис поднял взгляд, поначалу он смотрел сквозь Дак'ира и даже потом не сразу его узнал.

— С тобой все нормально, брат-апотекарий? — поинтересовался Дак'ир с искренней заботой в голосе.

— Ты видел брата-сержанта

Ссү'гана? — накинулся на него Фүгис. — Он избегает меня с самого отлета. Мне нужно немедленно поговорить с ним.

Дак'ур опешил от такой резкости, но все же ответил:

— Когда я видел его последний раз, он направлялся к солиториумам, но это было почти шесть часов назад. Вряд ли он еще там.

— А я считаю, наоборот, это вполне возможно, брат, — со злостью откликнулся Фүгис и направился к солиториумам, даже не потрудившись объяснить свои слова.

Апотекарий всегда был неприветлив. Дак'ур регулярно испытывал на себе свойственную Фүгису холодность, но так — никогда. Апотекария окружала тьма, она глушила надежду и глушила оптимизм. Дак'ур видел ее, когда они вместе рассматривали пустыню Погребальных Костров. И увидел ее снова, когда угасающую фигуру Фүгиса поглотил сумрак глинного коридора.

Дак'ур пока выбросил мысли об этом из головы. У него было дело на мостике, которое лучше не отягощать

беспокойством за убитого горел
апотекаря.

Биометрический сканер
удостоверился в присутствии Дак'ура, и
взрывостойкие двери мостика разошлись в
стороны. Брат-сержант под затихающее
шипение гидравлики вошел в командный
центр «Гнева Вулкана».

Лютолатны, окружавшие мостик,
горели вполнакала. Полутьма создавала
атмосферу тревожной тишины
соответствующей мрачности. Так было
всегда во время путешествия через варп
или во время сражений. Скучный
красноватый свет держался у внешней
стены шестиугольного помещения, словно
истекая кровью в полупрозрачную тьму.
Полумрак мостика разгоняли по большей
части только подсвеченные столы
стратегии да пикт-дисплеи над
головой, которые отслеживали состояние
многочисленных систем корабля.
Множество разнообразных иконок на
различных экранах светились зеленым,
показывая, что поле Геллера, защищающее

корабль от хищников варна, по-прежнему держатся.

Переднюю часть мостика полукругом занимали пульты управления. Как и на всех кораблях Астартес, экипаж «Гнева Вулкана» состоял в основном из людей: слуг, служителей, младших офицеров и шкиперов, сервиторов и техноагентов, --- все они трудились не покладая рук над управлением кораблем. На обзорные иллюминаторы мостика были надвинуты толстые заслонки, ибо даже простого взгляда на варн хватит, чтобы обречь себя на вечное проклятие. Варн --- это царство нематериального, слой над реальным миром сродни бесплотному океану. На его волнах время течет по-разному, в нем можно открывать проходы и путешествовать маршрутами, которые позволяют кораблям сравнительно быстро преодолевать огромные расстояния. Но и опасностей в нем множество. Ужасы бездны и жаждущие душ существа рыщут в его глубинах. Да и сам варн коварен: он умеет пробраться человеку в сознание и заставить его делать и видеть жуткие

вещи. Так погибли многие суга-
костоплавателей: их не захватывали
демоны, они просто были уничтожены
изнутри.

Несмотря на изматывающие
психические тренировки и дарованную
генами ментальную устойчивость, Дак'ур
ощущал тревожное покалывание с того
самого момента, как корабль вошел в
ультатериум.

Хорошо еще, что скоро они из него
выйдут. Варн тревожил Дак'ура. Он
постоянно дергал за края сознания, точно
холодными костлявыми пальцами
вытягивая решимость. Саднящее, едва
ощутимое присутствие варна было похоже
на затерянный шепот, полный злобног
улысла. Дак'уру довольно легко удавалось
не обращать на него внимания, но варн все
же заставил Дак'ура ненадолго вернуться
мыслями к Воинам-Драконам. Они с такой
готовностью поддались этой чуждой
реальности темных грез и еще более
темных надежд, даже, можно сказать,
приняли ее с распростертыми объятиями.
Как преданный слугитель Императора, он

не мог себе даже представить подобное, не мог понять мотивов, что толкнули их на столь отчаянный шаг. Нугилана и его изменников теперь уже было действительно не спасти. Мысли Дак'ура переместились к Стратосу и причинам, которые привели туда Воинов-Драконов. Ему всегда казалось, что месья --- слишком слабый повод для такого, как Нугилан, или, точнее, --- недостаточный.

Дак'ур бросил об этом думать. Он вышел к задней части мостика и встал у подножия ступенчатой платформы, где на капитанском троне восседал брат-капитан Н'келн. Н'келн лениво и скучающе наблюдал, как брат-библиарий с помощью Света Императора ведет их через капризную стихию варпа. Пуриил стоял перед капитанским тронном, на нижней части платформы, за псевдокафедрой, которая окружала его со всех сторон. Но устроился он там не для проповедей, нет. Его кристаллический капюшон был подключен к внутренним системам кафедры, чтобы усилить способности библиария.

По правую руку от Н'келна, на оперативном столе, были разложены стратегические планы и схемы, карты, полученные дальней разведкой авгурати и зарисованные вслепую астронатами корабля. Капитан поглядывал на них отстраненно, пока брат-сержант Лок, стоя рядом с капитанским треном, стилем наносил на карты потенциальные зоны посадки и подходы. Планирование высадки на Скорую явно шло полным ходом. Все это была лишь теория, пока они не войдут внутрь системы, но Саламандры всегда были готовыми.

Ветерана-сержанта Претора на мостике не было. Дак'ир решил, что громогласный терминаторский гоним не позволил ему присутствовать здесь и Претор остался со своими Огненными Элизиями, занимаясь какими-то своими тайными ритуалами, которые воины первой роты проводят перед сражением. Капеллан Элизий, вероятно, находился с ними, потому что на мостике его тоже не было видно.

--- Брат-сержант? --- поприветствовал

Н'келн вопрошающим тоном.

Дак'ур отсалютовал и посчитал приветствие разрешением подойти.

--- Уже начались приготовления к посадке, сэр?

--- С момента, как мы покинули Прометей, брат. --- Взгляд Н'келна скользнул по планам, на которые Лок наносил стрелки и символы.

От Дак'ура не укрылась военная направленность значков, которые ставил ветеран-сержант.

--- Мы ждем неприятностей, брат-капитан?

--- Я их не жду и в то же время не сомневаюсь, что они будут, сержант. Просто хочу, чтобы мы были готовы ко всему.

Дак'ур замолчал, и Н'келн оторвал взгляд от оперативного стола:

--- Жаждешь ответов, Дак'ур?

--- Милорд, я...

Н'келн взмахом оттел извинения.

--- Ты -- третий за последний час, кто пришел на мостик. Надо бы устроить вам выволочку за столь неугодное поведение.

особенно сержанту, которому положено
быть со своим отделением, но в данном
случае я сделаю исключение. Не каждый
день такой орден, как наш, получает шанс
узнать о судьбе своего примарха. -- Дак'ур
показалось, что на лице Н'келна появилось
выражение легкой мечтательности. -- Я
вижу, конечно, художественные
изображения, -- сказал он почтительно, --
созданные в камне и металле, но
увидеть... -- он сделал ударение на
последнем слове с прочувствованной
силой, -- собственными глазами... нашего
отца через десять тысяч лет после его
вошедшего в легенды исчезновения... Это
словно сказка станет былью.

Дак'ур был не столь взволнован:

-- Надеюсь, что вы правы, брат-
капитан.

-- Ты не думаешь, что мы найдем
Вулкана на Скориу? -- без обиняков спросил
Н'келн. В его словах не было ни скрытого
стысла, ни осторожного прощупывания.
Возможно, именно поэтому ему с таким
трудо давалась политическая сторона
руководства.

--- Сказать по правде, брат-капитан, я не знаю, что ты там найдешь и какое это будет иметь значение.

Н'келн прищурился, и в возникшей паузе Дак'ур почувствовал неизбежность того, что будет дальше, точно каменный ошейник на шее. Взгляд капитана стал испытующим.

--- Тебя это касается больше других, так ведь, брат? Ведь ты нашел ларец на «Архимедес Рексе», разве нет?

Дак'ур кивнул, хотя в этом не было необходимости. Даже стоя спиной к библиарию, он почувствовал, как при употреблении ларца взгляд Нуриила впился ему в затылок.

--- Скоро ты получишь ответы на свои вопросы, брат-сержант, --- вмешался библиарий, точно услышав его мысль. --- Мы выходим из Варна...

Наступила напряженная тишина: все, кто был на мостике, ждали переноса обратно в реальное пространство.

--- Сейчас... --- прошептал Нуриил.

Тяжелый удар потряс «Гнев Вулкана», неожиданная ударная волна прокатилась

уголь его оси. Мостик трянуло. Дак'ира и
еще нескольких сбило с ног.
Шестиугольный зал наполнился низким
ревом. Это было похоже на звук пылающего
огня, но ревело так, словно пламя было
живое и алчно искало воздух, который
можно сжечь. Человеческий экипаж, не
считая сервиторов, закрыл уши, стараясь
не пригибаться. Корабль бросало из
стороны в сторону, точно лодку посреди
бушующего океана. Взорвались, выбросив
снопы искр, и погасли пульты. Настырно
забыли сирены, но их предупреждение
утонуло в яростном грохоте, бьющемся в
«Гнев Вулкана» снаружи.

— Тревога, статус «алый»! — крикнул
Н'келн в вокс капитанского трона, крепко
схватившись за подлокотники, чтобы не
слететь. — Все по аварийным постам!

Лок упал на колени, но успел
упереться в палубу силовым кулаком, а
другой рукой уцепиться за край
оперативного стола.

— Пуриил... — По лицу Н'келна
хлестал стробоскопический свет
аварийного освещения. Дак'ир с усилием

поднялся обратно, тогда, откуда свалился к
подножию ступеней. Еще пошатываясь, он
перевел взгляд на библиария. Кафедра
превратилась в мешанину искрящихся
проводов и оплавленного металла. Пуриш
ударом освободился из покорженных
обломков в самом трагичном расположении
духа.

— Мы перенеслись в солнечную
систему, — пророкотал он, ухватившись за
исковерканный край разбитой кафедры,
чтобы удержать равновесие: корабль снова
ударил. Рулевые впереди отчаянно
пытались одновременно управлять
кораблем и удержаться на ногах.

Сквозь удары огненного грома
пробился шум заработавших моторов.
Взрывостойкие щиты, закрывающие
иллюминаторы, поползли вверх.
Сработала автоматическая система,
которая включалась после того, как поля
Теллера отключались и корабль
возвращался в реальное пространство.

Дак'ур почувствовал опасность еще до
того, как увидел тонкую линию
ослепительно яркого света, пробившуюся

из-под нижнего края заслонки.

--- Закройте!..

Успуганные вопли заглушили предупреждающий крик сержанта.

Многочисленные копья раскаленного сияния пронизали мостик. Младший офицер, стоявший ближе всех к иллюминатору, самопроизвольно вспыхнул, когда его обожгло смертоносной солнечной энергией. Тех, кто стоял у пультов, постигла та же участь. Шкипер отшатнулся от света, призывая милость Императора: от левой стороны его лица остались лишь обугленные ошметки. Корабельный охранник, которому хватило самообладания спрятаться под пульт, достал лазеристолет и выстрелил бедняге меж утраляющих глаз.

Дак'ур отчетливо ощутил жар на своей броне. Двигаясь словно в аэродинамической трубе, он с трудом потянулся к рубильнику аварийного закрытия щитов. Без шлема все вокруг мерцало в горячем мареве. Незащищенная кожа ничего не чувствовала, хотя Дак'ур видел, как покрылся пузырями сервитор, не

такой устойчивый к солнечному жару. Свет двинулся по задним стенам, воспламеняя кабели и выжигая проводку.

Пирил раскинул над экипажем мостика психосиловой купол. Люди на четвереньках поползли внутрь его. Ослепших и обожженных, скуливших от боли и страха, затаскивали в психическое убежище; мертвых оставили сгорать — ослепительное сияние превращало их тела в человеческие факелы.

Щель под заслонками открылась лишь на несколько сантиметров, когда Дак'ир дотянулся до аварийного пульты и дернул рубильник. Мощительно тедленно броневые плиты опустились снова, и адское сияние пропало.

Пирил убрал психосиловой купол и обмяк. Лицо библиария усеивали бисеринки пота, но во взгляде читалась благодарность, когда он встретился глазами с Дак'иром.

Дымящиеся останки валялись по всему мосту, обуглившиеся тела были похожи на бесформенные черные кучки шлака на выжженной палубе.

--- Медицинские бригады --- на мостик, немедленно! --- произнес Лок в свой горжет, соединенный с системами связи корабля. Края его наплечников почернели, точно покрытые слоем густой копоти, от лысой головы исходил жар.

--- Магистр Аргос! --- рявкнул Н'келн в вокс трона. Огненный рев бури не ослабевал, заглушая слова. --- Доложите о повреждениях.

Вокс-репродукторы мостика заполнил треск помех. Техногесантник говорил напряженно, точно пытаясь пробиться сквозь помехи. Фоновый шум палубы машинариума, где находился Аргос, еще сильнее ухудшал слышимость.

--- Двигатели корпуса не функционируют, блоки кортовых ходовых двигателей с третьего по восемнадцатый показывают единичные выбросы энергии. Щиты отключены, палубы с тринадцатой по двадцать шестую показывают критические повреждения, --- возможно, нарушена целостность корпуса.

Доклад магистра не сулил ничего хорошего.

--- Что нас ударило?

--- В левый борт корабля попал световой луч солнечной бури. Он прожег внешнюю броню, вывел из строя щиты и разрушил большую часть палуб, обращенных к звезде. Вырвало целые секции. Самые пострадавшие зоны выжжены полностью. Там всё --- пепел. Я уже отрезал их от корабля.

--- Милость Вулкана... --- выдохнул Н'келн.

Каким-то образом, возможно при помощи свой аугментики, Аргос его услышал.

--- Представьте себе выстрел в упор из телтагана по керамитовому доспеху.

Дак'ир обнаружил, что не горит желанием себе это представлять.

--- Скажи что-нибудь хорошее, брат, --- попросил Н'келн, прерывая гнетущие воспоминания сержанта.

Ответ техногесантника вышел ненамеренно сухим:

--- Мы всё ещё летим.

Капитан невесело улыбнулся и на мгновение отвлекся, когда взрывостойкие

двери разошлись в стороны и мостик наводнили бригады медиков, чтобы заняться ранеными и убрать мертвых. Пока Н'келн говорил с технодесантником, командовать ими взялся Лок.

--- Как долго мы продержимся в случае, если у нас пробоина?

Возникла пауза, треск помех из вокс-репродукторов заглушил ответ Аргоса.

--- Недолго, --- наконец произнес тот.

Н'келн посмотрел в глаза Дак'иру, лицо его посуровело. Пробитые палубы необходимо очистить и отсечь от остального корабля. Сотни, если не тысячи, людей-слуг, работавших в тех зонах корабля, Н'келну придется обречь на смерть.

--- Огни они не выживут, --- заявил Дак'ир, уже зная, о чем думает капитан.

Н'келн кивнул.

--- Поэтому ты соберешь свое отделение; Лок, ты тоже, --- прибавил он, взглянув вбок, --- и займешься эвакуацией. Спасите столько, сколько сможете, братья. Я дам приказ перекрыть палубы через пятнадцать минут.

Дак'ир ударил кулаком по нагруднику,
и они с Локом выскочили с мостика, лязгая
госпехами и грохоча башмаками.

Спаситель и грешник

Солиториум жестоко тряхнуло, Цазона бросило в сторону. Зо'кар взвизгнул от боли, когда его вырвало из хватки Саламандра. Вслед за звуком рвущегося металла и лопнувшей стали помещение сотряс низкий рокот. Что-то рухнуло с потолка, и Цазон потерял жреца-клеймощика из виду. Поднявшись с пола, Цазон отсек внезапный рев, забивающий слух, и, пошатываясь, двинулся сквозь полумрак, пока не наткнулся на груды обломков. Потолок солиториума обрушился. Из-под обломков виднелось несчастное лицо Зо'кара — капюшон сбился в сторону при падении. Немошные руки упирались в кусок толстой адамантовой арматуры, придавившей грудную клетку жреца. Из раны, скрытой под одеждой, текла кровь. Темное пятно расплзлось по ткани, пока жрец боролся с адамантом.

— Господин... помогите мне... —

задыхаясь, взмолился он, увидев стоящего над ним Цазона.

— Лежи спокойно, раб, — велел Саламандр.

Благодаря недюжинной силе Астартес ему ничего не стоило поднять арматуру и вытащить Зо'кара. Цазон сунул руки в латных перчатках под балку, припераясь. Но прежде, чем взяться как следует, Цазон поднял голову — и лицо его превратилось в холодную маску. Астартес положил руки поверх арматуры.

— Твоя боль закончилась, — заключил он и с силой надавил.

Зо'кар дернулся, когда балка сломалась ему ребра и стяла грудь и внутренние органы. Из рта выплеснулась кровь, запачкав лицо и одежду темными брызгами. Потом Зо'кар расслабился, и его мертвые глаза стеклянно уставились в пространство.

Насколько понял Цазон, в корабль что-то ударило и сейчас продолжало крушить его. Саламандр перескочил через обломки и пробрался в коридор наружу. Завывали сирены, корабль погрузился в аварийный

полутрак. Верхняя палуба явно была сильно повреждена. Обломки, стиная распорки и обрушивая секции потолка, посыпались вниз, на палубу ниже, где сейчас находился Цагон. Из вокса раздался голос Н'келна, прерываемый треском помех. Всем Астартес приказывалось отправиться на палубы с тринадцатой по двадцать шестую — какая будет ближе. Корабль получил пробоину и должен быть загерметизирован. Н'келн хотел спасти экипаж.

— Благородно, но бесполезно, — буркнул Цагон, свернул за угол и обнаружил группу людей-охранников, которые столпились вокруг железной балки, пробившей решетку палубы. Подойдя ближе, Цагон увидел, что балка пронзила воина в зеленых доспехах. Он узнал Навима, одного из главных Тсугановых противников. Рядом валялся шлем — судя по тому, как сержант судорожно втягивал воздух, Навим, похоже, сорвал его, чтобы легче было дышать. Металлическая балка пробила грудную клетку. По ее толщине Цагон сделал вывод, что большая часть

внутренних органов Навима уже разорвана. Сержант находился на грани жизни и смерти.

--- В сторону! --- приказал Цагон, шагая к охранникам. --- Вы ему ничем не поможете.

От невидимого удара корабль снова взбрыкнул, бросив одного из охранников на пол и вырвав мучительный стон у Навима.

Цагон оперся рукой о стену.

--- Отправляйтесь по своим постам, --- приказал он. --- Я займусь им.

Охранники отдали честь, затем, спотыкаясь, поспешили по коридору.

Цагон навис над лежащим на спине Навимом. Рот сержанта облепила отхаркнутая кровь и темная жидкость, текущая из многочисленных трещин в броне.

--- Брат... --- увидев Цагона, прохрипел он, выплевывая кровавые брызги.

--- Навим, --- отозвался Цагон и прибавил зловеще: --- Ты выбрал не ту сторону.

На лице сержанта появилось выражение непонимания. Цагон склонился и

крепко обхватил металлическую балку...

--- Цагон!

Что бы Цагон ни собирался сделать, голос Фүгиса остановил его.

--- Апотекарий, сюда! --- крикнул Цагон с притворной тревогой, разжимая руки. --- Брат Навим ранен.

Фүгис добрался к ним через несколько секунд с нартециумом в руках. Его внимание было приковано к телу раненого Навима --- Цагона он вообще едва замечал.

Присев наг окровавленными сержантом, апотекарий быстро осмотрел его. Худое лицо Фүгиса потрачнело. Осторожно отсоединив горжет Навима, он достал стимулятор из нартециумного комплекта и ввел раствор болеутоляющего в сонную артерию раненого.

--- Это облегчит твои страдания, брат, --- сказал он негромко.

Навим попытался что-то сказать, но изо рта у него вышла лишь почти черная кровь --- явный признак внутреннего кровотечения. Дыхание сержанта стало еще более прерывистым, глаза

расширились.

Фүзис достал из кобуры болт-пистолет и приставил дуло ко лбу Навима. Выстрел в лобную долю в упор убьет его мгновенно, но оставит оба прогеноида невредимыми. Так как грудная клетка сержанта была практически разрушена, остался только огин -- в шее.

-- Прими мир Императора... -- прошептал Фүзис. Стены коридора отразили эхо оглушительного хлопка.

-- Другого выхода не было, брат, -- утешающе произнес Цагон.

-- Я знаю свой долг, -- огрызнулся Фүзис и взялся за редуктор, прикрепленный к левой перчатке. Устройство состояло из сверла и миниатюрной пилы и предназначалось для того, чтобы проникнуть сквозь плоть и кости и добраться до прогеноидов, скрытых в теле костомодельщика. Когда внешняя костная стенка будет преодолена, шприц, соединенный с заранее простерилизованной капсулой, извлечет необходимый генетический материал.

Фүзис склонился над телом, сверло

редуктора зажужжало, взрываясь в мертвую плоть Навима. Раз в несколько секунд «Гнев Вулкана» резко встряхивало. Апотекарий старался держаться ровно, зная, что любая ошибка разрушит железу и прервет наследственную линию Навима, как это случилось с Кагаем. Кагай...

Непрошеное воспоминание о капитане всплыло в сознании Фугиса. Внезапно опасения, вызванные взбрыкивающим судном, перевесили осторожность, и аптекарий заснешил, боясь неожиданного толчка. Рука второпях сорвалась, шприц промахнулся мимо железы, и сверло разрезало прогеноид пополам, выбросив осколки во вскрытую глотку мертвого Саламангра.

— Нет! — Фугис издал сжавленный крик скорби и треснул кулаком по палубе. — Нет, только не снова, — прохрипел он и в отчаянии уронил голову.

Цагон нагнулся к нему:

— Это была ошибка, брат. Только и всего.

— Я не делаю ошибок, — прошипел Фугис, сжимая кулаки. — Мой разум

слишком смятен. Я больше не гоюсь для дела, -- признался он.

-- Ты должен исполнять свой долг, -- принялся убеждать его Цагон. -- Ты нужен кроме, брат-апотекарий... как и брат-сержант Тсуган, -- прибавил он.

После секундной паузы Фугис поднял на Цагона взгляд -- до него дошло, на что тот намекает. Если он закроет глаза на мазохистское пристрастие Тсугана, Цагон промолчит о явной непригодности аптекаря. Фугис оказался пойман в моральную паутину собственного изобретения, но которую развесил для него Цагон.

Гнев исказил черты его лица.

-- Ты ублюдок! -- равкнул он.

-- Я предпочитаю: прагматик, -- мягко возразил Цагон. -- Мы не можем потерять сразу двух офицеров.

Он протянул руку, но Фугис на нее даже не глянул.

-- Сколько еще утрут, если тебя не будет рядом, чтобы поточь, брат? -- спросил Цагон. Он перевел взгляд на свою по-прежнему протянутую руку. -- Это

чтобы скрепить наш уговор.

--- Какой уговор? --- фыркнул Фүгис, поднимаясь на ноги.

--- Не будь наивным, --- предостерег Чагон. --- Ты понимаешь, о чем я говорю. Пожми мою руку, и я буду знать, что у меня есть твое слово.

Фүгис заколебался. Времени на раздумья не было. Корабль разрывало на части.

--- Твои братья зависят от тебя, апотекарий, --- вкрадчиво проговорил Чагон. --- Разве спасение жизней не смысл твоей жизни? Спроси себя, Фүгис: ты на самом деле можешь отказаться от него?

Фүгис нахмурился.

Он понимал, что еще пожалеет об этой сделке, но что ему оставалось? Промолчать о проступке Тсү'гана и тем самым прометировать свои моральные принципы, свое чувство нравственной крепости или рассказать все и отказаться от своего места в роте? Он не мог позволить своим братьям пойти в бой без апотекария. Сколько в результате погибнет напрасно? Ненавидя себя, он

пожал руку Цагона.

«Почему у меня такое ощущение, что я только что заключил сделку с Хорусом?..»

Дак'ур с Локом разделились у ближайшего от мостика перекрестка. Оба сержанта переговорили со своими подразделениями по внутренней связи в шлемах. Саламангры спешно рассредоточивались по пострадавшим палубам, вытаскивая тех, кто оказался в ловушке, подавляя панику и расчищая пути к спасению. «Гнев Вулкана» был хорошо оборудован многочисленными подъемниками и межпалубными переходами, поэтому, несмотря на огромные размеры ударного крейсера, Саламангры быстро добирались до аварийных участков.

На пятнадцатой палубе перед Дак'уром предстала картина полного разрушения. Он пробирался по трачным коридорам, освещаемым отблесками пожаров и полным криками раненых и умирающих. Ускореженный металл и

рухнувшие потолочные стойки делали
продвижение медленным и опасным.
Рваные куски настила сыпались в
темноту нижних уровней, в
непроницаемые темные провалы. Дак'ир
пытался разглядеть в инфракрасном
спектре хоть что-то внизу и старался не
думать о том, сколько изуродованных тел
может там лежать.

Сквозь газообразную завесу паров
охлаждителя из разорванной трубы Дак'ир
увидел брата Емека, присевшего возле
безжизненной фигуры раненого члена
экипажа. Повсюду хлестали струи жидкого
азота, замораживая все, к чему
прикасались. Сняв трубу в стороне от
пробоины и отрезав тем самым подачу
азота, Дак'ир почти перекрыл утечку.
Когда он добрался до Емека, тот уже
закрывал глаза покойного.

— Мертв... — В голосе Емека
проскользнула грусть. — Но еще есть те,
кто жив. Дальше по коридору, — прибавил
он.

Еще один выживший был привязан к
его спине. Ноги человека, видимо,

раздавленные упавшими обломками, представляли собой кровавое месиво. Отчаянно цепляясь за Емека, тот скулил от боли, как гитя.

--- Ба'кен впереди, --- сообщил Саламангр и поднялся на ноги.

Дак'ур кивнул и двинулся дальше, Емек отправился в другую сторону. Путь освещали искрящие пульты, высвечивая измученных людей с ввалившимися глазами, тех, кто еще был способен бежать с поврежденных палуб. Через шлем Дак'ура непрерывно поступали сообщения из машинариума и от брата Аргоса. Перекрывали все новые и новые зоны: целые секции корабля рассыпались под злобещим сиянием солнечной бури.

Ручеек из тех, кто искал спасение, превратился в поток. Освещение стало вспыхивать еще реже, пока не отключилось совсем, и даже пламя пожаров не могло развеять темноту. Дак'ур на ходу торопливо подгонял людей, веля им держаться краев коридора и наступать осторожнее. Он не знал, слышали ли они его. Сейчас их целиком поглотила

паника. Нечто похожее вспыхнуло и в сознании Дак'ура, когда он осознал, что пятнадцать минут вышли. Оглушительно заверещали сирены, возвещая, что палуба перекрывается.

Погружаясь во все усиливающийся кошмар, Дак'ур побежал. Обостренный слух засек далекие звуки опускающихся переборок, отделяющих поврежденные части корабля. Он старался не думать о людях, которые могли остаться там, колотя в двери без надежды на спасение.

Свернув за следующий угол и проталкиваясь сквозь поток людей, Дак'ур увидал массивную бронированную фигуру Ба'кена. Тот вклинился между опускающейся переборочной дверью и палубой. Дверь давила на него с потолка, стараясь перекрыть отсек. Толпы служителей торопливо протискивались мимо Ба'кена, он поторавливал их короткими командами. Но даже такому могучему Саламандру, как Ба'кен, ничего было надеяться перебороть мощь ударного крейсера. Ноги костодесантника начали подгибаться, руки --- грозят от

напряжения.

Дак'ир поспешно кинулся к нему, влез под медленно опускающуюся дверь и прибавил свою силу к силе брата.

С трудом выгнув шею, чтобы видеть, Ба'кен краем глаза увидел Дак'ира и улыбнулся перекошенным ртом:

— Пришел составить мне компанию, сержант?

Дак'ир потнул головой:

— Нет, пришел проверить, достаточно ли тут для тебя веса, брат.

Гулкий хохот Ба'кена мог бы посоперничать с сиреной, возвещающей о перекрытии секции.

Тем временем все больше и больше людей текло рекой — хромая, бегом, даже с трудом ковыляя при помощи товарищей — меж двух костодесантников, старавшихся удержать путь открытым хоть чуть-чуть больше.

— На этой палубе их, должно быть, тысячи, — прорычал Дак'ир, уже ощущая усталость от давящей переборочной двери. — Мы не сможем держать ее открытой, пока все не спасутся, Ба'кен.

— Если спасем еще хотя бы десяток, оно того стоит, — прохрипел могучий Саламандр, стиснув зубы.

Дак'ир готов был согласиться, когда в ухе щелкнул открывшийся канал связи и послышался знакомый голос.

— Нужна помощь на семнадцатой палубе... — Голос Тсу'гана звучал напряженно. — Ответьте, братья.

Эфир заполнили помехи. Другие Саламандры, рассеянные по палубам, должно быть, находились либо вне радиуса действия связи, либо уже так были заняты эвакуацией, что не могли уйти.

Дак'ир ругнулся про себя. Из них двоих Ба'кен был самым сильным. Без него Дак'ир удержать дверь не сможет. На помощь брату придется идти ему.

— Иди, сержант, — сказал Ба'кен сквозь сжатые зубы.

— Ты не удержишь ее в одиночку, — возразил Дак'ир, понимая, что решение уже принято.

Он ощутил за спиной чье-то присутствие, громыхающее эхо тяжелых шагов становилось все ближе и ближе.

— Ему и не придется, — произнес за спиной скрежещущий голос.

Дак'ур обернулся и увидел ветерана-сержанта Претора.

Вблизи Огненный Эмий оказался еще более внушительным. В своих терминаторских доспехах Претор грозно возвышался над ними обоими. Громадный терминатор занял половину коридора. Дак'ур заметил, что огонь, горящий в его глазах, не похож на тот, что горит в глазах его братьев. Он казался более глубоким, несколько отдаленным и непостижимым. Три платиновых штифта опоясывали левое надбровье Претора, удостоверяя его ветеранский статус. Громада его присутствия была почти осязаемой.

Дак'ур отступил в сторону, пропуская внушающего трепет воина на свое место. Претор с грохотом пролез под переборочную дверь и принял ее тяжесть на согнутые руки, точно тяжеловес-чемпион. Складки от напряжения на лице Ба'кена тут же разгладились.

— Шевелись, сержант, — прохрипел

Огненный Элий, — твой брат ждет тебя.

Дак'ур торопливо отсалютовал и бросился в ту сторону, откуда пришел. Он был нужен Тсу'гану, хотя и подозревал, что брат-сержант будет не очень рад увидеть, кто пришел ему на помощь.

«Изнеец», — мелькнула горькая мысль, когда Тсу'ган увидел Дак'ура на противоположной стороне зияющего пролома из покоруженного металла и огня. Мало того что ему пришлось сдаться и позвать на помощь, так еще и его спаситель оказался тем Саламандрой, которого он меньше всего хотел видеть.

Тсу'ган бросил сердитый взгляд сквозь клубы дыма, вырывающиеся снизу. Он надеялся, что Дак'ур поймет, что он недоволен. Тсу'ган находился у края огромного провала почти в десять метров шириной. Настил палубы прорвало, когда корабль начала крушить солнечная буря. Подъетник, вырванный из креплений и выброшенный из шахты, пролетел вниз сквозь металл, точно молот сквозь бутагу. Он застрял несколькими палубами

ниже, превратившись в груду разбитого металла на дне ямы, окаймленной острой как бритва рваной сталью и заостренными балками, которые торчали, точно колья из западни.

Оттуда, где падающий подъемник стоял панель включения, полезло пламя. Искры из разбитого устройства подожгли лужу горючей жидкости, натекашей из срезов при падении подъемника труб. Огонь уже превращался в бушующий пожар, пламя вздымалось так высоко, что лизало края разогранного настила палубы, на которой стоял Тсу'ган. Дым клубился наверху, как бесконечно распускающийся черный цветок.

— Я здесь! — крикнул Тсу'ган, когда брат-сержант его не сразу заметил. Он смотрел, как Дак'ур пробирается по коридору к перекрестку, где на корточках сидел Тсу'ган вместе с пятью десятками людей в изорванной и обожженной форме.

Подождевший Дак'ур натянуто кивнул, приветствуя Саламандра.

— Чем тебе помочь, брат? — спросил он как ни в чем не бывало.

--- Вон там, внизу. --- Тсу'ган показал вогненный колодец.

Дак'ур присел рядом, взглядываясь сквозь густой дым.

--- Видишь? --- нетерпеливо спросил Тсу'ган.

--- Да.

В провал свисала секция разбитого настила. Она была достаточно глиной, чтобы накрыть рваную дыру, но ее нужно было вытащить наверх и держать, чтобы по ней можно было перебраться на другую сторону.

--- В этой части корабля переборочные двери еще не опустили, --- сообщил Тсу'ган, --- но это лишь вопрос времени. Та дорожка, --- он указал через пролом в темноту на другой стороне, где виднелась слабенькая пелена света от еще работающих лютолатн, --- ведет к подъемнику и спасению для этих людей.

--- И ты хочешь перекинуть мост через провал, чтобы они могли перебраться на ту сторону, --- закончил за него Дак'ур.

Тсу'ган кивнул.

--- Кому-то из нас придется перепрыгнуть и взяться за тот край куска. Тогда мы вдвоем его удержим, --- объяснил он. --- Главный старшина корабельной охраны Вейдер переведет своих людей на эту сторону.

Один из палубной команды, мужчина с глубоким порезом на лбу и правой рукой, висящей в наспех сделанной перевязи из обрывка форменной одежды, вышел вперед и отдал честь.

Дак'ир кивнул в знак приветствия, затем повернулся обратно к Тсу'гану.

Второй брат-сержант уже снова был на ногах. Он выставил лагерь прежде, чем Дак'ир успел заговорить.

--- Ты хочешь уточнить, кто прыгнет? --- спросил он, не глядя Дак'иру в глаза. --- Прыгну я.

Тсу'ган развел руки в стороны.

--- Отойдите, --- велел он, отклонился немного назад для разгона и метнулся через пролом. Огонь обвивал его башмаки и поножи, пока брат-сержант перелетал оплетенную металлом тельноту, прежде чем приземлиться на противоположной

стороне с тяжелым глухим ударом.

— А теперь, изнеец, — сказал он, поворачиваясь к Дак'уру, — берись за тот кусок настила и поднимай его ко мне.

— Твои люди готовы, старшина Вейгер? — спросил Дак'ур, глянув вполоборота на охранника.

— Так точно. Мы готовы покинуть корабль, милорд.

Низкий грохот из глубин крейсера заставил Дак'ура подождать, пока коридор трясся и угрожающе скрипел.

— Живее, изнеец! — рявкнул Тсу'ган, не видя причины для задержки. «Не нянчись с ними, — подумал он. — Главное, чтобы они выжили».

Дак'ур присел, как только почувствовал, что пол перестал трястись, и ухватился за висящий кусок настила, просунув пальцы сквозь решетчатую поверхность. Металл настила обычно представлял собой решетку из нескольких перекрывающихся слоев, но они уже отвалились, оставив лишь самый верхний слой, так что костодесантник сумел просунуть свои бронированные пальцы в

дырки. Убедившись, что взялся крепко, Дак'ур потянул наверх десятиметровый кусок настила. Ускореженные металлические балки протестующе заскрипели, пока он выгибал их обратно почти в изначальное положение.

Тсу'ган следил, как поднимается настил, гонимый на нерасторопность Дак'ура. Как только представился момент, он сунулся вниз и ухватился за рваный край, который не дошел до того края настила, на котором присел Тсу'ган.

--- Держу! --- рыкнул он.

Главный старшина Вейгер разделил своих людей на десять групп по пять человек. Каждое «звено» будет переходить по очереди, чтобы не подвергать импровизированный мост и держащих его Саламангр слишком большой нагрузке. Прямо перед тем, как первая группа собралась пересечь мост, снизу взметнулся огромный столб пламени: внизу, в глубине, что-то горючее вспыхнуло и взорвалось.

Тсу'ган ощутил на незащищенном лице жар, когда его всего окутало пламя. Снизу рвались клубы дыма, скрывая Дак'ура

и людей из виду.

--- Отправляй их сейчас же! --- заорал Тсу'ган, стараясь перекричать рев пламени. --- Мы не можем больше ждать!

Через несколько секунд появились первые несколько фигур. Тсу'ган почувствовал их тяжесть и напрягся, пытаясь удержать настил на весу. Одно неверное движение --- и любой, кто идет по мосту, свалится и точно погибнет. Тсу'ган не горел желанием взять это на свою и без этого беспокойную совесть.

И все же на мост пришла непрошенная мысль, но Салатандр загавил ее.

«Огонь Вулкана бьется в моей груди, --- затаил он про себя, чтобы успокоиться. --- С ним я сокрушу врагов Императора!»

Тсу'ган цеплялся за мантру, точно за спасательный трос, такой же тонкий и ненадежный, как хрупкий мост, который он держал в руках.

Первое «звено» перебралось через мост без происшествий, натянув на головы куртки, чтобы прикрыться от огня и дыма, проникающих теперь уже через решетку настила. За ними отправилась

Вторая группа, стоявшая осторожно из-за плохой видимости. Тем временем «Гнев Вулкана» грозил и трепыхался, точно птица, борющаяся с ураганом.

«Слишком медленно, слишком медленно», — думал Тсу'ган, когда третье «звено» перебралось на другую сторону, стараясь не дышать дымом. Корабль словно рвался пополам, так что им придется прибавить шаг и убираться с этой палубы.

Дак'ир тоже увидел опасность и знал, что людей на другую сторону все более и более крупными группами. Он крикнул старшине Вейдеру, велел тому переводить оставшихся. Скрипя и содрогаясь, настил палубы продержался достаточно долго, чтобы последний из команды успел безопасно перебраться, затем прогнулся и рухнул в раскаленную бездну.

— Теперь ты! — крикнул Тсу'ган, поднимаясь на ноги.

Дак'ир кивнул, показывая, что понял. Изнеец отошел на пару шагов и уже ринулся вперед, когда по палубе прокатилась яростная грожа, сбивая людей

с ног. Дак'ира тоже зацепило, он сбился с шага и неловко прыгнул. Он не долетел всего чуть-чуть. Тсу'ган, увидев, что произошло, наклонился вперед и протянул руку. Он схватил размахивающую руку Дак'ира и рухнул на колени под его тяжестью, ударившись о палубу со звоном металла о металл и чувствуя, как неприятная дрожь отдалась вдоль всего позвоночника.

--- Держись! --- зарычал Тсу'ган.

Вокруг них по-прежнему скручивались языки пламени, края доспеха Саламандра, которые лизал огонь, уже обгорели до черна. Тсу'ган взревел и рванул --- это было все равно что тягать собственный вес со всей этой силовой броней, --- вытаскивая Дак'ира наверх, пока тот не дотянулся до рваного края настила и не вытащил себя дальше сам.

--- Спасибо, брат, --- выдохнул Дак'ир, взглянув на своего спасителя, как только почувствовал себя в безопасности на шатком краю.

Тсу'ган презрительно устехнулся:

--- Это мой долг. И все. Я не позволю

погибнуть своему Саламандру, даже если
тот не имеет права носить это название.
И я возвращаю свои долги, изнеец.

Он повернулся к Дак'уру спиной,
показывая, что разговор окончен, и
сосредоточился на спасенных людях.

--- Веди их к подъямнику, старшина, ---
велел он угрюмо.

Бейгер поднялся на ноги и принялся
выкрикивать команды, поднимая людей и
пинками подгоняя тех, кто решил еще
повалиться. Через несколько секунд все
пятьдесят человек с трудом потащились
к тусклому свету и утешению в виде
подъямника.

Тсу'ган шел за ними, чувствуя
Дак'ура за спиной. Снова он обругал себя за
то, что из всех своих боевых братьев
утрудился связаться с этим. Ему
ненавистно было даже само присутствие
изнейца. Ведь это он был виновен в
смерти Кагая в Аура-Цероне. Разве не
Дак'ур отправил Тсу'гана за Нугиланом и
оставил фланг капитана незащищенным?
Разве не Дак'ур заметил опасность, но не
сумел добраться до Кагая вовремя, чтобы

спассти его? Разве не Дак'ур? Или все-таки не Дак'ур? В те моменты, когда он не проливал кровь во имя ордена, Тсу'ган чувствовал груз своей вины, словно на спину ему привязывали наковальню. Этот груз увеличивался многократно, когда он видел Дак'ура. Это вынуждало его признавать, что, возможно, не только изгнеч был в ответе за смерть Кагая. Что, может быть, даже он сам...

Старшина Вейгер с помощью двух своих людей распахнул двери подъездника. Пронзительный скрежет металла очень вовремя отвлек Тсу'гана от его размышлений. Чуть погодя изгнеч заговорил снова:

— Нужно доставить их на взлетную палубу, чтобы эвакуировать как можно больше людей.

Тсу'ган повернулся к нему, в то время как люди забирались в клеть подъездника. Хотя подъездник и был достаточно просторен, но заполнился до отказа он быстро, так что им придется сделать несколько ходок.

— Слишком поздно, — спокойно

ответил Тсу'ган. — Сейчас ты уже должен
войти в верхние слои атмосферы Скории.
Корабль разовьет предельную скорость
падения, и любая попытка покинуть его
будет самоубийством. Мы отведем их на
верхнюю палубу.

Дак'ур склонился к нему и понизил
голос:

— Их шансы пережить крушение в
лучшем случае призрачны.

Ответ Тсу'гана был холодным и
прагматичным:

— Тут ничего не поделаешь.

Подъемник снова опускался вниз,
натужно гудя перенапряженными тросами.
В десяти метрах от палубы он неуклюже
накренился, издав резкий скрип, и в конце
концов с содроганием остановился,
перекосившись.

В глазах Вейгера и десяти членов
экипажа, которые еще не поднялись наверх,
появилось что-то похожее на отчаяние.
Точно одной беды было мало, доспехи
Саламандр осветило оранжевое сияние
огненной волны, которая выплеснулась из
пролома и покатила по палубе к

сжавшимся в кучку людям.

--- Встречай! --- взревел Тсү'ган, и два Астартес образовали стену из керамики между хрупким экипажем и яростной лавиной пламени. Саламангр окатил жаром, но они выдержали его, даже не поторщившись. Когда огонь схлынул, втянувшись в пролом, точно вода, уходящая в слив, Дак'ур снова повернулся к Тсү'гану:

--- И что теперь?

Тсү'ган глянул на людей, оставшихся на их попечение. Те сбились в кучку, прикрываясь от огня. От лица и доспехов Саламангра валил пар, его силуэт постепенно проступал сквозь горячее море.

--- Скоро мы потерпим крушение на корабле, который не предназначен для посадки на твердую землю, неважно --- преднамеренной или нет. Мы прикроем их, --- сказал он. Слуха Тсү'гана коснулся звук корежащегося металла, злобещий, точно похоронный звон. --- И держись за что-нибудь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Носагка

Хитиновая тварь сдохла в крошеве
лопнувших костяных пластин и
раскромсанных жвал. Из рваных дыр в
панцире выступила серая, похожая на слизь
кровь. В предсмертных судорогах тварь
опрокинулась на бронированную спину,
дернула насекомьими лапами, прижала их
к брюху и застыла.

--- Смерть ксеносам! --- в ярости орал
брат-капеллан Элизий, раз за разом
стреляя из болт-пистолета. --- Не позволяй
чужому жить!

«Гнев Вулкана» вонзился в
поверхность Скорики, точно метеорит. Его
корпус еще горел от стремительного
входа в плотные слои атмосферы.
Разогнавшийся крейсер пропахал в земле
огромную борозду. Антенны, башни и
двигатели отрывались при
соприкосновении с твердой породой
планеты. Погибли сотни людей,

раздавленных и разбившихся, когда их
вбило в стены казарм и ангаров при
крushении огромного крейсера. Тотчас
вспыхнули пожары, обращая в пепел тех,
кому не повезло оказаться на пути огня.
Кого-то раздавило, когда хрупкие опоры,
подпиравшие обширные секции
поврежденных верхних палуб и потолков,
не выдержали, обрушив на головы
несчастным тонны металлических
обломков. Длинные полосы броневой
защиты вмяло внутрь, расплющив
несчастных членов экипажа, когда
коридоры, в которых они цеплялись за
жизнь, схлопнулись в лист битого
металла. Других сбросило в
разверзнувшиеся в палубах трещины.
Заполненные огнем и тьмой, они, точно
жадные рты, проглотили бедолаг целиком.

Плотная завеса из дыма и пыли еще
висела в воздухе, когда завизжали цепные
мечи и зашипели резак: экипаж пытался
пробиться на волю сквозь покореженный
металл. Выпускная струя пара из
гидравлики, в обшивке один за другим,
волной, открылись спасательные выходы.

издавая хором стаккато отходящих
запорных загвижек. Наружу посыпались
выжившие, некоторые несли раненых,
другие безнадежно тащили мертвых.
Саламандры, сами понесшие потери,
организовали эвакуацию из наиболее
пострадавших мест, и вскоре на серой, как
пепел, земле Скории скопилась огромная
масса людей и сервиторов.

Крушение длилось всего несколько
минут, хотя минуты эти тянулись,
словно часы, даже как целая жизнь, для
тех, кто был внутри, моля Императора о
спасении. Борозда, которую пропахал нос
ударного крейсера, протянулась почти на
километр и, видимо, потревожила нечто,
таящееся под пепельной поверхностью
Скори.

Твари явились из-под земли, вихри
пепла из выходных дыр предвестили их
появление. Крики людей, утаскиваемых под
пепельную равнину, послужили первым
сигналом о нападении. Орды тварей
появились следом, отряхивая с
приземистых, жестких тел прилипший
пепел, и кидались в бой, щелкая костяными

клешнями и зазубренными жвалами. Погибло тридцать пять человек, всех их поглотила земля, прежде чем Саламандры сумели организовать контратаку. Брат-капеллан Элизий возглавил огнерожденных, и делал он это с пылом и неукротимой беспощадностью.

--- Стереть их с лица земли! --- ревел он леденящим кровь голосом, усиленным вокс-репродукторами шлема. --- Болтом, клинком и огнем истребляйте ксеносовскую нечисть!

Его пистолет рывнул огнем, царапнув грудь хитинового чудища и оторвав одно из жвал. Капеллан ринулся вперед и вбил щелкающий разряд энергии крозиус в тело твари, выпуская ей кишки. Слизь с серых внутренностей брызнула на череполикую маску, точно окропив Элизия святой водой войны.

Дак'иру, который сражался рядом с капелланом, странные, похожие на крабов чудовища напугали тиранигов. Ему пришло в голову, что это потомки какого-нибудь заблудившегося роя спор, выпущенных раненым кораблем-ульем.

которые только и сумели, что долететь до орбиты Скории и заразить планету. Через многие поколения они превратились уже в устаревший вид, который не эволюционировал, а просто остановился в развитии и размножался.

На призыв капеллана к бою откликнулись четыре отделения, включая Дак'урово. Саламангры образовали широкий периметр, окружив орду хитиновых чудищ, и медленно сгоняли их в кучу непрерывным болтерным огнем. Твари были крупными, почти с бронетранспортер размером, их костяные панцири были крепкими, но все же уязвимыми. Размеры, однако, делали тварей неповоротливыми, и обзор у них был ограничен. Окружая тварей, Саламангры нападали со слепых сторон и уязвимых боков. Ксеносы отвечали с беспорядочной и бессильной яростью, пытаясь атаковать врага, который был одновременно всюду.

--- Ба'кен! --- крикнул Дак'ур, превратив в пар костяную клешню хитиновой твари выстрелом плазмы. ---

Жги и очищай!

Громадный Саламандр тяжело шагнул вперед, в то время как его сержант отступил назад, и облил струей горящего прометия раненого ксеноса. Тот защищал и щелкал в предсмертной агонии, объятый пламенем. Из полостей под костяным панцирем с шипением и свистом выходил воздух.

Где-то непрерывное стаккато болтерных выстрелов стало редеть, подсказывая, что сражение с хитиновыми чудюшатами близится к концу. Каждую из оставшихся тварей окружило кольцо из зеленых доспехов, которое медленно сжималось, точно петля. Редкие отчаянные атаки загнанных тварей встречали разрывные снаряды, которые, пробивая тела чужаков, разрывали их изнутри, выталкивая месиво слизистых внутренностей через щелкающие жвалы пасти. Струи огнеметов отгоняли уродливых тварей все дальше, и те защищали и щелкали, отступая перед жарким сиянием, явно боясь огня.

В конце концов оставшиеся

полдесятка ксеносов зарылись обратно в землю, подальше от бронированных гигантов, принесших с небес ревущий гром и пламя.

Тсу'ган издалека с завистью следил за боевыми братьями. Позади него возвышался разбитый крейсер, похожий на накренившийся город, неестественно перекошенный. Даже частично ушедший в пепельную землю, «Гнев Вулкана» был огромен. Он простирался в глину на несколько ульевых кварталов, для его оцепления понадобилось несколько Астартес, расставленных с километровыми интервалами. Многочисленные палубы, башни, платформы, надстройки, ангары, отсеки, даже храмы и соборы тянулись вдаль, точно тускло-зеленый метрополис, который медленно заметал падающий сверху серый снег.

Даже в разгар сражения технодесантники, сервиторы и рабочие команды людей продолжали трудиться у исхлестанного солнечной бурей корабля.

Солнечные вспышки выжгли свежие шрамы на бортах древнего ударного крейсера и оставили в его бронированной шкуре оплавленные дыры размером с метеорит. Рабочие команды в грависах подробно описывали повреждения корпуса. Ряды мощных сварочных установок, рассыпая каскады искр, приваривали плиты, снятые с второстепенных секций корабля, поверх самых жутких его ран. Некоторые участки были настолько разрушены, что искореженные остатки приходилось срезать и накладывать заплаты, точно на ампутированную конечность.

Эта работа требовала внимательности, но Тсу'ган сейчас был целиком поглощен наблюдением за галекой схваткой с хитиновыми тварями. В жилах Саламангра вскипала кровь, пока он переживал чужую битву. Кулаки самопроизвольно сжимались. Про себя Тсу'ган последними словами клял братьев-сержантов Агатона, Варго и Дак'ура. Если бы не приказ остаться с большей частью роты, чтобы обсудить планы и установить командный пункт, Тсу'ган с

радостью ринулся бы в бой. Хитиновые чудища, конечно, не были серьезным противником, но после долгих месяцев без боя Тсу'гану не терпелось пролить кровь во имя Императора.

— «Гнев Вулкана» серьезно поврежден, милое. — Металлический голос Аргона вернул Тсу'гана к действительности.

Брат-сержант находился вместе с технодесантником, братом-капитаном Н'келном и несколькими другими сержантами во временном командном пункте, откуда они пытались навести хоть какой-то порядок и спокойствие после крушения.

Сам командный пункт представлял собой сборное сооружение: четыре стены, скошенная крыша и стол гололитического проектора. Проектор показывал зернистое голубое изображение рельефа окрестностей, разведанного с помощью сенсориума и зондов авгуров дальнего действия. На данный момент известно было очень немного: Скория в основном была плоской равниной, состоявшей из тепельных дюн и нескольких базальтовых

горных хребтов, с местной враждебной формой жизни, похожей на гигантских земных крабов.

Позади командного бункера возводились другие строения: в основном медицинские палатки, к которым стаскивали носилки с ранеными и оставляли их для сортировки, которую проводил брат Фугис. Апотекарий занимался и людьми, и Астартес, хотя вторых было меньше. Ему теломассистировал Емек, временно откомандированный из отделения Дак'ира в качестве полевого хирурга. Люди-медики, те, кто выжил в катастрофе, трудились вместе с Саламанграми, но у каждого была своя работа. Фугис также назначил спасательные команды из Саламангр и трудоспособных слуг и сервиторов для осмотра поврежденных участков корабля в поисках выживших. Разрушенные палубы постепенно вскрывали, и поначалу немного, но потом все больше и больше раненых начало стекаться к медицинским палаткам. Мертвых тоже хватало. Пиреум работал непрерывно; сервиторы с

руками-лопатами ссыпали пепел в огромные складские баки для последующего захоронения.

— Сможете ли подняться в воздух, магистр Арзос? — спросил Н'келн и нахмурился, когда гололит переключился на план-схему «Гнева Вулкана»: красные участки, помечающие поврежденные секции, занимали примерно шестьдесят процентов всей картинки.

— Если коротко: нет, — ответил техногесантник, обводя стилем нижнюю часть крейсера. Изображение сдвинулось, добавив еще и географию Скории вместе с относительным местоположением корабля на ней. Вертикальный срез показал, что большая часть «Гнева Вулкана» погрузилась ниже поверхности, уйдя под внешнюю кору планеты.

— Как видите, корабль частично ушел под пепельную равнину. Базовый геологический анализ показал, что поверхность Скории состоит из смеси пепла и песка. Интенсивный нагрев от нашего входа оказал воздействие на почву, в результате которого произошел

энготермический метаморфоз. Проще говоря, пенел-песок кристаллизовался и затвердел.

— У двигателей наверняка достаточно мощности, чтобы вытащить нас оттуда, — предположил скрипучим голосом Лок.

— В обычных условиях — да, — ответил Аргос. Вдобавок к ремонтным бригадам техногесантник уже отправил сервиторов-копальщиков и рабочие команды людей откапывать те секции корабля, что зарылись глубже всего. — Но у нас осталось всего три блока нижних двигателей. Для подъема в воздух нужно минимум четыре.

— А что с ходовыми двигателями? Можем мы раскачать корабль? — спросил брат-сержант Кловий. Коренастый сержант казался карликом по сравнению с огромным Претором, который молча наблюдал за совещанием.

— Нет, если не хотим зарыться до ядра планеты, — ответил Аргос без толики сарказма в голосе. — Нос корабля направлен вниз. Любое включение ходовых

просто толкнет нас еще глубже в этом же направлении. *Agentys Mexanikus* не надеются такие корабли способностью взлетать из закопанного положения.

Никелл хмырлся, недовольный сложившейся ситуацией.

— Сделай все, что сможешь, брат, — велел он *Аргосу*, выключая гололит.

— Сделаю, милорд. Но без деталей, необходимых для ремонта и закрепления четвертого блока нижних двигателей, на «Гневе Вулкана» мы с этой планеты не улетим.

— Нужно провести разведку, — предложил вполголоса *Тсу'ган*. — Попробовать оценить технический уровень планеты и узнать, нет ли здесь человеческих туземцев. Может быть, у них мы сможем позаимствовать необходимые для ремонта материалы.

Претор одобрительно кивнул. *Тсу'ган* продолжил:

— Пророчество привело нас сюда не без причины. Поиск способа спастись должны стать нашей второстепенной задачей. Найти Вулкана или то, что

примарх мог для нас оставить, --- вот
наша главная цель.

--- Если только наша почти
гарантированная гибель в солнечной буре
не была частью провидения Вулкана, --- зло
проворчал Лок. Вдобавок к
многочисленным шрамам во время
крушения ветеран-сержант получил
глубокую царапину на лбу.

--- «И вот поразит их огонь, и глазами
их откроется истина», --- прочел нараспев
капеллан Элизий, входя в командный
бункер. Дак'ир с Агатоном явились
следом. --- Так сказано в «Книге огня», брат
Лок.

--- Так это было предопределено, брат-
капеллан? --- спросил Н'келн.

Элизий торжественно кивнул.

--- Жаль, что нас не предупредили, ---
буркнул Лок.

Капеллан обратил череполикую
маску к ветерану-сержанту:

--- Судьба, если ее предупредить,
перестает быть судьбой, --- заметил он с
укором. --- Нам было предназначено унаследовать
на этот мир. Это лишь часть более

грандиозного замысла, в который мы не посвящены. В такие вещи нельзя вмешиваться, чтобы не нарушать равновесия судьбы.

— А как же жизни погибших? — возразил Лок. — Чем мы уравновесим их?

— Мы принесли их в жертву пламени войны, — ответил Элизий. Холодный свет загорелся за линзами его шлема: капеллан не любил, когда с ним спорили, особенно в том, что касалось пророчеств.

— Это была не битва, — зло проворчал Лок, но уже едва слышно. Нахмурившись, он не стал спорить дальше и смиренно склонил голову, хотя и с неодобрительным выражением на лице.

— Быть по сему, — произнес Н'келн. — Мы будем следовать по тому пути, который нам уготован. Брат Тсү'ган прав. Судьба нас пощадила, и поэтому мы обязаны отыскать то, что спрятано на этом мире. Для этого мы соберем разведывательные команды и проведем дальнюю разведку прилегающей местности. Населенные центры, военные и промышленные сооружения будут нашей

целью.

Тсу'ган выступил вперед:

--- Милорд, я хотел бы возглавить разведку.

--- Хорошо, --- согласился Н'келн. --- Собери тех, кого считаешь нужными. Остальные останутся здесь для защиты раненых и укрепления лагеря. Аргос, --- Н'келн встретил холодный взгляд техногесантника, --- установи периметр вокруг. Я не желаю новых сюрпризов от хитиновых тварей. --- Брат-капитан взглянул наружу, где желтое солнце Скорики погружалось в серый горизонт, и прибавил: --- Установи осколочные мины и фотонные сигнальные патроны. Скоро стемнеет, и мне нужно четкое предупреждение о любом нападении.

Техногесантник кивнул и отправился исполнять приказы. Остальные сержанты тоже вскоре разошлись, отдавая честь на выходе из бункера. Остались лишь Претор и Лок, глядя в вновь включенный гололит с холодной картиной бесплодных пустошей Скорики. Но как бы ни гляделся в изображение капитан

Салатандр, он не мог разглядеть в нем никакой тайны, что привела их сюда.

--- Напоминает дом, --- сообщил Цагон, взглядываясь в глинную темную линию горизонта.

На востоке что-то торчало. Слабое свечение, но не от заходящего солнца, окрасило небо тупо-красным. Цепи вулканов на Ноктюне придавали похожий оттенок небесам, когда близилось извержение. И под землей ощущались слабые толчки. Они были глубоко, так глубоко, словно исходили от самого ядра планеты, предсказывая фундаментальные сдвиги в ее тектонической структуре. С каждой прошедшей секундой Скория менялась. Цагон ощущал это так же явно, как болтер, который расслабленно держал в руках.

Салатандр присоединился к своему брату-сержанту, оставив Фугиса на месте крушения за работой, в полной уверенности, что апотекарий будет молчать и о своем, и о Тсугановом прометчивом поступке. Цагон не стал

говорить об этом сержанту, который решил, что Фугис поверил ему на слово и больше эту тему поднимать не станет.

Разведчики оставили лагерь часом назад. Сервиторы-миноукладчики Аргоса закрыли за ними периметр из заглубленных осколочных гранат, которыми патрулировала по очереди пара «Громобоев», вытасщенных с техносантником с «Гнева Вулкана». Тусеничные боевые машины, совсем непохожие на ту передвижную оружейную платформу Злобных Десантников на «Архимедес Рексе», идеально подходили для того, чтобы убедить местных хитиновых тварей отказаться от нового нападения.

Занятый мыслями о походе, Тсу'ган опустился на колени и позволил телному скорпианскому пенлу высыпаться сквозь щели в полусжатом кулаке. Брат-сержант огляделся, но увидел лишь серые дюны, простирающиеся во всех направлениях.

--- Больше похоже на Морибар, --- хмуро возразил он, вставая, и протянул руку к брату Тиберону. --- Оптику.

Тиберон передал ему пару магнокуляров, Тсу'ган взял их не глядя, приставил магнокуляры к глазам и осмотрел местность вокруг.

--- Де'мас, Тифос, доложите обстановку, -- велел он по связи. Не было ничего особенно неожиданного в том, что Тсу'ган выбрал двух сержантов, которые раньше присягнули ему на верность в случае, если он бросит вызов лидерству Н'келна.

Оба лаконично ответили, что контактов не было. Тсу'ган опустил магнокуляры и раздраженно выдохнул.

Наступала ночь, как и предупреждал Н'келн. Холодный ветер бродил по пепельной пустыне низкими порывистыми волнами, подбрасывая вихри пепла, которые беззвучно толкались в поножи Саламандр. Если не считать вечернего бриза, пустыня была мертвенно-тихой и неподвижной.

--- Да, -- мрачно пробормотал Тсу'ган, -- точно как Морибар.

--- Вон там, -- прошипел Тсу'ган, --

видишь?

Цагон посмотрел в магнокуляры:

--- Да...

Мелкие завитки чего-то зернисто-серого пятнали горизонт, едва заметные наг высокой дюной. Два Саламангра расположились на пепельном гребне. Братья Станг и Тиберон лежали по бокам от них, остальное отделение исполняло роль дозорных внизу.

--- Что это? --- спросил Цагон и передал магнокуляры обратно Тиберону.

--- Дым. --- По тону Тсу'гана было件нятно, что тот хищно ослабился под шлемом.

Это были первые признаки жизни, которые они обнаружили за несколько часов. На пути к гребню они прошли мимо сооружений, которые когда-то могли быть границами города. Разрушенные войной или просто обветшавшие --- сказать было件невозможно из-за падающего пепла, который покрыл здания серым налетом.

Спинным мозгом Тсу'ган чужал, что след, замеченный наг дюной, означает многое. Через дыхательный аппарат

илета он засек принесенные ветром
микроскопические количества углерода,
водорода и острую вонь сернистого газа.
Другими словами: нефть. Это означало
несколько вещей: что хитиновые твари
были не единственными живыми
существами на Скорию, что их соседи по
планете обладали технической
возможностью добывать и
перерабатывать нефть, и не только
добывать и перерабатывать, но и
использовать в производственных
процессах.

Тсу'ган связался с Де'масом и
Тифосом.

— Сходитесь к моей позиции, —
приказал он, затем переключился на канал
своего отделения: — Бегом к краю той
дюны, рассредоточиться.

Рывком поднявшись на ноги, Тсу'ган
сбежал вниз с гребня дюны и бросился к
следующей. Боевые братья следовали за
ним развернутой цепью. Брат-сержант
резко ускорился, сокращая дистанцию,
хотя ноги тонули в зыбком перле.
Добравшись до ближайшего подъема,

Тсү'ган глинными прыжками взлетел
вверх по склону и притормозил, едва
перевалив гребень. Принятыми в бою
жестами сержант приказал братьям
прикрывать его. Вместе они добрались до
края второго пепельного гребня и
всмотрелись в глубокую низину за ним.

У Тсү'гана перехватило дыхание,
когда он понял, что предстало его взору.
Саламангр ощутил, как внутри
поднимается ярость.

--- Мерзость!.. --- прорычал он, крепче
стиснув болтер.

Пепел и железо

Обходя медицинские палатки в поисках Фугиса, Дак'ур слышал жалобные стоны раненых, сливающиеся в единый страдальческий вой.

Раненых и погибших было так много, что палатки пришлось ставить целыми рядами. Палатки патрулировало боевое звено Саламангр, обеспечивая безопасность раненых. От простыней, покрывавших составленные рядами от края до края койки, освещенные натриевыми лампами, несло кровью. Врачи в побуревших от крови халатах и масках занимались ранеными, стоя в тесных проходах между койками, которые соединялись в некое подобие решетки. За пластиковым занавесом, прибитым к стойкам одной из больших палаток, находилась импровизированная операционная — простейший апотекарион. Фугис, скорее всего, был именно там.

На столе перед апотекарием лежало

тело брата Валека. Кровь, еще теплая и влажная, блестела на черной коже. Передняя часть его нагрудника была удалена, комбинезон под ней распорот острым лезвием. Жесткая кожа разрезана, грудина взломала и разведена в стороны, чтобы обеспечить доступ к внутренним органам. Были предприняты все возможные меры для его спасения, но, к сожалению, безуспешно.

Над остывающим телом брата Валека стоял поникший Фугис. Его латные перчатки были покрыты кровью, доспехи залепаны красным. Вокруг аптекаря в металлических лотках лежали медицинские инструменты. Небольшой контейнер, похожий на капсулу, которую вставляют в центрифугу, стоял отдельно. Рядом лежал редуктор Фугиса. Дак'ур знал, что внутри контейнера надежно сохранены прогеноиды мертвого брата. Но крайней мере, наследие его не пропадет.

--- Он был одним из Агатоновых, --- сказал аптекарь устало, отпустив слуг, которые ассистировали ему при операции.

— Сколькох братьев ты потеряли, Фүзис? — спросил Дак'ур.

Апотекарий выпрямился, откуда-то обретя решимость, и начал отстегивать заляпанные кровью перчатки.

— Пока шестерых. — Фүзис уронил левую перчатку, и она с гүлким звоном упала в один из металлических лотков. — Только один сержант. Навим. Все погибли при крушении. — Фүзис поднял взгляд на Саламангра. — Не пристало Астартесу утирать так, Дак'ур.

— Все они с честью послужили Императору, — возразил Дак'ур, но слова прозвучали пүсто даже для него самого.

Фүзис махнул рукой куда-то позади него, и Дак'ур уступил дорогу гвүхгромоздким похоронным сервиторам, которые, тяжело стүная, вошли в палатку.

— Еще один в гроб, — нараспев протянул аптекарий. — Несите нашего брата со всем почтением и ждите меня в пиреүте.

Неповоротливые сервиторы, сгорбленные, с капюшонами на полностью металлических черных лицах,

торжественно кивнули и вынесли стол с
братом Валеком наружу.

--- Что ты хотел, брат? ---
нетерпеливо спросил Фүзис, пытаясь
очистить перчатки в горящей жаровне. ---
Другим тоже нужна моя помощь: мертвых
и раненых --- сотни.

Дак'ур шагнул вглубь палатки и
спросил, понизив голос:

--- Перед крушением, когда мы
встретились в коридоре, ты сказал, что
ищешь брата Тсү'зана. Ты нашел его?

--- Нет, не нашел, --- отсутствующе
ответил Фүзис.

--- Зачем ты его искал?

Апотекарий снова поднял взгляд, лицо
его посуровело:

--- Тебе какая забота, сержант?

Дак'ур печально выставил ладони:

--- Ты показался мне встревоженным,
вот и все.

Фүзис хотел сказать что-то, но
потом снова опустил взгляд к латным
перчаткам.

--- Ошибся, только и всего.

Дак'ур попробовал еще раз:

--- Ты не делаешь ошибок.

Фүгис ответил тихим голосом, больше похожим на шепот:

--- От ошибок никто не застрахован, Дак'ур. --- Апотекарий натянул перчатки, и его холодный тон вернулся: --- Это все?

--- Нет, --- решительно заявил Дак'ур и презрадил Фүгису дорогу, когда тот попытался уйти. --- Я беспокоюсь за тебя, брат.

--- Ты что, на побегушках у Элизия? Наш благодетельный капеллан прислал тебя, чтобы оценить мое душевное состояние? Странно, да, как поменялись наши роли?

--- Я пришел сам, по собственной воле, брат, --- возразил Дак'ур. --- Ты сам на себя не похож.

--- Последние пять часов мои руки были по локоть в крови раненых и умирающих. Наши братья тщетно обшаривают обломки корабля в поисках выживших. Мы --- костические десантники, Дак'ур! Наше предназначение --- битва, а не это. --- Фүгис широким жестом обвел забрызганное кровью пространство

палатки. -- У где Н'келн? -- продолжил он, охваченный внезапной горячкой. -- Пялится на гололит в командном бункере вместе с Локом и Претором -- вот где он. -- Фүзис утолк, но затем гнев снова пересилил здравомыслие. -- Капитана должны видеть! Его долг -- вдохновлять роту. Нельзя никого вдохновить, запершись с планами и картинками стратегиума.

Дак'ур нахмурился и предостерегающе произнес:

-- Следи за своими словами, Фүзис. Помни, ты -- один из Инфернальной Гвардии.

-- Нет больше Инфернальной Гвардии! -- огрызнулся тот, хотя раздражение его уже погасло. -- Шен'кар всего лишь адъютант. Векшан давно мертв, и Н'келн так до сих пор и не назначил преемника на свое бывшее место. Остался только Маликант, но у нашего знатеносца в последнее время крайне мало поводов разворачивать ротное знамя. Ты сам отказался от места чемпиона роты.

-- У меня были на то свои причины, брат.

Фүзис сергито зыркнүл, точно ответ
Дак'ура был лишним.

--- Эта операция должна была
исцелить раскол в роде, сплотить нас и
придать сил. Но я вижу лишь мертвых и
новые надписи для мемориальной стены.

--- Что с тобой произошло? --- Дак'ур
позволил своему гневу выйти наружу. --- Где
твоя вера, Фүзис?

Лицо апотекария потемнело, точно
вся жизнь, что еще оставалась в нем,
ушла.

--- Сегодня мне пришлось убить
Навила.

--- Не впервые ты даришь «покой
Императора», --- возразил Дак'ур, не
понимая толком, к чему ведет
апотекарий.

--- Я начал извлекать его
прогнозную железу и допустил ошибку.
Железа погибла. Навим погиб --- навсегда.

Возникло короткое горестное
молчание, затем Фүзис продолжил:

--- А что до моей веры... Она умерла,
Дак'ур. Ее убили вместе с Кагаем.

Дак'ур хотел ответить, но оказалось,

что сказать нечего. Эта рана была глубокой, у некоторых глубже, чем у других. Тсу'ган избрал ярость, тогда как Фугис по-настоящему предался отчаянию. Сейчас ему не помогут никакие слова. Лишь война и пламя битвы очистят душу апотекария. Так'ур шагнул в сторону, давая брату пройти. Оставалось надеяться, что война не заставит себя ждать. Но когда Фугис вышел, не проронив ни слова, брат-сержант испугался, что война может совсем уничтожить апотекария.

Покинув медицинскую палатку чуть позже, Так'ур пошел к Ба'кену, которого просил встретить его снаружи.

--- Ты выглядишь уставшим, брат, --- поделился своими наблюдениями гигантский Саламандр, когда брат-сержант подошел ближе.

Ба'кен стоял один, без своего тяжелого огнемета. Он оставил оружие в одном из модульных арториумов, которые охранял брат-сержант Откар со своим отделением. Чередование обязанностей подразумевало, что Саламандры сменяли

груг груга в поисково-спасательных командах, раскопочных бригадах и караулах. Ба'кен готовился присоединиться к бригадам, пытающимся откопать «Гнев Вулкана». Он с нетерпением ждал возможности поработать, ибо в пустошах было тихо и от несения охраны он уже начинал тунеть. Ба'кен специально для этого поймал по дороге сержанта Агамона.

— Не таким уставшим, как некоторые, — отозвался Дак'ур, оставив истинный смысл замечания при себе.

Ба'кен решил не настаивать.

— Сержантам надоело, — вместо этого сообщил он. — Те, кто не занят в охране, откапывают «Гнев Вулкана» или раздирают на куски его коридоры, только чтобы найти там очередных мертвецов. Нас тут целая рота, но мы занимается ерундой, потому что нам не с кем сражаться. — Он уныло покачал головой. — Это не дело для костического десантника.

Дак'ур устало улыбнулся:

— Фугис сказал примерно то же самое.

--- Понятно. --- Ба'кену хватило ума догадаться, что предыдущее замечание сержанта относилось к аптекарию. Он вспомнил, как наблюдал за Фүгисом на посадочной площадке снаружи Свода Памяти в Гесиоге. За все время, пока Ба'кен ждал тогда Дак'ира, Фүгис ни разу не пошевелился и не произнес ни слова.

С присущим ему прагматизмом Ба'кен отбросил эти мысли и сосредоточился на текущих проблемах.

--- Агатон --- один из самых преданных Астартес, каких я когда-либо знал, --- сказал он, стенив телу. --- Потому Лока, он самый опытный сержант в роте. Но сегодня ночью он потерял воина своего отделения.

--- Брата Валек. Я видел. Фүгис только что отправил его тело для погребения.

--- И в огонь мы вернется... --- нараспев прочел Ба'кен. --- Если эта операция закончится ничем, смерть Валек станет бессмысленной, --- прибавил он тихо и покачал головой. --- Агатон этого не забудет.

Дак'ир, глядя на бесконечную серую равнину, произнес отсутствующим тоном:

--- Тогда нам лучше надеяться на скорые добрые вести.

В этот момент появился Н'келн, шагая с многозначительным видом впереди Лока и Претора. Когда брат-капитан со своей свитой миновал Дак'ира, тот окликнул ветерана-сержанта:

--- Лок, что происходит?

Сержант Опустошителей обернулся:

--- Мы готовимся к бою. Брат-сержант Тсу'ган обнаружил врага.

Длинная стена из серого ржавого железа тянулась по дну пепельной низины. Стена была утыкана шипами; с зубцов, опутанных колючей проволокой, свисали на черных цепях злобеще тотемы. Высокие отвесные стены, подпертые угловатыми контрфорсами, перемежались сторожевыми башнями. Откосы башен были отделаны сталью, рваной и с зазубренными краями, чтобы не дать влезть по ним. Стационарные огневые точки, тяжелые болтеры на лапчатых

станках, свесив латунные языки патронных лент, угрожающе торчали из-за высоких стен. Жирные клубы густого черного дыма из труб за внешней линией обороны выдавали какое-то промышленное сооружение внутри самой крепости.

Кроме того, стены были покрыты колдовскими символами — резными идолами, от одного вида которых у Тсу'гана заболели глаза. Это были знаки Тубительных Сил, которые вонзались в мозг, точно епитимический гвоздь в лоб неверующего. Из-под заклепок, которыми были прибиты символы, сочились глиняные потеки ржавчины, заставляя Саламангра думать о жертвенной крови. Хотя Тсу'ган понимал, что это она и есть.

На воротах — плите из армированного железа и адамантия, перетянутой крест-накрест цепями и достаточно толстой, чтобы выдержать прямое попадание оборонительного лазера, — был выбит самый известный из идолопоклоннических символов. Он демонстрировал преданность своему легиону и не оставлял никаких сомнений в

принадлежности воинов внутри крепости.

Бронированный череп поверх
восьмиконечной звезды Хаоса.

--- Железные Воины, сыны Пертурabo, --
прошипел брат-сержант Де'мас, не
скрывая ненависти.

--- Предатели! -- весь кня и сжав в
руках громовой молот, прибавил Тифос.

Обнаружив крепость и дождавшись
сержантов, Тсу'ган сразу же связался с
Н'келном. Помехи из-за расстояния и
пепельной бури превратились в неистовый
шум, но сообщение дошло достаточно
разборчиво.

--- Замечен враг. Предатели из
легиона Железных Воинов. Мы ждем
подкрепления, затем атакуют.

Тсу'ган не прочь был ринуться в
атаку немедленно, чтобы дать выход
праведной ярости своего болтера. Но
здоровое рассуждение охладило его пыл.
Железные Воины -- это не те ксеносы,
плохо подготовленные к встрече с мощью
священных ангелов Императора. Нет,
Железные Воины сами были ангелами,
теперь уже падавшими после

многотысячелетнего предательства. Мастера осад и строители крепостей, несравнимые ни с кем, кроме, пожалуй, верных сынов Розала Дорна, Имперских Кулаков, Железные Воины также были яростными бойцами с потрясающим талантом вести затяжную войну.

Штурм напролом, прямо в когти врагу, небольшими силами и без поддержки тяжелой артиллерии, закончился бы для Саламандр большой кровью. Поэтому Тсу'ган воспользовался самой ноктюрнской своей чертой: он избрал ожидание.

— Железные Воины были на Устваане, где пал Вулкан, — прибавил Тифос с внезапной горячностью. — Это не может быть совпадением. Это, должно быть, часть пророчества.

Три сержанта лежали на гребне, глядя вниз на территорию предателей. Их отделения находились неподалеку, сбившись в группы, выслеживая вокруг вражеских разведчиков и просто охраняя фланги своих командиров.

Де'мас собрался ответить, но Тсу'ган оборвал его.

— Успокойтесь, братья, — проворчал он, оценивая оборону крепости в магнокүляры. — На данном этапе мы ничего предпринять не можем.

Тсү'ган внимательно осматривал бастион Железных Воинов, не задерживая взгляд слишком долго ни на одном сооружении, чтобы стянуть неприятные ощущения. Ворота были единственной дорогой внутрь. Охрана периметра патрулировала зубчатые стены, хотя общее число патрулей было, на удивление, небольшим. На гнездах башен у автомашин застыли часовые, неподвижные словно статуи. С одной из башен лениво шарил по пенельным дюнам луч прожектора. Переведя взгляд ниже, Тсү'ган пересчитал открытые редуты, занимавшие ничейную землю перед стеной. И опять они выглядели затихшими, и Тсү'ган не заметил никакого шевеления внутри. Сама крепость была правильной формы, но ее словно окутывала какая-то странность. Тсү'ган пытался, но точно не мог пересчитать, сколько же сторон у крепости или сколько защищаемых стен.

Он чертыхнулся, узнав искажающее воздействие Хаоса. Отведя взгляд, он передал магнокюлары обратно Тиберону и заборлотал короткую литанию очищения.

--- Точно никто ничего не знает, --- заявил он обоим сержантам, закончив ритуал. --- Погиб Вулкан на Усстваане или нет --- теперь не важно.

--- Это важно, --- яростно заспорил Тифос.

--- Ты ждешь, что из дюн явится примарх с громовым молотом в руке? Этой сказке десять тысяч лет, брат, и я больше не хочу ее слушать, --- предупредил Тсу'ган.

--- Ту'Шан в нее верит, --- упрямо произнес другой сержант. --- Иначе зачем отправлять целую роту на столь иллюзорное задание, если только это не священный поиск?

--- Магистр ордена делает то, что должен делать, --- ответил Тсу'ган с растущим раздражением. --- Он не может просто проигнорировать шанс вернуть примарха или хотя бы открыть обстоятельства его кончины. Мы, братья,

не настолько зашорены, чтобы верить в то, чего не видят наши глаза. Это, --- сказал он, показывая болтер, --- и это, --- он хлопнул по нагруднику госпеха, --- и даже это, --- Тсү'ган зачерпнул горсть перла, --- настоящее. Это то, что я знаю. Позволь слепому рвению вести себя --- и оно приведет тебя к гибели, Тифос, --- прибавил он настешиво.

--- Прояви-ка ко мне немного уважения, --- прошипел Тифос сквозь зубы. --- Наши звания равны.

--- Здесь, в этих дюнах, --- возразил ему Тсү'ган, --- мое звание превосходит твое «равное» звание.

Наступило короткое напряженное молчание, но в конце концов Тифос покорился.

Тсү'ган подумал, что, пожалуй, было не очень мудро злить брата-сержанта, особенно если тот поклялся его поддержать, когда он объявит о недоверии капитану роты. «Но я должен продемонстрировать свою силу», --- решил Тсү'ган, зная, что, настояв на своем, лишь укрепил этим преданность Тифоса.

— Для специалистов осадного дела это плохой выбор места для возведения бастиона, — заметил Де'мас, пропустив мимо ушей короткую ссору. — Внизу их обзор сильно ограничен.

Тсу'ган знал, что во времена Ересей Железные Воины построили крепостей во всех сегментах Галактики. Часто эти бастионы представляли собой лишь изолированные заставы с гарнизоном в одном отделе. Но еще ему было известно, что, несмотря на малочисленный гарнизон, эти бастионы являлись практически неприступными. Эта величайшая обороноспособность была результатом стойкости Железных Воинов, но и она сильно зависела от того, где легион решал возвести стены. Де'мас прав: крепость перед ними не обладала ни господствующим положением над местностью, ни возвышением, чтобы следить за приближением врага. Это противоречило осадной науке. Но возможно, удержание территории не входило в главную задачу предателей.

— Они построили ее здесь, чтобы

спрятать, -- догадался Тсү'ган. Тонкая
устешка пересекла его лицо. -- В любом
другом месте она будет слишком
бросаться в глаза.

-- Но с какой целью? --
поинтересовался Тифос. -- Что
предателям прятать здесь, в этом
захолустье?

Тсү'ган посерьезнел и перекинул через
плечо ремень болтера.

-- Я намерен это выяснить, --
ответил он и направился обратно вниз, к
подножию гребня.

Боевые братья собрались вокруг
Тсү'гана, который в общих чертах
обрисовал им свой план. Брат-сержант
начертил ножом на окаменевшем переле
грубую схему крепости.

-- Похоже на план штурма, -- буркнул
Де'мас, стоя за плечом Тсү'гана.

-- Так и есть, -- коротко подтвердил
Тсү'ган.

-- Полагаю, что мне не нужно тебе
напоминать, брат, что Железные Воины --
эксперты по осадам и в обороне, и в
нападении?

--- Да, не нужно.

Тифос үстехнүлсә.

--- Тогда ты также знаешь, что подобный штурм силами тридцати воинов с небольшим количеством тяжелого вооружения -- са...

--- Самоубийство, -- закончил за него Тсү'ган, глядя Тифосу в глаза. -- Да, я в курсе и этого тоже. Вот почему мы нападём на редуты, а не на стены, брат-сержант.

--- Объясни. -- У брата-сержанта Де'маса явно пробудился интерес.

--- Четыре боевых звена, -- начал Тсү'ган, проводя в пыли стрелки подходов, -- по одному на редут. Только клинки и томаты, огнемёты остаются в резерве. Действуем тихо и незаметно. Скрытно проникаем в редуты, убираем часовых и занимаем их позиции. Там мы ждём, пока не придёт брат Н'келн, и начинаем внезапную атаку, штурмуя ворота и взрывая диверсионные заряды.

--- Ты сказал: четыре звена, -- подальше голос Тифос.

Тсү'ган кивнул, уверен в сержанта

каменный взгляд.

--- Сказал. Ты остаешься в тылу, командовать арьергардом. Твоя задача: по прибытии брата-капитана проинформировать его о ситуации. --- Тсу'ган обвел взглядом весь отряд. --- Все специалисты с дальнобойным тяжелым вооружением поступают в распоряжение брата-сержанта Тифоса. Вы будете нашей огневой поддержкой на том маловероятный случай, если нас обнаружат. Де'мас, --- прибавил он, переключая внимание на другого сержанта, --- отбери десять лучших «невидимок» из своего и Тифосова отделений. Я со своими воинами буду ждать тебя на восточной стороне у подножия гребня.

Тсу'ган ушел, не дав Тифосу времени для протеста, но оставив ему взятен брата М'лека с мультиметной. Прочие Астартес отправились следом за сержантом.

Де'мас отобрал себе бойцов быстро. Арьергард при этом превратился в смесь из трех отделений. Это противоречило

правилам, но, с другой стороны, продемонстрировало оперативную гибкость тактических отделений и причину, по которой Астартес считались непревзойденными воинами.

Штурмовая группа Саламангр без лишних слов разделилась на четыре звена по пять боевых братьев. Обмен условными жестами между командирами звеньев обеспечил полную ясность и четкость действий, когда Астартес двинулись вдоль края огромной дюны, окольным путем подбываясь к вражеским укреплениям. Натерев перлот доспехи, даже замазав клинки, чтобы не выдать себя ни единым отблеском, Саламангры передвигались по темной равнине, словно невидимые призраки. Даже пылающий огонь в их глазах пропал, скрытый за линзами боевых шлемов, выставленными на максимальную непрозрачность, точно одностороннее стекло в комнате для допросов.

Пригнувшись и безотрывно пересекая открытые участки, рассредоточившееся отделение медленно сходило в одну точку. Тсу'ган добрался до края первого

редута. Даже в темноте его острое зрение позволило разглядеть силуэты часовых, притаившихся внутри. Стараясь оставаться вне пределов их видимости, брат-сержант прижимался к земле, плавно перемещаясь, чтобы не насторожить врага. Железные Воины пока нешевелились, так что Тсу'ган считал, что его приближение прошло незамеченным.

Прокравшись вдоль редута, используя его брествер как укрытие от высоких стен крепости в нескольких сотнях метров позади, Саламангр внимательно прислушался.

Слышен был лишь шорох ветра да глухой стук бронированных подошв со стены наверху. Тсу'ган незаметно прокрался дальше и вытянул из ножен темный клинок, готовясь убрать часового. Дверь позади редута отсутствовала, и тут же можно было свободно войти через открытый проем в задней стене.

Это хорошо. Это существенно облегчит задачу подкрасться к часовому позади. Мелькнула мысль, что так подкрадываться к врагу для некоторых

орденов значило бы поступиться воинской гордостью. Но Саламандры всегда были прагматиками в том, что касалось методов ведения войны. Они верили, что огонь сражений очистит их души, а еще они считали, что цель оправдывает средства и победа стоит любой цены.

Край глаза Тсу'ган заметил темные фантомы, безмолвно пересекающие ночную тьму, — остальные боевые звенья занимали позиции. Его собственный отряд собрался позади него. Брат Лазарь, идущий первым, кивнул, показав, что все готовы. Станг стоял прямо за ним. Его боевой шлем, как и шлемы братьев, был покрыт маскирующим слоем пепла. Гонорий и Тиберон прикрывали вход, чтобы ни один из врагов не сбежал. Молча и бесшумно три Саламандра нырнули в редут.

Пара часовых внутри, оба из Железных Воинов, стояла спиной к диверсантам. Станг остался сзади, чтобы вмешаться при необходимости. Предатели стояли в полный рост, глядя на темные дюны за редутом.

«Смерть пришла за вами, братья», —

горько подумал Тсү'ган. Заметив у стены потертый, но бритвенно-острый по краям щитортовой щит, он тихо вложил меч в ножны, решив не пачкать оружие кровью предателей, и взял щит в руки.

Лазарь приготовился к броску, держа свою зазубренную спату обратным хватом, чтобы нанести удар сверху вниз, целясь в небольшую щель между горжетом и кирасой.

Тсү'ган тоже был готов и жестом отдал приказ к нападению.

Он прыгнул вперед, подавив желание зареветь боевой клич, сбил Железного Воина на землю мощным ударом щита, который держал обеими руками, и по инерции пролетел вперед. Тсү'ган нырнул вниз, на лежащего предателя, прижал его руки коленями к земле и, с размаху опустив острый как бритва край щита на шею Железному Воину, отрубил ему голову.

Тсү'ган обернулся к Лазарю. Саламангр выдернул свой клинок и вытирал кровь, которой оказалось на удивление мало. Тсү'ган отнес это на счет

слабого освещения, но, посмотрев на своего
убитого часового, понял, что что-то здесь
не так.

Крови почти не было.

Он перерубил рублюшку шею, и крови
должна была быть, много крови. И все же
ее почти не было. Тсу'ган отбросил щит и,
подняв отрубленную голову, осмотрел края
среза. Кровь была темной и вязкой, но не
текла. Она уже была свернувшейся.
Железные Воины были мертвы еще до
того, как Саламандры проникли в редут.

--- Сторожа уже мертвы, --- прошипел
он в устройство связи, подключившись ко
всем боевым звеньям и нарушив вокс-
толчание.

От остальных штурмовых групп
последовали похожие сообщения. Каждая
группа проникла в свой редут незатеченной
и перебила часовых внутри, обнаружив,
однако, что враг уже мертв.

Тсу'ган скотандовал хриплым
голосом:

--- Болтеры наизготовку.

Брат-сержант внимательно изучил
темноту сквозь стрелковые щели редута.

затем в открытом дверном проеме. Затем чертыхнулся про себя. Железные Воины заманили их внутрь, точно новобранцев, заставив выдать свое положение. Передернув затвор и приготовившись выпустить смерть, даже если придется здесь расстаться с жизнью, брат-сержант присел, чтобы представлять собой как можно меньшую мишень. И принялся ждать.

Несколько минут прошли в безмолвии и темноте. Никакие убийцы не явились крадучись из темноты. Никакие убойные отряды не приближались к тщательно подготовленной ловушке, которую сами устроили.

Ожидаемая контратака не состоялась и, похоже, не собиралась состояться. Но какой-то неизвестной причине Железные Воины укомплектовали свои ряды мертвецами.

--- Они не пытались нас заманить, --- сообразив, произнес Тсуган вполголоса. --- Это пугала.

--- Зачем, сэр? --- прошептал брат Лазарь.

Брат-сержант отмахнулся от
вопроса. У него не было ответов. Пока не
было.

--- Мы сидим здесь, --- приказал
Тсү'ган. --- И ждем.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Клубящееся облако непла медленно таяло у серого горизонта — последний след собранного Н'келном отряда, ушедшего из лагеря Саламандр. Брат Арзос сумел освободить машины из трюма «Гнева Вулкана». Н'келн вместе с Огненными Эмиейми, своей Инфернальной Гвардией и капелланом Элизием заняли «Лендрейдер», «Огненную наковальню». Даже Фүзис отправился с ними. Апотекарий думал было остаться, чтобы пристроить за ранеными, но его место рядом с Н'келном, и боевым братьям понадобится его помощь в грядущей битве с Железными Воинами, так что Фүзис впервые после Стратоса решился вернуться на передовую.

Еще четыре «Носорога» везли все три отделения Опустошителей плюс тактическое отделение брата-сержанта Кловия. Капитан подбирал оперативную группу, руководствуясь огневой мощью отделений. Он собирался пробить стены

крепости издалека, а не штурмовать их. Онутошители отлично подходили для этого, а так как отделение Кловия могло похвастаться двумя ракетными установками и плазмаганом, то и стало идеальным выбором для четвертого отделения в отряде.

Последним элементом оперативной группы стал Варго со своим штурмовым отделением. Его воины отправляются пешком, используя свои прыжковые ранцы, чтобы не отстать. Как только стена крепости будет пробита, штурмовики смогут моментально проникнуть в брешь.

Дак'ира оставили следить за лагерем. Сержант был бы не против присоединиться к отряду, но он знал свой долг и чтит волю капитана. Оставшиеся в лагере отделения продолжали заниматься своими обязанностями, поочередно откапывая «Гнев Вулкана», охраняя медицинские палатки и ища тех, кто выжил. Бывшее отделение Навиона проводило большую часть времени в разбитых внутренних кораблях, вскрывая отрезанные зоны и извлекая

мертвых из этих закупоренных железных могил. Брат Ганнон временно взял на себя командование, хотя сержантского опыта у него не было.

Агатон не возражал против того, чтобы остаться. Нужно было провести кремацию Валека, и Агатон ни за что не пропустил бы церемонию.

Мысли медленно сыпались одна за другой сквозь разум Дак'ура, точно хлопья пепла с вершин далеких вулканов Скории. Когда он устремил взгляд в серое пространство, пейзаж перед глазами словно поплыл и стал изменяться...

...некогда далекие горы внезапно стали огромными и близкими, смыкаясь над головой, точно скрюченные пальцы, пока не образовали купол из камня. Пепел, который до этого был повсюду, исчез, точно убегая сквозь трещины мира, чтобы спастись от неминувшего уничтожения, и под ногами остался лишь твердый камень. Дак'ур оказался в пещере. Она наполнила ему об Узнее. Туннель вел вниз, в самое сердце Скории, в котором скрывался огонь

обетованный, отбрасывая на стены
отсветы, похожие на пляшущие красные
призраки. Эти воображаемые привидения
заманивали его все глубже, в самые недра
планеты, где текли реки густой лавы,
мерцая от сильного жара. Озера жидкого
огня излучали мрачный, безрадостный
свет, который словно лип к стенам и
прятался, вместо того чтобы светить. У
тат, в огромной пещере, в окружении
огненных провалов, похожих на
погребальные костры, разворачивал кольца
своего тела дракон. Чешуя его
поблескивала в свечении лавы, точно
капли крови. Нечестивое дыхание
перебивало даже зловоние горы.

Дак'ур стоял на противоположном
конце пещеры с глинным копьем в руке. Их
разделяло озеро огня. Охотник и зверь
посмотрели друг на друга через пламенную
бездну, которая вспыхнула, откликнувшись
на их взаимную ярость.

— Ты убил моего капитана. — Голос
прозвучал как будто издалека и незнакомо,
но Дак'ур знал, что это его собственный
голос. Это было больше утверждение, чем

обвинение.

Ярость придала ему такие силы, о которых он и не подозревал, и Дак'ур перелетел через огромное огненное озеро и припал к земле на другой его стороне.

Вызов был брошен и принят. Окутанный черным пламенем дракон ринулся на него, клыкастая пасть исторгла звериный рев.

Дак'ур заорал, призывая Вулкана, и ощутил, как передалась ему сила примарха. Зверь прыгнул вперед, от ударов его лап грозили скалы и треснул камень. Дак'ур перехватил копьё и ударил им в брюхо дракона. Тот издал пронзительный вопль, и пещера вздрогнула. Крик, полный гнева и боли, обрушил горы и расколол крышу. Открылось серое небо, которое постепенно стало краснеть.

Со скрежетом пропихивая когтями глубокие борозды в камне, дракон сопротивлялся. Дак'ур надавил на копьё в последний раз и спихнул дракона в огненное озеро. Чудовище перевалилось через край и, колотя лапами и крыльями, вспыхнуло в

жадных объятиях взметнувшегося
пламени. Дракон умер, и в горячем тарева
и дыму собственного погребального костра
он изменился и превратился в человека.
Человека в красных, как чешуя дракона,
доспехах, с клыкастым, как пасть дракона,
ртом, в оскверненных одеяниях бывшего
ангела, отрекшегося от своего долга и
клятвы, чтобы принять порчу Хаоса.
Тело, от которого не осталось ничего,
кроме пепла и костей, распалось, и
огненное озеро проглотило эту скротную
пищу. И вместе с телом распался на куски
мир. Могучий толчок потряс землю, и
Скория раскололась. Из-под пепла, точно
взрывы зажигательных снарядов,
взметнулись огненные столбы, и гора ушла
под землю. Дак'ур смотрел, как утирает
мир, пожирая самого себя. Затем огонь
добрался и до него, и Дак'ур тоже
вспыхнул...

--- Я чувствую в тебе колебание.

Вырванный внезапно из видения,
Дак'ур вздрогнул. Однако сумел
сдержаться, и движение было едва

заметным. До этого момента он думал, что находится в одиночестве.

--- Это не колебание, брат-библиарий, --- ответил он хладнокровно, вынырнув из остатков видения.

Пириил подошел и встал рядом.

Они стояли где-то в сотне метров от границы лагеря, осматривая дюны, простирающиеся за неустанно патрулирующими «Громобаями» и полосой зарытых гранат.

--- Скорее, недостаток решительности. Я что-то чувствую, но никак не могу ухватить --- что?

И это не было ложью. Во время видения он чувствовал, что понимает что-то, но подсознание задавило это понимание.

--- Что там, под пеплом, есть что-то, чего мы просто не видим, --- констатировал библиарий.

--- Да. --- Дак'ир ждал пояснений и не мог понять, почему его так удивило предвидение библиария. Пириил уставился в горизонт, непроницаемый, как скала.

Не дождавшись пояснений, Дак'ир

решил продолжить:

--- С тех самых пор, как мы приземлились, после крушения, я чувствую себя так, словно за мной... наблюдают.

Теперь Нириил повернулся к нему:

--- Продолжай.

--- Не непловые твари, что напали на нас, --- пояснил Дак'ур. --- Ни даже собственно враги, а просто что-то... другое.

--- Я тоже это почувствовал, --- признался библиарий, --- проблеск сознания, неизвестного мне. То, что я почувствовал, не было разумом ксеноса. Как и не было порчей Хаоса, излучаемой предателями, которых обнаружил брат Тсу'ган. Это, как ты сказал, «другое».

Библиарий побуравил пристальным взглядом Дак'ура, затем снова отвернулся.

--- Взгляни туда, --- велел он, указывая на горизонт. Дак'ур повиновался. --- Что ты видишь?

Дак'ур открыл рот, но Нириил поднял руку, не дав ему ответить.

--- Подумай хорошенько, --- посоветовал он. --- Не что там есть, а что ты видишь.

Дакир настроился и посмотрел очень внимательно. Но увидел лишь пенел, пирамиды далеких скал, увенчанные темными тучами, и серый горизонт, испачканный умброй и красным тал, где изверглись вулканы.

— Я вижу... — начал он, но прервался, чтобы по-настоящему открыть глаза. — Я вижу Ноктюри.

Пирил кивнул. Движение было едва заметным, но вполне ясно передало его удовлетворение.

— То же, что вижу и я. Под слоем пепла лежат скалы. Вулканы извергаются так давно и непрерывно, что хлопья пепла превратили эту планету в безжизненный серый мир под мрачным небом. Моря — а я считаю, что в глубоких впадинах пепельных пустынь были некогда крупные водные массы, — давно высохли. Может быть, остались еще подземные истоки, но сомневаюсь, что их хватит, чтобы питать хоть сколь-нибудь значительную жизнь. Скорая, я подозреваю, была когда-то очень похожей на Ноктюри, только опережающей его по геологическому циклу.

Нуриил утолк и приложил руку к земле. Затем жестом предложил Дак'уру сделать то же самое.

--- Чувствуешь? --- спросил библиарий, закрыв глаза, чтобы отсечь обоняние и слух и сосредоточиться только на осязании.

Дак'ур кивнул, хотя не знал, увидят ли поймет библиарий его согласие. Сквозь землю ощущались толчки, слабые, но непрерывные, точно пульс в венах.

--- То последние удары сердца умирающего мира, брат.

Дак'ур раскрыл глаза и вскочил. Вспомнив недавнее видение, он подумал, не увидел ли Нуриил его каким-нибудь образом, не заглянул ли библиарий в его разум и не узнал ли о тех самых видениях.

--- Ты что, хочешь сказать, библиарий, что Ноктюри постигнет та же судьба? --- Вопрос получился более резким, чем он рассчитывал.

--- Все миры умирают, Дак'ур, --- прагматично ответил Нуриил. --- Смерть Ноктюри может произойти через тысячу лет, а может стать вопросом нескольких

столетий. Я гүтаю, не привел ли наш
предок нас сюда затем, чтобы мы увидели
что-то похожее на судьбу нашего
домашнего мира? -- Его глаза вспыхнули
голубым огнем. -- Это ты увидел, брат?

Но прежде чем Дак'ур успел
ответить, с места крушения крейсера
донесся подземный грохот. Несмотря на то
что до эпицентра толчка было несколько
сотен метров, обоих космогосантников
Егва не бросило на землю. Когда они
рванули к поднявшейся в воздух пелене
непла, «Гнев Вулкана» вздрогнул и
погрузился еще глубже. Бегущих к кораблю
Саламандр накрыло серое облако, обдав
силовые доспехи волной клубящегося непла.

Дак'ур натянул шлем и врубил
люминолатор, переключая оптические
спектры, чтобы разглядеть хоть что-то в
густом облаке. Нирил в подобных
ущирениях не нуждался. Его глаза
сверкали во тьме, точно голубые маяки,
проникающие дальше, чем любая
люминолатна.

-- Түда. -- Егва повысив голос, он
указал на темнеющую тьму ударного

крейсера.

Дак'ур прекрасно расслышал его и разглядел сквозь ураган непла размытые силуэты. Некоторые из них двигались, другие лежали, скрючившись и прикрывая голову.

--- Ба'кен, доложи обстановку! --- крикнул сержант в устройство связи.

Какое-то время раздавался лишь треск помех, но, когда клубящаяся серая волна стала рассеиваться, большой воин откликнулся:

--- Произошел сейстический сдвиг, брат-сержант. Из-за него сдвинулся весь корабль.

--- Потери?

--- Только легкие ранения. Я отозвал раскопочные бригады, едва почувал, что судно начинает двигаться. --- Затем наступила пауза, точно Ба'кен обдумывал, что сказать дальше. --- Ты не поверишь, что там вытряхнуло.

Серая пыль почти улеглась, накрыв тонким слоем равнину, как будто ее никогда и не тревожили, но одежда сервов и доспехи Саламангр были покрыты

доказательством обратного. Силуэты, выступившие из пепельной завесы, оказались Ба'кенот и членами одной из раскопочных бригад. Кашляя и отплевываясь, лежащие на земле люди жадно хватали ртом воздух. Сервиторы стояли рядом, невозмутимые и безразличные ко всему Ба'кен оставил их и двинулся навстречу приближающимся Дак'ур с Нурилом.

Он был без доспехов, в рабочей одежде. Покрытые каплями пота мускулы еще бугрились от работы; в руке Ба'кен нес плоскую лопату.

--- Братья, --- произнес он и поприветствовал их, прижав руку к широкой черной груди.

--- Прямо как гота, да, Ба'кен? --- спросил Дак'ур.

--- Так точно, сэр. Наполнило сбор урожая катней после Сезона Испытаний. Хотя там обычно приходится копать снег и лег, а не пепел.

--- Покажи свою находку, --- велел сержант.

Ба'кен отвел их туда, где явно было

видно, что «Гнев Вулкана» изменил свое положение во время сейстического сдвига. Между корпусом ударного крейсера и поверхностью пепельной равнины образовался глубокий, будто бездонный разлом. Слабые струйки серой пыли стекали вниз и быстро терялись из виду в темноте. Разлом был узким, но не настолько, чтобы воин в силовых доспехах не смог туда протиснуться.

— Я чувствую жар, — сказал Нириил, глядя через край в темноту. — И сознание, которое я ощущал ранее. Здесь оно сильнее.

— Думаешь, там что-то есть, брат? — спросил Дак'ир, встав рядом.

— Если не считать хитиновых тварей? Да, я уверен в этом.

— Насколько тут глубоко, по твоему? — Ба'кен склонился над краем, чтобы лучше разглядеть, но дневной свет проникал лишь метров на пятьдесят и терялся в черноте. Даже острое зрение Астартес не могло проникнуть глубже. Если Нириилу и было известно что-то еще, он держал это при себе.

— Разлом может достигать самого

центра Скории, чего доброго, -- ответил
Дак'ур. -- В любой случае я собираюсь это
выяснить. -- Он повернулся к Ба'кену. --
Надевай доспехи, брат, и возвращайся сюда.
Я хочу знать, что скрывается в темноте
у нас под ногами. Возможно, там найдется
какой-то ответ на то, зачем мы здесь.

Колонна громогдных силуэтов
остановилась у верхней точки гребня.

Выпускающая из выхлопных отверстий
струи дыма, моторы машин рычали,
точно боевые псы, рвущиеся с поводка.
Прибыл Н'келн со своими воинами.

Тсу'ган наблюдал за ними из редута в
магнокүляры. Сержант переключился на
ночное видение, которое рисовало картину
перед ним в ярких и размытых зеленых
пятнах. Штурмовые трапы «Лендрейгера»
и «Носорогов», лязгнув в унисон,
откинулись; отделения выгружались
единым согласованным отрядом. Тсу'ган
посмотрел, как Саламандры
развертывают огневой рубеж вдоль гребня,
и выругался.

-- Ближе, -- прошипел он, внутренне

застонав от явной чрезмерной
осторожности Н'келна. — Твои орудия за-
дальностью эффективной стрельбы.

Через несколько секунд Саламангры
открыли огонь. Флуоресцирующие лучи
мультиметт пронзали трак копытами
раскаленной докрасна ярости. Ракеты
уносились по нисходящей дуге вниз с гребня,
держась на извивающихся хвостах серого
дыма. Треск выстрелов катился от
тяжелых болтеров, бортовых установок и
вспомогательного оружия. Послышалось
тяжкое «чуг-чанк, чуг-чанк» лобовой
штурмовой пушки «Огненной наковальни»,
постепенно перейдя в визг, когда орудие
вышло на максимальную скорость
стрельбы. Сверкающая яркая буря снарядов
и хлещущих лучей рвала темноту в
клубья, точно залп осветительных
патронов. Пока длился обстрел, Железные
Воины затаились. Не желая рисковать
понапрасну, они не высывали головы,
позволив стенам крепости выдерживать
атаку.

Обстрел продолжался почти три
минуты, прежде чем Н'келн — далекая

фигурка под защитой кормового люка «Лендрейдера» — приказал прекратить огонь, позволив рассеяться дыму от выстрелов. Открылось не многое: лишь пятна обожженного металла и случайные бесполезные воронки. Ни одной бреши, ни одного мертвеца. Ворота были по-прежнему целы. Штурм провалился.

— Зубы Вулкана, да погведи их ближе! — зло зарычал Тсу'ган. Он не хотел использовать вокс на тот случай, если Железные Воины отслеживают передачи и могут узнать, что в редутах засел диверсионный отряд.

Даже во время передышки предатели продолжали бездействовать. И только когда Н'келн отдал приказ оставить позиции и перейти в наступление, Железные Воины показали свою стратегию обороны.

Сначала за зубцатаи стены появилась безобидная на вид одинокая ракета «охотник-убийца на автоматической установке». Сгорающее топливо издало громкое «шү-үм», двигатель ракеты заработал, и она на полной скорости

спиралью ринулась к цели. До
перезгруппировывающихся Саламандр она
не долетела несколько метров, и на какое-
то мгновение Тсу'ган решил, что головка
самонаведения ракеты дала сбой. Но затем
вдоль гребня пепельной дюны прокатилась
цепочка разрывов спрятанных под землей
зажигательных бомб. Поморщившись от
внезапно вспыхнувшего яркого пламени,
Тсу'ган отвернулся. Затем быстро
перенастроил зрение и, когда повернулся
обратно, увидел, как рушится гребень под
собственным весом — его основание
уничтожил одновременный подрыв бомб.
Во тьме раздался крик падающих
вместе с ним Саламандр. Земля уходила
из-под ног, и тяжелые доспехи увлекали
боевых братьев Тсу'гана вниз. Размахивая
руками и чертыхаясь, Саламандры
посыпались с все уменьшающегося гребня,
остановившись как раз перед тем, как
множество прицельных лучей пронзило
тьму и подсветило попадавших
Саламандр. Раздался единичный
ответный выстрел болтеров, но снаряды
просто отскакивали со звоном от

бронированных панцирей автоматических оборонительных орудий, с урчанием поднявшихся на позиции вдоль всей стены. Над головой у Тсү'гана посыпался отрывистый грохот — тяжелые болтеры и автомашки принялись заглатывать ленты с боеприпасами.

Закричав от ярости и душевной муки, Тсү'ган смотрел, как трех его боевых братьев изрешетило снарядами. Силловые доспехи были крепкими, крепкими достаточно, чтобы выдержать огонь такого оружия, но скорострельность усиливала мощь попаданий втрое.

К сожалению для Тсү'гана, Н'келна среди тех, кто попал в оползень непла, не было. Выкрикивая торопливые команды с остатков вершины гребня, брат-капитан пытался восстановить слаженность своих сил. Однако прижатых огнем ко дну низины раненых Саламандр начали уничтожать.

— Используй транспорт как бронированный щит! — взмолился Тсү'ган. — Пошли их вниз, в низину. Наши братья умирают, будь ты проклят!

Вдоль гребня взметнулись огненно-дымные столбы: штурмовое отделение Варго поднялось в воздух. Это был акт отчаяния, попытка ослабить безжалостный град огня, летящий в воинов на дне низины, заставив врага разделить свое внимание между двумя целями.

Варго приземлился в нескольких метрах от стены, перед самыми предугатами, именно так, как и предполагал Тсу'ган. Застрекомали ценные мечи, замигали активированные мелтаболбы на магнитных затках — и штурмовое отделение приготовилось к новому прыжку.

Вдоль стены взметнулась цепочка взрывов, обдав отделение Варго тучей разлетающихся осколков. Это было средство сдерживания первого удара, предназначенное для ошеломления и ослабления тех торопливых нападающих, кто стрелится взять укрепление с первого наскока. Дым и пламя осели, показав жертв этого непродуманного плана. Брат-сержант Варго остался на ногах, хотя явно был контужен, его доспехи почернели

и потрескались с краев. Трое штурмовиков лежали неподвижно. Еще четверо явно получили ранения: они хромали и придерживали руки, когда пытались тащить своих навших братьев к стене, за пределы обстрела караульных орудий, которые принялись прошивать строчками снарядов то место, где они ковыляли. Прыжковые ранцы, похоже, были разбиты, турбины сняты или забиты обломками.

Тсү'ган уже был готов покинуть свой редут, когда наконец по полусползшему склону с ревом съехали машины.

--- «Агское платя»! --- равкнул Тсү'ган в устройство связи, обращаясь ко всем четырём боевым звеньям. --- Выполнять!

Брат Станг грохнул по кнопке детонатора, который достал из своего снаряжения, и кинулся ничком на землю вместе с остальным звеном.

По границе редутов прокатились взрывы, выбрасывая высоко в воздух густые фонтаны земли вперетешку с огнем и дымом.

Штурмовая группа Саламангр была к этому готова благодаря подробным

инструкциям брата-сержанта Тифоса. Воспользовавшись тем, что противник отвлёкся, зажатые в низине костодесантники сумели перегруппироваться.

Тсуган выскочил из редута первым. Обломки от взрывов гранат ещё продолжали падать, когда он бросился к стене, паля из болтера. У него за спиной машины развернулись в передвижной щит, приняв огонь на себя. Сверху рывнула вторая ракетная установка, один из «Носорогов» подорвался на шаре огня, опрокинулся и вспыхнул. Из-под обломков машины выбрался экипаж и укрылся за остатками корпуса от обрушившейся на них со стен лавины выстрелов.

--- Сосредоточить огонь! --- крикнул Тсуган, затормозив подоживать и упав на одно колено, чтобы принять более устойчивое положение. Сквозь прицел болтера он нашёл караульную автомашку, рывкающую, выплевывая свой боезапас. Тсуган обрушил на неё ярость своего болтера, братья Лазарь и Станг присоединились, --- автомашка затряслась

от попадания и осела.

Покончив с оружием, Тсу'ган отдал приказ продолжать движение, чтобы не дать автоматическим установкам прицелиться как следует.

— Вперед! — заорал он. — Они переключились на нас.

Тиберона настиг меткий выстрел болтера. Снаряд попал в коленное сочленение, мгновенно выведя Салатангра из строя.

— Станг, — приказал Тсу'ган, увидев, что Тиберон упал, — помоги ему.

Станг повиновался без промедления, броском преодолел, виляя из стороны в сторону, короткое расстояние до Тиберона и затащил раненого в воронку, оставшуюся от взрыва гранат.

Сверху засвистели выстрелы, принявшись за Тсу'гана и остальные боевые звенья всерьез: Железные Воины поняли, что в непосредственной близости появилась более серьезная угроза. У Тсу'гана уже не было времени, чтобы вывести из строя второе караульное оружие: ему и его звену пришлось

пошевеливаться, чтобы автономные
орудия не разнесли их на куски.

Решение пришло со звуком
гроыхающего адамантия: «Огненная
наковальня», разогнавшись со склона,
пропахала только что оставленные
Саламанграми редуты, превратив их в
меси́во, и развернулась перед братом-
сержантом.

Остальные боевые звенья проявили
инициативу и без команды встретились с
грозному штурмовому танку. Сверху
свистнула ракета и ударила в крышу
«Лендрейдера», выбросив шквал осколков и
пламени. Дым рассеялся быстро.
Невредимая «Огненная наковальня» начала
разворачиваться, заблокировав огню
гусеницу и вращая гругую.

--- Огнеметы! --- крикнул Тсү'ган,
поняв, что должно сейчас произойти.

Брат Гонорий и другие огнеметчики
двинулись вперед, держась у кормовой
брони «Лендрейдера».

--- Жги и очищай! --- взревел Тсү'ган,
когда спонсонные огнеметные орудия
«Пылающий шторм» извергли струи

ослепительного пламени. В тот же момент Гонорий с собратьями выступили из-за танка и добавили своего огня к разрушительному огненному шквалу.

Ревущий протетий окатил стены, выплескиваясь сквозь бойницы и щели, всепроникающий и всепожирающий. Огненная атака была вознаграждена заглушёнными криками, и Тсу'ган ухмыльнулся: предатели горели.

Кортовая рама «Лендрейдера» откинулась, и наружу выступил ветеран-сержант Претор со своими Огненными Элитами в полных терминаторских доспехах, с потрескивающими от разрядов энергии грозовыми молотами и штурмовыми щитами.

Повсюду ожило тяжелое вооружение Саламандр. Тяжелые болтеры обстреливали укрепления, разбивая караульные орудия в металлическое крошево. Мультителты, доставленные на смертоносную дистанцию, жгли стены, испаряя слои керамики. Ракеты метили в башни, разрывая в клочья неподатливые тела внутри.

--- Сосредоточить огонь на защитниках стен! --- проревел Тсу'ган на оперативной частоте, так, чтобы слышали все сражающиеся войска. Приближаясь к крепости, брат-сержант понял то, что само собой напрашивалось еще в редутах.

--- Милорды, --- поприветствовал он, поворачиваясь к Огненным Эмиям.

--- Я в твоем распоряжении, брат-сержант, --- пророкотал Претор. Его отделение стояло сзади, похожее на безмолвных зеленых часовых.

--- Сломаем ворота --- прорвел оборону, --- сказал ему Тсу'ган.

Он снял мелтабомбу с магнитного замка на поясе. Сержант Де'мас сделал то же самое, несколько боевых братьев достали крак-гранаты.

--- У нас хватит взрывчатки на троих ворот, --- не стал скромничать Тсу'ган, кидая взгляд кусок открытого пространства между «Лендрейдером» и стеной. --- Только нужно, чтобы вы доставили меня туда и закончили дело.

Претор кивнул, хотя понял ли он план

Тсу'гана или просто целиком доверился ему, брат-сержант не знал.

Удар еще одной ракеты на этот раз осветил бок «Огненной наковальни», даже несмотря на сияние огнеметных орудий, продолжающих изрыгать горящую смерть из законченных глоток.

--- Выступаем под прикрытием огня! ---
Тсу'гану приходилось кричать, чтобы его услышали.

--- Значит, в платя битвы, брат... ---
донеслось из потемок «Лендрейдера». Голос был резок и полон стали. Капеллан Элизий вышел на свет, хотя казалось, что тьма танкового трюма окутала его, точно саваном. Ухмыляющийся череп маски его шлема придавал ему трачно-веселый вид.

--- На наковальню войны! --- закончил Тсу'ган. --- Это честь для меня, брат-капеллан.

Элизий выхватил из ременной петли свой крозиус арканум и с яркой вспышкой активировал его силовое поле, затем знаком велел Тсу'гану продолжать.

Брат-сержант повернулся обратно к Претору:

— Можете вы сделать передвижную
стену из щитов, брат?

Хохот Претора прозвучал, словно
раскат грома. С превосходной четкостью
он и его Огненные Этии образовали заслон
из штормовых щитов, закрыв спереди и с
боков Тсу'гана, Де'маса и еще семерых
боевых братьев. Элизий шагнул за пределы
защитного кордона.

— Берите их на себя, братья! —
крикнул Элизий громогласно и уверенно. —
Мой щит — Император и воля Вулкана!

Претор не стал терять времени.

— Вперед, штормовой порядок
«Эгига»! — пророкотал он, и Огненные
Этии начали движение.

На терминаторов обрушился огонь
тяжелого вооружения, но снаряды, не
причиняя вреда, отскакивали от воздетых
сцепленных штормовых щитов. Элизий
шагал сбоку, в ногу с тяжелым шагом
терминаторов, швыряя в предателей
гимны веры и литании железа, точно
зачубренные копы.

— ...И вот на наковальне Вулкана
сокрушил еретиков, его молот — точно

комета, что обрушилась с небес. В крови
горы Смертного Огня они ушли...

Поле розариуса терцало от
попаданий, но капеллан, даже не дрогнув,
продолжал идти вперед.

— ...Трепещите, подлые предатели, и
примите обещанную кару за свое
вероломство! Горите, преступники,
горите! Очиститесь в огне перед сиянием
Императора!

К гватрибам Элизия присоединилось
грохочущее стаккато выстрелов. Тсу'ган
услышал его внутри защитного панциря из
штормовых щитов. Четверо
терминаторов образовали основную часть
бронированной стены, сцепив щиты в
единый барьер. Энергетические поля
щитов в местах сцепления трещали и
плевались голубыми искрами, оставляя
запах озона. Еще по два Эмиза охраняли
каждую сторону, подняв щиты и соединив
их в импровизированную крышу со
штормовыми щитами еще двух братьев,
которые шли в середине и служили
хребтом всего построения.

Саламандры в силовых доспехах,

пригнувшись и сжимая в руках гранаты, разместились между ними: по пять костодесантников с каждой стороны «хребта» под командованием сержантов, прикрытые терминаторами с обоих флангов.

Тсу'ган отсчитал пятнадцать шагов. С каждым шагом огонь усиливался. За пределами передвижного редута из артированного керамита Тсу'ган слышал зубодробительный ответ оружия. Саламангр и чувствовал над головой жар пламени, изрыгаемого огнеметами.

— ...И карайте врагов Империи болтером и клинком!.. — продолжал Элизий. В его голосе, обычно похожем на холодное железо, сейчас пылала фанатичная ярость. Жгучие речи усиливались вокс-репродукторами его шлема, и пылкие проповеди разносились вокруг отчетливо и мощно, словно из громкоговорителя.

— ...Предайте их мерзкие тела очищающему огню!..

Еще десять шагов.

— ...Сбросьте презренных в бездну, где

их разорвут в клочья когти беззакония!..

Еще пять.

--- ...И принявшие порчу будут гореть в преисподней, познавши кару на земле!..

Три.

--- Услышьте меня, предатели, и отрепещите!

Ворота были прямо перед ними.

Стена из щитов разошлась. В керамитовом заслоне открылась щель, пропускающая Тсугана и его диверсантов вперед. Линия разделилась надвое, тортовые щиты были направлены в стороны, терминаторы отражали огонь автоматических пушек, сколько могли.

Из замаскированных бойниц активированные близостью врага, появились «охотники-убийцы». Де'мас выбил одну из ракет: ее топливо взорвалось внутри стены, выбросив снаряд осколков, похожих на железный град. Вторая стартовала: ее целью был капеллан, который двинулся вперед, чтобы присоединиться к братьям у ворот.

Элизий исчез в облаке огня и осколков.

Тсү'ган был уверен, что тот погиб, но, когда дым рассеялся, появился капеллан, опустившийся на одно колено, но вполне живой. Поле розариуса мерцало вокруг него. Пусковая установка «охотника-убийцы» ушла внутрь и через пару секунд вернулась с новым боеприпасом.

--- Ты постел бросить меня на колени, трусливое оружье ереси! --- крикнул Элизий с яростью, выпрямляясь. --- Гневом Прометея я сокрушу тебя!

Его болт-пистолет рывкнул голосом проклятия, и «охотника-убийцы» не стало.

Вернувшись к отделению у ворот, капеллан отстегнул с пояса собственную телтабобу.

--- Пусть принявшие порчу очистятся, --- нараспев произнес он. Из доспехов, там, где взрыв ракеты пробил его щит веры, вился дым.

Стоя у ворот, Тсү'ган ощутил, точно жар, губительное воздействие, которое источала центральная эмблема. Чистое пренебрежение и агрессия, обещание разрушения и кровожадная угроза. Брат-капеллан Элизий подавлял его одним своим

присутствием, но все же потребовалось усилие воли, чтобы воспротивиться злобе, которую вселял железный символ. Тсу'ган и его братьям пример капеллана придал сил, и они обратились к вере внутри себя, чтобы перебороть зловещее влияние. В мыслях осталось одно убеждение: крепость должна пасть.

Саламандры одновременно прикрепили к воротам свои гранаты и болбы, установили запалы на три секунды и отступили обратно за терминаторов и их штормовые щиты. Огненные Эми снова сошлись в строю.

Пронесшийся над головами взрыв был похож на огненное крещение. Тсу'ган с наслаждением принял его и захохотал глупо и громко.

--- Что такого забавного, брат? --- поинтересовался брат-сержант Де'мас. У ворот рассеивались огненные сполохи.

Глаза Тсу'гана запылали, точно адский огонь, внутри шлема, хотя линзы остались темными.

--- Наконец-то война, брат, --- отозвался он. --- Только война.

Хотя ворота чудесным образом остались стоять, но они были погнуты и местами разорваны. Когда терминаторы чуть раздались в стороны, Тсуган сквозь щели в створках шириной в кулак увидел внутреннюю часть крепости.

--- Готов встретить гарнизон предателей, брат?! --- воскликнул Претор с бешеным блеском предвкушения в глазах.

На лице у Тсугана было такое же выражение, он хищно улыбнулся под маской шлема.

--- Это ерунда. Но давайте взглянем на них, лорд Огненный Элий.

Претор улыбнулся: словно тонкая щелина разломила твердый как камень лик --- и возгласил свой громовой молот.

--- Сломать их! --- взревел он, и терминаторы у ворот ударили как один.

Пленники

— Я иду первым, — объявил Дак'ур, пробуя в руке стальной трос, уходящий от лебедки вниз. Один из техногесантников установил механизм для спуска по стенам, и каждый из шести огнерожденных, стоявших на краю разлома возле «Гнева Вулкана», пристегнулся к нему. Пропустив толстый трос сквозь петли на боевой обвязке, Саламандры приготовились к спуску в неизвестное.

Ба'кен, которого сержант отправил надевать доспехи, не заставил себя ждать. С собой он прихватил свой увесистый огнемёт, приторочив его к спине и упрямо утверждая, что громоздкое оружие вполне пролезет в узкую щель, ведущую в недра Скориин. К отряду присоединился брат Емек, который переложил оставшиеся медицинские операции на хирургов-людей с ударного крейсера. Его навыки ограничивались полевой хирургией, и ему не доставало опыта, чтобы проводить

сложные манипуляции. Тем более что
времени костодесантника можно найти
гораздо лучшее применение, чем возня с
ранеными и умирающими.

Братья Анион и Ромул тоже были из
отделения Дак'ура, их выбрал сам брат-
сержант за боевой опыт. Последнее место
в небольшой экспедиции досталось
Нириилу. Библиарий будет следовать за
Дак'уром, точно ищейка, идя по
психическому следу, который источал
разлом.

--- Включить люминаторы.
Соблюдать вокс-молчание, пока не
достигнем гна и не узнаем, с чем имеем
дело, --- распорядился Дак'ур. Луч
лютолатны, закрепленной на его шлеме,
протыкал темному разлому. Вытянув на
себя трос, Дак'ур решительно нырнул в
адскую тьму.

Датчики шлема, ослабленные
атмосферными условиями планеты,
зарегистрировали небольшое повышение
температуры, когда Дак'ур двинулся вниз.
Показания холодно высветились на
внутренней стороне линзовых дисплеев.

Тесное пространство заполняла
оглушительная тишина, нарушаемая лишь
монотонным гудением разматывающейся
лебедки. Острые выступы на стене
разлома со скрипом царапали по доспехам.
Дак'ур прошел сквозь струи пара,
испускаемые с частично ушедших под
землю нижних палуб ударного крейсера,
доспехи покрылись тонкой пленкой
конденсации. Вскоре надежный агамантий
внешней брони корабля уступил место
абсолютной тьме. Точно погружаешься в
недра потустороннего мира, который
уходит вниз бесконечно.

Спустя час тучительно медленного
спуска пятно света от лютолатны
Дак'ура упало на твердую землю. Наконец
коснувшись гна разлома, брат-сержант
сообщил по воксу о своей находке.
Отцепившись от троса, Дак'ур отошел в
сторону, чтобы не мешать своим братьям,
и, остав оружие, принялся осматривать
крошечную тьму вокруг. Люминаторы
шлема высветили голый каменный
коридор, который обрывался на границе
дальности луча лютолатны, поглощенный

чернотой.

--- Туннель, похоже, искусственный, --- сообщил негромко Емек. Он провел перчаткой по стене, осматривая поверхность под светом люминатора.

Ба'кен спускался последним. Упрямо пытаясь протиснуться вместе со своим тяжелым огнеметом, он повредил шлем об острый каменный выступ. Периодические помехи на дисплеях линз --- результат столкновения шлема со скалой --- нагнали его до смерти, так что, достигнув дна, Ба'кен снял шлем и прицепил к поясу. В ответ на упрек во взгляде Дак'ира огромный воин буркнул что-то и поправил баки с прометием за спиной.

Пройдя несколько сотен метров по коридору, брат Емек, который шел первым, держа огнемет наготове, заметил, что структура туннеля изменилась. Остальные Саламандры собрались вокруг.

--- Округлый и гладкий, будто отшлифован инструментом или

машинерской машиной, --- прибавил он.

--- Неслабое, наверное, было оборудование, раз пробурело такой проход, --- откликнулся Ба'кен, который, стоя спиной к Емеку, наблюдал за той стороной, откуда они пришли. Братья Аннон и Ромул, перейдя в голову отряда, пока Емек осматривал стену, нацелили болтеры по направлению движения.

Дак'ур был согласен с Ба'кеном. По туннелю легко могли пройти все шестеро Астартес плечом к плечу; что же касается высоты, даже почтенному брату Амадею не пришлось бы пригибаться.

--- Определенно, работа машины, --- заключил Емек, вновь занимая место во главе отряда.

Пириил не сказал ничего. Его глаза были закрыты, лицо --- сосредоточенно.

--- Брат-библиарий? --- окликнул Дак'ур.

Пириил открыл глаза --- и небесно-голубой свет в них погас.

--- Это не хитиновые чудища, --- прошептал он, еще не придя в себя после психического транса, и прибавил: --- Это

что-то глупое...

Поняв, что иных разъяснений от библиария ждать не приходится, Дак'ур приказал продолжать движение.

Разрубленный толстым клинком, шлем Железного Воина развалился на две части, когда Тсү'ган толкнул его бронированным башмаком. Лицо внутри было искажено предсмертными судорогами, темная рваная рана рассекала его надвое. От носа осталось месиво, морщинную кожу украшали цепочки и высеченные символы, в прорезях которых виднелась желтая кость. Что бы ни убilo предателя, случилось это давным-давно.

— Этот такой же, — сказал Тсү'ган, оставив полумоткинвшееся назад тело.

Обрушивая, один за другим, удары горюховых молотов, Огненные Эмии разбили ворота, которые и так еле держались после взрыва гранат. Внутри, вопреки предсказанию Претора, никакого гарнизона предателей не оказалось. Вместо врагов Саламангры обнаружили лишь трупы, расставленные на посты для

имитации обороны. Те предатели, что не
пали во время штурма, остались стоять
на страже или сидеть за столкшими
установками -- точно так же, как стояли
воины в редутах: мертвые, но
продолжающие поддерживать иллюзию
численности и несения службы. Лишь пять
трупов Железных Воинов были свежими.
Остальные представляли собой лишь
омертвевшие останки, гниющие внутри
успехов.

Пятеро костогесантников Хаоса и
несколько автоматических
оборонительных установок сдерживали
отряд, насчитывающий более
восьмидесяти человек. Трое Саламандр
были убиты во время этого плохо
продуманного штурма. Двое из них были из
отделения Варго, третьим стал
водитель уничтоженного «Носорога».
Костогесантника нелегко убить, но
штурмовиков почти разорвало на части --
они приняли на себя основной удар мощного
взрыва. Водителя БТР нашинговало
осколками, и он схлопотал дырку от пули
в голове, когда пытался выбраться из

обломков машины. Их прогеноиды были
извлечены Фүзисом еще под огнем
противника и сейчас надежно хранились в
накопителе апотекарского редуктора. Еще
несколько Саламандр получили ранения,
или занимался апотекарий, пока
остальные осматривали крепость.

--- Они были мертвы еще до того, как
мы начали штурм... --- В голосе Н'келна,
раздавшемся за спиной Тсү'зана,
послышалась едва заметная досада.

--- Они были мертвы задолго до этого,
милорд. --- Голос брата-сержанта
прозвучал резко. Тсү'зан винил в
бесполезной смерти своих боевых братьев
капитана, его трепет перед первым
сражением и нежелание ввести войска в
бой как положено в начале штурма.

--- Пятеро Астартес на всю
крепость, --- размышлял вслух Н'келн. ---
Что они здесь делали, брат-сержант?

--- В летописях говорится, что во
времена Великого крестового похода сыны
Пертүрабо занимали множество
пограничных укреплений, похожих на это, ---
произнес Претор, неумолимой глыбой

появляясь в поле зрения Тсү'зана. ---
Гарнизоны численностью в одно отделение
не были чем-то необычным, но
просуществовать больше десяти тысяч
лет... --- Огненный Элий умолк. Его
пламенный взор обратился к цитадели
внутри железной крепости ---
приземистому сооружению из широких
бастioned и серого металла. Из плоской,
усеянной зубцами крыши торчали трубы,
изрыгающие клубы дыма. Вход в цитадель
преграждали еще одни ворота. Сержант
Де'мас со своим отделением устанавливал
заряды, чтобы пробиться внутрь.

Глядя на вторые ворота, Тсү'зан
внезапно испытал острое чувство
опасности. Даже просто стоя в обширном
дворе, в окружении тел Железных Воинов,
он ощущал, как предчувствие беды то
ослабеваеет, то усиливается, точно
прощупывая его оборону.

Его внимание привлекла вспышка
пламени. Брат-капеллан Элизий приказал
собрать трубы в кучу и сжечь. Команды
огнеметчиков, набранные из тактических
отделений, окатывали прометием

погребальный костер, сложенный из
покалеченных тел.

--- Их убили снаружи, используя грубую
силу, --- вторгся в размышления Тсу'гана
голос Претора, проследившего за взглядом
брата-сержанта.

--- Следовательно, после боя они
затащили тела обратно? --- предположил
Н'келн. --- Надо полагать, одержав победу,
хотя я не вижу никаких следов убитого
врага.

--- Железные Воины тоже сожгли
трупы своих врагов, брат-капитан, ---
заметил Претор. --- Пережитки старых
обычаев легиона, которых еще
придерживаются некоторые боевые банды.

--- Они лишь пепел. --- Тсу'ган старался
обуздать свой гнев. --- Как и наши братья,
которые вскоре ил станут.

Если Н'келн и почувствовал колкость,
он этого не показал. Претор тоже не стал
делать замечания.

--- Они одержали победу --- это верно,
брат-капитан, --- сказал Огненный Элий. ---
Но над кем и какой ценой?

--- Те ксеносы, что мы встретили на

месте крушения, не такой враг, чтобы
стать проблемой для Астартес, — заявил
Тсу'ган. — Других лагерей, следов посадки
корабля или перемещения армии я не
видал.

Он снова бросил взгляд на горящую
гору трупов: пятьдесят или около того
Железных Воинов. Изменников, да, но все
же Астартес, некогда созданных
Императором, по-прежнему грозных воинов,
которых убили в ближнем бою, и убили
жестоко. Такой враг не исчезает так
просто. И просто так не сдается.

Голос Тсу'гана прозвучал тихо и
зловеще:

— Я думаю, что в земле под нами
скрывается нечто иное, кроме хитиновых
тварей. И это иное принесло смерть
предателям.

Еще триста метров в темноте — и
туннель превратился в лабиринт.
Несколько коридоров ответвлялись от
главного коридора, словно сетка ходов
внутри гигантского улья. Дак'ур вспомнил
о хитиновых, но за все время исследования

подземной сети они пока не встретили ни одной твари.

Ба'кен осматривал каждый проход, запальник его тяжелого огнемета отбрасывал тусклый отсвет в сумрак Саламангры держались центрального туннеля. Дак'ур предположил, что он должен привести их к некоему центру или месту слияния коридоров.

Ба'кен двинулся к следующему перекрестку. Медленно и осторожно водят огнеметом из стороны в сторону, он вдруг подскочил, когда из темноты вылетел какой-то предмет и подкатился к ним.

— Контакт! — мгновенно предупредил Саламангр, приготовившись обдать то, что могло оказаться гранатой, струей прометия. Но остановился, заметив маленькую фигурку, вынырнувшую из темноты в сектор его обстрела. Это была пальчишка, а «граната» оказалась резиновым мячом.

Ба'кен отвел палец от спускового крючка как раз вовремя. Из сопла огнемета выскочил, точно отрыжка, крохотный язычок пламени, но в полную силу огнемет

попыхнуть не успел.

Резко затормозив подожавати от неожиданности, мальчик уставился на огромную в зеленых доспехах, который держал в руках огонь. В секундной вспышке пламени Ба'кен разглядел, что темнокожий ребенок был одет в грубую серую рабочую одежду. Одежда была вся в заплатках, точно сшитая из нескольких разных комплектов, а башмаки, стянутые ремнями на ногах, выглядели на несколько размеров больше. Глаза мальчика расширились от страха, когда Ба'кен выступил вперед, опустив тяжелый огнемет.

— Не бойся, — протянул Саламангра низким и глупым в тесноте туннеля голосом. Шагнув в темноту, он протянул раскрытую лапоть; красное пламя в глазах Саламангра вспыхнуло, осветив дьявольским блеском его ониксово-черную кожу.

Затрепетавший мальчишка пискнул и кинулся прочь, забыв о таче.

Ба'кен уронил руку, и гримаса ужаса искажала его лицо.

--- Дитя... --- произнес он, ощутив присутствие подошедшего сзади Дак'ура. Ба'кен повернулся к сержанту. Остальные подтянулись ближе, услышав внезапное предупреждение. Емек встал рядом с Дак'уром, Анион с Ромулом принялись внимательно следить за сумраком сзади. Библиарий Нуриил остался в нескольких шагах позади остальных, глаза его тлели психической силой.

--- Человек. --- Это было утверждение, не вопрос, но Ба'кен все равно ответил:

--- Да, мальчик.

--- За ним, --- приказал Дак'ур негромко. --- Следить в оба, --- предупредил он, помня о том последнем случае, когда они встретили человеческое дитя при схожих обстоятельствах. Это случилось тогда, на Стратосе, и мальчик завел их в ловушку. Дак'ур еще помнил грохот взрыва и штрихи осколков, летящих мимо визора.

Оставалось надеяться, что в этот раз все закончится по-другому.

Огромный железный зал был первым помещением, куда попали Саламандры.

пробив ворота цитадели. Зал был пустым, но гораздо глубже и шире, чем можно было предположить снаружи. Вход зиял, точно раскрытая пасть; армированные пластальные створки висели, сорванные с петель; ковер из потревоженной пыли еще клубился на выложенном плитам полу, когда внутрь вступил Претор. Остальные Огненные Эмии шли сразу за сержантом, с поднятыми штормовыми щитами, по грозовым молотам струились электрические заряды.

За терминаторами следовали три тактических отделения, только что воссоединившиеся. Отдавая короткие приказы, сержанты быстро рассредоточили отделения для разведки. От Де'маса и Тифоса поступили отрицательные доклады — им было дано задание очистить ниши и ближайшие комнаты. Чуть погодя к Саламандрам у входа в зал присоединились брат-капитан Н'келн и Инфернальная Гвардия.

Опустошители Лока встали на страже у разбитых ворот цитадели; отделения братьев-сержантов Откара и

Ул'шана патрүлировали стены. «Огненная наковальня» и один из «Носорогов» перекрыли главные ворота крепости. Убитых из отделения Варго и погибшего водителя почтительно уложили во второй бронетранспортер, припаркованный в глубине двора. Третий «Носорог» стоял с работающим двигателем. Как только Саламангры выяснят, чем занимались здесь Железные Воины, он отправится обратно, чтобы забрать Аргоса или одного из его технодесантников, в надежде, что они смогут отобрать и освятить что-то из техники предателей.

--- Помещение проверено и взято под охрану, брат-капитан, --- доложил Претор, когда Н'келн вошел в зал и встал с ним рядом, --- но остались другие помещения, идущие от главного зала, которые тоже следует прочесать...

Доклад Претора был прерван внезапным появлением вернувшегося из разведки Тсү'гана.

--- Есть еще кое-что, милорды, --- сообщил он, шагая к ним. В голосе Тсү'гана сквозила враждебность, подсказывая, что

Железные Воины, которых сжигали сейчас во дворе, были не единственными, кто населял крепость.

У Н'келна вздулись желваки на скулах: припомнилась старая вражда. Железные Воины были тогда на Усстваане.

--- Показывай.

Поспевать за убегающим мальчишкой было нелегко. Тот двигался проворно и величаво. Саламангр извилистой дорожкой по темным туннелям, преследуемый лучами люминаторов. От поспешных движений Дак'ура и остальных зернисто-белые лучи подпрыгивали и пересекались, разрезая трак таящими полосами света.

--- Глядеть в оба, --- вполголоса предупредил Дак'ур через вокс.

Пуриил следовал за сержантом по пятам. Емек шел рядом с Анионом и Ротулот, намеренно приотстав на несколько шагов на случай засады.

Несмотря на поразительную силу Ба'кена, тяжелый огнемет замедлял движение костодесантника, особенно в тесноте узких туннелей. Огромный

Салатангр шествовал в арьергарде
Дак'ура.

Свернув за крутой поворот в более обширную пещеру, Дак'ур потерял пальчишку из виду. Дальше он двинулся медленно и осторожно, осматривая нагромождения мусора по обеим сторонам постоянно сужающегося прохода. Кучи камня, шахтерские вагонетки с железными кузовами, металлические ящики, брошенные лютолатны и прочий хлам с обеих сторон окружали Салатангра, растянувшись в колонну по одному.

Заметив движение справа, Дак'ур чуть было не отдал приказ к отражению засады, но его остановил Нуриил.

— Пусть подходят, — ментально предупредил он боевых братьев. — Упустите оружие.

Дак'ур хотел возразить, но сейчас был не тот момент. Ему пришлось верить жизнь отряда инстинктами библиария и надеяться, что тот не ошибся.

— Делайте, как велел брат Нуриил, — приказал он тихо.

Емек шепотом отозвался:

--- Пять целей слева. Наблюдают за нами.

Следом в разговор вступил Анион:

--- Еще пятеро... не двигаются... в своем секторе огня.

Затем Ромул:

--- Я засек еще шестерых, медленно окружают.

И наконец --- Ба'кен:

--- Замечена угроза: десять сзади.

Дак'ур знал, что еще пятеро находятся спереди: лежат в засаде у пересечения туннелей. Саламандры могли бы обезвредить их за несколько секунд.

Еще через пятьдесят метров пути наблюдатели, затаившиеся в тенях, захлопнули свою «ловушку». По всему туннелю вспыхнули спрятанные осветительные приборы, испуская резкий натриевый свет. Группы людей, вооруженных старинными на вид пистолетами и огнестрельными ружьями, появились из своих укрытий за ящиками и под кусками покрытого пылью брезента. Каждый Саламандр оказался под прицелом

вражеского отряда, хотя боевые порядки людей были далеки от строевых. Люди были хорошо организованы, их умение устраивать засады хотя и находилось на зачаточном уровне, но было не хуже, чем у хорошо подготовленного полка СНО, однако их движения выдавали грамотность обученных любителей, но не солдат. Одетые в грубую серую одежду, всю в заплатках и сильно поношенную, как у тальчишки, с темной кожей, они выглядели суровыми людьми, которые вели еще более суровую жизнь, если судить по природным условиям Скориш. Некоторые носили старинную броню поверх грубой ткани: темные стальные нагрудники и наплечники. У каждого была пара темных защитных очков. Они явно надеялись получить преимущество над противником, ослепив его внезапной вспышкой света, но не ожидали встретить здесь костических десантников, чьи оккульты мгновенно среагировали на изменение окружающей среды.

Пара машин, по виду — горных комбайнов, с грохотом выкатилась на

толстые шпалы, блокируя туннель с обоих концов. Спереди машины состояли по большей части из строенных буровых головок, водителей прикрывали толстые броневые плиты и пластовые гласисы.

— Сдавайтесь и сложите оружие, — раскатилось эхо сурового голоса. — Вы окружены, и нас пятеро на каждого.

Дак'ир проследил, откуда доносится голос, и увидел человека, вышедшего из передней группы. Человек был одет так же, как и остальные, но вдобавок носил короткий рваный плащ, который показался Саламанграмм странно знакомым. Толстые рифленые сапоги доходили почти до колен, прикрытых круглыми металлическими пластинами. Лазган он держал в опущенных руках с легкостью человека, который знает, что надежно защищен своими бойцами. Когда он поднял очки на лоб, Дак'ир увидел перед собой человека средних лет. Лучики морщин у глаз придавали ему выражение постоянной нахмуренности. Коротко стриженные волосы были усеяны каменной пылью, хотя по большей части серый цвет был его

собственными. Несмотря на возраст, предводитель отряда выглядел внушительно, в его мышцах было еще достаточно упругости, а в теле и подбородке — твердости.

— У снимите шлемы, — прибавил он. — Посмотрим, все ли вы такие, как этот. — Человек указал на Ба'кена, и тот сердито зыркнул в ответ.

«Мы могли бы обезоружить их с минимальными потерями», — подумал Дак'ур и заколебался, раздумывая, что делать дальше.

Пуриил оборвал его размышления:

— Делай, как он говорит, брат-сержант. Прикажи отряду сдаться.

Дак'ур, в бессилии сжав рукоять ценного меча, услышал скрип своих пальцев.

— Ты всерьез предлагаешь сдаться этому сброду? — прошипел он в вокс.

— Именно это в точности я предлагаю. Отдай приказ немедленно, пока они не начали дергаться. — Библиарий чуть повернул голову к брату-сержанту. — Мы должны завоевать их доверие.

Хотя это шло вразрез с его инстинктом и подготовкой, Дак'ур все-таки дал приказ сложить оружие. Саламандры подчинились без промедления, несмотря на явное опасение, и вслед за братом-сержантом сняли шлемы.

— Я брат-сержант Хазон Дак'ур из рогена Саламандр, третья рота, — представился Дак'ур предводителю людей.

Тот натянуто улыбнулся и ответил:

— Зоннар Улиаг. — Затем указал на другого из своей группы, высокого мужчину с приплюснутой головой, шраматы на лице и черной щетиной на широком подбородке и голове. — Смотритель Акута и его люди соберут ваше оружие.

Высокий человек и еще четверо других осторожно двинулись вперед.

Ба'кен за спиной сержанта разозлился.

— Ни один Астартес не отдаст своего оружия, если только оно не взято из его мертвых рук! — прорычал он сквозь сжатые зубы.

По поведению других боевых братьев было видно, что они с ним согласны. Трон.

да сам Дак'ур тоже был с ним согласен! Нириил настоял, чтобы они опустили оружие, -- они опустили. Но на это они не пойдут.

-- Ты можешь взять мой клинок и пистолет как знак честных намерений, -- ответил Дак'ур тому, кто назвался Улиагом.

Смотритель тут же остановился и оглянулся на командира, ища указаний. Поединок воли начался -- между Дак'уром и человеком. На лице Зоннара Улиага это читалось так же ярко, как сияние плазмы.

-- Хорошо, -- согласился наконец Улиаг, затем тахнул Акүте. -- Забирай.

Дак'ур вынул свое оружие и протянул смотрителю.

-- Обращайся с ними почтительно, -- предупредил он. -- Убо очень скоро я заберу их обратно.

Акүта старался не показывать страха, но, явно опасаясь близкого контакта с красноглазым Салатангром, получив оружие, быстро отступил назад.

Брат-сержант повернулся к человеку, назвавшему себя Улиагом:

— Мы сгались. Что дальше?

Тсу'ган жестами приказал отделению окружить люк, спрятанный в дальнем конце гигантского зала. Сделанные из толстого железа створки выглядели надежно, явно предназначенные для того, чтобы не пускать никого внутрь... или наружу. Покрытые слоем пыли и ржавчины, они не были замечены во время безлого осмотра. Люк был завален пустыми ящиками и бачками из патронов и накрыт гранью куска брезента. Тот факт, что запас боеприпасов был истрачен, многое говорило об отчаянной обороне Железных Воинов. Они использовали почти все, что у них было, чтобы отбиться от нападения. Тсу'ган почти не сомневался, что патронные ленты и магазины, заряженные в автоматические орудия, тоже были последними.

Он поднял руку, сжатую в кулак, приказывая отделению ждать.

Претор и брат-капитан Н'келн стояли рядом с оружием наготове.

Аүспик захлебывался помехами, биоследы, казалось, появлялись и исчезали, словно дым на сильном ветру, поэтому Тсү'ган велел Цагону пока выключить прибор. Вместо него он воспользовался собственными органами чувств, пытаясь определить присутствие врага, и тут засек сквозь железную дверь еле слышимый лязг металла о металл.

Показав себе на ухо, Тсү'ган довел этот факт до остальных, сделал рубящий жест, затем точно потянул что-то одной рукой — вторая была занята болтером. Братья Станг и Норган, срезав затки плазменным резаком, взятым из инструментального отсека одного из «Носорогов», с усилием подняли крышку люка. Протиснувшись на нижний уровень так тихо, как могли, оба Саламангра быстро погались в стороны, чтобы позволить Тсү'гану и брату Гонорию с огнеметом взять на прицел открытый настежь вход. Звон ударов по металлу стал громче, но в сутраке никакие враги не прятались, была только лестница со стальными ступенями, которая уходила в

покрытую траком глуби́ну.

Тсу'ган повернул ладонь параллельно земле, давая знак, что все чисто, затем растопырил пальцы и снова сжал в кулак. Половина отделения отправляется с ним вниз, вторая половина остается на поверхности и охраняет вход. Претор и Н'келн остаются тоже: терминатор слишком велик и громоздок, чтобы пройти в возможно узкие ходы внизу, капитан же слишком ценен, чтобы рисковать жизнью в разведывательной операции в неизвестное.

Выставив два пальца, Тсу'ган дважды быстро рубанул воздух: Тиберон и Лазарь, ожидающие у края, спустились друг за другом по лестнице и нырнули вниз. Как только двое Саламандр спустились, Тсу'ган поднял палец, сжал кулак, затем поднял два пальца и снова дважды рубанул воздух. Он спустился следующим, зная, что Гонорий с Цагоном спустятся следом, прикрывая тыл.

Держа люминаторы приглушенными, боевое звено Саламандр осторожно двинулось вниз по узкому коридору, пропитанному запахом сырости и меди. В

воздухе висела странная дымка, невидимая, но осязаемая, --- доспехи точно покрылись второй кожей.

Тсу'ган шел на звон металла, по-прежнему не прекращающийся, но, казалось, отодвинувшийся дальше, чем когда брат-сержант в первый раз услышал его сверху. Хотя оптический спектр был выставлен на ночное видение, а затем на инфракрасное, темнота осталась странным образом непроницаемой, словно поглощала весь окружающий свет. Лишь звук вел их, пока Саламандры осторожно брели сквозь густой мрак.

--- Сир, --- прошептал Гонорий.

Тсу'ган развернулся, разъяренный тем, что боевой брат нарушил вокс-молчание.

Огнетчик тут же встал и нацелил оружие в боковой коридор.

--- Ты будешь нарушать вокс-молчание только по моей команде, рядовой, --- тихим, но разъяренным голосом велел Тсу'ган.

Гонорий удивленно повернулся:

--- Я ничего не говорил, сержант.

--- Сир, --- проскрежетал Тиберон.

Боевой брат, шедший первым, целеустремленно шагал вперед и явно не замечал, что уходит от остальных все дальше и дальше.

Тсу'ган собрался сделать эту замечание, но вместо этого скомандовал в шепот:

--- Отряд, стой!

Аусник Цагона вспыхнул, многочисленные отпечатки тут же заполнили потусневший экран.

--- Контакты! --- рявкнул Цагон, развернув болтер и целясь в сумрак.

--- Вижу движение, --- прошепел Лазарь.

--- Сюда... --- прошептал незнакомый Тсу'гану голос.

Брат-сержант нацелил свой комбиболтер в ту сторону, откуда шел голос, и положил палец на спусковой крючок огнемета.

--- Сир, --- снова слышался голос Гонория, на этот раз издали, однако боевой брат стоял прямо рядом с ним, готовый к бою. Он никак не мог сказать это так, чтобы голос слышался издалека.

--- Сэр, множественные контакты, приближаются, --- сообщил Цагон, держа болтером из стороны в сторону в поисках целей. Запах сырости и меди усилился.

Тиберон продолжал идти вперед. Тсу'ган его почти уже не видел. На какой-то момент брат-сержант поддался чувству, чем-то похожему на страх, полный глубокого убеждения, что если Тиберона проглотит тьма, он никогда не вернется и они никогда не смогут его найти.

--- Стой, брат! Стой! --- заорал Тсу'ган, но его голос утонул в сводящем с ума грохоте ударов по металлу и предупреждающих криках бойцов.

--- Сюда...

Бүтлмл!

Снова этот незнакомый голос...

--- Противник движется! Атакую!

Бүтлмл!

Тиберон исчезает во тьме впереди...

--- Контакты приближаются, целей не вижу!

Бүтлмл!

В голове все кружится...

--- Сир...

Бүтлм!

Внезапный порыв положить этому
конец...

--- Сир, помогите нам...

Бүтлм!

Болтер в его руках, прижатый к
голове, оружие его избавления...

Бүтлм!

Единственный способ прекратить
это...

--- Прошу, прекрати, --- задыхаясь,
произнес Тсү'ган. Дуло холодило мокрый от
пота лоб. Звук медленно нажимаемого
спускового крючка был оглушительным,
точно гром.

--- Пламя Вулкана горит в моей
грудь! --- затянул могучий голос, заглушая
металлические удары. --- С ним я сокрушу
врагов Императора!

Ощущения, поначалу ступенные и
расплывчатые, стали возвращаться к
Тсү'гану. Он едва-едва различал чье-то
обнадеживающее присутствие рядом,
магнит, за который он мог уцепиться.

--- Убо мы --- ангелы Императора.

слуги Золотого Трона, и будет неведомым страх!

Тсу'ган ухватился за голос, громогласный и повелевающий, вцепился в него, как в спасительную веревку. Рядом с ним возвышалась сияющая фигура, держащая в выставленной руке потрескивающий разрядати жезл.

--- Из пламени битвы рождены мы!

Нет, не жезл --- воин с ликом смерти, облаченный в черные как столь доспехи, держал в руке молот.

--- На наковальне войны мы выкованы!

Пылающий ореол расходился от него, точно огненная волна, прогоняя тьму и выжигая призраков, которые пытались вцепиться в десантников, словно паразиты.

--- Повторяйте за мной! --- рывкнул брат-капеллан Элизий. --- Повторяйте за мной --- и обретете мужество, Саламандры!

Тсу'ган и весь отряд одновременно затаили слова литании, и туман безумия растаял.

Капеллан успокаивающе хлопнул по

наплечнику Тсу'гана.

--- Сгодится, брат-сержант. Дальше поведу я. Верни на место свой шлем и следуй за мной.

Тсу'ган опустил взгляд на шлем, который прижимал к груди, и разинул рот. Он даже не понял, когда снял его. Вытерев пот, который был вполне реальным, Саламангр надел шлем обратно и последовал приказу. Остальные братья тоже пришли в себя и двинулись за капелланом, держа оружие наготове. Даже Тиберон остановился. Он дождался, пока капеллан его нагонит, затем пошел следом.

Элизий прикрепил обратно к поясу Печать Вулкана --- артефакт еще светился оставшейся силой. Без сомнения, капеллан спас им всем жизнь. Какие бы злобные твари ни охотились в этих нижних катакомбах, они едва не заставили Тсу'гана и его воинов повернуть оружие против самих себя. Еще несколько секунд, и все было бы кончено.

--- Еретики близко, --- проскрежетал Элизий. Его крозиус вспыхнул, точно

пылающий факел, зажатый в
бронированном кулаке.

До Тсу'гана дошло, что тяжелый
металлический лязг вновь сопровождает
обычный шум. Он был по-прежнему
громким и исходил из-за закрытого люка
вперед.

В нескольких шагах от люка
капеллан поднял свой болт-пистолет.

--- Приготовиться, --- предупредил он.

Странный недуг, заразивший туннель,
вернулся, но держался на границе сознания.
Тсу'гана, точно не желая лезть дальше.
Брат-сержант для уверенности крепче
сжал болтер и провел бронированным
пальцем по символу огня, вытесненному на
полке. Пробормотав литанию защиты,
Тсу'ган открыл глаза и увидел, как
капеллан отошел от люка. Вход был
заперт и закрыт решеткой.

Тсу'ган дал знак Тиберону и Лазарю.
Те выступили вперед с активированными
крак-гранатами. Прикрыв с глухим
металлическим стуком взрывчатку, оба
Саламангра вернулись назад. Гонорий
встал перед ними, но пригнувшись и на

безопасном расстоянии. Тсү'ган прижался к стене. Он заметил, что капеллан сделал то же самое с противоположной стороны, на этот раз больше доверяя крепкому железу, чем своему розарию.

Когда отделение заняло позиции, рассыпавшись по обеим сторонам туннеля и уйдя с дороги ударной волны, Тсү'ган дал знак, проведя ладонью поперек горжета.

Цагон прицелился и сделал единственный выстрел в огнестрельных призматических крак-гранат. Мгновение спустя люк взорвался.

Волна дыма и огня хлестнула вдоль коридора, царапая осколками доспехи Саламангр.

Шагнув в грязное облако, капеллан Элизий первым вошел в помещение за люком. Тсү'ган следовал сразу за ним. Они вышли в подвал с перехваченными металлическими балками свода, тускло освещенный и проносящийся медью и железом. Стены были покрыты потеками ржавчины, похожей на кровь. Шипастые крючья, вделанные в металл, гудели от запечатленной болью. Изъеденные

ржавчиной кандалы безвольно болтались, точно висельники.

Это было место ужаса и смерти.

Скрип сервомоторов предвестил внезапное нападение квартета мерзительных дронов. Серолицые, с кожей, опутанной ярко-красными венами, автоматы походили, хотя и в искаженном варианте, на сервиторов с «Архимедес Рекса». Жалкие пародии вопили в тучениях, идя на незваных гостей, точно их тела продолжали испытывать боль от глубокой технотехники, с помощью которой их создали. Болевые синансы вспыхивали при каждом движении, поднимая жуткую ярость, лишь усиливающуюся от пролитой крови и разорванной плоти.

Раздутые от безобразных мышц, чудовищные упыри-дроны размерами походили на озринов. Они бросились на воина в черной броне, который внезапно появился среди них. Элизий, не обращая на них никакого внимания, устремился к закованной в железо фигуре, трудившейся над каким-то устройством в задней части

помещения и явно не обращающей
внимания на бой.

Тсү'ган видел только фрагменты
таинственного техника за фигурой
шагающего капеллана: серворука,
присоединенная к генератору на спине;
цвет грязной стали; желтые и черные
шевроны на доспехах; позолоченные поножи
с ржавчиной вокруг болтов; трубы и
кабели, извивающиеся, словно живые;
струи гидравлических газов, которые
шипели, точно ругаясь.

От этого существа исходило зло.
Каждый удар, сопровождавший его
непрерывную работу, был похож на удар
страшного сердца. Даже приблизившись,
Тсү'ган не мог сказать, над чем так
неистово трудится кузнец войны. Его
работу скрывали плотная тень и еще
более плотный кусок черного как уголь
пластика.

Слева от Тсү'гана полыхнул болтер ---
пырь-дрон разлетелся фонтаном масла и
внутренностей. Боевые братья
прикрывали брата-сержанта, пока тот
следовал по пятам за капелланом, зная,

что не может оставить Элизия один на один с кузнецом войны.

Еще один упырь-дрон вспыхнул, окутанный пламенем из огнемета Гонория. Его биологически нестабильное тело жутко съежилось от неистового жара. Мышцы спеклись и взорвались кроваво-красными фонтанами. Третий монстр тащил за собой обрезки зазубренной, как пила, цепи, торчащие из обрубка руки. Обжигающая желчь поднялась в горле Тсу'гана, когда он понял, что цепи на самом деле были сделаны частично из плоти, частично из сухожилий и частью зубьев была из человеческой кости. Взревел болтер, разорвав мерзкую тварь пополам, и Тсу'ган сокрушил ногой останки. Ударив четвертого, он отбросил тварь в сторону, стараясь не отстать от капеллана. Кровь и обугленное мясо покрывали госпехи Тсу'гана отбратительными брызгами. Не снижая скорости, Цагон вознал в череп упыря зарядом из болтера, взорвавшийся внутри и уничтоживший восьмиконечную звезду, выжженную на лице твари.

Все упыри были мертвы, но их дьявольский хозяин еще оставался жив.

Наконец кузнец войны, похоже, осознал грозящую опасность и потянулся за комбинированным телтаболтером, который лежал на верстаке сбоку. Выпустив дугу молнии из крозиуса, Элизий перебил пучок кабелей, соединяющих оружие с термоядерным генератором Железного Воина. Даже не моргнув, кузнец войны развернулся, явив пучку «Жнец», которая фортировалась в этот момент из частей его правой руки. Пока материализовывался глинный ствол, Железный Воин злобно буровил взглядом капеллана: раскаленная желтая полоса точно прожгла стотровую щель в угловатом шлеме, полностью закрывавшем голову кузнеца.

Элизий ударил еще раз, но кузнец войны отбил удар левой рукой --- бионической, так же как его ноги, конечностью: эта тварь была больше машиной, чем человеком. Заработали клапаны, выпускающая струйки газа --- в аугментикку пошла энергия. Рукой,

оканчивающейся острой как бритва
клешней, Железный Воин вспорол доспех
капеллана.

Охнув от боли, Элизий вскинул болт-
пистолет, но серворука, развернувшаяся из-
за правого наплечника кузнеца, точно змея,
метнулась вниз. Когда она схватила
запястье капеллана и медленно раздавила,
Элизий закричал. Все это время «Жнец»
неторопливо принимал очертания.
Коагулированная плоть и железо
сливались в твердый тусклый металл.
Образовывались внутренние механизмы,
жуткий штамп вируса облитератора
действовал быстро и всюду. Если
позволить оружию полностью
сформироваться и выстрелить, оно
превратит Саламангр в клочья мяса и
осколки доспехов.

Тсу'ган не мог этого допустить. Он
догнал Элизия и с ревом бросился
врукопашную. Разряжая обойму в тело
кузнеца войны, он наблюдал, как между
отрывистыми вспышками и грохотом
разрывных снарядов Железный Воин
дергается и вздрагивает от попаданий.

Странствования остановилась
необходимость самосохранения ненадолго
перевесила жажду убивать.

Серворука отпустила запястье
капеллана, Элизий пошатнулся и выронил
болт-пистолет.

Измочаленный
выстрелами Железный Воин рухнул на
спину, завывая от боли и ярости.
Металлический вой резонировал по
сводатам погвала. Было в нем что-то
древнее и потустороннее. В голове
Тсу'гана всплыли образы рваного металла
и вековой ржавчины. Брат-сержант, желая
довести дело до конца, вставил новый
магазин и собрался выпустить последний,
стертельный, выстрел, но Элизий его
остановил:

--- Стой!

В Тсу'гане кипела кровь -- он не
собирался уступать.

--- Предатель должен понести кару.

--- Стой. Если ты не подчинишься,
пощады не жди, -- резко заявил капеллан.
Темная жидкость струилась по нагруднику
Элизия. Когда его потнуло вперед,
жидкость потекла сильнее. Запястье

капеллана безвольно болталось, прижатое к боку.

— Опусти оружие, брат-сержант.

Затрудненный и хриплый тон Элизия тем не менее ясно давал понять, что это приказ. Капеллан погнулся к лежащему на навзничь кузнецу войны. Нагрудник Железного Воина был изуродован дырами и ожогами. Неподвижный, без сознания, кузнец войны был едва жив.

— Я хочу сначала спросить его, — прибавил капеллан, — и выяснить, что он знает об этой крепости, каковы его цели и что произошло с гарнизоном.

Тсуган отступил, слыша, как позади него Саламандры проверяют помещение.

Элизий произнес в устройство связи:

— Брат-капитан, прикажите спустить сюда огнеметы. Нужно очистить с этих стен порчу. — Капеллан почти выплюнул последнее слово.

— И мне понадобятся мои инструменты, — прибавил он. — У нас с пленником есть что обсудить.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Те, кто выжил...

В подземном поселении этих людей ощущалось что-то странно знакомое. Поселение было выстроено на комплексе разнообразных помещений разной высоты и глубины, чем-то напоминающих туннелы, вырытых в скале, хижинами, рабочими сараями из рифленого железа и оббитыми цилиндрическими трубами, присоединенными к нескольким более крупным помещениям. Самодельные постройки располагались одна над другой, точно срез какого-то допотопного мира. Из-под слоя сцементированных камней и десятилетиями, возможно — столетиями, въедавшейся грязи проглядывал голый металл и пластик, казавшийся неуместным здесь, как и одежда людей, что вели Дак'ира с боевыми братьями по главному проходу поселения.

Из полутрака жалких лачуг, из-за повороток и с крепких с виду вышек на гигантов в зеленых доспехах глядели

мужчины, женщины и дети. Как и бойцы Зоннара Улиага, они были одеты в грубую серую одежду, перелатанную и протертую от постоянного ношения. Некоторые стельчаки, а, может быть, глупцы стояли гордо и прямо, явно бросая вызов новоприбывшим. Дак'ур отметил, что держатся они большими группами и что стелость их не касается глаз, в которых таился страх, и, когда Саламангры проходили мимо, люди невольно подавались назад.

Окруженный по бокам бойцами Улиага, Дак'ур вновь подумал, как легко можно было бы одолеть этих людей и захватить поселение одним-единственным ударом. Младшие орденцы, те, что обожали кровопролитие и совсем не ценили жизни невинных, могли бы перебить тут всех. Саламангры же были выкованы из другого металла. Вулкан научил их быть решительными и стойкими перед лицом врага, но при этом поощрял чувство сострадания и долга в огнерожденных, чтобы они защищали тех, кто слабее.

Только теперь, глядя в испуганные

лица, проплывающие мимо, и размышляя
наг ситуацией, Дак'ур начал понимать
подоплеку решения Нуриила сдаться.
Капитулировав, Саламангры показали,
что не представляют угрозы -- или, по
крайней мере, не намерены ее
представлять. Гордые и, вполне возможно,
благородные люди Улиага могли облагаться
ключом к разгадке судьбы Вулкана и
значению Скории для притарха.
Саламангры никогда не узнали бы этого
при помощи угроз и давления, только по
доброй воле.

К сожалению, подобное прозрение
коснулось не всех братьев.

-- Сдаться без единого выстрела --
это не по-протетейски, -- бурчал Ба'кен.
Делал он это тихо, говоря в горжет, так
как шлем он снял, но зато явно выражал
недовольство одним своим видом.

-- Это не Ноктюрен, брат. -- Озвучив
упрек, Дак'ур толк, размышляя, так ли
это, если учесть, что Скория в самом деле
чрезвычайно походила на домашний мир
Саламангр. Даже поселение, похожее на
подземное убежище и выстроенное из

катня и металла, вызывало почти
атавистический отклик в душе. -- И мы не
узнаем то, что нам нужно, от этих людей,
если сгоряча устроил здесь расправу.

Он глянул на Нуриула в поисках
поддержки, но библиарий, казалось, не
обращал ни на что внимания, заткнувшись
в каком-то полутрансе и машинально
шагая мимо многочисленных жилищ и
производственных участков.

-- Но чтобы нас вели вот так вот,
как скот... -- пробормотал Ба'кен.

-- Я полагаю, что у нашего брата
задет воинский дух, сэр, -- предположил
Емек, который, похоже, заинтересовался
присутствием людей. Он скрупулезно
рассматривал каждую постройку, мимо
которой проходили Саламандры, и изучал
подземный народ, обитающий там.

Дак'ур слабо улыбнулся про себя.
Ба'кен был мудр, но еще он был
прирожденным воином, уроженцем
Фетиды, а племена, населяющие ее,
превыше всего ценили силу и воинскую
доблесть. И, несмотря на всю свою
мудрость, Ба'кен становился близоруким и

прямым, когда его публично унижали. В бою это была полезная черта, но в мирных условиях она больше граничила со вздорностью.

Ромул с Анионом держали язык за зубами, но их молчание можно было, пожалуй, принять за знак согласия с Ба'кеном.

— Проявите смирение, братья. Сейчас не время воевать, — предупредил Дак'ур, затем повернулся к Емеку и указал на сопровождающих. — Что ты о них можешь сказать?

— Смелые, — ответил тот, — и напуганные.

— Нати?

— Кем-то похожим на нас. Эти люди укрылись в темноте не без причины и остались здесь на многие годы. — Он прищурился, тон его стал более рассудительным. — Когда мы сняли шлемы, не похоже было, что их поразила или хотя бы ступила наша внешность.

Обитаемые жилища, эти псевдопещеры из камня и металла, начали редеть и совсем пропали, затем Уиаг

привел Саламандр еще к одному строению. Его очертания угрожающе проступили из мрака. Перед Саламандрами возвышались величественные, точнее, некогда величественные ворота, обрамленные витиеватыми узорами, почти скрытыми коркой въевшейся грязи. Ворота были похожи на пару усталых бронзовых стражей.

— Они могли видеть Саламандр прежде, — отважился предположить Дак'ур, не сумев скрыть трепет предчувствия. — А если они видели Саламандр, значит...

Голос Нуриила прервал его размышления:

— Подозреваю, что ответ находится внутри. — Библиарий указывал на бронзовые ворота.

За несколько метров от входа Улиаг знаком остановил процессию и прошел остаток пути один. Все это время тот, кого звали Акүтой, бдительно следил за Саламандрами, не убирая рук с лазгана.

Түлко ударив три раза прикладом в ворота, Улиаг отступил назад. Через

несколько секунд тишину нарушил
скрежет зубчатых колес: древний
механизм врат заработал. Из щелей
посыпалась пыль, потревоженная
нежданной активацией. Ворота с
содроганием разошлись, явив зев пустого
зала, тоже металлического и покрытого
сцементированным камнем, но с
крепкими стенами и контрфорсами и без
выходов.

— Ты собрался посадить нас под
замок, Зоннар Улиас? — поинтересовался
Дак'ур, стоя перед темницей, похожей на
пустой ангар.

— Пока не решу, друзья вы или враги, —
— да.

Услышав это, Ба'кен вышел вперед,
мышцы у него на шее вздулись, кулаки
сжались.

— С этим я справиться не могу. — Его
голос был угрожающе ровным.

Анион поддержал огнемечника:

— И я тоже, сэр.

Дак'ур повернулся к Ротулү:

— И ты того же мнения?

Саламандр кивнул, медленно и

невозмутимо.

Глядя пристально сверху на Улиага, Дак'ур понял, что время потакания людям подошло к концу. К чести своей, старик не отступил. Он не отрывал взгляда своих теплых темных глаз от Дак'ура, глядя на него снизу, точно ребенок на взрослого. Однако при этом он не казался униженным. Наоборот, это только придавало ему стати.

— Я согласен со своими братьями, — произнес Дак'ур.

Улиаг встретился с ним взглядом, кажется не уверенный, что делать дальше.

— Сколько жителей в вашей колонии, Улиаг? — спросил брат-сержант.

Акума поспешно выскочил вперед.

— Не говори им, Зоннар! — предупредил он. — Они хотят разузнать о наших силах и вернуться с большим числом. Нужно запереть их в темнице немедленно.

Улиаг посмотрел на своего заместителя, точно раздумывая над советом.

Ба'кен повернулся к Акуме, который

отступил перед громадным Саламандрой.

--- У как, маленький человек, ты намерен это сделать? --- пророкотал он.

Акума, защищаясь, вскинул лазган, но Ба'кен выхватил у него из рук оружие одним быстрым движением. В ответ вскинулось кольцо из лазганов --- охранники приготовились к драке. Саламандры не отреагировали без приказа.

Улиаг успокаивающе погнял руку, хотя Дак'ур ощутил, как забилося его сердце, и заметил дорожки пота на висках.

--- Чуть больше тысячи, --- ответил Улиаг, --- мужчин, женщин и детей.

--- Это поселение, которое вы создали для себя, когда-то было кораблем, так? --- спросил Дак'ур. Пока он говорил, части мозаики у него в голове укладывались на свои места.

Память у костогесантника фотографическая. Полезная способность, когда просматриваешь планы сражения или в дальней разведке изучаешь особенности местности или позиции врага. Сейчас Дак'ур активировал свою

безошибочную память, составляя точные
пиктографические воспоминания о
некоторых человеческих жилищах, мимо
которых они проходили, тех, где
выдавливаемый камень напелзал на
металл, постепенно скрывая его. Изучая в
уме подробности, прокручивая за
миллисекунды картинки в голове,
интерпретируя и анализируя, Дак'ур убрал
сцептившийся камень; залежи пыли
исчезали перед его мысленным взором,
открывая металлические коридоры,
казарменные помещения, вспомогательные
стратегические, настил палубы,
несуществующие подьезники, потухшие
пульты и прочие конструкции. Разбитый
на части, вынужденно разобранный -- это
тем не менее был корабль.

-- Он упал гавным-гавно, -- ответил
Шлиаг. -- Его реактор еще функционирует,
и мы используем его энергию, чтобы
получать тепло, очищать воздух и воду.
Намповые лампы продолжают светить
только благодаря термоядерной энергии.

-- А это -- зал для тренировочных
поединков? -- Дак'ур покинул строй и

подожел к раме взрывостойких дверей. Она
утонула в камне, точнее --- пещера выросла
вокруг нее. Дак'ур оторвал кусок камня,
пальцы латной перчатки скovyрнули
корку. Посыпались камешки и пыль, и
глазам открылся штамп, выплавленный
угловатым имперским шрифтом:

154-Й ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ

Дак'ур обменялся с Нурилом
многозначительным взглядом. Разбитый
остов, в котором человеческая колония
создала себе дом, некогда был сугном из
флота Великого крестового похода. Дак'ур
постарался не думать о последствиях,
которые могло принести это открытие.

--- Я не могу сказать наверняка, ---
ответил Улиаг. --- Все, что мы на самом
деле знает, --- это легенды, доставшиеся
от предков.

--- Зоннар, не надо... --- начал Акута, но
Улиаг нахмурился и резким жестом
заставил его затолчать.

--- Они могли перебить нас в туннеле
или в любом другом месте по дороге, ---

Сергито ответил он. Когда Улиаг снова повернулся к Дак'ур, раздражение его сменилось смирением.

Суматошный шум из туннеля за спиной не дал ему продолжить. На освещенное место выбежал мальчишка, в котором Дак'ур узнал Ба'кенова беглеца. Снова встретив бронированных гигантов, тот слегка вильнул в сторону -- Ба'кен, казалось, расслабился, увидев его, -- и остановился, тяжело дыша.

-- Хитиновые, -- прохрипел он, проталкивая слова между глотками воздуха и уперев руки в бедра, чтобы успокоиться.

-- Где, Валин? -- спросил Улиаг, тревожно хмурясь.

Мальчишка, Валин, нервно оглянулся назад.

-- В поселении. -- Глаза Валина, широко раскрытые от ужаса, наполнились слезами. -- Мой папа...

Из коридора донеслись резкие щелчки лазганов.

Затем раздался крик.

-- У них нет ни единого шанса, --

сказал Емек, понизив голос.

Лица Дак'ура окаменело, когда он взглянул в полумрак за нити.

--- Тогда, именем Вулкана, мы уравниаем силы.

--- Мы сражается с хитиновыми чудищами многие поколения, --- сердито бурчал Акута, кося на воинов в зеленой броне, бегущих рядом. --- Зачем они нам?

--- Вряд ли мы сможем им запретить, даже если захотим, Акута, --- отозвался Улиаг.

Дак'ур заметил, как потрачнело лицо старика при звуках бойни впереди. Саламангр ощутил его боль, и в нем вскипел гнев при мысли о страданиях поселенцев. Сильные всегда будут охотиться на слабых. Дак'ур вспомнил слова Фүгиса, сказанные много месяцев назад у Свода Памяти в Гесиоге. Слова, которыми он ответил тогда апотекарию, сошли сейчас с его губ, точно катехизис:

--- Если только сильные не вступятся за слабых и не возьмут их под свою защиту.

Емек глянул на сержанта. Они приближались к незримой границе поселения. Треск лазерных выстрелов и глухие хлопки огнестрельного оружия походили на нестройный аккомпанемент к пронзительному вою ужаса, который становился все сильнее и пронзительнее.

--- Что вы сказали, сэр?

Дак'ур, не отводя взгляда от дороги впереди, ответил:

--- Мы обязаны спасти этих людей, брат. Мы обязаны их спасти.

Когда они преодолели последние несколько метров, неожиданно раздался голос Акумы. Тот обращался к своим бойцам:

--- Как только доберется до поселения, разбивается на группы. Окружает тварей и целит в глаза --- между пластинами. Ни один хитиновый не... --- Слова затерли у Акумы на устах, когда бойцы выскочили на открытое пространство и увидели свой дом.

Хитиновые сплошной массой лезли из проломленных дыр и утаскивали с собой вопящих поселенцев. Окровавленные тела,

разорванные клешнями, искромсанные
острейшими жвалами, валялись на земле
и у входов в некогда мирные жилища,
словно куски мяса в лавке мясника. Среди
мертвых были и женщины, и дети — не
только вооруженные мужчины. Некоторые
тела были изуродованы так, что трудно
было определить пол и возраст.

Пещеру неожиданно тряхнуло, сбросив
с крыши хижины мужчину, который
стрелял оттуда, тщательно
прицеливаясь. Он упал навзничь и
закричал, когда на него с неожиданной
прытью набросился хитиновый. Тварь
щелчком клешни перерубила торс
мужчины — и крик резко оборвался.
Вместо мужчины на крыше появилась
женщина с гробовиком в руках, которая
сумела удержаться наверху. Торопливо
пробравшись на его место, она начала
стрелять.

Двое мужчин и тощий подросток
отбивались от хитинового глиняными
шипастыми кольями. Вереща, тварь
опрокинулась: из пробитого брюха
выплескивалась серая густая кровь.

Радость победы оказалась недолгой: двое хитиновых заняли место первого, один задавил человека с колом своей массой, второй щелчком клешни вырвал большой кусок мяса из другого. Подросток в ужасе ринулся прочь и пропал из виду среди отчаянной свалки.

Женщина, выставив сигнальный факел наподобие копья, тыкала им в глаза хитиновому, который натеревался сожрать ее и двух детей, которых она защищала. Факел, как и жизнь ее и детей, постепенно догорал.

Вокруг повсюду сражались люди. Некоторые были вооружены лишь копьями или плохонькими, бесполезными ружьями, их было намного меньше, чем врагов, но это были их дома, их семьи — и люди продолжали сражаться, невзирая ни на что.

— Так много я никогда не видел... — выдохнул Улиаг и споткнулся: еще один толчок прокатился по пещере, с потолка посыпались камни и пыль. С каждым толчком хитиновых становилось все больше и больше, они лезли из своих дыр,

точно крысы. --- Их, должно быть, расстреливали землетрясения.

--- Может быть. Или их что-то влечет сюда, --- мрачно буркнул Дак'ур. --- Или, а я забираю свое оружие назад немедленно.

Старик махнул Акүте, который нес в тяжелом рюкзаке ценной меч и пистолет Дак'ура. Тот проворно раскрыл рюкзак и с завистью вернул оружие Саламангру.

Дак'ур угрюмо поблагодарил его кивком, проверил, как лежат в руках пистолет и клинок, затем повернулся к своим братьям:

--- Сохранить человеческие жизни --- сейчас главное. Делайте все возможное, чтобы защитить колонистов. Во имя Вулкана!

Дак'ур вскинул ценной меч, старинные зубья оружия тускло блеснули, точно радуясь грядущему кровопролитию.

--- В платя битвы! --- взревел Саламангр, первым ринувшись в атаку.

--- На наковальню войны! --- как один откликнулись боевые братья.

— Это место провоняло смертью, —
сердито заметил Тиберон, шаря в
обломках инструментов кузнеца войны.

Пленного Железного Воина увели.
Упырей-гронов убрали тоже — и сожгли на
тех же дытных кострах, что и мертвый
гарнизон Железных Воинов.

Капеллан Элизий уже ушел,
возвращаясь к своим обязанностям. Тсу'ган
со своим отделением остался.

Очередная струя пламени осветила
внешний коридор: Гонорий и его братья
продолжали очищать стены и ниши, среди
которых Тсу'ган и его воины едва не нашли
свою смерть. Очищение огнем заставляло
голоса затихать, но не поглощало их
полностью. Брат-сержант был рад, что
пробудет здесь недолго. Он получил
задание обыскать обломки и найти все,
что сможет пролить свет на причину
присутствия на Скории Железных Воинов,
а также — охранять технодесантника
Дрейдия.

Агента механикусов прислали с
«Гнева Вулкана» по распоряжению Н'келна
и с согласия магистра Аргоса, чтобы он

осмотрел устройство, над которым так увлеченно трудился кузнец войны. Это была пушка, изготовленная из темного металла, с длинным, телескопическим стволом, направленным во взрывостойкий люк в потолке. Орудие явно поднимали в боевое положение при помощи пневматического подъёмника, который был спрятан в металлических плитах пола. Однако, куда орудие должно было выстрелить, оставалось загадкой.

Тсу'ган, который разбирался в артиллерии, сравнил бы эту пушку с «Сотрясателем», самым популярным орудием в полках Имперской Гвардии. Не многим орденат Астартес требовались подобные орудия, предназначенные для стационарного обстрела. Ударные крейсера и десантно-штурмовые «Грозовые ястребы» обеспечивали всю необходимую дальнобойную огневую поддержку, какая требовалась армии Космогосанта. Хирургически точные удары, стремительные и смертоносные, — таковы методы ведения войны Астартес. Упорные, перемалывающие все артобстрелы

противоречили Кодексу, но, с другой стороны, Железные Воины не следовали этой книге. Тсу'ган знал достаточно об этом легионе-предателе и был знаком с их привычкой использовать дальнобойную артиллерию. Мастера осад, сыны Пертүрабо предпочитали пользоваться подобным вооружением, чтобы сокрушить врага издалека, а затем подойти и нанести завершающий удар.

Только трусы боятся напасть и прикончить врага, прежде чем тот будет разбит. Ненависть Тсу'гана к Железным Воинам стала еще глубже.

— Здешний воздух пропитан не только смертью, — отозвался брат Лазарь с явным отвращением.

Тсу'ган нахмурился.

— Я чувствую запах кордита и серы.

И было еще что-то. Запах неуловимо напоминал об одном месте, которое Тсу'ган предпочел бы никогда не посещать снова.

— Сюда, милорд, — позвал Цагон с другой стороны зала. — Я, кажется, что-то нашел.

Тсү'ган подошел и опустился на колени рядом с присевшим рядовым, который указывал на темное пятно, выжженное на полу.

--- Металл спекся, --- сообщил Цагон, когда брат-сержант провел по краю пятна пальцем. --- Чтобы такое сделать, нужно огромное количество тепла.

--- Выглядит гавнишним, --- вслух подумал Тсү'ган, --- и похоже на отпечаток подошвы. Что это? --- прибавил он, мазнув пальцем по каким-то хлопьям. Затем попробовал палец на вкус и сторщился. --- Окалина. --- Тсү'ган нахмурился. --- Железные Воины --- не единственные предатели на Скории.

Голос технодесантника Дрейдия прервал размышления Тсү'гана.

--- У этой пушки нет ни снарядов, ни других каких-то боеприпасов, --- сказал он, ни к кому особенно не обращаясь. --- Она питается от небольшого термоядерного реактора.

--- Ядерная? --- спросил Тиберон, который стоял ближе всех к технодесантнику.

Тот покачал головой:

--- Нет. Больше похоже на преобразование энергии. Я обнаружил несколько емкостей, содержащих следы мелкого порошка, о котором мне ничего не известно.

Тсу'ган поднял голову. Ощущение опасности, которым был пропитан нижний уровень крепости, так и не исчезло.

--- Возьми образец, но поторопись, брат. --- Огненная вспышка от зачистки, которая продолжалась снаружи помещения, отбросила призрачную тень на половину лица сержанта. --- Я не желаю оставаться здесь ни секунды дольше необходимого.

С кончиков пальцев Пурилла сорвались ослепительные дуги блистающего огня. Огонь на мгновение осветил пещеру, отбросив серые тени, и прожег рваную дыру в приближающемся хитиновом. Масса ксеносов, накатывающая на человеческое поселение, отреагировала на внезапно возникшую угрозу. Твари затешились, теряясь перед лицом такой ярости. Поселенцы же,

наоборот, оживились, угловив усилия, когда искры надежды превратились в пламя.

Удар клеши пришелся в нагрудник, оставив на керамике рваную борозду. Дак'ур сделал резкий выпад и вознамеренной меч по самую рукоять в бездонно-черный глаз твари. Когда он вырвал оружие, хитиновое чудище заверещало. Из опустевшей глазницы ударил фонтан жидкости, окатив доспехи Дак'ура. Саламандр вошел под купол смертоносных лап, отмахиваясь от ударов, сыплющихся со всех сторон, пока наконец не срубил чавкающие жвалы и не погрузил скользкий от крови меч в крошечный мозг чудища. Согрогаясь, тварь опрокинулась назад и сдохла. Дак'ур оттолкнулся ногой от жесткого панциря, перескочил через мертвого хитинового, чьи насекомьи лапы еще конвульсивно подергивались, и бросился на нового врага.

Мальчишка Валин снова бежал.

Он отправился следом за Улиагом и его бойцами, когда Саламандры бросились в атаку, и теперь оказался в самой гуще боя. Сжатая лопату в трясущихся руках,

Он толкнулся лицом к лицу с хитиновым.
Жадно щелкая блестящими от крови
жвалами, тварь кинулась к нему. Валин
отступил назад, но неожиданно уперся
спиной в стену хижины. Отступить
дальше было некуда. По лицу Валина
покатились слезы, но он отважно держал
лопату перед собой. Подавшись назад,
хитиновый защелкал, видимо от
предвкушения, но тут между ним и его
жертвой вклинилась бронированная туша.

— Держись за мной! — крикнул Ба'кен.
Он хрипел от натуги, удерживая клешни,
которыми тварь молотила его.
Саламандр не хотел рискнуть
воспользоваться тяжелым огнеметом.
Огонь мог превратить в факел и
малышку. Поэтому Ба'кен сунул оружие
в чехол на спине и бросился врукопашную.
Напрягнув спину, расставив ноги в позе
штангиста, огромный Саламандр что
есть сил толкнул тварь назад. Та
заскользила, оставляя борозды в грязи,
тщетно перебирая задними ногами,
пытаясь удержать равновесие.

Горячая слюна капала со жвал твари.

пытающейся вцепиться Ба'кену в лицо. Найдя точку опоры, хитиновый уперся и рванул вперед. Его туша оказалась совсем рядом с Саламандром. Ба'кен сердито нахмурился, когда его окатило волной отвратительного запаха сырости и прелой земли. Хитиновый решил цапнуть его снова, стремясь откусить Саламандру лицо, но Ба'кен выплюнул струю кислоты и обжег тварь. Тоненько пища, хитиновый свернул жвалы и втянул их в обожженную пасть.

Чудище было крепким, большим и тяжелым, как танк. Ба'кен чувствовал, что сдает, и взревел, пытаясь разбудить внутренние резервы. Второе сердце неистово перекачивало кровь, тело вошло в усиленный боевой режим, резко прибавив сил мышцам.

--- Ксеносовское отродье! --- со злостью выругался он, черная силы в своей ненависти.

Слева появился второй хитиновый, который только что закончил глотать труп поселенца. Саламандр увидел, как тварь засеменила к нему.

Без оружія он не мог сражаться с
обоими сразу.

Из пасти второго хитинового
вывалилось изуродованное, полусъеденное
тело поселенца. Шагая прямо по нему, так
что под весом твари захрустели кости,
хитиновый бросился на Ба'кена.

Наперерез ему кинулся Валин. Он
бешено размахивал лопатой в тщетной
попытке задержать чудище.

Лицо Ба'кена исказил ужас.

--- Беги! --- познал он мальчишку. ---
Прячься!

Валин не послушался. Он отважно
стоял перед огромным хитиновым,
стараясь защитить своего спасителя, как
тот защищал его.

--- Нет! --- обезумев, заорал Ба'кен.

Хитиновый навис над своей жертвой.

Внезапно бок твари пропороли
разрывные снаряды, отрывая куски панциря
и пробивая дыры в плоти. Сила болтерных
выстрелов развернула хитинового.
Заверещав, тварь обтякла, извергая из
разбитой пасти серую слякоть, и
неподвижно затерла.

Анион придвинулся ближе и добил тварь, выпустив очередь во вжавшуюся голову. Рядом с ним появился Емек, из сопла его огнемета вился дымок.

--- Жги и очищай! --- взревел он. --- Пригнись, брат!

Титаническим усилием Ба'кен отпихнул тварь. Туша откатилась назад, Саламандр присел, и струя пылающего прометия пронеслась у него над головой.

Ба'кен ощутил на шее жар, не удержался и глянул на пламя, пожирающее хитинового. Глаза Саламандра действительно сверкнули. Тварь горела. Рев огнемета заглушил ее предсмертный визг.

Ба'кен зло глянул на чудище, отцепил свой тяжелый огнемет, развернулся и выпустил струю пламени в шатающегося хитинового. Затем тяжело протопал к хижине, заглянул внутрь и увидел нескольких поселенцев, скорчившихся внутри. При неожиданном появлении Саламандра они отпрянули.

Ба'кен успокаивающе выставил лапоть.

--- Не бойтесь. --- Голос его гудко

зарезонировал в металлическом помещении. Затем Саламангр повернулся к Валину. — Уди сюда.

Мальчишка повиновался и, прижимая лопату к груди, штыгнул внутрь. Ба'кенг закрыл за ним жестяную дверь, надеясь, что так они будут хоть в какой-то безопасности.

Война вдалеке звала. Воинский гух Ба'кена откликнулся на зов, и Саламангр бросился в бой, паля из огнемета.

Саламангры побеждали. Отовсюду слышалось тяжелое «түнк-түг» болтеров. Шквал снарядов разносил хитиновых в клочья, разъяренные поселенцы догоняли и добивали раненых тварей.

Улиаг, во главе своих бойцов, с Акүтой рядом, бесстрашно отгонял тварей четкими лазерными залпами. Поселенцы не могли похвастаться смертоносностью и мощью Астартес, но тем не менее сумели уложить немало ксеносов.

Против объединенной мощи Астартес и хорошо обученных бойцов Улиага хитиновых хватило ненадолго. Не ждавшие встречи с таким непоколебимым

противником, как Саламандры, остатки
орды, окровавленные и избитые, сбежали в
свои дыры.

Дак'ур, стирая серую кровь с
выключенного меча, увидел, как Акута
плюнул в одну из дыр. На лице зрителя
было написано неизгладимое выражение
ярости. Но когда тот перевел взгляд на
разоренное поселение, ярость его сменялась
отчаянием.

Главный проход был залит кровью,
хижины лежали в руинах, раздавленные,
разнесенные на куски. Пока Улиаг собирал
отряды, чтобы обрушить дыры при
помощи взрывчатки, свою скорбную песню
затянули раненые и скорбящие по
мертвым. Плачущие дети, многие из
которых теперь стали сиротами,
добавили свои голоса к горестному хору.

В атаке хитиновых poleglo сто
пятьдесят четыре человека. Не все из них
были мужчинами, не все были вооружены.
Еще тридцать восемь не смогут
оправиться от ран. Почти пятую часть
населения выбило одним ударом.

Саламандры молча помогали убирать

мертвых.

В какой-то момент Дак'ур заметил, как брат Анион опустошенно смотрит на женщину, вцепившуюся в своего убитого мужа. Она никак не хотела его отпустить, когда Саламандр попытался забрать тело и возложить на растущие погребальные костры. В конце концов, заливаясь слезами, она уступила.

Когда принесли и уложили последнего погибшего, Улиас зажег сигнальный факел и поджег погребальные костры. Дак'ур, наблюдая, как горят тела и дым завивается кверху, сиротливо убегая в природный дымоход в потолке пещеры, нашел этот обычай знакомым. Место кремации уже было черным, в углах скопились копоть и сажа.

Валин тоже присутствовал на церемонии. Он подошел к Ба'кену, который мрачно наблюдал, стоя рядом со своими братьями, протянул руку к массивному воину и спросил:

--- Ты огненный ангел?

Ба'кен, который был почти в три раза выше мальчишки, с удивлением

ощутил внезапный наплыв чувств, когда
ладонь Валина легла на его наголенник.
Наверное, мальчик хотел удостовериться,
что воин реален.

Отчасти Ба'кен был глубоко
опечален мыслью, что этот невинный
ребенок познал что-то из ужасов
Галактики, но еще он был тронут: Валин
не был космогесантником, он не носил
силовые доспехи и священный болтер, у
него даже не было лазгана или ружья. У
него была только лопата, но ему хватило
мужества преградить хитиновому путь и
не сбежать.

Ба'кен обнаружил, что ответ дается
ему с трудом.

Вместо него заговорил Дак'ур, но
обратился он не к мальчику, а к Улиагу:

— Что он имел в виду, говоря
«огненный ангел»?

На лице Улиага появилось выражение
устиренности. Морщины у него на лбу,
казалось, стали еще глубже в отсветах
погребальных костров, на глаза легла
непроницаемая тень. Он вдруг показался
очень старым.

--- Я должен показать тебе кое-что, Хазон Дак'ур. Ты пойдешь со мной?

После секундного размышления Дак'ур кивнул. Возможно, наконец настало время узнать правду о том, зачем Саламангры были посланы сюда.

Пирил выступил вперед, показывая, что идет с ними.

--- Ба'кен, --- окликнул Дак'ур, повернувшись к массивному воину, который еще стоял обескураженно перед мальчиком, но сумел поднять голову.

--- Брат-сержант?

--- Остаешься за старшего в мое отсутствие. Постарайся установить связь с «Гневом Вулкана» и сержантом Агатоном, если сможешь. Хотя сомневаюсь, что сигнал пройдет сквозь весь этот камень.

--- Не думай, что нам нужна ваша защита, --- огрызнулся Акута, услышав их разговор.

Ба'кен повернулся к нему.

--- Ты упрям, человек, --- грозно проорочтал он, хотя взгляд его выдал восхищение гордостью и неистребимым

дүхөм Акүмү. --- Но это решать не тебе.

Акүмү проворчал что-то и отступил.

Дак'ур проверил заряд в плазменном пистолете, убедился, что ценной меч надежно закреплен, затем положил руку на плечо Ба'кенү, нагнулся к его уху и тихо сказал:

--- Побереги их за меня.

--- Хорошо, сержант, --- ответил Ба'кен, не отрывая взгляда от упрямого смотрителя. --- Во имя Вүлкана.

--- Во имя Вүлкана, --- эхом откликнулся Дак'ур и отправился вместе с Нириилом вслед за Улиагом, который повел их прочь от огня и гора.

Ангелы и чужовища

Улиас привел их по извилистому пути через туннель обратно к взрывостойким дверям массивного зала, в котором они уже побывали. Покрытый бронзой вход был снова закрыт, его древний механизм включился, как только они ушли, чтобы принять участие в битве.

Дак'ур, в молчании взирая на врата, вспомнил, что сказал Пуриил раньше. Библиарий, стоявший рядом, был, как обычно, непроницаем.

Ответ находится внутри.

Улиас вновь открыл врата и на этот раз шагнул внутрь, не оглянувшись, чтобы проверить, идут ли за ним Саламандры.

Дак'ур перешагнул порог первым, слегка настороженно. Но с другой стороны порога он увидел лишь огромное и пустое помещение. Он заметил, как Улиас подошел к стене и начал счищать корку пыли и въевшейся грязи. Постепенно стали проявляться картинки, не сильно

отличающиеся от наскальных рисунков, но
вырезанные прямо в голот металле.
Изображения были грубыми, но когда
Дак'ур, которого неодолимо потянуло к
ним, подошел, то различил знакомые
фигуры. Он увидел звезды и
металлических гигантов, облаченных в
зеленые доспехи. Люди были изображены
тоже — они покидали разбившийся корабль
размером с город. Языки огня были
запечатлены яркими оранжевыми и
красным красками. В каждой последующей
истории корабль постепенно поглощала
земля, засыпая его неплот и камнями.
Затем появились чудища — история
колонии разворачивалась в картинках,
покрывающих массивные стены. Сначала
пошли хитиновые: их легко было
отличить по громоздкому панцирю и
клешням, затем появилось нечто другое:
грубые, широкоплечие фигуры с темной
кожей и клыками. На картинке люди
бежали от них, а металлические гиганты
защищали людей.

— Как вы выжили здесь внизу так
долго, Улиаг? — Голос Дак'ура отразился

от стен, нарушив тишину.

Улиас на минуту перестал счищать пыль со старинных преданий колонии.

--- На Скории есть глубокие рудные жилы. Файрон, так называют это место.

--- Он вытер пот со лба. --- Мы копаем руду уже многие поколения. Наши предки в мудрости своей поняли, что руда горит. Ее можно использовать в качестве топлива для реактора, чтобы подзаряжать оружие и поддерживать наш образ жизни таким, какой он есть. --- Улиас помрачнел. --- Так было многие века, как рассказывают легенды.

Дак'ур указал на рисунки:

--- Это ваши легенды?

--- Были на первых порах, --- признался Улиас и зашел с другой стороны. --- Скория --- враждебное место. Наша колония невелика. В каждом поколении есть тот, в чьи обязанности входит запись истории этого поколения в журнал, но годы становления колонии по большей части изображены на этих стенах. Когда-то давно эта обязанность досталась моему деду, который затем передал ее мне, после

того как его сын, мой отец, погиб под
завалом. — Улиас помолчал, словно
взвешивая то, что должен сказать
дальше. — Тысячи лет назад мои предки
прибыли на Скорию, потерпев крушение на
корабле, который прилетел со звезд. Мы
были не огни. Вместе с нами прибыли
гиганты, облаченные в зеленую броню.
Большинство тех, кто сейчас живет, не
помнят, кем они были. Их называют
«огненными ангелами», потому что
говорят, что они были рождены из сердца
горы. Вот почему Валин назвал так
твоего воина.

Дак'ур переглянулся с Нурилом, и
тот в ответ слегка раскрыл глаза.
Огнерожденные.

Улиас продолжил:

— После того как мои предки
потерпели крушение, огненные ангелы
пытались вернуться к звездам. Наша
история умалчивает зачем. Но их корабль
погиб, и страшные бури окутали планету.
Те, кто решился отправиться сквозь них
на талых кораблях, не вернулись. Другие
остались с нами.

--- Что случилось с теми другими
огненными ангелами? --- спросил Дак'ир.

Лицо Улиага стало печальным.

--- Они были нашими защитниками, ---
начал он просто. --- Затем появился черный
камень, и все изменилось. Это случилось за
тысячи лет до моего рождения.
Звероподобные твари, похожие на
клыкастых свиней, получавших от войны
удовольствие, спустились на Скорую в кое-
как слепленных кораблях, которые
извергал черный камень. Он затмил
солнце, и в наступившей темноте свиньи
совершили посадку. В легендах говорится,
что огненные ангелы отогнали их, но им
пришлось заплатить за это. Через каждые
несколько дней свиньи возвращались, все
большей и большей оргой. Каждый раз
огненные ангелы выходили им навстречу, и
каждый раз они одерживали победу, но
возвращалось их все меньше и меньше. Их
число неумолимо таяло, они гибли один за
другим, пока последний из них не ушел
вместе с моими предками под землю,
чтобы остаться здесь жить. Последний
огненный ангел поклялся защищать моих

предков и передать историю о нем и его
воинах, если ему подобные когда-нибудь
вернутся на Скорую.

Прошли годы, судьба этого последнего
огненного ангела затерялась в истории, и
воины со звезд остались лишь в памяти...
до сегоднешнего дня.

После этого мы не выходили на
поверхность. Скорая превратилась в
безжизненную пустыню, населенную лишь
призраками. Свиньи не возвращались. Кое-
кто говорил: потому что не с кем стало
здесь позабавиться.

Дак'ур хмурился, внимательно
слушая историю Улиага.

--- Значит, вы жили так... тысячи
лет?

--- До того, что случилось несколько
лет назад, --- да, --- ответил Улиаг. ---
Штормы, губившие нашу планету,
рассеялись без видимых причин. Вскоре
после этого явились железные люди. ---
Вспомнив об этом, Улиаг помрачнел.

--- Железные люди? --- переспросил
Дак'ур, хотя уже догадался, о ком говорит
Улиаг.

— Они пришли со звезд, как и вы. Решив, что они сродни огненным ангелам, я возглавил делегацию, чтобы поприветствовать их. — Улиаг замолчал и глубоко вдохнул, чтобы успокоиться и собраться с мыслями. — К сожалению, я ошибся. Они постылись нас нашими мольбами и обратили против нас свое оружие. В той боине погибли жена и сын Акуты. Вот почему он так не доверяет вам. Для него вы все на одно лицо.

— Ты сказал, что возглавил делегацию, Улиаг. Как ты сбежал от железных людей? — спросил Дак'ур, стараясь выведать все, что Улиаг знал о Железных Воинах и их силах, ибо не было сомнений, что бойню устроили сыны Пертүрабо.

Улиаг опустил голову.

— Стыдно признаться, но я побежал, как все остальные. Они не гнались за нами, и те, кто избежал их оружия, остались в живых. После этого мы стали следить за ними через тайные отверстия, пробуренные глубоко под землей.

Дак'ур вспомнил ощущение, что за

ним следили, на месте крушения «Гнева Вулкана», и решил, что это, должно быть, был Улиаг или кто-то из его людей.

--- Они построили крепость, --- продолжил Улиаг.

--- Наши братья видели ее в пепельных дюнах, --- сообщил Дак'ур.

Улиаг облизнул губы, точно сточив, чтобы слова не застревали в глотке.

--- Поначалу мы внимательно следили, как вырастают стены и башни, --- сказал он. --- Но те, кто вел наблюдение, начали вести себя странно. Двое покончили с жизнью, и после этого я положил конец наблюдениям.

--- Твои люди поддались порче Хаоса, --- строго произнес Нуриил.

Улиаг явно удивился.

--- Ты знаешь, чем занимаются железные люди в крепости? --- спросил Дак'ур в наступившем молчании.

--- Нет, --- решительно заявил Улиаг. --- Но мы встретили их снова, на этот раз в шахте, где обычно добывали файроновую руду. Дальше их часовых мы никогда не заходили, и хотя они наверняка знали о

нашем присутствии, убивать нас не стали.

Вмешался вкрадчивый голос Нуриилаз. --- Они явились за рудой и забурились глубоко, чтобы ее найти. --- Библиарий обратил холодный взор на человека. Улиаг, несмотря на все свое мужество и явное присутствие духа, подался назад. --- Где эта шахта? --- спросил Нуриил. --- Мы должны сообщить об этом нашим братьям.

--- Я могу вас туда отвести, --- ответил Улиаг, --- но сюда я вас привел не за этим. Легенды об огненных ангелах --- это просто сказки, чтобы предостеречь детей и успокоить глупцов. Только я один знаю правду. --- Улиаг обратился к Дак'ируз. --- Ты не первый огненный ангел, которого я видел. Среди нас есть еще один --- живой.

Это привлекло внимание Салатангр. Все мысли о шахте и Железных Воинах внезапно потеряли всякое значение.

--- Обязанность записывать нашу историю была не единственным, что передал мне дед, --- сказал Улиаг и пошел к задней части зала.

Дак'ур глянул на Нуриила, но взгляда библиария был прикован к человеку.

--- Ждите там! --- крикнул Улиаг,ковыряясь у покрытой густым слоем пыли панели на гальней стене.

Дак'ур увидел тусклые вспышки высвечивающихся значков, которые нажимал по очереди Улиаг. По залу прокатился низкий рокот, и на мгновение сержант решил, что это снова грозит земля. Это и была дрожь, только вызвало ее не хрупкое ядро Скории. Дрожь шла от боковой стены.

Отступив на шаг, Саламангры увидели, как на покрытом грязью металле появилась бороздка, из которой посыпались струйки пыли. Проявились очертания входа, и он с шипением раскрылся. Из темного помещения за ним дохнуло старым, спертым воздухом.

--- Пока дед не показал мне это место, я думал, что огненные ангелы --- просто сказка. Теперь я знаю, что они вполне реальны и зовутся по-другому, --- сказал Улиаг, подойдя к костодесантникам. --- Я уже стар и передаю наследие своих предков

вам, Саламангры Вулкана.

Капеллан Элизий никогда не тарашил своих латных перчаток во время дознания. На этот счет он был брезглив почти до неустойчивости. Этот Астартес знал, как причинять боль — страдания глубокие и всепоглощающие, но в то же время не оставляющие ни единой отметины, кроме той, что останется в душе жертвы.

Глядя на полураздетого кузнеца войны в мерцающем полутраке катеры, Тсу'ган подумал, что Элизий, пожалуй, сумеет вырвать признание даже у одного из порченных.

После скоротечного боя в пыточной катере, совмещенной с мастерской, — а Тсу'ган был уверен, что подвал объединял в себе и то и другое, — кузнеца войны в полубессознательном состоянии вытащили наверх и заперли в пустой катере на верхнем этаже. Там он и лежал сейчас, прикованный к железной лавке, истекая кровью из ран, нанесенных сержантом Саламангр.

Инструменты, которые потребовал

капеллан, включали в себя парурхирургеонов-гознавателей, которых Элизий хранил в инструментальных шкафах «Огненной наковальни». Создания эти --- сервиторы-пыточники --- вышли из своего металлического сна, раскрываясь, точно зазубренные лезвия ножей. Тонкие и причудливые механогендриты гознавателей были превращены в набор неприятно выглядевших устройств --- экскруциаторов, предназначенных для причинения максимальной боли. Элизий частично сам приложил руку к конструкции сервиторов, --- во всяком случае, он взял их из запасов механикусов и модифицировал под собственные нужды.

--- Эта резня настолько необходима? --- спросил наблюдавший из сутрака Н'келн.

После сражения за крепость и едва не случившейся гибели боевого звена Тсу'гана в катакомбах число сторонников капитана уменьшилось еще сильнее. Хотя никто этого не говорил в открытую, но к его катастрофическому командованию у ворот железной крепости теперь относились еще более критически. Тсу'ган

чувствовал, как растет волна недовольства, в то время как его собственные позиции сильно окрепли, особенно в глазах ветерана-сержанта Претора. Огненный Элий уже несколько раз похвалил брата-сержанта за доблесть и оперативное искусство. Ни у кого не было сомнений, что именно Тсу'ган превратил новые стерти и восстановил паритет в бою.

— Я могу сломать его, брат-капитан, — ответил Элизий. Капеллан держался позади, искусно направляя своих хирургеонов-дознавателей.

— Ты его уже о чем-нибудь спрашивал, брат-капеллан? — поинтересовался Н'келн.

Бионическую руку кузнеца войны отсоединили с большой потерей крови и разобрали. Правую руку отрезали и прижгли рану, чтобы Железный Воин не потерял сознания от кровопотери. Чтобы не смог морфировать оружие из своей плоти. На лишенном доспехов теле были видны повреждения, которые нанес ему Тсу'ган: частые пятна рубцов и фиолетовых синяков. Элизий позволил

оставить Железному Воину шлем, ибо считал, что никто не должен видеть лик предателя. Пусть позорно прячет его.

— Я как раз собирался, — прошипел капеллан, слегка напрягшись от назойливости капитана. Подчинившись беззвучному приказу Элизия, хирурги-наблюдатели отошли, убрав свои лезвия, провода и горелки. На Тсу'гана и остальных наблюдателей, в числе которых были капитан Н'келн и брат Цагон, пахнуло вонью горелого мяса и застарелой меди.

Заместитель Тсу'гана попросил разрешения понаблюдать за работой капеллана. Большинство в роте, как Н'келн к примеру, находили методы Элизия отвратительными, в то же время признавая их необходимость. Но Цагон, похоже, отвратительными их не считал, и Тсу'ган, не видя причин для отказа, разрешил боевому брату присутствовать.

Тень капеллана накрыла предателя, точно погребальный саван.

— Что конкретно ты собирал в

подвале? — спросил он без обиняков.

Тщательно выжженный подвал снова заперли после того, как технодесантники Дрейдиги осмотрели там все. Он пока не сумел определить точную природу оружия.

Нечто необъяснимое и злое пряталось в темноте у них под ногами. Тсу'ган чувствовал его все время, пока был внизу, и не горел желанием новой встречи. Не раз уже он подавлял порыв достать боевой нож и прижать к коже. Он понимал, что, какая бы злобная сила ни таилась на нижних этажах крепости, она питалась его чувством вины и проявлением этого чувства в виде пагубного пристрастия к мазохизму.

Загумчивость Тсу'гана прервал хохот Железного Воина. Пустой металлический стех отразился от стен тесной камеры, точно нестройные удары колокола.

— А на что это, по-твоему, похоже, прихвостень лжеимператора?

Короткое движение пальцев Элизия вывело одного хирурга-дознавателя вперед. Что-то произошло, скрытое за телом сервитора, и Железный Воин

согрознулся и крякнул.

--- Еще, --- приказал вполголоса капеллан. Затем тишина --- и снова Железный Воин согрознулся. От его кожи пошел дым, хотя Тсу'ган не увидел откуда. Железный Воин снова захохотал. Но в этот раз он хохотал сквозь боль, а когда заговорил, голос его хрипел и шипел.

--- Оружие... --- Воздух со свистом входил и выходил у него из легких.

--- Это нам известно. --- Элизий третий раз подал знак сервитору.

--- Сейсмическая пушка... --- с трудом выдохнул Железный Воин.

Тсу'ган о подобном оружии не слышал. Неужели этой военной банде попали в руки знания о еще не открытой Стандартной шаблонной конструкции? Это казалось невозможным. Размышляя так, брат-сержант засек еле заметное движение капеллана. Хирург-дознаватель убрался.

--- Как долго вы находитесь на этом месте? --- спросил Элизий, намеренно стенив тему, чтобы попытаться дезориентировать пленника.

— Почти десять лет, — проскрипел Железный Воин, точно дыхание скребло ему горло.

— Почему твои братья мертвы?

— Потому что убиты в бою, конечно!

— Внезапная ярость придала Железному Воину сил, и он впервые попытался высвободиться из цепей.

Узы верности и братства сохраняли свою силу даже среди предателей, пришел к выводу Тсу'ган.

Элизий ударил Железного Воина раскрытой ладонью в искаленную грудь. Мощный толчок выбил из предателя дух и припечатал того к лавке.

— Кем или чем? — настойчиво спросил капеллан, теряя терпение.

Железный Воин несколько секунд пытался выровнять сбитое дыхание.

— Те, кто одолел моих братьев, придут снова, — сказал он, злобно сверкнув желтыми линзами. — Очень скоро, так скоро, что вам уже не успеть спастись...

Из его рта раздался щелкающий скрежет, становясь все громче и чаще. Железный Воин снова стаялся.

Элизий уже собрался снова послать вперед своих хирургеонов-дознавателей, но его прервал сержант Лок. Ветеран, поставленный командовать внешними укреплениями и стеной, припал снаружи.

--- Капитан, --- произнес он очень серьезно, с мрачным выражением на лице.

Н'келн жестом велел ему продолжать.

--- Солнце, милорд, --- начал Лок.

--- Что с ним, сержант?

--- Оно частично закрыто.

Н'келн опешил:

--- Чем?

Тсү'ган ощутил, как в катере прибавилось напряжения. Судя по тону Лока, увиденное его очень встревожило. Для ветерана Умгарла подобная реакция означала, что дело нешуточное.

--- Черным камнем размером с солнце, --- ответил сержант. --- От него отходят куски. Много кусков.

--- Объясни, Лок, --- потребовал Н'келн. --- Это что --- метеориты?

--- Они движутся беспорядочно и с

разной скоростью. С каждой минутой их численность возрастает.

Н'келн нахмурился, инстинктивно потянувшись к болтеру. Все они знали, что будет дальше.

--- Чем бы они ни были, --- сказал Лок, --- они направляются к Скории.

За их спинами раздался скрежещущий хохот.

--- Вы опоздали! --- каркнул Железный Воин. --- Пришел ваш смертный час...

Улиаг отступил от открывшегося портала и почтительно склонил голову. Внутри было трудно что-то разглядеть: трап был густым, и в воздухе висела пелена потревоженной пыли, похожая на серый занавес. Дак'ур почувствовал, как застучало в груди основное сердце. Нет, Саламандр не собирался вступить в бой, это было возбуждение и нечто напугивающее страх, охватившее его на пороге зала. Дак'ур повернул голову к Нуриилу.

--- Уги первым, брат-сержант, --- произнес тот. Глаза библиария были

наполнены тусклым голубым сиянием: он использовал свой «ведьмин взгляд», чтобы лучше видеть в полутьме.

Дак'ир пробормотал литанию Вулкану и шагнул вперед. Через несколько метров ему встретились старомодные пульты управления, покрытые слоем пыли. С потолка свисали кабели, похожие на плети какой-то невиданной водоросли. Осторожно отводя их в сторону, Дак'ир почти всерьез ждал, что его сейчас ужалит. Все его тело казалось онемевшим и в то же время наэлектризованным. Трохочущие удары сердца заглушали эхо шагов по металлическому полу. Он лишь смутно осознавал, что Нирил идет следом. Библиарий держался близко, неторопливо и внимательно осматривая все вокруг.

Будто погружаешься в сон.

Наконец свисающие кабели уступили место металлической эспланаде. Дак'ир узнал символ, выбитый в ее центре. Вытертый и явно пострадавший во время крушения, знак Огненных Эмиев тем не менее остался различимым.

С эспланады вверх поднимались ступени. Дак'ур проследил по ним взглядом и там, наверху, наткнулся взором на командный трон и сидящую на нем фигуру.

В полутраке трудно было разглядеть детали, но доспехи, в которые была облачена фигура, выглядели старыми и массивными.

Дак'ур, сам того не осознавая, протянул руку. Его сердце затерло на мгновение, которое, казалось, продлилось долгие минуты. Когда Дак'ур заговорил, его голос больше походил на благоговейный шепот, и Саламангр ощутил непреодолимое желание опуститься на колени.

--- Примарх...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Черный камень, зеленая река

Тсу'ган поднялся на стену, где уже стоял Лок и остальные. Ветеран-сержант передал Н'келну бинокляры, и тот навел их на темное пятно в небе.

Тень почти полного затмения накрыла Сорию, превратив пепельные пустыни в мрачный потусторонний мир. Солнце практически скрылось, оставив лишь тоненький серп желтого света, словно его пыталась проглотить огромная черная пасть. Опустилось странное безмолвие, и Тсу'ган снова ощутил что-то назойливое на краю сознания, будто вернулся на нижние уровни крепости.

Он заметил тот же трепет предчувствия беды среди своих братьев. Только капеллан Элизий, занятый пленником, остался в катере. Остальные отправились наружу за Локот, чтобы собственными глазами увидеть пришествие чего-то страшного.

Тсу'ган прищурился, глядя ваясь:

--- Что это?

От черного объекта, заслонившего солнце, отделялись темные осколки, постепенно собираясь в тучу, острие которой нацелилось на планету.

Н'келн с мрачным видом протянул сержанту магнокуляры:

--- Взгляни сам.

Магнокулярам не хватало дальности, чтобы проникнуть за пределы атмосферы планеты, но все же видно было, что черный силуэт -- это огромный астероид. Темные объекты, похожие на его осколки, в действительности оказались кораблями. Подробности различить было трудно, но Тсү'ган сумел разобрать, как небрежно сделаны ближайшие корабли. Они мчались к планете на всех парах, извергая клубящееся пламя и оставляя жирные дымные хвосты. Тут уже сложно было ошибиться в природе приближающегося врага.

Тсү'ган опустил магнокуляры и произнес со злобой:

--- Орки.

Открытие Тсү'зана было встречено всплеском лихорадочной активности. Прикинув, сколько зеленокожих летит к ним с черного астероида, Н'келн приказал немедленно готовить крепость к обороне.

Техногесантник Дрейдий начал возводить из подручных материалов новые ворота, которые планировалось к тому же укрепить «Лендрейджером» и огнем из «Носорогов» роты. Всех Саламандр немедленно построили, сержанты отдали короткие приказы, и воины заняли оборонительные позиции вдоль стены. Некоторые, пользуясь возможностью, давали предбоевые обеты, читая литании с прижатым к губам символическим изображением молота и пламени.

Хотя укрепления несколько пострадали от предыдущего обстрела, их еще можно было оборонять. Все автоматические орудия были уничтожены, но это не имело большого значения. Даже несмотря на присущий Саламандрам прагматизм, никто из них не воспользовался оружием, принадлежавшим легиону-предателю.

Вместо этого Н'келн приказал трем
отделениям опустошителей занять места
в потрепанных стрелковых башнях. Всего
башен было четыре, поэтому, учитывая
вооружение тактического отделения
сержанта Кловия, четвертая башня
осталась ему. Башни представляли
выгодную позицию с хорошим обзором, хотя
из-за того, что крепость располагалась в
низине, дальние подступы контролировать
было невозможно. Порегившее штурмовое
отделение сержанта Варго и Огненные
Элии ветерана-сержанта Претора
остались внизу в качестве резерва у ворот.
Терминаторы были слишком громоздки,
чтобы взобраться по небольшим ступеням
на стену, так что им пришлось
довольствоваться ролью защитников
цитадели. Оставшиеся два тактических
отделения сержантов Де'маса и Тифоса,
капитан Н'келн и два воина его
Инфернальной Гвардии — Шен'кар и
Маликант — рассредоточились по верху
стены. Знаменосец гордо развернул рогатое
знамя, и полотнище захлопало на
усиливающемся ветру. Знамя последний

раз поднимали уже очень давно, но каждый, кто его увидал, сразу же ощутил прилив воодушевления. Последними на стене были воины звена, ведомого боевым братом Стангом. Вторая половина отделения отправилась за пределы крепости, чтобы подняться на гребень, откуда можно было наблюдать за пепельной равниной и докладывать о передвижениях врага.

Из пепельной пустыни дул иссушающий ветер, вздымая пыль, которая окрашивала доспехи Саламандров в унылый серый цвет. Картинка в магнокулярах была зернистой из-за надвигающейся бури, но Тсуган различал приближение машин по шлейфам из дыма и поднятого пепла. Туча была огромной, она окутывала горизонт плотной черной завесой. Воздух нес отсюда запахи нефти, фекалий и звериного помета.

--- Там, пожалуй, сотни машин, --- предположил Лазарь, лежащий на животе справа от сержанта.

--- Скорее, тысячи, --- пробормотал Тсуган. Он передал магнокуляры обратно расположившемуся слева Тиберону.

--- Есть уже что-нибудь? --- спросил он Цагона, который находился чуть впереди, всматриваясь в аусник. Он установил настройки на максимальный диапазон волн и самый широкий охват местности. Сигналы приходили прерывистыми и мутными.

--- Отклик нечеткий, --- раздался по voxу прерываемый помехами голос Цагона. --- Возможно, помехи окружающей среды, а может, прибор просто не справляется с вычислениями.

--- Отрезвляюще, --- отозвался Гонорий, который, пригнувшись позади сержанта, старался уберечь от пыли сопло запальника на огнемете.

Тсу'ган пропустил замечание мимо ушей и оглянулся через плечо. Чтобы покрыть расстояние от крепости до верхней точки гребня, им потребовалось полчаса по пересеченной местности пешком. Учитывая тяжесть силовых доспехов и полного вооружения, Тсу'ган подсчитал, что на дорогу обратно понадобится по меньшей мере минут двадцать. Он планировал заминировать

часть гребня, использовав все имеющиеся осколочные гранаты. Это, может, не особенно сильно задержит зеленокожих, но, по крайней мере, станет для них неприятным сюрпризом.

Желтое солнце наверху превратилось в тусклую изогнутую линию. В условиях неполного солнечного затмения трудно было определить точное время суток. По расчетам Тсу'гана, уже давно перевалило за полдень. Судя по тому, с какой скоростью приближалось пылевое облако, орки доберутся до них меньше чем за час. Еще примерно через час сядет солнце и пустыня погрузится в крошечную тьму. Тсу'ган решил, что стоит установить несколько фотонных сигнальных ракет и световых гранат между редутами, перед тем как вернуться в крепость.

— Ничего не вижу, — глядя в телескопы, произнес Тиберон, прервав размышления Тсу'гана. — Дай-то Вулкан, чтобы на Агатона не перла такая же орда.

Воинов, оставшихся охранять «Гнев Вулкана», было не так много, и они были не так хорошо защищены, как те, кто

засел в крепости. Вдобавок их стесняла масса раненых членов экипажа. Это делало их и ударный крейсер уязвимыми перед нападением. Тсу'ган хотел возглавить отряд подкрепления в помощь братьям, но Н'келн запретил. Все, что они могли сейчас сделать, -- это предупредить их о возможном нападении. Но это было слабое утешение.

-- Любой авгур орков приведет их к кораблю, -- сказал Тсу'ган Тиберону. -- Только это будут банды мародеров, надеющихся на легкую добычу. Ублюдки покрупнее явятся сюда. Орки всегда идут туда, где граба серьезнее. Они припотмят, как у крепости ил начистили рыло, и вернутся, чтобы поквитаться. Даже если поквитаться придется с нами, а не с предателями. -- Он повернулся и взглянул Тиберону прямо в глаза. -- Не переживай, брат. -- И прибавил хищно: -- На нас хватим.

На троне перед ним сидел не Вулкан.

Дак'ур понял это, когда, поднявшись до середины лестницы, приблизился к

откинувшись на спинку Саламангры. Однако сидящий огнерожденный был очень старым, можно сказать — древним. Времени изготовления его доспехов восходило к счастливой эпохе Великого крестового похода, когда все крестовые десантники были братьями по оружию и для Галактики наступала новая эра процветания и единства. Те мечты теперь рассыпались в пыль, точно такую, как пепельный налет, укрывший старого Саламангра, сидящего перед Дак'иром.

На почтенном воине были знаки различия рядового легионера. Зеленый его старинных доспеховых доспехов «Марк-V» с выпуклыми заклепками на наплечнике и наголенниках была темнее, чем у Дак'ириных лат. Шлем, тоже отделанный заклепками, покоился у ног Саламангра, куда тот поставил его и так больше и не подобрал.

Свет, исходящий от руки библиария за спиной у Дак'ира, высветил дубленую кожу старого Саламангра, изможденное битвами лицо и кое-как обрезанные волосы, похожие на серебряную проволоку. Глаза, в

которых некогда буйствовало пламя войны, потускнели, но в них еще теплилась жизнь. Его лицо было повернуто от Дак'ура и Нириила, так что космогесантники увидели лишь профиль. Он, казалось, пристально смотрел на что-то, скрытое от их глаз за колоннами переборки обветшавшего мостика, ибо теперь уже не осталось никаких сомнений, что они находились именно в этой части корабля. У Дак'ура мелькнула мысль: как же давно Саламангр сидит вот так! Ему показалось, что старца оставили здесь в одиночестве наблюдать за чем-то.

Поднявшись до верха лестницы, Дак'ур проследил, куда смотрит воин, сидящий на троне, и испытал сильное потрясение.

Стена мостика была проломлена, возможно — разрушена при крушении, рваная дыра в металле открывала проход еще в одно помещение. Хотя внутри было темно, оккупобный имплантат Дак'ура использовал весь доступный окружающий свет, чтобы сержант смог разглядеть что-то в почти настоящей пещере.

Внутри Дак'ур увидел расставленные
шерегами боевые доспехи Астартес. Все —
Саламандры, пустые оболочки бывших
огнерожденных. Всего их было пятьдесят
десять рядов по пять костодесантников.
Пустые латы держались на
металлических каркасах, похожие на
воинов, гордо стоящих по стойке смирно в
парадном строю. Все до единого
комплекты по внешнему виду и возрасту
соответствовали доспехам старого
Саламандра и были побиты и изношены.

Дак'ур обратил внимание, что один
или два комплекта завалились, то ли от
времени, то ли по прихоти неустойчивой
природы планеты. Он заметил шлем,
лежащий на боку у башмаков комплекта.
То тут, то там сорвавшийся нагрудник,
пробитый пулями, свисал одиноко рядом с
локтевым сочленением доспеха.
Оглянувшись на старого Саламандра,
Дак'ур преисполнился чувством безмерной
тоски. Старец тысячи лет смотрел на
своих братьев, оставаясь на страже до тех
времен, когда кто-то другой не примет его
место или сам он больше не сможет

исполнять свой долг.

--- Как это возможно? --- прошептал Дак'ур, не уверенный, что старый Саламандр в состоянии осознать их присутствие. --- Если его корабль на самолете с Усстваана, то ему, должно быть, тысячи лет.

--- Этого мы не можем сказать наверняка, --- ответил Пуриил. --- Очевидно, что он здесь давно. Но тысячи ли это лет --- мы знать не можем. Доспехи старые, но в настоящее время такие носят некоторые ордены. Сам корабль может просто оказаться брошенным судном экспедиционного флота, которое починили и забрали себе Агентус Механикус.

Дак'ур повернулся к библиарию:

--- Ты сам в это веришь, Пуриил?

Тот искоса глянул на сержанта.

--- Я не знаю, во что сейчас верить, --- признался он. --- На ход времени здесь могли повлиять варп-штормы. Но с равной долей вероятности можно сказать, что этому Саламандру просто очень много лет: долголетие --- это преимущество нашего замедленного метаболизма. Этого

никогда не проверяли, учитывая, что большинство из нас неизменно заканчивает свою жизнь на поле боя или, если смерть не приходит, а возраст берет свое, отправляется в странствие по Шлаковой равнине или в плавание по Египетскому морю, чтобы обрести вечный покой. Таков протетейский Символ веры.

Пуриил посветил ореолом психического огня от руки чуть ближе, чтобы лучше разглядеть старого Саламандра. Свет отразился в глазах воина, придав им небесно-голубой отсвет.

Старый Саламандр моргнул.

Дак'ур невольно едва не отступил назад, но переборол внезапное потрясение, когда старец заговорил.

--- Братья... --- прокаркал он голосом, похожим на скрип выделанной кожи. Похоже, разговаривать ему не приходилось довольно долгое время.

Дак'ур подошел ближе.

--- Я брат-сержант Хазон Дак'ур, третья рота Саламандр, --- сообщил он, затем представил библиария.

--- Давно ты на дежурстве, брат?

Дакир понимал, что должен быть осторожен. Если их находка на самом деле относится к временам до Ересы, если древний воин был из тех, кто выжил в резню в Зоне высадки, то с тех пор многое изменилось, о чем он не подозревал. Саламангры нуждались в ответах, но любая лишняя информация сейчас может лишь сбить их с толку.

--- Брат Гравий... --- Древний Саламангр утолк: полное звание в старом легионе забылось. --- У да, --- начал он снова, словно вспомнив, что ему задали вопрос, --- я сижу здесь уже много лет.

--- Как вы оказались на Скории, брат Гравий?

Почтенный Саламангр замолчал и нахмурился, роясь в воспоминаниях.

--- Буря... --- начал он. Речь начала налаживаться: Астартес вспоминал, как шевелить губами. --- Мы... отступили из боя, враги пустились в погоню...

Лицо Гравия ожесточилось и растянулось в злобном оскале.

--- Предатели... --- выплюнул он, затем ясность ума снова его покинула, и лицо

старого Саламангра расслабилось.

--- Это был Усстваан-Пять, брат? ---
спросил библиарий. --- Оттуда вы летели?

Гравий снова скривился, пытаясь
вспомнить.

--- Я... вижу какие-то фрагменты, ---
ответил он. --- Лишь бессвязные образы в
памяти...

Он, казалось, смотрел мимо пары
Саламангр перед собой.

Дак'ур решил, что Гравий устоялся
в пространстве, когда старый Саламангр
медленно поднял руку с подлокотника
трона и вытянул палец. Дак'ур повернулся
посмотреть, куда указывает Гравий. Это
выглядело как старый пикт-
проигрыватель, нечто вроде древнего
записывающего устройства, наполовину
скрытое под тысячелетней грязью.

Обменявшись взглядами с Пурилом,
брат-сержант спустился по ступеням и
погошел к пикт-проигрывателю. Он знал,
что на многих кораблях сохраняют
визуальные бортовые журналы как основу
для боевых имитаций или нанесения на
карту хода кампании для использования в

бүдүщөт. Жест Травия означал, что в этом устройстве мог храниться бортовой журнал корабля, а в нем — указания на место, откуда прибыл корабль.

Хотя корабль был разрушен, какие-то его части Улиаг со своими людьми снабжал энергией. Дак'ур надеялся, что сюда тоже поступало питание. Все равно ни на что особенно не надеясь, он включил пикт-привод, и по запыленному экрану побежали полосы помех.

Дак'ур стер перчаткой большую часть въевшейся грязи, и в этот момент в небольшой квадратной рамке появилось изображение. Звук не было. Возможно, вокс-репродукторы уже не работали, а может, звук просто не записывали. Трудно было сказать.

Хотя изображение было зернистым и сильно ухудшалось постоянными помехами, Дак'ур узнал мостик, каким он должен был быть до крушения. Ситуация была отчаянной. Несколько пультов управления были охвачены огнем — Дак'ур отыскал их взглядом и заметил следы копоти под слоем серой пыли, — и несколько членов

экипажа лежали на палубе, по-видимому мертвые. На них была серая форма, до странности напютавшая одежду Улиага и поселенцев. Большинство людей кричали: их беззвучная паника, полусознанный ужас на лицах вызывали тревогу.

Дак'ур увидел и Саламангр. Трон скрывала тень, но громаду госпехов было видно четко, вспышки пламени и аварийных огней высвечивали ее достаточно долго, чтобы брат-сержант провел соответствие. Некоторые из Астартес были ранены. Изображение сильно трясло, словно сам мостик подвергался жестоким испытаниям. К записывающему устройству никто не обращался, и Дак'ур предположил, чувствуя в животе кусок льда, что капитан корабля приказал включить его, чтобы запечатлеть последние мгновения жизни экипажа. Он явно не рассчитывал пережить крушение.

Изображение дернулось особенно сильно, и экран погас. Дак'ур подождал, не будет ли чего-то еще, но запись кончилась.

На разрушенном мостике воцарилось
мрачное молчание, подавив в Дак'уре
прежнее чувство радостного волнения и
оптимизма. Помещение снова вздрогнуло.
На пол с грохотом упал наплечник. Брата
сержанта вытряхнуло из мрачной
задумчивости.

Он обменялся взглядами с Нурилом.

Если землетрясения действительно
предвещали катаклизм, угрожающий
самой планете, как предсказывал
библиарий, то брата Гравия и госпехи
нужно было переправить наверх — и
быстро. Возможно, по возвращении на
Ноктюри под руководством магистра
оргена на Прометее можно было бы
извлечь секреты, скрытые в
пошатнувшейся разуме Гравия. Если это
то, за чем Саламангры были отправлены
сюда, если это — их желанная цель, то
необходимо было приложить все усилия,
чтобы доставить их в целости. И не
только их. Улиада с его поселенцами тоже
необходимо было спасти. Последняя пикт-
запись корабельного бортового журнала
убедила Дак'ура, что предки, о которых

говорил Улиас, были на самом деле
прежним экипажем корабля, а он и его
народ — их потомками.

Открытие это значило многое.
Несмотря на все трудности, они выжили,
создав для себя микрокосм ноктюрнского
общества здесь, на злосчастной Скории.

Видения, которые испытывал Дак'ир
ранее, прямо перед тектоническим
сдвигом, который открыл разлом в
подземный мир, всплыли в памяти. На
странном, почти инстинктивном уровне
они подтвердили, что Скория обречена и
что гибель ее близка.

Да, нужно будет спасти из пламени
неминүемого разрушения планеты все.
Оставалась только одна небольшая
проблема: полүзарытый в пепельную
пустыню «Гнев Вүлкана», не имеющий
никакой возможности вырваться. Если на
то была воля примарха, если это часть
его пророчества, запечатленная в «Книге
огня», то Дак'иру оставалось надеяться,
что спасение вскоре явится само.

Взгляд брата-сержанта
переметнулся на Гравия:

--- Ты можешь подняться, брат?

Можешь ходить?

--- Не могу, --- с сожалением ответил Гравий.

Пуриил коснулся наголенника почтенного брата и прикрыл глаза. Через секунду открыл, в них еще гас голубой свет.

--- Его доспехи полностью скованны, --- сказал библиарий. --- Приварились к трону. У его мышцы, скорее всего, уже атрофировались.

--- Может мы его сдвинуть?

--- Нет, если не хочешь переломать эту конечности, --- трючно ответил Пуриил.

--- Это мой пост, --- проскрипел Гравий. От его дыхания исходил неприятный запах медленного разложения и затхлого воздуха. --- Мой долг. Я должен был умереть давным-давно, братья. Если Скории суждено погаснуть, стать пылью в безбрежной Вселенной, значит то же суждено и мне.

Дак'ур утолк, тщетно пытаясь придумать какое-нибудь решение. В конце

концов он от озорчения сжал кулак. Нириил терпеливо смотрел на него. Тон сержанта выдал его гнев и досаду:

— Мы вернемся за доспехами и сообщим о находке брату-сержанту Агатону. Нужно быть готовыми, когда найдется способ убрать с этого проклятого камня.

Тсу'ган вернулся к бастионам железной крепости как раз вовремя, чтобы увидеть, как орочью линию разрывают первые взрывы.

Вереницы огненно-серых цветков взметнулись перед наступающими зеленокожими, уничтожая пехоту и разнося на куски слепленные кое-как машины. Даже не запнувшись, орки прошли по грудам из тел и покоруженного металла — побоище, похоже, только разожгло в них жажду битвы. В магнокүляры Тсу'ган видел, как некоторые зеленокожие останавливались, чтобы добить раненых собратьев и выдрать у них клыки или снять баштаки и снаряжение.

— Грязные пагальщики! — зло

прорычал он, разглядывая безбрежную зеленую орду.

Про себя он проклинал тот факт, что силы Саламангр оказались разделенными перед лицом столь многочисленной армии. Сейчас нужно было сплотиться, а не разделяться. Все-таки не следовало так просто оставлять «Гнев Вулкана» и его экипаж. Но в любом случае сейчас к оставшимся братьям невозможно было отправить даже гонца: никто не смог бы пройти живым сквозь зеленое море, раскинувшееся перед ними.

Твари двигались неравными группами, которые брат-сержант грубо приравнял к батальонам или взводам. Каждую ватагу вел огромный вождь, чаще всего — на потрепанном фургоне, багги или грузовике, собранном из клепаного металла, кованых листов и исковерканных частей вражеских трофейных машин. Тсу'ган предположил, что корабли зверюг — те, что принесли их на поверхность Скории, — сели где-то далеко в пенельных дюнах и находятся вне досягаемости телескопов.

Но крайней мере, осколки, отваливающиеся от черного камня и падающие вниз, иссякли. Среди орков то тут, то там периодически вспыхивали драки. Их низкорослые родичи — жестокие поджарые существа, известные как гретчины, — держались с краю таких свалок в надежде подобрать какие-нибудь остатки, обесчестить проигравшего или просто поорать, призывая пограться еще. Зачастую этих мелких зеленокожих хватало во время беспорядочных и на вид случайных скандалов и использовали вместо дубинок, чтобы отколотить противника с кровавыми последствиями для обоих.

Орки были породой ксеносов, живших исключительно ради драки. Их поведение было абсолютно необъяснимо с точки зрения Империи, ибо твари не владели ни одним из понятных методов ведения войны, которым обучался любой тактик или агент стратегического. Однако предрасположенность чужаков к битве явно простатрировалась в их мускулатуре и телосложении. Толстошеих, с кожей,

крепкой, как бронежилет, этих зверюг
непросто было убить. Широкоплечие, с
крепкими костями и еще более крепкими
черепами, ростом они равнялись Астарте
в силовых успехах, равно как и силой и
агрессивностью. Единственным по-
настоящему слабым местом у орков была
дисциплина, но ничто так не заставляло
орочий разум сосредоточиться, как
перспектива погратся со столь
выносливым и крепким противником, как
костический десантник.

Глядя на массы приближающихся
зеленокожих, Тсу'ган понял, что эту битву
выиграть будет нелегко.

«Дисциплина и преданность, ---
поправил себя Тсу'ган. О преданности
зеленокожих говорить не приходилось: у
них не было чувства долга, которое вело
бы их. --- Да, преданность --- это наша сила,
наша...» Мысль исчезла.

--- Сколько их? --- спросил брат
Тиберон.

С того момента, как они отошли, как
и полагалось, от наступающих
зеленокожих, орда разрослась. Тсу'ган

поначалу приравнял по своим самым оптимистичным оценкам силы орков с силами Саламандр в железной крепости, но сейчас подозревал, что это уже сильное преуменьшение.

Брат-сержант со своим боевым звеном присоединились к остальным братьям на стене в двух секциях от того места, где стоял Н'келн со своей свитой. Цагон перехватил блуждающий взгляд Тсү'гана, когда тот оторвался от магнокюляров и глянул на брата-капитана.

Эта битва или закалит его, или сломает -- вот о чем поведал их безмолвный обмен взглядами.

Брат Лазарь, похоже, почувал флюиды между Цагоном и братом-сержантом. Все отделение Тсү'гана разделяло нежелание своего командира видеть Н'келна во главе третьей роты.

«Это не отказ от преданности, -- говорил себе Тсү'ган, еще не отошедший от предыдущих мыслей. -- Это мой долг во благо роты и ордена».

-- Если он будет колебаться, -- сказал Лазарь вполголоса, -- его место займет

Претор. Можешь не сомневаться.

«Тогда пусть для другого
освободится...»

Тсу'ган словно прочитал мысли
Цагона по выражению его лица.

Брат-сержант прикрепил шлем к
магнитному замку на поясе, предпочитая
ощутить на лице усиливающийся ветер и
услышать звериный рев зеленокожих, не
искаженный резонансом доспехов. Он
прищурился, словно пытаясь предугадать
поведение капитана.

— Пусть судьей ему станет платя
битвы, — наконец произнес он. — Таков
прометейский обычай.

Тсу'ган повернулся к Тиберону.
Гортанные вопли зеленокожих слышались
громче с каждой секундой.

— Там их уже тысячи, брат, —
ответил он на заданный ранее вопрос. —
Больше, чем видят мои глаза.

Когда дым от взрывов
заминированной полосы рассеялся, орки
остановились. На пепельную пустыню
опускалась ночь, как и предсказывал
Тсу'ган. Междоусобные драки среди

зеленокожих внезапно прекратились. Сейчас орки были поглощены жаждой убивать, желанием уничтожить Саламандр.

В гаснущем свете дня зеленокожие принялись воинственно рисоваться, постепенно доводя себя до боевого бешенства. Вожди вытячивали подбородки, похожие на бұлыжники из зеленоватого камня. Их кожа была темнее, чем у остальных, ее покрывали многочисленные шрамы, как и у их телохранителей, которые бдительно кружили возле вождей. Чем темнее была шкура у орка, тем крупнее он был, тем матерее и главнее. Не обращая внимания на командиров, орки принялись колотить себя в бронированную грудь и бряцать толстыми тесакатами и топоратами по металлическим пластинам, цепям и бронежилетам. Они орли и ревели, паля в воздух из своего оглушительного оружия. Вонючий дым от плохого пороха стоял стеной.

Тсу'ган чувствовал, как в тварях нарастает психическая сила. Он не был псайкером, как Нирил, но все же ощущал

отголоски ее воздействия. Орки генерировали эту силу, когда собирались в больших количествах, и она возрастала многократно, когда орки сражались. От этой силы у Саламангра покалывало кожу, ныли зубы и пульсировало в голове. Тсу'ган нагел шлем. Время наслаждаться атмосферой грядущей битвы подошло к концу.

Орки принялись скандировать, и Тсу'ган почувствовал, что близится конец дикого ритуала. Звериный язык орков был практически неразборчивым, но брат-сержант понял значение их грубых и грозных криков.

— Босс! Босс! Босс!

С гребня посыпались волны непла, точно спасаясь бегством, потревоженные шагами кого-то огромного и неукротимого.

Из рядов зеленых тел появился огромный орк. Он прокладывал себе дорогу сквозь орду, лупя каждого, кто дерзнул встать на пути, сжатым силовым кулаком, по которому пробежали волны черных толний. В отличие от силовых

күлаков Астартес, это орочьё устройство больше походило на массивную бронированную клешню с когтями вместо пальцев. Это было не только смертоносное оружие, удар которого убивал любого зеленокожего на месте, но еще и символ престижа, такой же понятный, как знаки различия и орденские награды, принятые у костомогесантников.

На голове зверюги сидел рогатый шлем с бартицей из кольчужной сетки. Доспехи, размалеванные глифами и племенными знаками, выглядели какой-то смесью кольчуги и панциря, хотя Тсу'гану показалось, что он видит блеск сервомоторов под защитным облачением орка. Черные толстые башмаки орка покрывал пенел, вдобавок набившийся в щели брони металлических поножей. На шее орка, точно такабрическая бижутерия, болтались отвратительные трофеи: выбеленные черепа, обглоданные кости и обгрызенные остатки шлемов. Темные крученые железные браслеты обхватывали вздутые мышцы запястья и предплечья одной руки, другая рука была

заменена на силовую клешню. Толстый пояс, охватывавший широкие бедра орка, вытягивал громоздкий пистолет и топор с цепным лезвием.

В крошечных глазках, жестоких и налитых кровью, светились угроза и обещание граки.

Тсү'ган почувствовал, как каменеют от злобы скулы. Он был бы счастлив оказать зверюге такую услугу и ответить на его желание.

Удовлетворенный, что его присутствие должным образом замечено, гигантский орк откинул голову и взревел:

--- Ва-а-а-ах! Босс!

--- Зверь явился показать, кто здесь главный, --- с презрением устехнулся брат Лазарь, глядя на представление.

--- Нет, --- поправил Тсү'ган, --- это призыв к войне и крови.

Последний реду́т

В густеющей ночи, как одинокие маяки среди черного моря, вспыхнули сигнальные ракеты. Багровые огни осветили неспешно движущихся орков, окрасив их словно кровью. Затем последовали ослепительно-белые вспышки: взорвались световые гранаты, заложенные Тсү'ганом и его звеном. Орки завyli и заревели от боли, когда их глаза затопил жесткий болезненный свет. Те, кто оказался ближе всего к вспышкам, натыкались на своих же сородичей — некоторых из них зарубили вспылчивые собратья, другие сами набрасывались и убивали любого зеленокожего на своем пути, вслепую размахивая оружием от боли и ярости. Ущерб, однако, был минимальным. Многие орки, став свидетелями воздействия световых гранат, опустили выпуклые очки или просто прикрыли глаза толстыми ланатами.

Замешательство было не единственной целью сигнальной полосы. Саламандры использовали бьющий в глаза оркам свет вместо поисковых прожекторов. Под яркими вспышками были обнаружены и перебиты точными выстрелами из болтеров лидеры кланов. Тут же вспыхивали короткие и кровопролитные драки, пока новый орк не завоевывал себе место лидера, что, однако, позволяло тяжелым болтерам дольше пожинать кровавый урожай. Мультимелты и ракетные установки уничтожали обнаруженные передовые машины; те, что ехали следом, врезались в пылающие обломки, вызывая новые аварии. Грузовики и багги стинало в кучу в искореженных металлических объятиях, оглушенные экипажи, выползающие из-под обломков, падали под градом выстрелов.

Зеленокожие попытались ответить тем же. Но их стрельба наугад не приносила никакого результата, кроме осколков рокрита да фонтанов взбитого масла. Орки были созданы не для ведения прицельного огня, поэтому стреляли, не

особо стараясь понасть. Их больше забавляли грохот собственного оружия и вонь порохового дыма, чем шанс кого-то прикончить. Орки предпочитали сражаться в ближнем бою, где могли ощущать запах крови и страха.

«Звери получают от нас немного из первого и ничего из второго», — подумал Тсу'ган.

Орки уже подошли близко, и брат-сержант знал, что приказ обрушить на них огненный шторм не заставит себя ждать. Фоновый треск из устройства связи в ухе сменился голосом капитана Н'келна, и Тсу'ган понял, что приказ вот-вот последует.

Саламандры были прагматичными воинами, не так склонными к возвышенным речам и вдохновляющей риторике, как некоторые их дальние родственники, к примеру — Ультратарины. Поэтому речь Н'келна можно было назвать относительно эпической:

— Сыны Вулкана, огнерожденные, здесь наш последний редут. За этой стеной нет больше линий обороны, нет других

ворот, чтобы их оборонять или держать гарнизон. Момент настал. И мой единственный приказ таков. -- Он выгелил каждое слово. -- Ни огин не пройдем! В пламя битвы! -- крикнул Н'келн, и его голос превратился во множество голосов, когда Саламангры откликнулись хором:

-- На наковальню войны!

-- Пусть погойдут поближе, -- велел Тсу'ган своему отделению. Но всему укреплению сержанты раздавали приказы своим солдатам, выслушав речь капитана.

Глядя сквозь прицел болтера, Тсу'ган ощутил за спиной чье-то присутствие. Он обернулся и увидел Элизия, который явился на их участок стены.

-- Ты пропустил начало битвы, брат, -- с ухмылкой сообщил Тсу'ган.

Капеллан настешиво фыркнул.

-- Ты хотел сказать, я пропустил разговоры, брат-сержант. -- Но его тону было трудно определить, шутит Элизий или говорит серьезно. Тсу'ган потом уже выяснил, что его вольное замечание было воспринято как шутка. -- Ксеносы -- позорное пятно на лице Галактики, --

проговорил капеллан, затем понизил голос, и в его тембре слышались фанатичные нотки: — Пусть горят они в пламени возмездия!

С пылающей ненавистью во взоре Элизий активировал крозиус и указал им на приближающуюся орду.

Тсу'ган снова приложился к прицелу.

— Спускай аг!

Точно все сержанты были каким-то образом синхронизированы или объединены эмпатией: вдоль всей стены одновременно извергся оружейный огонь. Вспышки выстрелов рванули воздух вдоль зубцов железной крепости, словно огненная волна, получившийся грохот походил на удар грома. Зеленокожих рвало в клочья ожесточенными залпами болтеров, разрывные снаряды сеяли опустошение даже среди таких крепких созданий. Подгоняемые угрозами и криками командиров, звери шли сквозь огонь, неумолимо и без сожалений шагая по перемолотым останкам своих родичей. Некоторые побежали — дрогнувшие или потерявшие командира под вражескими

огнем или в свалке, — их встретили безжалостно тесакатами и топорами те, кто по-прежнему торчал на верху гребня. Убо это была только первая волна.

— Болтерное мясо, — проворчал Тиберон в вокс. Сквозь рев выстрелов трудно было быть услышанным, но капеллану Элизию это удавалось с его язвительными гуатрибатами и ксенофобскими тирадами. Пистолеты и огнеметы пока находились вне зоны действия — орки еще не подошли достаточно близко, поэтому капеллан швырял каждое едкое выражение, словно пулю, которая должна убить.

Шлем Тсу'гана осветила сбоку вспышка мультимелты брата М'лека. Жадный луч прожег дыру в приближающемся орочьем грузовике, проплавил двигатель и превратил машину в раскаленный добела огненный шар, который поглотил несколько пехотинцев, бежавших рядом.

Брат-сержант похвалил М'лека за превосходный выстрел, затем повернулся к Тиберону:

--- Вот поэтому мы должны заставить их бежать, брат, и прибегнуть к силам для настоящей драки, которая ждет впереди.

Тсуган застрелил бронированного телохранителя вождя, превратив его в череп в осколки костей и алый туман. Болтерный заряд вошел орку точно в глаз и разорвался внутри. Брат-сержант видел среди толчеи лишь одного орочьего командира, и, судя по клановым меткам зеленокожих, рвущихся к крепости, это было его племя. Вероятно, вооруженный клешней военный вождь, оставшийся на гребне, решил предоставить своим подчиненным возможность по очереди попытаться пробиться в железную крепость.

--- Пусть идут! --- воинственно прошипел Тсуган. Он прицелился снова и уничтожил самого вождя, который слишком далеко опередил своих и слишком близко подошел к крепости. --- Они все падут от моей руки, --- заключил Саламандр трачно.

После смерти своего вождя орки заколебались. На ничейной земле перед

стенной появилась полоса кровавого
побоища: зеленокожие первой волны,
несмотря на все свои усилия, не смогли
подойти достаточно близко для серьезного
штурма.

Увидев это с гребня, вожак заревел от
ярости. Взмахами мускулистой лапы он
начал посылать вперед другие племена,
одно за другим. Тысячи орков ринулись на
Саламандр. Вожди племен ухали и ревели,
непрерывно стараясь, чтобы именно их
клан первым добрался до врага. Звериные
крики орков превратились в единый рев.

Тсу'ган снова почувствовал в затылке
тупое подергивание, ощущение существ из
коридора под железным залом. Ощущение
холодного металла на лбу, куда он
прижимал дуло болтера, вернулось.
Растущая психическая мощь орков
усиливалась. Должно быть, это она каким-
то образом подпирала то, что таилось
во мраке под крепостью.

Раздался голос Элизия, снова став
якорем для Саламандр, не давая им
ослабнуть духом. Орки во всем своем
множестве преодолели кровавую полосу и

уже готовились начать первый штурм стен. Капеллан использовал равкание своего болт-пистолета, чтобы подчеркнуть наиболее важные места в исполненных ненависти проповедях. В это время со стен огнететы выплеснули прометиевую ярость.

--- Жги и очищай! --- взревел Гонорий. Лицевой щиток его блистал огненными отсветами от оружия.

Несмотря на уничтоженные костодесантниками стратегические цели и тактику нанесения максимального ущерба, огромная орда зеленокожих гарантировала, что ближнего боя не избежать. Но Саламандр это абсолютно устраивало.

--- Здесь будет проверено ваше мужество! --- крикнул в вокс Н'келн ясным голосом, похожим на серебряное копье, брошенное против солнца. --- Будьте наковальней, станьте молотом!

Это подействовало ободряюще.

--- Он прошел испытание в пламени битвы... --- с искренним благоговением отметил Лазарь.

Цагон протолчал, сосредоточившись на уничтожении приближающихся орков злыми очередями из болтера.

--- Мы удержим их здесь! --- равкнул Тсу'ган, желая придать решимости отделению. Он знал, что другие братья-сержанты сделали то же самое. --- Мы знали, что это случится, --- прибавил он, когда первый абордажный крюк, лязгнув, зацепился за стену. Тсу'ган отстрелил цепь с крюка, дождавшись прежде, пока она натянется. Глухие вопли невидимых зеленокожих, взбиравшихся по цепи, а теперь падающих вниз и бьющихся насмерть, заставили Тсу'гана улыбнуться.

Еще три крюка последовали за первым. Брат Станг сбросил один, но тут загорели еще пять и крепко вцепились в стену.

Брат Катус бестолково рубанул по цепи боевым ножом, затем перегнулся через стену, намереваясь расстрелять орков внизу из болтера. Он отшатнулся назад, извергая струи крови: между шеей и ключицей засел тесак. Станг оттащил раненого в сторону и всадил болт в череп

оркү, первым остелившись высунуть
голову над рокритовым краем стены.

Затем появилось множество
уродливых зеленых морг. Головы сидели на
грубых телах, вооруженных тесаками и
зазубренными клинками.

Капеллан Элизий разтозил голову
одного из орков ударом крозиуса. Но тело
орка еще перекачивались электрические
разряды, пока тот падал в зеленое болото
воинов под стеной. Элизий воткнул болт-
пистолет в пасть второму и превратил
его голову в ошметки мяса. Багровые
брызги заливали череполикую маску
капеллана, помазав его кровью. Но даже
такой смертоносный воин, как Элизий, не
мог убить их всех.

--- Гонорий! --- заорал Тсу'ган.

Боевой брат развернул огнемет,
бросив пускать струи прометия вниз со
стены, и окатил жгучим пламенем
зеленокожих, пытавшихся напасть на
капеллана сбоку.

--- Горите в огне вечных мук, ксеносы! ---
яростно рявкнул Элизий, когда орки,
окутанные пламенем, врезались.

размахивая лапами, в толпу, скопившуюся у подножия стены.

Тсу'ган стер кровавую полосу с визора и быстро окинул взглядом место битвы. Вдоль стены то тут, то там возникали короткие схватки. Тактические отделения принимали на себя главный удар атак, давая Онустошителям, расположившимся в более высоких и менее доступных башнях, продолжать сеять смерть среди ставшей еще более огромной орды, которая затоплила пепельную низину, точно зеленое наводнение. Многие сержанты разделили своих воинов на боевые звенья — на тех, кто сражался врукопашную или отцеплял крюки, и на тех, кто продолжал поливать орков огнем.

За те короткие секунды, которые он позволил себе, чтобы оценить положение, Тсу'ган вдобавок заметил орочьи машины, которые шли на самоубийственный таран стен. Он увидел, как громозгкий фургон, увешанный листами брони и набитый до отказа орками, врезался прямо в стену. Огонь тяжелых болтеров и мультиметразнес его на куски, фургон превратился в

обломки, но теперь зеленокожие могли
взобраться по его похожей на башню
платформе и использовать каркас
машины, чтобы достичь зубцов стены. Над
головой с шумом проносились ракеты,
сверхперегретые лучи крест-накрест
разрубали ночь, стирая с лица земли орков,
участвующих в самоубийственных заездах,
прежде чем те успевали поодобраться
ближе, но они не могли остановить всех.

Удар в нижнюю часть участка стены,
где стоял Тсу'ган, чуть не свалил его с ног.
По металлу и рокриту прокатилась рябь
ударной волны. Машина, врезавшаяся в
стену, загорелась и взорвалась, брата-
сержанта и его отделение окатило волной
жара. Несколько секунд спустя
послышалось царапанье и лязг — орки
взбирались на импровизированную осадную
башню.

— Гранаты! — приказал Тсу'ган, зная,
что свои у него кончились, но другая
половина отделения не откажет ему в
услуге.

Осколочные гранаты запрыгали по
разбитому остову машины, влявшейся в

стену и горящей, и взорвались серией глухих ударов. Царапанье и лязг прекратились.

--- Слава Прометею! --- крикнул брат-сержант, возликовав от этой маленькой, но все-таки победы.

Ватага тяжелобронированных орков наступала под огнем к единственному входу в крепость. В гуще крупных орочьих тел двигалось что-то непонятное. Тсу'ган уловил блеск металла, сферический предмет с намалеванной неровной иконографией, похожий на мину...

--- Сосредоточить огонь...

У ворот внизу раздался мощнейший взрыв, не дав сержанту договорить приказ остановить подрывников. Саламангр, занимавших участок стены прямо над воротами, повалило с ног. Краем глаза Тсу'ган заметил, как Шен'кар, кажется, свалился со стены, но все заслонили клубы дыма и разлетающиеся обломки, поэтому брат-сержант не был в этом так уверен. Брат Маликант пошатнулся, и ротное знамя пало. Лишь капитан Н'келн устоял на ногах. Он подхватил штандарт, не

обращая внимания на огонь, быстро
взбирающийся по стене, и жадные языки
пламени, пожирающие все, к чему
прикасались.

— Подрывники, — буркнул Тиберон,
еще не прыгая толком в себя от взрыва.
Ударная волна будто увесистым молотом
прошла по отделению. — Наверное,
разнесли ворота...

Зеленокожие, которые хлынули в
пылевое облако, взметнувшееся у ворот,
только подтвердили его догадку.

Те Саламандры, что еще стояли на
ногах, прицелились сквозь пелену дыма и
попытались уничтожить штурмовой
отряд орков, который появился словно из
ниоткуда. Орочьи командос открыли
ответный огонь, и Тсуган увидел, как пал
еще один брат: случайный выстрел пробил
грудь, выведя бойца из строя.

Тяжелобронированные зверюги тоже
вернулись под прикрытием серой пелены
дыма и летящего пепла, которая накрыла
поле боя. Пслышался хриплый стрекот
активиремых цепных клинков, безликий и
грозный.

Орки стекались к воротам, и брат-сержант не в силах был их остановить. Он проклял свою позицию на стене, отчаянно желая оказаться там, где сражение кипело наиболее яростно. Ослепительная струя пламени, с ревом столь громким, что он заглушил стрекочущий хор механизированных клинков, пронзила пелену дыма и пыли и с голодной жадностью поглотила идущую на приступ орду.

«Огненная наковальня» пустила в ход свои орудия «Огненный шторм», и орки вкусили гнев «Лендрейдера» модели «Ускунитель». Завывая от боли и ярости, зеленокожие бросились назад. Объятые пламенем фигуры ковыляли прочь от разбитых ворот, падали на колени и оседали обугленными грудями на землю. Ни один Саламандр по ним не стрелял — их просто оставили сгорать.

Еще три — одна за другой — вспышки, и опустошительный пожар угас, оставив после себя выжженную землю, окаймленную языками огня.

— Во имя Вулкана и во славу оргена!

Из вокса прогремел зычный голос Претора --- и во все стороны словно покатилась ободряющая волна. Огненные Змьи заполнили пролом в воротах.

--- Во имя Вулкана! --- отозвался Н'келн, гордо и неустрашимо стоящий среди утирающего пламени, которое лизало зубцы стены перед ним. Брат Маликант пал, но вместо него штандарт роты высоко вздымал сам капитан. Свернувшийся в кольцо дракон на священной ткани рвался и рычал на ветру, точно живой. Края знамени обгорели и почернели, но это лишь прибавило ему воинственного обаяния. Н'келн стал маяком, центром притяжения, выкованный, как сталь, на наковальне войны.

--- Ни один не пройдет! --- взревел он, и огненный змей на знамени словно проревел вместе с ним.

Тсү'ган понял, что на губах у него играет улыбка.

Орки были обречены.

В отчаянии последний из вождей кинулся на приступ стены по разбитым башенкам фургона. Он добрался до зубцов,

окровавленный, но не сдавшийся.

Элизий, который только что расправился с одним из меньших сородичей орка выстрелом в упор из болт-пистолета, вонзил свой крозиус в грудь мерзкому чудовищу, когда то появилось над стеной. Орк зарычал, но капеллан ударил его головой в шлеме, отколов твари клык, затем вышиб второй свирепым ударом рукоятки еще дымящегося пистолета. Элизий отбросил оружие, схватил утирающего вождя латной перчаткой, второй рукой крепче сжал рукоятку потрескивающего крозиуса и вскинул орка в воздух.

Потрясающим воображение подвигом силы — или веры — Элизий поднял колотящего лапами орка над головой и скинул его, вопящего, со стены на далекую землю.

— Изгоняю тебя, нечисть!

Такой удар вкупе с яростью «Огненной наковальни» и гневом терминаторов Претора оказался решающим.

Орки побежали всей массой через кровавую полосу перед стеной, затем —

взбираясь на гребень.

Военный вождь зеленокожих воспринял их капитуляцию без радости. Каждый из безлецов встретил смерть от рук орды, еще остающейся за гребнем.

Наступило странное затишье. Оно перетежалось глубокой пульсацией в затылке у Тсү'гана, точно Саламандр мог чувствовать бешенство военного вождя орков. Такой мощной была ярость чудовища, что проявилась физически — характерной пульсацией в естественном психическом излучении орков.

Без боя прежнее чувство беды вернулось. Тсү'гана качнуло вперед, и он ухватился за край зубца в поисках опоры.

— Сэр? — шепнул Цагон, точно заговорщик склонившись к сержанту.

Тсү'ган поднял руку, показывая, что с ним все в порядке, и покрепче сжал для уверенности болтер. Чувство вины, охватившее всю его сущность, распространялось по телу, точно рак, и Тсү'ган страстно возжелал прикосновения прута жреца-клеймовщика и боли, которая заглушила бы внутреннюю боль.

--- Здесь зло... --- услышал он свой невнятный голос, больше похожий на тихий шепот.

Зло сочилось из самих камней. В полубреду Тсу'ган почти представил себе, как бы оно могло выглядеть: тонкий, оставляющий за собой след тумана абсолютно черного цвета.

--- Держитесь вместе, братья, --- подбодрил его голос Элизия, --- и мы сокрушим чужаков!

Зловещее воздействие железной крепости отступило. Ему еще не хватало сил, чтобы поспорить с пылом капеллана. Тсу'ган выпрямился, сжав зубы.

--- Покончим с этим.

Военный вождь заревел, вновь утверждая свое превосходство. Орки опять шли на приступ.

Дак'ур вышел из разлома совсем в другой мир, нежели тот, который покинул прежде. Пепельные дюны теперь накрывала потусторонняя тьма. Черный силуэт, похожий на луну или планетойд, закрыл то небесное тело, которое должно было

занимать ночное небо Скории. Так вот о
наком черном камне -- перевозчике орков --
говорил Улиаг. Орбита планетоида
привела его к пепельному миру
достаточно близко, чтобы зеленокожие
попытались напасть. Со временем, Дак'ир
это знал, черный камень поглотит еще
ближе.

Странная обстановка принесла с собой
и другие ощущения: звуки и запахи
сражения. Громага «Гнева Вулкана», по-
прежнему высящегося, точно сторожевая
башня имперского бастиона, хотя корабль
был частично зарыт в пепел,
загораживала обзор, но Дак'ир видел
теплое оранжевое свечение, окрасившее
потемневшее небо. Было в нем что-то
безмятежное и прекрасное, несмотря на
отдаленные взрывы и запах дыма и
прометия, который доносил теплый ветер.

Устройство связи в шлеме
затрещало, точно в труб снова вдохнули
жизнь, и Дак'ир услышал голос брата-
сержанта Агатона.

-- Строй своих воинов, брат, -- велел
тот, явно встревоженный тем, что с

отрядом так долго не было связи. Расспросы будут потом. --- На нас скоро нападут.

Без лишних вопросов Дак'ур бросился бегом вокруг полызарывшегося носа «Гнева Вулкана» и взобрался на вершину небольшой дюны. То, что он увидел, заставило сердце забиться быстрее, приводя организм в состояние боевой готовности.

--- Нуриил, --- позвал Дак'ур. Библиарий, отправившийся за сержантом, тоже забрался на невысокую дюну. --- Когда ты сказал, что на Скории нет океанов...

Перед ними кипело пока далекое, но постепенно надвигающееся воинственное зеленое море.

--- Я ошибался, --- просто отозвался Нуриил.

В разговор вторгся хриплый голос Улиада:

--- Свинозубы.

Остальные члены боевого звена заняли позиции вокруг. Слова Агамона слышали все.

--- Свинозубы вернулись, --- снова

прохрипел Улиаг, с изумлением и ужасом
глядя на абсурдное зрелище,
накатывающее на дюны. -- Убийцы ваших
братьев вернулись, чтобы прикончить нас
всех.

Дак'ур ни разу не слышал страха в
голосе этого человека... до настоящего
момента.

Основная масса зеленокожей орды
была очень далеко от железной крепости,
но тем не менее защитники «Гнева
Вулкана» видели ее, точно растекающееся
по земле темное пятно. От основных сил
отделился ручеек и потек к подбитому
крейсеру.

-- Ты чувствуешь их, Дак'ур? --
спросил теленатически Нуриил.

Дак'ур медленно кивнул. О да, он их
чувствовал.

-- Такое неистовство... --
проборкотал брат-сержант.

Орки были уже не так далеко. Дак'ур
мог разглядеть грубые неровные силуэты
их машин и видел, как орки палили в
воздух из своего грубого оружия. Он
различил оскаленные морды свирепых

зеленокожих, и у него сжались кулаки. Это были отпрыски из спор тех зверюг, что практически уничтожили его древних братьев. Здесь, на тех же пепельных землях, сражение повторится: Саламангры против зеленокожих. Дак'ур был твердо уверен, что после этого раза орки больше не вернутся.

Связь затрещала помехами, затем через несколько секунд канал снова расчистился.

--- Сержант, --- прозвучал голос Агатоны, --- мне нужны твои воины немедленно.

--- Уже идет, --- отозвался Дак'ур, выключил связь и отдал приказ выдвигаться. Звено спешно покинуло дюну --- Улиаг отправился за ними --- и двинулось на встречу с Агатоном и остальными.

Огибая громадную тушу «Гнева Вулкана», Дак'ур увидел, что медицинские палатки уже пустеют. Раненые, которые могли ходить или которых можно было безопасно переносить, тащились прочь неравными группами. Боевой брат Зо'тан --- из другой половины отделения Дак'ура ---

взял на себя руководство корабельной охраной и здоровыми членами экипажа, сформировав из них вспомогательные войска. Безлый пересчет дал почти триста бойцов. Их поделили на шесть батальонов по пятьдесят человек, назначили командиров частей и командующих. Вспомогательные отряды принялись занимать позиции вокруг медицинских палаток. Они станут последним рубежом обороны для защиты тех, кто еще вынужден был оставаться в лазарете. И хотя тяжелораненые, вероятно, не выживут, Саламандры не собирались бросать их на расправу оркам.

Брат-сержант Агатон вышел к ним навстречу. Сержант Екбар остался там, где они рассматривали голокарту, и терпеливо ждал.

Агатон обошелся без преамбул.

— У нас три тактических отделения и одно неполное штурмовое, — начал он. — Вдобавок почтенные братья Ашатон и Амадей пробуждены магистром Аргосом.

Несгибаемые гредноуты в отдалении обходили границу оборонительного

периметра, установленного Агатомом.

Глядя в их сторону, Дак'ур заметил
впереди временно исполняющего
обязанности сержанта Ганнона. Тот
опустился на колени на высокой дюне,
рассматривая орков в бинокляры.
Штурмовое отделение собралось вокруг
него.

Агатона неожиданно прервал
открывшийся канал связи. Сержант
прижал бронированный палец к горжету ---
шлем был пристегнут к магнитному
замку на поясе.

--- Говори, --- велел он.

Донесся голос Ганнона.

--- По приблизительным подсчетам,
врагов около четырех тысяч, --- доложил
исполняющий обязанности сержанта, --- на
разнообразных машинах и мотоциклах.
Вооружение --- в основном автоматические
мелкокалиберные пушки, ружья и
пистолеты.

--- Отличная работа, сержант.
Возвращайтесь на позиции. Во имя
Вулкана!

--- Во имя Вулкана!

Ганнон прицепил к поясу магнокүляры и встал. Секунду спустя штурмовое отделение взметнулось в воздух, включившиеся двигатели прыжковых ранцев взревели, оставляя за собой хвосты из дыма и огня.

Агатон показал на средний план, где раньше патрулировали «Громобои». Тяжелых гусеничных установок уже не было, как и их операторов-техногесантников.

— Полоса гранат по-прежнему нетронута. Мы добавили еще взрывчатки. Наша стратегема: загнать орков на затинированную полосу и устроить полномасштабную атаку на их авангард, когда они рассеются, израненные и сбитые с толку.

Пока Агатон излагал свой план, Дак'ур разглядывал отколовшееся войско зеленокожих. Ксеносы уже отошли на некоторое расстояние от основных сил, выглядевших сейчас лишь плотной черной полосой поверх далекой высокой дюны. Он также заметил, что отколовшийся отряд растянулся, — оркам не терпелось

вступить в драку. Авангард из мотоциклов, грузовиков и наиболее быстрой части оркоидов оторвался от гораздо более крупной массы зеленокожих, состоящей из пехоты и грохочущих полугусеничных вездеходов.

— Видишь, как они растянулись? — указал Агатон. Авангард расходился в стороны все шире и шире: помешанные на скорости орки гнали наперегонки, стараясь обогнать груз груза. Дак'урэ это напугало гигантскую массу, которая медленно открывалась, готовясь к первому удару. — Нужно, чтобы они собрались в плотную колонну.

— Согнать их, как в загон, — предложил Дак'ур, тут же рассматривая варианты, как заставить свернуть скоростной, но уязвимый передовой отряд зеленокожих.

Агатон кивнул с едва заметным раздражением:

— Все уже готово.

Он указал на дальние фланги, сразу загрохотали. Дак'ур увидел там какое-то движение, скрытое злобещей полутьмой.

--- «Громобои», --- произнес он.

--- Точно так, --- подтвердил Агатон. ---

Обстрел фугасами начнется, как только мы привлечем внимание орков. Взрывы заставят их собраться в линию. С теми, кто не повернет, разберутся дредноуты.

Дак'ур прищурился, представляя себе весь ход реализации плана Агатона.

--- Нам понадобится приманка, чтобы завести их сюда.

Агатон кивнул.

Дак'ур проверил заряд в плазменном пистолете и вернул оружие в кобур.

--- Я возьму только боевое звено, --- сказал он. --- Где мы должны расположиться?

--- Пять Астартес --- это все, чем я могу поделиться, Дак'ур, --- ответил Агатон. Он указал на скалистый пятачок примерно в двухстах метрах от заминированной полосы. --- Вон там твоя позиция.

Место было не хуже других. Скалы давали некоторое укрытие, и земля там незначительно проседала: Саламандры могли использовать ее как неглубокий окоп.

чтобы укрыться, если станет жарко.

--- Пятеро огнерожденных против толпы в пять сотен, --- скептически заметил Ба'кен. --- Неплохие шансы.

--- А остальные войска --- что ты собираешься делать с орочьими резервами? --- спросил Дак'ур.

--- Арзос что-то готовит. --- Ответ Агатона впервые за время импровизированного совещания прозвучал неуверенно. --- Нам нужно лишь дать ему время. Притормозить зеленокожих.

--- Сколько времени ему нужно? --- спокойно спросил Дак'ур.

Лицо Агатона затвердело:

--- Столько, сколько мы сможем дать.

Не нужен был сервитор-антрополингвист, чтобы понять, что Агатон не ждет ничего хорошего. Затем сержант продолжил:

--- Как только авангард будет уничтожен, отходите на вторую линию. Вы ее увидите, потому что я буду стоять там с остальными нашими силами.

--- А после, если орки прорвутся?

Агатон настешило фыркнул. Было в

этот некое нарочитое геройство.

--- После уже будет не важно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В часть дракона

Дак'ур бережно держал в латных перчатках болтер, ощущая его надежную тяжесть и проводя пальцами вдоль ствола. Знакомясь со священным оружием, он шептал литанию точности.

«Гнев Вулкана» нес на борту несколько вспомогательных армориумов для Астартес. Там было достаточно запасных болтеров, боеприпасов и прочего военного снаряжения на случай, если они потребуются роте. Во время скаутской подготовки, когда Дак'ур был простым неофитом, а не частью седьмой роты, его учили пользоваться болтером суровый магистр рекрутов. Старый Зенге уже умер, но уроки, которые он преподавал Дак'уру, продолжали жить.

У каждого из Саламандр, засевших в неглубокой впадине, висел на боку болтер. Впереди скальные породы выходили наружу, и между неровными камнями мелькали приближающиеся орки.

Саламандры периодически выпускали по очереди, чтобы привлечь внимание стремительно несущегося в атаку авангарда зеленокожих. Звено должно было оставаться на виду, но Саламандры тем не менее пригнулись, чтобы не стать легкой мишенью. Лишь у Ба'кена с Емеком, вооруженных огнеметами, болтеров не было.

Пятерка Дак'ура стала шестеркой --- к ним присоединился Нуриил. Он тоже держал в руках болтер --- психосиловой меч и пистолет пока были убраны. Библиария не смогла убедить аргументы сержанта Агатона, который настаивал, чтобы тот остался с основными силами. Нуриил тоном, не предполагающим дальнейших споров, высказал мысль, что его способности гораздо больше пригодятся Дак'уру.

Улиаг, конечно, --- дело другое. Объяснять, что произошло под землей, времени не было, и Дак'ур едва успел сообщить, насколько важен этот человек для них и что, если они переживут сражение с зеленокожими, Улиага не медля

следует доставить к Н'келну. К тому же лидер поселенцев решил, что будет сражаться вместе со своими дальними ноктюренскими родичами, и присоединился к одному из батальонов. Человек мог воевать; кроме того, у него был собственный лазган, поэтому Агатон не видел причин препятствовать. Дак'ур, конечно, предпочел бы поместить Улиага под охрану, но решил, что стоять плечом к плечу с пятью десятками других вооруженных людей сейчас безопаснее.

--- Тысяча метров, --- доложил Анион, наблюдая за приближением орков в магнокүляры.

--- Оружие наизготовку, --- коротко и ясно приказал Дак'ур и поднял свой болтер.

Каждый Саламандр занял свое место среди катней, устранив себя за импровизированным бруствером, созданным естественными подвижками скал. Стаккато издаваемых заряжаемым оружием звуков нарушило тяжелую тишину, затем воздух снова стал неподвижен.

--- Восемьсот...

Дак'ур приложился к прицелу.

--- Семьсот...

По дюнам покатились глухие удары залпов «Громобоев». Вереницы взрывов взметнулись огненно-серыми цветками, постепенно сгоняя авангард зеленокожих плотнее.

--- Шестьсот...

--- Во имя Вулкана! --- взревел Дак'ур, и болтеры взревели вместе с ним.

Вспышки выстрелов разорвали тьму, следом появились огни разрывных снарядов, разносящих на куски первых в рядах моторизованного орочьего авангарда. От беспощадного обстрела космодесантников кувырком летели мотоциклы, грузовики переворачивались от взрывов топливных баков, превращаясь в катящиеся огненные шары. Летящие осколки секли тех, кто оказался в стороне от эпицентра болтерного шторма, вынуждая мотоциклистов отворачивать прямо в другие мотоциклы, а грузовики --- бешено вилять и врезаться, когда их водителей рвало в клочья.

Бешеное орочье наступление

мгновенно затеделось: ехавшие следом
принялись вилять, объезжая пылающие
обломки, а зеленокожих с краев авангарда
сгоняли в середину далекие залпы
«Громобоев».

Выкрикивая яростные проклятия,
орки перегруппировались и обнаружили, на
ком сосредоточить свою ярость, — на
шестерке Саламандр, стреляющих по ним
из-за вывернутого камня впереди. Орочья
масса слилась воедино, точно
расплавленная масса металла — в форму
наконечника. На самом деле огонь из
болтеров их лишь поцарапал, но кровавая
оплеуха, полученная орками, будто
продолжала звенеть в их ушах.

Случайные попадания из пулеметов и
пушек зеленокожих откалывали куски от
каменной стены. Осколок со звоном
отскочил от наплечника Дак'ира, но
сержант едва это почувствовал. Объемный
дисплей в его правой линзе показал, что
орки находятся всего в трехстах
шестидесяти пяти целых и трех десятых
метра от них. Меньше чем через минуту
они попадут в затинированную полосу.

Затем будет отрезок еще в двести метров между Саламанграты и ордой.

— Перезаряжаю! — крикнул Дак'ур, присел за укрытие из камней, выбросил почти пустой магазин и щелчком вставил на место новый. Весь процесс занял меньше трех секунд. Когда он вернулся за брествер, чтобы возобновить огонь, брат Анион пригнулся на место сержанта и повторил за Дак'уром цикл перезарядки. Таким образом Саламангры могли поддерживать непрерывного огня, лишь незначительно снижая его интенсивность между перезарядками.

Возглавляющий зеленокожую стаю воюющий мотоциклист внезапно взлетел в воздух, словно оседлав вспучивающийся огненный шар. Взрыв разнес мотоцикл на части, оторвав рифленные колеса и превратив ноги и живот орка в кровавые ошметки. Зверюга продолжала яриться, пока не врезалась в землю с влажным хрустом. За ним последовали другие, подбрасываемые вверх, словно в смертоносном псевдопиротехническом шоу. Взрывы на минной полосе подняли

густую тучу пепла, которая только добавила смятения и увеличила количество аварий. Из пепельной завесы выскакивали объятые пламенем мотоциклы без седоков и снижали ход — некому было больше жать на газ. Из мглы кувырком выкатился грузовик. Беспрестанные удары о землю забили до смерти его злосчастных пассажиров. Грузовик застыл искореженной гругой. Пара орочьих мотоциклистов, ничего не видя сквозь залепивший очки пепел, столкнулась с ним и взорвалась.

Ущерб был ужасающим. Передвигающиеся плотной массой зеленокожие, согнанные огнем «Громобоев» и привлеченные отрядом-приманкой Дак'ура, понесли на минной полосе страшные потери. Разогнавшихся орков несло через смертельно опасные обломки и на остатки зарытых гранат, которые еще не сработали. Ксеносы уже не могли остановиться — этого им не позволяло безумное рвение вкупе с непоборимым инстинктом гнать быстрее. Зеленокожие продолжали пробиваться дальше и

утирать. Двести метров превратились в сто пятьдесят на линзе внутри шлема Дак'ура. С таким числом орков в авангарде некоторые неизбежно сумеют прорваться. Но брат-сержант предусмотрел и эту возможность.

Назнув по переключателю на болтере, он перевел оружие в скорострельный режим. Это приведет к большому расходу боеприпасов, но карающая стена такого огня будет непреодолимой. Дав волю своей ярости, Дак'ур заметил, как дупльная вспышка на конце болтера обернулась огненной звездой с лучами, похожими на ножи. Мчащиеся орки превращались перед ней в кровавый туман, разлетаясь дымящимися клочьями мяса и гнущего металла.

Орки, более цепкие, чем чүта, продолжали выкатываться на линию огня. Их уцелело едва ли пятьдесят — все, что осталось от авангарда в пятьсот, который недавно опередил передвигавшиеся более медленно части отделившейся от основной армии орды.

В локоть, найдя цель между

пластинами, ударила пуля и күсүлгә.
Дак'ур поторщился. Еще одна отскочила
от левого наплечника. Орки, подобравшись
ближе, үлүчишли теткость стрельбы.

Не обращая внимания на пули,
которые сбивали краску с силового госпеха,
а некоторые -- даже пробивали небольшие
дырки, но застревали в слоистом
керамике, Дак'ур поднялся на ноги. Его
братья поднялись следом.

-- Очищай! -- взревел брат-сержант, и
наконец-то в дело вступили огнеметы.

Последних оставшихся орков окатила
стена огня. Сверхперегретый протетий
взрывал двигатели и плавил шины в
прорезиненный шлак. Зеленокожие вопили,
сгорая, и падали, поглощенные раскаленной
волной.

Из үгодивших теждү двойным
штормом болтеров и огнеметов орков
үцелела едва ли пара десятков. Примерно
половина сумела доковылять, без машин,
оглушенная и разъяренная, на расстояние
нескольких метров от камней, когда
Дак'ур отпустил болтер, оставив его
болтаться на ремне, и вытащил свой

ценной меч. Его голос взвился, точно вой
внезапно заработавших зубьев клинка:

--- В атаку!

Дак'ур ринулся первым, перескочив
катни. Братья бросились следом. Небесно-
голубая вспышка, которую Тсу'ган заметил
краем периферийного зрения, подсказала,
что Нуриил достал свой психосиловой меч.

Саламангры накиннулись на
потрепанные остатки орочьего авангарда.
И разнесли их в клочья. Через несколько
секунд все было кончено, и, когда пыль
наконец улеглась, стали видны трупы
зеленокожих, усеявшие землю. Этих
зверюг, обладавших могучим
телосложением, трудно было убить. На
поле битвы должны остаться выжившие,
но ни один на настоящий момент не
представлял для Саламангр угрозы. За
рассеивающейся пеленой дыма и непла-
приближалась остальная орда. Зрелище
отрезвляло, рассеивая запал боевой
эйфории от недавней победы.

Более тысячи орков: более
тяжеловооруженных, более решительных,
более яростных.

Что бы там ни планировал Арзос, Дак'уру оставалось лишь надеяться, что это будет готово скоро и окажется достаточно мощным, чтобы сравнять с землей небольшую армию.

--- Отступаем, --- приказал он. --- Соберите все не расстрелянные до конца магазины. Нам скоро понадобится каждый патрон.

В расположение Саламандр они прибыли почти одновременно с «Громобоями» и гредноутами.

Азатон приказал отвести тяжелые орудия назад, как только орочий авангард оказался в «пасти дракона», как он называл ее впоследствии. Воины Дак'ура отступили чуть позже, но большая скорость хода боевых братьев уравнивала ранний старт орудий. Брат-сержант выглядел задумчивым. Когда Дак'ур подошел ближе, то понял почему: Азатон внимательно прислушивался к устройству связи в ухе. Он коротко кивнул с трачным выражением на лице.

--- Орда зеленокожих в горах

большем количестве стянулась к железной крепости. Капитан Н'келн в настоящий момент находится в осаде, --- сообщил он.

--- О насколько крупных силах мы здесь говорим? --- спросил Дак'ур, зная, что там орда, с которой они скоро встретятся, исчисляется тысячами.

--- Трудно сказать, --- ответил Агатон. --- Насчитали несколько десятков тысяч.

Дак'ур удрученно покачал головой, затем указал на затмение:

--- Тот черный камень вращается на орбите планеты, и, когда он подойдет ближе, орков станет еще больше.

Агатон поднял взгляд на жуткий планетоид, похожий на злобещий черный шар, и мрачно нахмурился.

--- Мы должны объединить силы, --- решил он. --- Должны найти способ добраться до капитана Н'келна и наших братьев прежде, чем осада слишком сильно измотает их.

--- Мы не в состоянии ит поточь, --- сержант Агатон, --- вмешался Нуриил, демонстрируя тот холодный прагматизм,

который обычно ассоциировали с капелланом. -- Наши братья пройдут испытание на наковальне войны, как и ты.

Агатон кивнул, соглашаясь с мудростью библиария, однако буркнул вполголоса:

-- Будет надеяться, что они выдержат. -- После чего в последний раз осмотрел расположение войск и отправился к своему отделению. Дак'ир сделал то же самое. Зо'тан возглавил вспомогательные войска, которые расположились в нескольких сотнях метров позади линии Салатангр, поэтому у Дак'ира осталось на одного воина меньше, если, конечно, Пуриил не присоединится к его отделению.

Библиария явно интересовал Дак'ир. Хорошо это или плохо, брат-сержант не знал. Единственное, в чем он был точно уверен, -- что Пуриил не спустит с него глаз.

Для прикрытия Салатангр была выстроена неровная линия обороны из металлических ящиков, частично разобранных бункеров и пустых

цилиндрических коробов из под
боеприпасов. Боевой брат Г'хеб поднял
сжатый кулак, обозначив для сержанта
местонахождение их позиции. Дак'ур
почувствовал в его пылающем взгляде
вопрос, который, словно в зеркале,
отражался в глазах всех Саламандр: что
произошло под землей и кто тот человек
среди них? Дисциплина обуздывала их
желание выведать правду, сейчас большее
значение имело выживание и защита
невинных человеческих жизней. Ответы
будут потом, если Саламандры уцелеют в
грядущей битве.

С тяжелым сердцем Дак'ур покинул
латные комплекты, поселенцев и особенно
-- древнего брата Гравия, хотя особого
выбора у него не было. Дак'ур успокаивал
себя тем, что если они смогли
продержаться так долго без внешнего
вмешательства, то сейчас им грозит не
большая опасность, чем в любом другом
месте на Скории. Но крайней мере, пока
внимание орков приковано к противнику на
поверхности, зеленокожим не придет в
голову лезть глубже.

Ветер донес ритмичное пение, прервав мысли Дак'ура. Орки шагали под бой барабанов. Они видели перед собой малочисленного врага, без всяких подвохов, доказавшего свою сноровку и теперь открыто стоявшего перед ними. Это их возбуждало. Их воинственная уверенность точно давила на переднюю часть головы. Дак'ур положил руку на лоб, тщетно пытаясь избавиться от неприятного ощущения. На остальных это тоже действовало, хотя и не так сильно.

Стой прямо, сержант. --- Голос Нуриила в голове Дак'ура звучал не громче шепота. --- То, что ты ощущаешь, это психические эманации подсознания зеленокожих.

Это лишало сил. Дак'ур чувствовал, что голова сейчас взорвется. Он сжал зубы, заметив, что, оказывается, сгорбился, и выпрямил спину.

--- Дак'ур... --- потянулся к нему Ба'кен, стоявший с другой стороны.

--- Я в порядке, брат, --- соврал Дак'ур. Шум в голове оглушал, во рту появился привкус крови. Ба'кен незаметно

придвинулся ближе к сержанту — линия Саламандр была такой плотной, что они все равно стояли почти плечом к плечу.

— Обопришься на меня, когда начнется бой, — шепнул Ба'кен, тихонько опустив свой тяжелый огнемёт и украдкой поддержав Дак'ира под локоть свободной рукой.

Дак'ир обнаружил, что не может сказать ни слова в ответ. Был ли это очередной приступ видений, проявившийся в некоей ослабляющей физически форме? Приближающаяся орда орков слилась в единую ноту пронзительного белого шума, который заглушил все остальное. Жаркий, злой зеленый свет жег, точно солнечные пятна в глазах, и Дак'ир потерял концентрацию. Ярость, непрощенная кипящая ярость наполнила разум, и сержант почувствовал, как вопреки своему желанию сжимает кулаки. Нечто первобытное просыпалось внутри, и Дак'ир подавил желание заорать и броситься на орков. Он страстно хотел ворваться в их ряды с голыми руками, рвать их зубами, бить их до тех пор, пока не останутся

лишь обломки костей и потроха.

Сквозь опустившуюся пелену
бесстысленного гнева мир вокруг принял
мерзкий зеленый оттенок.

Слушай мой голос, Дак'ур. -- Снова
вмешался Нириил. -- Помни, кто ты есть.

Дак'ур сжал кулаки сильнее. Прикусил
губу так, что рот наполнился кровью.

Огнерожденный, -- сказал Нириил.

Ярость, похожая на цепную молнию,
ломала тело, и сержанта начало трясти
от напряжения. Начали вспыхивать
синоптические предупреждающие значки
за линзами шлема, привязанные к
биоритмам тела. Сердечный ритм
поднялся до инфарктного уровня -- в груди
словно непрерывно взрывалась осколочная
граната; дыхание участилось; мигающие
алым значки предупреждали о неминуемой
анафилактической сосудистой
недостаточности; артериальное давление
подскочило, дойдя до границы предельной
гипертензии.

Огнерожденный, -- повторил Нириил.

Дак'ур снова ощутил жар горы
Смертного Огня. Он вспомнил скитания по

нещерам Узнеи, плавание по Егкоту морю
и долгий подъем на вершину Циндарского
плато.

Зеленый туман начал рассеиваться,
пока поле зрения вновь не подернулось
красным.

— Огнерожденный, — произнес Дак'ур.
Его голос прозвучал в унисон с психическим
голосом библиария в голове.

Дак'ур отстранился от Ба'кена, дав
понять, что больше не нуждается в
поддержке. Безмолвный обмен взглядами
между ними сказал больше, чем любые
слова благодарности. Могучий Саламандр
едва заметно кивнул, показав, что понял, и
крепче сжал тяжелый огнемет.

С флангов обороны загорели орудия
«Громобоев». Невидимые отсюда, они
сосредоточенными залпами вбивали в
землю целые куски зеленого ковра
наступающих орков. Но это было все равно
что бросать пули в океан. Зеленый ковер
ненадолго расступался под взрывами, а
затем стыкался снова. Круги от взрывов
быстро гасли, не нанося видимого вреда.
Навших стинали ногами и тут же

забывали.

--- Вулкан милосердный!.. ---
послышался из устройства связи голос
Емека.

--- Никогда не отчаивайтесь! ---
произнес Дак'ур, стараясь поощрить
воинов. Кровь, залепившая зубы, на вкус
была как медь. --- Никогда не сдавайтесь!
Саламангры, только вперед!

Когда орки подошли на расстояние
выстрела, вдоль линии обороны
прокатился болтерный залп. Зеленокожие
стерпели его так же, как и остальные, но
больше уже не маршировали --- они перешли
на бег.

--- Началось. За Ту'Шана и
Императора! --- воскликнул Дак'ур. --- За
Вулкана и славу Прометея!

Сорок против трех тысяч.

Дак'ур уже заглядывал в
примитивную дугу орков. Ему были
знакомы, почти на клеточном уровне, их
ярость и агрессия. И если не случится что-
то, что приведет к балансу сил, многие
огнерожденные не переживут эту битву.
Дак'ур дал себе клятву, что не сойдет в

пиреум так просто. В затылке часто
запульсировало. На мгновение Дак'ур
показалось, что это вернулась орочья
ярость, но, когда начала резонировать вся
пепельная равнина, он понял, что у
пульсации был другой источник.

Заряжались массивные накопители
орудий «Гнева Вулкана». С нагсадным
скрежетом повернулись огромные башни
верхней палубы. В воздухе неторопливо
защелкали актинические разряды,
намагничивая металлические частички в
пепле и пыли, которые тут же облепили
баштаки и поножи Саламандр. Пульсация
поднялась до пронзительного визга, и
Дак'ур увидел, как вокруг жерл орудий
заискрились ветвящиеся нитбы
электрических разрядов.

Мгновение спустя орудия ухнули.

По пепельной равнине, вздымая рябь,
прокатилась ударная волна, такая
тяжелая и мощная, что бросила
Саламандр на колени. Выгнутые дулами
борозды понеслись по серой земле вслед за
стертоносными разрядами башенных
орудий, закручивая вихри из поднятого

непла и пыли.

Огневой вал продлился всего несколько секунд, но он принес орде зеленокожих настоящее опустошение. Орудия ударного крейсера предназначались для стрельбы на огромные расстояния в глубинах космоса по массивным, тяжелобронированным и защищенным пустотными щитами целям. Огневая мощь, которую они могли развить, была безумно-разрушительной. Аргос благодаря своему гению сумел активировать лишь небольшую часть орудий. Но и одной лазерной батареей хватило, чтобы разнести на атомы огромные лоты зеленокожей армии, уничтожив многие сотни в смертоносном лазерном шторме. Орудия выпустили несколько тысяч сверхмощных разрядов, но с такой частотой и скоростью, что они сливались в один непрерывный луч. Те, кто не попал прямо под луч, сгорели от жара. Несколько сотен зеленокожих уже пылали как факелы: одни потерянно ковыляли среди опаленной земли, другие просто превратились в обугленные останки. Многих, ослепленных и оглушенных

жуткой атакой, вывели из строя шок и дезориентация.

Дак'ур поднимался на ноги, когда по воксу прозвучал холодный и грозный голос Агамона:

— Зеленокожие разбиты. Сблизиться и прикончить их. Саламангры, вперед!

Рев ускорителей порвал воздух. Одновременно исполняющий обязанности сержанта Ганнон и его штурмовое отделение ринулись вверх на хвостах из дыма и пламени. Обнаженным клинками штурмовиков не терпелось отведать орочьей крови. Одновременно через импровизированные баррикады перевалили пешие воины, сверкая болтерным огнем. Огнеметчики грузно шагали вместе со всеми, а тяжелые стационарные орудия, оставшиеся позади, издалека вколачивали в землю побитую зеленокожую орду.

Дредноуты на флангах захлопнули смертельную ловушку, и в последовавшем кровавом побоище отделившееся от основных сил орочье войско было полностью уничтожено.

Лицевой щиток залила орочья кровь, и Дак'ур снял шлем, чтобы лучше видеть. Расстрельные команды бродили по дюнам среди клубящегося дыма. Безликие выстрелы, резкие и отрывистые, время от времени нарушали трагичную послебоевую тишину, добивая раненых орков.

Осматривая побоище, Дак'ур взглянул на горизонт и представил себе еще большую орду, которая по-прежнему где-то там осаждала железную крепость. И еще он подумал, как они могли надеяться сломить столь огромное войско имеющимися силами. Защитникам придется остаться возле «Гнева Вулкана». Крейсер был их единственной надеждой отбросить с планеты, медленно разваливающейся на части. Толчки уже следовали почти непрерывно, далекие вулканы извергались со злобещей регулярностью. Дак'уру подумалось, что даже без затмения небеса все равно потемнели бы — от падающего пепла.

— Как на Морибаре, — пробормотал он себе под нос, не зная, что повторяет слова своего соперника, Тсу'гана. Он смутно

чувствовал, что темное наследие Воинов-Драконов как-то переплетено с судьбой третьей роты и особенно с судьбой его и Тсу'гана. Он даже ощущал прикосновения их когтей к этому отдаленному миру.

Из тьмы появился Азатон, на ходу оттирающая кровь с силового меча.

--- Орки перебиты, --- произнес он, словно поставив точку.

--- Даже если они вернутся, магистр Аргос снова пустит в ход оружия крейсера.

Азатон помотал головой:

--- Нет, не пустит. Аргос сказал мне, что сможет выстрелить только раз. Отдача может разрушить коренную породу, которая держит корабль, и похоронит его окончательно. Он не станет рисковать.

--- Тогда наша передышка будет недолгой.

--- Совершенно верно.

--- Есть что-нибудь от капитана Н'келна?

--- Мы сейчас пытаемся с ним связаться, но есть другие вопросы, решением которых я хочу заняться в

первую очередь. --- Агатон говорил как командир.

--- Человеческие поселенцы? --- спросил Дак'ур, уже зная ответ.

--- Совершенно верно, --- повторил Агатон. --- Что вы нашли под землей?

Дак'ур постарался говорить спокойно, чтобы брат-сержант не усомнился в его откровенности:

--- Мы нашли НоктюРН.

Выражение на лице Агатона выдало его недоверие.

--- Позволь познакомить тебя с Зоннаром Улиагом, --- сказал Дак'ур. --- Тебе о многом нужно узнать, брат.

Смерть от вины

Глухие хлопки разрывов грели за стенами цитадели, проявляясь внутри в виде пыли, сыплющейся с потолка. Осада перешла во вторую фазу: орочий вождь снова бросил свои, кажется неистощимые, войска на стену, которую удерживали Саламандры. Потери пока были невелики. Брату Камусу требовалось залатать дышу, прежде чем он вернется в бой. Шен'кар сломал при падении несколько костей, но кости ему быстро выправили, и член Инфернальной Гвардии уже стоял рядом со своим капитаном.

Однако попались и более тяжелые случаи. Два Саламандра на данный момент были выведены из строя и лежали сейчас с активированными анабиозными мембранами,^[7] отключившими их организмы в ответ на тяжелые раны, полученные во время первого орочьего штурма.

Более легкие ранения, такие как

отрубленные руки, выдавленные глаза, пробитые легкие, случались чаще. Фүзис внасквозь промокших от крови латных перчатках был рад погрузиться в работу, но еще он был рад своему уединению в цитадели. С момента смерти Навима и порочной сделки с Уагоном апотекарий начал сомневаться в себе. Новое, чтобы остаться в тылу, подальше от грохота битвы, был: два находящихся в камере Астартес нуждались в помощи Фүзиса.

Уклоняться от такого боя для Саламандра, впрочем и для любого костогесантника, было проклятием. Фүзис это прекрасно понимал, и это терзало его душу.

Он позволил своему блуждающему взгляду покинуть пределы комнаты через открытую дверь. Эта комната, одна из многих в цитадели, была очищена капелланом Элизием и огнеметной командой и снова выделена под нужды апотекариона, хотя Фүзис сомневался, что Железные Воины использовали ее в лечебных целях. Взгляд Фүзиса натолкнулся на темные стены камеры

пытюк. Та находилась рядом; дверной
проем в камеру был закрыт черным
пластиковым занавесом. Внутри
содержался пленный предатель,
прикованный к одному из устройств
капеллана. Хирурги-гознаватели

Элизия резвились, точно исполнительные
и смертоносные шавки на прогулке.

Для Фугиса это было странным
местом пыток и местом лечения в столь
тесной близости. Хотя, если подумать,
возможно, эта парочка была не такой уж
разнородной.

На медицинской латной перчатке
апотекаря вспыхнул значок встроеного
хронометра, напоминая, что пора
проводить осмотр раненых воинов,
находящихся на его попечении. Фугис сжал
края стола и склонил голову.

— Плата Вулкана бьется в моей
грудь... — затаил он, пытаясь укрепить
свой дух.

Приближающиеся шаги не дали ему
закончить катехизис. Фугис медленно
поднял взгляд, сначала увидев зелень брони
Саламангра.

--- Брат... --- заговорил было он, затем
увидел рваную дыру в нагруднике
Саламангра и встретился с мертвыми
глазами Навима.

--- Брат. --- Речь Навима была
невнятной, точно на один голос
накладывался другой. Его дыхание
стергло разложением, из раны несло
сильным запахом застарелой крови, столь
же пронизывающим, как и ирония в голосе
Навима. На его лице застыла
презрительная усмешка.

--- Ты мертв, --- нелено заявил Фүгис.
Он потянулся к болт-пистолету, чувствуя
эманации варна. Похоже, благословение
капеллана было недостаточно сильным, а
огнеметы не сумели очистить помещение
полностью.

--- Благодаря тебе, --- ответил Навим
тем же двоящимся голосом. Он не
двигался, просто стоял на месте, излучая
злобу и обвинение. --- Ты убил меня и мое
наследие, брат.

От издевки наваждения в Фүгисе
вспыхнул гнев. Апотекарий ощутил в руке
успокаивающую твердость болт-

пистолета.

--- Тебе не убить меня дважды, брат! ---
сказал Навим.

--- Ты мне не брат, исчадие варна, ---
возразил Фүгис и поднял пистолет.

--- Я твоя вина и твои сомнения,
Фүгис, --- произнесло нечто.

Аномекарий заколебался. Какая
польза от болт-пистолета против
домыслов собственного разума? Оружие в
его руке дрогнуло.

--- А теперь, --- велело нечто, ---
приставь оружие себе ко лбу.

Фүгис непокорно скривился, но
обнаружил, что тегленно поворачивает
пистолет. Он чувствовал вину за то, что
случилось с Навимом. Она терзала его и
давила на душу тяжким грузом. Фүгис
хотел поддаться ей, чтобы его утащило
вниз, во тьму, и он никогда уже не смог
подняться на поверхность. Аномекарий
закрыл глаза.

Дуло болт-пистолета прижалось к
голове. Он даже не понял, что дело зашло
так далеко.

--- Стреляй, --- настойчиво велел

звоящийся голос. -- Нажми на курок и погрузись вниз, к зову тьмы, к тишине и покою.

Палец давил все сильнее. Фугис думал о Навиме и недостойной кончине, на которую сам его обрек, и о Кадае -- его он тоже повел.

Неожиданно ствол болт-пистолета повело в сторону, медленно, но твердо отводя оружие от головы аптекаря.

-- ...с ним я сокрушу врагов Императора... -- знакомый голос раздался в голове Фугиса.

-- Ко'тан... -- прохрипел он, вновь открыв глаза.

Навим, или тварь, которая облеклась в него, словно в рваный плащ, исчез. Ощущение чего-то, заметного лишь краем глаза, тоже рассеивалось. Фугис не пытался его разглядеть, ибо знал, что этого нельзя увидеть. Но след зеленых латных перчаток, гротового молота, выкованного заново, и капитана, перерожденного в огне, остался с ним. Он оставался с ним ровно столько, чтобы Фугис сумел активировать устройство

связи.

--- Брат Претор, --- вызвал апотекарий, зная, что сержант первой роты стоит в резерве у разбитых ворот. --- Я немедленно эвакуирую цитадель. Помощь раненым с этого момента будет оказываться на передовой.

--- Они уходят из цитадели, --- констатировал Тиберон.

Цагон отстраненно кивнул, глядя на появившегося из дверей апотекария Фугиса. Группа сервиторов сопровождала пару складных салазок с двумя боевыми братьями без сознания. Хирурги-гознаватели Элизия появились чуть позже, ведя пленного Железного Воина. Капеллан находился тут же, во дворе, внимательно наблюдая за происходящим. Пленника будут перевозить и содержать в одном из «Носорогов» до тех пор, пока Элизий не закончит с ним. По виду капеллана Цагон решил, что это случится скоро.

Техногесантник Дрейдий заварил за собой двери плазменной горелкой.

Цагона мало интересовали

остальные. Его внимание занимал исключительно Фүзис. Хотя немного огня вошло в него, бесспорно, вернулось, аптекарий по-прежнему был жалкой копией себя прежнего. Цагон видел подобные вещи: он видел слабость так же ясно, как сжатый кулак или обнаженный меч. Сделка, которую он заключил, чтобы защитить Тсү'гана, оставалась в силе.

Наступило затишье после почти непрерывного сражения. Саламандры отбили вторую атаку орочьего вождя. Стойкость огнерожденных была в их природе: ноктюрнцам приходилось быть стойкими, чтобы выжить на тире смерти. Да, возможно, не самые лучшие в стационарной обороне, больше предпочитающие драться с противником в ближнем бою, неотступно выжигая его с лица земли, Саламандры стиснули зубы, уперлись покрепче и превращали каждую орочью атаку в самоубийственный бросок в объятия смерти и пламени. Да, похоже, они побеждали в этой войне на истощение. И хотя армия орков, казалось, тянулась до самого горизонта, безбрежная зеленая река

медленно стекалась к крепости и разбивалась о волнорез Астартес. Военный вождь даже оттянул войска назад, за пределы досягаемости оружия Саламандр. Орки были упертыми тварями, но даже они переставали биться головой в стену, если она не поддавалась. Но крайней мере, кто мог похвастаться зачатками интеллекта.

Цагон представил себе, как звери на вершине гребня обсуждают разные подлые хитрости, пытаясь придумать план по захвату крепости. Или, может, они просто ждут — ждут, когда черный камень вновь уронит свои темные осколки и пополнит поредевшие орочьи полчища. Орков было слишком много, чтобы напасть на них в чистом поле, и слишком мало, чтобы они могли преодолеть стены крепости и ворваться внутрь. Два заклятых врага оказались в патовой ситуации.

Недавно взошедшее солнце пробивалось тонким кольцом рассеянного желтого света из-за злобещего черного камня. За несколько часов, прошедших с последнего штурма, камень вырос в

размерах. Чем бы ни была эта штука, принесшая зеленокожих на Скорую, она приближалась.

--- Следующими будут стены, --- проворчал брат-сержант Тсу'ган, появляясь рядом. Он снова снял шлем, и лицо его было мрачным. Он словно надел маску с постоянной гримасой, как будто тяжелая ноша незримо тянула книзу черты его лица.

--- Сержант? --- переспросил Тиберон.

Внимание Тсу'гана на мгновение привлекла цитадель, которую сейчас запечатывали накрепко, затем брат-сержант повернулся и безучастно устоял на орков, скопившихся на линии гребня.

--- Ты не чувствуешь, Тиберон? --- спросил он. С момента, как наступил перерыв в бою, Тсу'ган постепенно впал в подавленный ступор. Они все это чувствовали, и сержант старательно скрывал это, но Цагон видел, как это воздействует на его будущего патрона, более ясно, чем кто-либо другой.

--- Мы все чувствуем, сир, ---

откликнулся Цагон. Тон Саламандра был тщательно выверен, он различил оттенки помешательства в голосе сержанта. Тсу'ган был для Цагона дорогой к власти и влиянию. И он не должен пошатнуться, только не сейчас. Взглянув на надвратные укрепления, Цагон увидел Н'келна, который вместе с Шен'каром выстатривал потенциальные бреши, чтобы заблокировать и укрепить их. Со временем это не будет иметь никакого значения. Цагон знал, что здесь они не останутся. Все чувствовали губительное воздействие, исходящее порченными Хаосом камнем и металлом железной крепости. Никакой огонь не мог его выжечь, никакой голос, полный веры, каким бы пылким он ни был, не мог его заглушить. Нет, рано или поздно им придется покинуть это странное пристанище, или оно их поглотит.

Но сейчас Цагону нужно было подставить плечо своему сержанту. Число сторонников капитана Н'келна росло с каждым часом. Он выдержал пламя войны и пока вышел невредимым, даже

перекованным заново.

Воины вдоль стены были расставлены редко, и большие пропуски приходилось терпеть в силу того факта, что попросту не хватало Саламандр, чтобы защищать каждый ее дюйм. Цагон аккуратно отвел Тсу'гана от Тиберона, чтобы поговорить наедине. Если у Тиберона и появились какие-то мысли о секретном разговоре, он не подумал виду. Саламандр принялся разглядывать в магнокуляры растущую порочью оргу, которая снова готовилась к атаке.

--- Сир, вы не должны поддаваться, --- шептал Цагон.

Тсу'ган диким взглядом уставился в красноватые листы железа на паранете. Металл казался темнее, точно его покрывали пятна крови. Тсу'ган закрыл глаза, чтобы не видеть, и снова подумал о ноже и боли, избавляющей от терзаний.

--- Это проклятое место влияет на всех нас, --- продолжал настойчиво Цагон, отчаянно пытаясь добиться реакции от сержанта. Он крепко сжал наплечник Тсу'гана. --- Но мы не можем позволить ему

помешать нам защитить будущее роты,
брат.

При этих словах Тсү'ган поднял глаза.
Его взгляд был твердым.

--- Ты на что намекаешь, Уагон?

Уагон опешил от внезапной резкости
Тсү'гана и не сумел скрыть этого.

--- Да на твое лидерство и прошение
стать капитаном, --- ответил он,
отпрянув точно ужаленный.

Тсү'ган недоверчиво нахмурился.

--- Все кончено, Уагон, --- ответил он
категорически. --- Н'келн прошел
испытание огнем войны и оказался
достойн. Я сам считал его достойным.

Уагон на мгновение потерял дар речи.

--- Сир? Я не понимаю. Вас
поддерживают во многих отделениях. Мы
можем сплотить их вокруг вас. Если
выскажется достаточное число
недовольных...

--- Нет. --- Тсү'ган покачал головой. --- Я
ошибался, Уагон. Я всегда был предан роты
и своим боевым братьям. Я не буду
оспаривать место Н'келна, и ты не будешь.
А теперь займи свое место, --- прибавил он

с вновь обретенной решимостью и волей. ---

Во имя Вулкана.

Тсу'ган отвернулся, и рука Цазона упала с его наплечника. В душе Саламангра разверзлась зияющая трещина, и все стремления и интриги полетели в нее, точно в пропасть.

--- Да, сир... --- ответил он, почти не осознавая этого. Цазон перевел взгляд на Н'келна, стоявшего над воротами, на этого переродившегося капитана, который каким-то образом поставил крест на всех его замыслах. --- Во имя Вулкана.

Брат-сержант Агатон с невозмутимым видом выслушал историю Зоннара Улиага. Дак'ир и Нуриил возвышались по бокам таленького человека в полутраке сборного командного бункера.

После одержанной победы над отколовшимся войском орков Саламангры вернулись к своим прежним занятиям: поиском выживших на корабле, откапыванием наиболее зарывшихся секций корпуса и укреплении обороны периметра против дальнейших нападений.

После битвы медицинские палатки поставили заново, а хирургам велели сдать полученные лазганы и вернуться к работе. Несколько тяжелораненых обнаружили мертвыми в койках по возвращении медицинского персонала. Может, шок, а, может, просто нагвагающая смерть унесла их жизни в отсутствие постоянного наблюдения. Их сожгут вместе с остальными и похоронят позже.

Хотя Саламандры рьяно взялись за дело, каждый готов был бросить все по единому слову Агамона. Все знали, что он собирается провести наступление, чтобы снять осаду и освободить своих братьев в железной крепости. Нужно было лишь придумать способ или военную хитрость для этого. За последние несколько минут время от времени пробивались сообщения от осажденных Саламандр. В них говорилось о крайней необходимости покинуть крепость. Так, будто в ней присутствует что-то нечистое, какая-то злобная сущность, которая уже пыталась забрать жизни нескольких Астартес,

ущность, набирающаяся сил с каждой минутой. Эта срочность стала частью причины, почему Дак'ур заставил Агатона переговорить с Улиагом, чтобы тот узнал то, что мог поведать лидер поселенцев.

Агатон выслушал все, переваривая информацию без видимых эмоций. После рассказа Улиага Дак'ур открыл то, что они с Нурилом видели на бывшем мостике древнего корабля экспедиционного флота, в частях которого жили поселенцы. Он рассказал о старинных комплектах силовых доспехов, пикт-записи и древнем Саламандре, Гравии.

Агатон, выслушав, кивнул с таким видом, будто Дак'ур сообщил ему, что хочет провести тренировку с оружием, а не то, что, вероятно, самый старый из живущих ныне Саламандр находится у них под ногами, — их потенциальная связь с Уствааном и потерянным примархом.

— Я сообщу Аргосу, пусть выделит сервиторов и технодесантника, чтобы забрать доспехи, — произнес Агатон с почти осязаемым прагматизмом. Ему не требовалось смотреть на зал и

неподвижно сидящего брата Гравия. У него
и так хватало дел --- например,
вытащить капитана Н'келна, и Агамон
поймал братьев на слове. --- Нам нужен
библиотекарь Фугис, чтобы переместить
нашего древнего собрата, но мы не можем
его получить, пока не снята осада с
железной крепости, --- прибавил он,
переходя к стратегическим вопросам.

--- Мы не можем прорвать ороху
порядки итеюущимися силами, --- заявил
Дак'ур.

Сразу после битвы Агамон отослал
разведчиков за периметр лагеря, чтобы
шпионить за зеленокожими, определить
численный состав орды и предупредить
обо всех новых вторжениях. До настоящего
момента орки были сосредоточены только
на Н'келне, но они обладали несметными
силами. Доклады разведчиков были
неутешительными.

Агамон размышлял, стоя над
гололитическим проектором, который
показывал, точно в соответствии со
знаниями Саламандр, расположение и силы
зеленокожих. Картинка походила на

зернистое темное море, охватывающее крошечный бастион на стратегическом визуализаторе.

--- Молниеносная атака будет для нас лучшим вариантом, --- решил он. --- Если нам удастся проникнуть в их порядки, прежде чем они нас заметят, перебить главарей и верхушку, то этого может хватить для победы.

--- Дюны со стороны нашего подхода в основном плоские, --- отозвался Нуриил, --- и дают прекрасный обзор для орочьих часовых и дозоров. Сомневаюсь, что мы сможем подобраться достаточно близко, чтобы устроить внезапное нападение, прежде чем тупоголовые зеленокожие нас заметят.

Азатон сержито нахмурился, продолжая пристально изучать гололит, точно ответ мог чудесным образом появиться сам.

Он появился, но не оттуда, откуда ждал брат-сержант.

--- Воспользуйтесь туннелями, --- произнес голос у них за спиной.

Трое Салатангр повернулись к

Улиагү, который еще не ушел.

--- Продолжай, --- вкрадчиво произнес Агатаон.

Улиаг откашлялся и шагнул вперед.

--- Через всю эту область проходят подземные туннели. Некоторые созданы людьми. Мы прокапываем их, чтобы расширить поселение или в поисках новых жил руды. Они смертельно опасны из-за хитиновых тварей и железных людей, которые поселились в нашей шахте. Некоторые, часто очень глубокие и широкие, вырыли сами хитиновые --- для нор или во время охоты. Все туннели соединены между собой и простираются до железной крепости.

--- До поверхности? --- спросил Дак'ир, указав вверх. --- Вы наносили их на карты, Улиаг?

Улиаг облизнул губы.

--- Некоторые в самом деле выходят на поверхность, но их нет на картах. Прошу, поймите, мы жили в этих туннелях много лет, даже много поколений, и все карты, какие нам нужны, здесь. --- Он указал пальцем на лоб. --- И не

только у меня, -- прибавил Улиаг. -- Акута
и несколько других тоже хорошо знают все
дороги.

Агатон кивнул, настроение у него
явно улучшилось.

-- Мы можем воспользоваться
туннелями, чтобы напасть на орков
неожиданно, прямо в самой гуще. -- Он
добродушно глянул на Улиага. -- Твои
люди могут нас повести?

Человек кивнул и сказал:

-- Я прошу только об одном.

Молчание Агатона стало
приглашением продолжать.

-- Чтобы вы позволили нам
сражаться.

Дак'ир собрался заспорить, но Улиаг
поднял руку:

-- Прошу, выслушайте. Я знаю, что
для этого мира настали последние дни. Я
видел это на ваших лицах и слышал в
ваших голосах. Даже без этих
доказательств я знал это уже некоторое
время. Толчки усиливаются, и это не
хитиновые и не чрезмерное рытье земли.
Это оттого, что Скория медленно

разваливается на части. Ее конец близок, и пусть лучше мои люди погибнут, сражаясь за нее, чем будут сжиматься от страха в темноте и ждать, пока их не проглотит лава или земля.

Агатон вышел вперед -- его тень накрыла человека, стоящего перед ним, -- и опустил огромную руку на плечо Улиагу.

-- Ты благороден, Зоннар Улиаг, и ты получишь желаемое. -- Агатон протянул вторую руку, предлагая человеческому поселенцу пожать ее. -- Это честь для Саламандр, если ты будешь сражаться вместе с нами.

Улиаг пожал Агатону руку, хотя та почти скрыла его собственную, и скрепил предложенный почетный договор.

-- Если ты сможешь спасти твоих людей и убраться с планеты, мы сделаем это, -- сказал Агатон. -- Мы не бросим вас на позорную смерть. Мы -- и люди, и Саламандры -- или умрем, или выживем вместе. Даю тебе слово.

Торжественный момент прошел, Агатон выпустил руку человека из своей и снова сосредоточился на делах.

— Сколько огнететов у нас в армориуме? — спросил он Дак'ура.

— Хватит по два в каждое отделение.

— Забирайте все, вооружайте тех, кто умеет ими пользоваться, — приказал Агатон. — Все стационарное тяжелое вооружение придется оставить. Мы сожжем этих зеленокожих готла, — уверенно произнес он. — Значит, собирайте отделения. Нам понадобится каждый, даже часовые.

— Мы оставляем «Гнев Вулкана» без охраны? — спросил Дак'ур.

Выражение лица Агатона было как никогда серьезным.

— Мы нуждается в каждом, брат-сержант. Если мы потерпим неудачу, «Гнев Вулкана» нам все равно не понадобится. Мы снова соберем вспомогательные войска и поставим Аргоса или командовать. Наш магистр кузницы не бросит корабль, так что пусть и следит за ним.

— Нам по-прежнему нужен отвлекающий маневр, — поделился

соображениями Нуриил, -- что-то, чтобы
занять внимание зеленокожих до того
момента, как мы начнем атаку.

-- Свяжись по воксу с капитаном
Н'келном, -- велел Азатон Дак'иру. --
Передай ему наш план и убедись, что он
будет готов. Наши братья в железной
крепости станут нашим отвлекающим
маневром.

Голос Улиага прервал военный совет
во второй раз:

-- Возможно, есть еще один способ.

Азатон глянул на него сверху вниз.

-- Ты полон сюрпризов, Зоннар
Улиаг, -- сказал он, тонким налетом
юмора нарушив свою суровую решимость. --
Мы слушаем...

ГЛАВА ОДУННАДЦАТАЯ

У

Зверь идет...

Военные барабаны грохотали на иссушающем ветру все быстрее и быстрее, возвещая о новой атаке. Военный вождь колотил себя ценным клинком по бугрящейся мускулатуре груди, ревом и рыком взгоняя своих воинов в боевое неистовство. Ритмичные крики зеленокожих раздавались все чаще, пока не превратились в первобытный вой, — и орки вновь ринулись на штурм. На этот раз вождь двинулся в грядку сам и послал в атаку все свои племена. Темно-зелеными цунатами зеленокожие перевалили через гребень и хлынули вниз, в пепельную низину. Достигнув дна, орки уже набрали разгон и тчались, пригнув головы, к стенам крепости. Они двигались как единое целое: более быстрые грузовики и фургоны снижали скорость, чтобы зеленокожая пехота не отставала; водители стиряли страстное желание гнать быстрее ради того, чтобы

прикрыть своих собратьев за
передвижными баррикадами из машин.
Даже безбашенные мотоциклисты
сдерживали себя, подчиняясь воле военного
вождя, который ехал среди них на
массивном, изрыгающем дым трицикле.

Со стен рывкали болтеры, разрывая
полутрак искусственного затмения.
Ракеты проносились, оставляя за собой
хвосты белого дыма. Ослепительные лучи
мультимедиа пронзали сумрак, заставляя
распускаться во тьме огненные цветы.
Орки впитывали страшный обстрел и
продолжали идти. Сотни погибли под
карающим огнем, но тысячи ударили в
стену — и железная крепость, казалось,
застонала от внезапного бремени.

Капитан Н'келн воздел блестящий от
крови силовой меч, чтобы видеть все. Это
было оружие в руке героя, воодушевляющий
символ. Н'келн наконец-то понял и принял
свою нелегкую долю, как и предполагал
Су'Шан.

— Огнерожденные! — воззвал брат-
капитан через вокс всего за несколько
минут до удара орков. — Приготовьтесь!

Зверь идет! Сегодня мы снесем ему голову!

Со двора внизу, где Тсү'ган в нетерпении ждал у ворот, эхом откликнулись восторженные голоса. Технодесантник Дрейдуй починил ворота, пострадавшие при предыдущем штурме, и за ними сейчас собралась когорта почти из сорока Саламандр.

Тсү'ган стоял у борта «Огненной наковальни», прямо позади смертоносного спонсона «Лендрейдера». Он не видел Претора с Огненными Змиями за массивным штурмовым танком, однако знал, что они затерли в ожидании у другого борта машины. Тсү'ган ощущал, как наэлектризован воздух от разрядов их громовых молотов. Запах озона щипал нос, и брат-сержант сосредоточился на нем, стараясь очистить свой разум. Скоро Саламандры будут свободны, свободны от злобного воздействия бастиона предателей. Тсү'ган со своим отделением не мог дожидаться этого момента. Каждый, подобно сержанту, горел желанием покинуть пределы крепости и принять настоящий бой в чистом поле.

Лишь Цагон казался подавленным.

После разговора с Агатоном у «Гнева Вулкана» капитан Н'келн снял часть воинов со стены.

Отделения Тсү'гана и Тифоса перешли к остальным резервам во двор. Хотя все детали плана Агатона Н'келн держал при себе, Тсү'ган понимал, что вскоре предстоит вылазка.

Капеллан Элизий, стоящий рядом с Тсү'ганом, — он присоединился к его отделению — думал точно так же. Он активировал свой крозиус арканум, зажатый в черном бронированном кулаке, и прорычал:

— Сегодня мы зальем пенел кровью зеленокожих и стоем грязь ксеносов с лица Скорию!

Сверху до них доносился шум близкой схватки. Орки добрались до стен и начали штурм. За воротами не было слышно ничего, кроме приглушенного гула взрывов и боевых кличей. Перед воротами угрожающе поводила огнеметными орудиями «Огненная наковальня». Тсү'ган решил, что именно по этой причине

зеленокожие остерегались главной дороги в крепость.

--- Все равно сгорите!.. --- прошептал он и прислушался к треску потех на канале связи.

Приказ Н'келна вот-вот должен был бросить их отряд на врага.

--- Давай же!.. --- бормотал Тсү'ган, сжимая болтер так, точно это была шея какого-нибудь орка.

Дак'ур притаился во мраке туннеля. Спереди донеслось отраженное стенами верещание хитиновых, следом --- рев тяжелого огнемета Ба'кена. Примерно в полусотне метров впереди на фоне огня высветился силуэт внушительного Саламангра --- тот отгонял тварей четко выверенными вспышками огнемета.

Улиас присел на корточки рядом с Дак'уром вместе с пятью десятками своих людей. Прижимая лазган к груди, он внимательно следил, как отогнанные хитиновые твари исчезают во мраке.

Запах чего-то острого и терпкого точно ужалил обостренное обоняние

Дак'ура. Запах был едким, сернистым и навевал какие-то давнишние воспоминания. Запах напоминал ему дым и огарки...

--- Как близко мы находимся от шахт? --- спросил он Улиага.

Человек покачал головой.

--- Не очень близко. Шахты гораздо глубже и на несколько километров дальше.

--- Достаточно далеко, чтобы не слышать шума битвы над нами?

--- Точно. Горизонт выработки укреплен армированными подпорками и металлическими листами, чтобы не пускать хитиновых, что так же изолирует забой от окружающих звуков. В любом случае мы от них далеко.

И тем не менее едкий запах не исчезал.

Судя по выражению лица Улиага, человек жаждал объяснений.

Однако Дак'ур не собирался ничего объяснять. Вместо ответа, он подал сигнал двигаться дальше.

«Гнев Вулкана» охраняли всего четыре отделения Саламандр. «Громобои» плохо подходили для боев на близкой

густанции, и потому Агатон с легким сердцем оставил их помогать оборонять место крушения. Остальных поделили на боевые звенья. Включая раненых, в некоторых звеньях оказалось по четыре боевых брата. Поселенцы отправились с Саламанграми в качестве проводников и подкрепления. С их помощью костодесантники быстро отыскали норы хитиновых и принялись ворошить их гнезда.

На ходу Дак'ур слышал доносящийся сверху шум битвы, похожий на приглушенные раскаты грома. Гром все приближался и приближался.

Стены крепости вот-вот могли рухнуть. Даже Опустошителям на высоких башнях приходилось несладко. Они вели огонь по оркам, штурмующим крепость, уже прямой наводкой, взявшись за простые болтеры и не обращая внимания на далекие фургоны и грузовики, которые пробивались вперед из тыла орды. Беспорядочным огнем с далеких машин, несущих большую часть тяжелого

вооружения зеленокожих, время от времени
царапало паранет, но стрельба, к счастью,
велась бестолково.

Наверху лопнула ракета, на доспехи
Тсу'гана посыпались обломки. Сквозь щели
в доспехах заделанных воротам время от
времени выдвигались злобно ощеренные
орочьи морды. Зеленокожие по-прежнему не
горели желанием штурмовать сами
ворота. Все их усилия были направлены
только на стены. Натиск там усилился
почти до критической отметки. Боевые
братья Тсу'гана держались стойко,
сбрасывая орков в зеленый прибой,
бьющийся о подножие стен. Рев цепных
мечей разносился тарахтящим хором.
Искалеченное тело Саламангра с
грохотом рухнуло во двор. Брат Ва'мон
силовые доспехи расколоты, шлем
проломлен ударом орочьей булавы. Пальцы
мертвого Саламангра в латных
перчатках еще конвульсивно
подергивались, когда Фугис поспешил
вперед, чтобы извлечь его геносея.

Тсу'гана взвизнула смерть брата.
Потребовалась вся сила воли, чтобы не

развернуться, не влезть на стену и там
дать выход ярости.

--- Кровь Вулкана! --- зарычал он,
вложив в слова всю свою злость.

Элизий разделял его чувство. Он
стоял, неторопливо вращая крзиусом,
чтобы размять запястье, и бормотал себе
под нос злобные литании. Капеллан ждал
более подходящего момента, чтобы
прозвучить свои гимны ненависти в полный
голос.

--- Поднять щиты! --- услышал Тсу'ган
крик Претора с противоположной стороны
«Лендрейдера». По двору прокатилось эхо
глухого лязга металла: штормовые щиты
терминаторов соединились с
наплечниками и защелкнулись.

Н'келн вот-вот должен был дать
приказ. Треск потех в шлеме Тсу'гана
стенился стальным голосом капитана:

--- На наковальню, братья!

Ворота рухнули. Длинные струи
пламени из орудий «Огненной наковальни»
выжгли прилегающий к ним снаружи
участок местности.

Огненные

Этии

под

превводительством Претора вышли
первыми, тяжело ступая по опаленной
земле и круша дымящиеся орочьи останки.
Воздух искрился от разрядов
электричества, которое производили
силовые генераторы громовых молотов.
Пытаясь дать отпор, зеленокожие
бросались на терминаторов, но словно
наталкивались на непоколебимую скалу.

Огненные Элии несли опустошение
вокруг себя, и Тсу'ган едва не разинул рот,
глядя на буйство их силы. Они шагали
сквозь зеленокожую орду, нанося удары
щитами, круша черепа молотами. При
этом Претор возносил хвалы
прославленной первой роте, и одно его
присутствие толкало воинов на еще
большие подвиги. Тсу'ган сразу понял план
ветерана-сержанта: тот нацелился на
военного вождя орков.

— В пламя войны! — взревел Элизий,
как только терминаторы вышли из ворот.

Тсу'ган бросился вперед вместе с ним,
быстро сокращая дистанцию до братьев из
первой роты. Выстрелы болтеров с
близкого расстояния рвали орочьи ряды —

Тсү'ган приказал открыть безлый огонь — и разносили зеленокожих на куски. Гонорий пустил в ход свой огнемет, запах хлынувшего прометия смешался с вонью горящей орочей плоти. Двигающееся за ударной группой боевое звено притормозило, чтобы дать Млеку выстрелить из мультимелты. Свирепый зеленокожий, на две головы выше Тсү'гана, в бронированном панцире из металлических пластин и гудящих сервомоторов, получив заряд в грудь, опрокинулся на спину дымящейся грудой со спекшимися внутренностями, раздавлив при этом пару собратьев помельче.

Тсү'ган услышал бас сержанта Тифоса, который распевал боевой гимн Прометея, при этом его громовой молот описывал кровавые дуги, взлетая и падая.

Когда все три отделения постепенно сошлись и образовали наконечник копья с Претором и Огненными Эмиями на тылающем остром, орочья атака захлебнулась. Без постоянных подкреплений зеленокожие, уже штурмующие стены крепости, оказались

отрезаны от остальных, что позволило защитникам быстро очистить паранеты.

Воины штурмового отделения Варго взмыли над сражением на крыльях огня и, врезавшись с высоты в толпу зеленокожих, с фанатичной яростью принялись разить орков болтом и клинком, усиливая опустошение короткими струями из огнеметов. Штурмовики были заключительным элементом ударной группы Саламангр, и вслед за их ударом в брешь поваленных ворот выкатилась «Огненная наковальня». Громага танка легко заполнила почерневшую арку входа. Короткие копья огня из спонсонных орудий погнали орков прочь. Но когда первоначальный шок от вылазки Саламангр у орков прошел, костодесантники оказались зажаты в беспощадной рукопашной. Орки давили со всех сторон, неукротимая агрессия придала им сил, чтобы упереться и возобновить натиск. Только теперь, пробиваясь сквозь агрессивное зеленое море, Тсу'ган в полной мере оценил, с кем им пришлось столкнуться. Между

выстрелами он услышал приглушенный крик и вроде бы увидел, как один из боевых братьев Варго провалился в орочью трясину. На поверхность Саламандр уже не выбрался. Еще один, специалист по вооружению из отделения Тифоса, Урион, получил удар ценным мечом в лоб. Торжествующего орка разнесли в клочья ответным огнем братья погибшего, и тело Саламандра осталось лежать, подергиваясь в конвульсиях, с засевшим в ране работающим клинком, который зеленокожий выпустил из рук. Вскоре Уриона также поглотило зеленое море.

Саламандры отвоевали около трехсот метров пути от ворот, когда двигатели «Огненной наковальни» ожили. Штурмовой танк ринулся на поле боя, тараня зеленокожих, раскидывая их в стороны и переталывая лязгающими гусеницами.

Это был «молот»: второй этап ударной стратегии Н'келна. Капитан отправился в бой на «Лендрейдере» вместе с Инфернальной Гвардией и тактическим отделением сержанта Де'маса. Ворота,

оставленные танком, заняло отделение Кловия. Перед ним стояла задача удержать ворота, пока Опустошители, воспользовавшись передышкой, подаренной стелой вылазкой Претора и ударной группы, спустятся с башен и встанут на защиту стен вместо ушедших тактических отделений. Лок занял место командира в укреплении над воротами и должен был удерживать железную крепость на случай, если Н'келну придется отдать приказ об отступлении.

В тот момент, когда на визор брызнула орочья кровь, Тсу'ган понял, что никакого отступления не будет. Саламанграм уже некуда было отступить. Теперь выбор стал проще: сражайся или умри.

По наплечнику со звоном ударил тесак, выбив снап искр, и Тсу'ган пошатнулся. Орк, нанесший удар, кинулся вперед. Из пасти у него вместе с вонючим дыханием летели нити слюны. Тсу'ган воткнул ствол болтера зверю между клыками и спустил курок. Из затылка орка плеснул фонтан крови и мозгового

вещества, смешанного с осколками черепа.

Тиберон слева втешался и толкнул мертвого зеленокожего в сторону, чтобы дать Тсу'гану рвануть вперед. Цагон с Лазарем шли следом, держа темп неутомимых Огненных Эмиев. Претор пробивался к орочьему вождю. Завигев добычу и возможность хорошей грабежи, огромный лидер зеленокожих погнался вперед свою свиту мотоциклистов. Между ним и терминаторами теснилась густеющая зеленая орда.

Штурмовая пушка «Огненной наковальни» с визгом выкосила первый ряд орков, выскочивших из толпы с поднятыми клинками. Следом бросились другие, и воины Тсу'гана встретили их ураганом болтерных снарядов.

Претор поспешил воспользоваться небольшим просветом, давя ботинками мертвых и раненых, но тут в поле зрения с грохотом двинулось что-то огромное и грозное. Орки расступались, криками и ревом требуя крови. Появилась обшитая сталью машина. Ее похожее на пену туловище напоминало утыканную

оружием железную бочку с парой бритвенно-острых силовых клешней, на двух гидравлических ногах. Кто-то из Огненных Эмиев двинулся ей наперерез с занесенным молотом, который опутывали щелкающие молнии. Машина одним ударом отбросила воина в сторону. Взмах клешни расколол штормовой щит терминатора пополам, вызвав перегрузку силового поля, и сбил Саламангра на землю. Движимая собственной адской инерцией, машина с отрядом орков за спиной врезалась в клин Саламангра. Острое из Огненных Эмиев рассыпалось. Претора, который отчаянно пытался добратся до орочьей машины, захлестнула волна зеленокожих. Беснующиеся гретчины, совершенно не боясь смерти, точно безумные вцепились в его руки и ноги, пытаясь обездвижить героя Прометея.

Гонорий окатил сержанта Огненных Эмиев струей из огнемета, смыв мелких зеленокожих, точно каких-то паразитов.

Орочья боевая машина продолжала неистовствовать. Ее водитель так

обезумел, распаленный психической энергией, излучаемой орками, что машину было практически невозможно остановить. Она вертелась и наносила удары во все стороны, раскидывая Огненных Этиев, которые взяли ее в кольцо, но поодобратся ближе не могли.

На помощь Претору, который продолжал пробиваться вперед, хотя пламя, выпущенное Гонорием, на нем еще не погасло, двинулся Тсу'ган, вместе с отделением прокладывая себе кровавый путь. Натиск зеленокожих на Претора ослаб, и тот вырвался, щитом отбросив в сторону орка, который преграждал путь к боевой машине, раскидывающей Огненных Этиев.

В отдалении что-то происходило. В воздух взметнулось густое облако пыли, и Тсу'ган мог поклясться, что увидел, как группа орков исчезла под землей. Тут же слышались звериные вопли — зеленокожие реагировали на нечто, появившееся в самой их гуще. На противоположной стороне поля боя вверх

устретился еще один пылевой султан, затем еще один, и еще. Среди дюн повсюду извергались серые тучи пепла, и орки словно тонули в невидимой трясине.

Глухой лязг передней рапы «Огненной наковальни» возвестил о появлении на поле боя Н'келна. Тсу'ган оглянулся и увидел, как развернулось широкое знамя в руках Маликанта. Капитан повел на врага свежие силы Инфернальной Гвардии и отделения брата-сержанта Де'маса.

Вновь сосредоточившись на машине зеленокожих, Тсу'ган двинулся на помощь Претору. Сержант Огненных Эмиев, сойдясь с безумствующей боевой машиной, отбил удар силовой клешней штормовым щитом. Орк-водитель при этом слишком сильно накренил машину и потерял равновесие. Претор разбил руку с клешней ударом гromaticкого молота, затем тяжело шагнул вперед и ударил машину плечом. Орк-водитель отчаянно замолотил ладонями, привязанными к рычагам управления, и машина повторила за ним каждое его движение. Тсу'ган, зайдя со

слепой стороны, поднырнул под бешено
размахивающую клешню и пришлепнул
металлоболту к корпусу. Затем бросился
назад и ощутил, как по доспехам
прокатился жар ударной волны. Машину
разнесло на куски. Стальным градом
посыпались обломки. Пара разбитых
дымящихся ног и нижняя часть
металлической бочки — все, что осталось
от машины, — рухнули в пенел.

Претор спокойно переждал взрыв и
устрелился вперед почти сразу же, в то
время как Тсу'ган еще только поднимался
на ноги. Напор орочьей атаки слабел.
Гортанные вопли зеленокожих, которых
словно проглатывали дюны, теперь
слышались гораздо ближе. Наконец Тсу'ган
увидел причину.

Стаи разъяренных хитиновых
метались среди зеленой орды. Орки рубили
покрытые панцирями тела подземных
тварей, и слизистая кровь стешивалась с
теплом в серую пасту. Орки проваливались
десятками в мягкую землю, разворошенную
хитиновыми.

Затем из дыр в облаках пенла

стремительно показались знакомые
силуэты, сверкая вспышками выстрелов.
До сражающихся добрались сержанты
Агатон и Саламандры с «Гнева Вулкана».
Они гнали хитиновых перед собой, точно
стаго скота, чтобы те, прорыв свои
туннели, напали на орков.

Струи огня вспыхивали в темноте,
сжигая орков среди полыхающего серого
тумана. Сквозь рассеивающиеся облака
тепла и бешеную толчею сражающихся
тел Тсу'ган увидел, как на край свежей
дыры выбралось штурмовое отделение и
тут же взмыло в воздух на взревевших
прыжковых ранцах. Находящихся
в близости орков вокруг охватило пламя,
один сослепу споткнулся, рухнул в зияющий
провал, прогеланный хитиновыми, и
пропал из виду.

Потом Тсу'ган увидел Дак'ура.
Изнеец, появившись, сразу вступил в бой,
выпотрошив орка ударом цепного меча и
одновременно испарив ощеренную голову
второго выстрелом из плазменного
пистолета. Тсу'ган почувствовал, как
катенеют желваки на скулах, и твердо

решил, что никому не даст превзойти себя
на поле боя. На глаза ему попался капеллан
Элизий, идущий за Претором и Огненными
Змиями. Группа неотомлено приближалась
к точке пересечения с орочьим военным
вождем. Мрачно ухмыльнувшись, Тсуган
направился следом.

Будь наковальней, стань молотом

В зеленом море стали появляться островки чистой земли, когда Дак'ур вывел свое боевое звено на поверхность. Пепельные дюны были по-прежнему заполнены орками, как и сообщали разведчики Агамона, но единая масса уже разделилась на отдельные группы. Сплоченность, делавшая из орков одно целое, таяла. Инстинкты выживания брали верх над стремлением к завоеваниям, и межплеменное соперничество, прежде подавленное звериной жестокостью орочьего повелителя, начало проявляться снова. На флангах сражения среди орков, почувствовавших, что удача отвернулась от вождя, и заранее вступивших в борьбу за главенство, вспыхнули жестокие драки.

— Улиаг, держись рядом! — крикнул Дак'ур; свечение его плазменного

пистолета погасло, когда обезглавленный
выстрелом орк рухнул, и люди Улиага
выбрались на поверхность.

Зоннар Улиаг просто кивнул. Его
морщинистое лицо было бледным, мышцы
напряжены, и свой лазган он сжимал
несколько крепче, чем нужно. Остальные
поселенцы выглядели так же. Да, они были
дисциплинированными и стойкими, этого
у них не отнять, но они явно никогда
прежде не участвовали в подобных
сражениях. На секунду Дак'ур пожалел, что
не убедил Агамона отказаться от их
участия в битве, но, когда лазганный залп
нашинковал ватагу набегающих орков,
переменил свое мнение. Человек, который
сражается за свой дом, будет сражаться
стойко и стоять намертво. Не Дак'уру
лишать их этой возможности.

В тот самый момент, когда орки
побежали, брат-сержант увидел, как
Н'келн собирает разрозненные силы
Саламандр вместе.

«Будь наковальней, стань молотом!»

Ему вспомнились слова капитана.

— Жги и очищай! — рывкнул Дак'ур в

вокс шлема.

Ба'кен первым выступил вперед, справа от сержанта, и накрыл зеленокожих ковром пламени.

Вторую струю изверг из тяжелого огнемета почтенный брат Амагей, грозно явившийся из норы хитиновых за спиной у сержанта.

--- Жги и очищай! --- откликнулся Салатангр-гредноут. Металлический резонанс его вокс-репродуктора загрохотал над огненной бурей, поглотившей зеленокожих.

Когда пламя стихло, между Дак'уром и Инфернальной Гвардией осталась лишь выжженная земля. Обращенные в пепел тела рассыпались под ногами брата-сержанта, встретившегося на помощь своему капитану. Н'келн прорубал силовым течем дорогу сквозь зеленокожих. Ротное знамя у него за спиной, которое держал Маликант, служило капитану великолепным фоном. «Огненная наковальня», лязгая, медленно ползла за ними, извергая струи огня и прошивая ряды орков разрывными снарядами из

штормовой пушки.

Воссоединившись со своим капитаном, Дак'ур направил цепной меч на приближающихся орков.

--- Вперед!

Все больше и больше Саламандр пробивалось к Н'келну, образуя сосредоточение сил. Наковальня медленно обретала форму. Следующим будет молот.

Дак'ур видел его цель сквозь огненное море.

Военный вождь зеленокожих, не обращая внимания на дерущиеся между собой стаи, устремился к «жестянкам», которые только что уничтожили его боевую машину.

С разворотом остановив свой трицикл всего в сотне метров от наступающих Саламандр, зверь вызывающе взревел. Выпрямившись в ковшобразном сиденье своего боевого трицикла, военный вождь указал подбородком на Претора.

Тсу'ган встал рядом с ветераном-сержантом как раз вовремя, чтобы

услышать его приказ Огненным Эмием:

--- Убить его!

Претор был героем, ветераном бесчисленных битв и несчетных походов. Его личный список убитых за время пребывания Огненным Эмием был глиняным и содержал множество отметин. Но еще он был прагматиком, не склонным к напыщенным жестам. Тщеславие его просто не привлекало. Пусть писцы и летописцы делают, что должны. Претор просто хотел, чтобы зеленый ублюдок умер. Так что он бросил на него все, что у него было.

Огненные Эмии двинулись вперед, как доин, грозной бронированной стеной.

Недовольный, что «жестянка» не ответила на его вызов, военный вождь отправил вперед свои мотоциклетные эскадроны. Туда же последовала ватага орков его собственного клана, гораздо тяжелее бронированных и более дисциплинированных, чем остальные.

Мир Тсу'гана сузился до единственного участка боя: его отделения, Элизия и Огненных Эмиев против военного

вожжя и его стаи.

--- Вали их! --- взревел Тсу'ган.

Стремительно приближающихся орков накрыл болтерный шторм.

Словно раскаленные добела зазубренные кинжалы пронзили голову Дак'ура, и он почувствовал на лице кровь. Дак'ур потерял шлем. А может, и сам сорвал --- он не мог выполнить. Орк замахнулся еще раз. Дак'ур ощутил запах крови на тесаке, когда оружие прошло всего в нескольких сантиметрах от его лица. Брат-сержант низким взмахом ценного меча перепилил ногу зверя, а брат Зо'тан всадил болт в голову орку прежде, чем тот ударился об землю.

Еще трое зеленокожих с воет бросились к ним сбоку, но на их месте на несколько секунд всколыхнулась волна жара. --- Ба'кен сжег их из тяжелого огнемета. Дак'ур коротко кивнул в знак благодарности и устремился дальше.

Битва была еще далека от завершения.

Орки были повсюду, и хотя многие из

них погибли в сокрушительной атаке или спасались бегством, сражались друг с другом или добивали хитиновых, оставались еще сотни тех, кто по-прежнему был полон решимости расправиться с Саламанграми.

Поселенцам Улиага пока приходилось хуже всех. Орки, вероятно, решили, что поселенцы — легкая добыча. Из пятидесяти тех, кто пошел с отделением Дак'ура, осталось двадцать три. Саламангры старались прикрыть людей, но враги напали со всех сторон, и это было просто невозможно. На поле боя повсюду царствовали кровь и смерть. Будучи костическим десантником, Дак'ур мог оценить, упорядочить, четко разделить на фрагменты любую схватку и в своем усовершенствованном боевом состоянии нести правосудие Императора эффективно и с четко направленной яростью. Поселенцы были лишены таких способностей и просто сражались как могли, стараясь остаться в живых.

--- Держаться рядом с капитаном! ---
Оставшись без связи с потерей шлема,

Дак'ур был вынужден отдавать приказы отделению криком.

Н'келн находился в нескольких метрах впереди, широко шагая в самой гуще зеленокожих, где его силовой меч сиял, точно ангел возмездия. Он убивал, разя орков абсолютно безнаказанно, и разрыв увеличивался. Сейчас с ним был дух Вулкана, неукротимая воля и несравнимая сила притарха. Даже Инферральная Гвардия, его свита, с трудом поспевала за капитаном.

Дак'ур убедил, что Фүзис остался далеко позади. Он бережно поддерживал брата Ль'сена, одного из воинов Дак'ура, входившего во второе боевое звено. Брат-сержант даже не заметил, как тот упал. Тяжело раненный, с вскрытой орочьим тесаком грудью, Ль'сен еще был жив. Держа болтер в одной руке, он выстрелил и вышиб ноги из-под атакующего зеленокожего, в то время как Фүзис убил другого, разнеся в клочья зеленую морду выстрелом из яростно лягнувшего в руку болт-пистолета.

Улиас и его люди держались возле

них, пока отряд Дак'ура пытался нагнать капитана. Поселенцы встали кольцом и выпускали непрерывные залпы лазерного огня в набегающих орков.

Дак'ур не мог больше их защитить. Он увидел орочьего вождя, грозно таячившего вдали. Огненные Эмии готовились атаковать огромного орка.

Н'келн доберется до вождя после них. Дак'ур ускорил шаг, твердо решив встретить зверя рядом с капитаном.

Крутанув ручку газа, орочий вождь рванул по дюнам прямо на Огненных Эмиев.

Отряд, который орк послал вперед, чтобы ослабить врага, был почти полностью уничтожен. Мотоциклисты валялись изувеченными грудями, перемешанные с обломками своих железных коней. Терминаторы ударили в них, словно таран. Тем оркам, что уцелели в самоубийственном заезде благодаря счастливой случайности или по трюсости, нанесли большие потери болтеры Тсугана и его отделения.

Капеллан Элизий с огромным наслаждением отправлял ездовых на тот свет, срубая их точно косою, когда те проносились мимо. Веселые крики сначала переходили в вопль ужаса, а затем — в звуки агонии, когда крозиус капеллана крушил кости и срубал головы. Каждую миготью смерть сопровождала новая гневная тирада. Еще остававшиеся в живых зеленокожие устремились за своим командиром яростной стаей, когда военный вождь проехал сквозь их толпу и ринулся вперед.

Мясистые пальцы сдавили толстые гашетки скорострельных пушек трицикла. Вождь захохотал — гортанные звуки вторили частым хлопком выстрелов. Ощеренную морду зверя подсвечивали снизу белые вспышки рывкающих пушек.

Град литых снарядов безвредно забарабанил по броне терминаторов, не сильно отличаясь от ударов стаи насекомых. Претор поспешно приказал образовать защитную стену, чтобы преградить орку путь. Огненные Эмиш сошлись и превратились в прочный барьер

из кератита.

Это как будто еще больше разъярило зверя, он заухал и заорал, обдуваемый горячим ветром. Из уголка пасти потянулась глинная нить слюны.

Тсу'ган мрачно улыбнулся, увидев, что орочий вождь решился на атаку, которая разнесет его в пыль.

Потом он заметил массу взрывчатки, которой был обложен трицикл, и его улыбка превратилась в гримасу ужаса. Рама трицикла была обвязана динамитными шашками; другая, более нестабильная взрывчатка была нагромождена в связанных вместе баллонах и тускло-серых брикетах.

Боевой трицикл представлял собой гигантскую передвижную бомбу.

Раздался безумный хохот военного вождя, и спрятанные внизу ускорители извергли поток огня. Когда зверь взлетел в воздух, Тсу'ган заметил грубые достижения орочьей науки: ноги вождя были по большей части механическими, и в них были встроены одноразовые реактивные двигатели, которые вознесли

орка наг трициклот, одновременно
запалив взрывчатку.

Сержант даже не успел выкрикнуть
предупреждение, как грянул взрыв, выбросив
огромное грибообразное облако и разнеся
трицикл на куски в вихре огня и осколков.
Ударная волна сбила Тсу'гана с ног. Его
отделение просто раскатало по земле. Их
накрыла боль, похожая на белый огонь.

Даже устойчивые терминаторы
пошатнулись, превратившись в слугные
силуэты среди грязного облака, которое
хищно накинулось на них.

Нескольких орков, тех, что
находились во главе атакующей стаи,
убило взрывом. Они полетели в воздух,
точно пушинки, но на землю грузно
рухнули уже разбитые груды. Военный
вождь среди града из орков тоже
опустился на землю. Когда топливо в его
реактивных ускорителях выгорело, он
приземлился, вызвав рабь, побежавшую по
утрабованному перлу.

Брат Намор из Огненных Эмиев, еще
не придя полностью в себя после взрыва,
бросился на приземлившегося вождя, воздев

грозовой молот. Он потерял свой щит, расколотый пополам орочьей машиной. Военный вождь расхохотался, отразил удар Намора в сторону и пробил силовой клешней дыру в броне терминатора. Несмотря на всю свою непроницаемость, посвященный веками доспех сильно порвало, и Намора вместе с ним. Огненный Эмий рухнул лицом в пепел, выплескивая кровь и кишки, и замер неподвижно.

Брат Клайтен вступил в бой с противоположной стороны, надеясь застать зверя врасплох. Оправляясь от взрыва с разной скоростью, Огненные Эмии атаковали вразнобой. Клятва мщения внезапно затерла на устах Клайтена, когда вождь ринулся вперед и ударил терминатора головой. Удар был настолько сильным, что расколол шлем Огненного Эмия, и брат Клайтен тоже упал.

Крик, полный душевной боли, сорвался с губ Претора, увидевшего, как падают его братья. Он попытался организовать оставшихся воинов и сойтись с вождем, но тут подоспела орочья стая. Саламандр затопила волна зеленокожих тел; перед

Огненными Элизиями замелькали во множестве грубые клинки, глубины и цепи. Однако с таким же успехом можно было пытаться разбить резиновым молотом стену крепости. С другой стороны, целью уорков было не обязательно убить костодесантников, но замедлить их продвижение.

Все это время военный вождь громко хохотал, упиваясь устроенной им кровавой бойней.

Брат-капеллан Элизий решил подпортить зверю восторженное настроение. Выйдя на пустое место, оставшееся после взрыва, капеллан воздел свой крозиус. Молнии с треском оплетали поверхность оружия, вторя ненависти Элизия. Наполненная желчью литания, уже наполовину готовая, сорвалась с его губ:

--- ...и вероломство чужака встретится с очищающим огнем и пылающим клинком. Его тело, поношаемое и отвратительное, будет сброшено в пучину проклятия!

Элизий коротко взмахнул крозиусом, оставив рваный след искрающейся энергии.

на несколько мгновений зависший в воздухе. Это подразумевалось как подначка.

--- Сразись со мной, ксеносовская нечисть! --- зарычал он.

Заметив нового противника, военный вождь ударил себя в грудь, предвкушая хорошую драку. Тсу'ган еще только поднимался на ноги, когда увидел, как Элизий вступает в поединок со зверем. Капеллан, обычно внушительный, казался маленьким по сравнению с исключительной громадой могучего орка. Тот был на несколько голов выше и почти вдвое шире. Тсу'ган был еще в полубессознательном состоянии, в ушах звенело, поле зрения угрожающе окружили черные тучи. Усилием воли он отогнал их прочь.

Его, кажется, отбросило взрывом. Борозда в перле от его тела в несколько метров глубиной подкрепила предположение сержанта.

Шагнув вперед, Тсу'ган понял, что истекает кровью. Он почувствовал влажное тепло под броней --- и подавил приступ мучительной боли.

--- К капеллану! --- хрипло каркнул он, чувствуя медный привкус во рту, и двинулся первым туда, где человек и зверь сошлись в неравной схватке.

Н'келн превратился в галеккий силуэт. Дак'ур почти каждым ударом убивал зеленокожего, цепной меч забивался ключьями спиленного мяса, но, несмотря на это, капитан обгонял его. Кровавая тропка, неровная, усеянная отрубленными конечностями, отмечала его путь сквозь порочью орду. Следовать по ней за капитаном было легче, и когда кровопролитие стало медленно утихать, все меньше и меньше зеленокожих заполняло пустоту, оставленную Н'келном.

Инфернальная Гвардия была к нему ближе всех. Шен'кар выкашивал орков из огнемета, Маликант высоко держал рогатное знамя. Фугуса Дак'ур потерял из виду. Тот остался позади, оказывая помощь павшим и убивая врагов --- абсолютная дихотомия жизни и смерти, выраженная в одном человеке.

Дак'ур подсчитал, что от

Инфернальной Гвардии его отделяет примерно четыре шага, а те отстают на четыре шага от Н'келна. С братом-сержантом двигались Емек, Анион и Ромул. Ба'кен предпочел отстать и постараться защитить поселенцев. Его героизм был похвален, но Дак'ур хотел бы, чтобы сейчас могучий воин находился рядом.

Раскрыв орку ключицу ударом ценного меча, прежде чем прожечь дыру в него в груди из плазменного пистолета, Дак'ур разглядел в просвет, оставленный упавшим телом зеленокожего, черные доспехи капеллана.

Элизий сражался с орочьим вождем. Его накрыла тень устрашающей фигуры орка. Другие Саламандры спешили на помощь. Дак'ур увидел Претора с двумя Огненными Эмями, вырвавшихся из стаи зеленокожих. Тсу'ган тоже, шатаясь, шел к нему, его отделение запоздало двигалось следом. Даже издалека Дак'ур мог точно сказать, что они не успевают. Капеллану придется сразиться со зверем в одиночку.

Орочий гүрүзовик взорвался где-то
справа от Тсү'гана, клубы дыма заслонили
Элизия, и Тсү'ган потерял его из виду.

К тому времени, когда дым рассеялся,
Элизий уже опустился на одно колено.
Зверь угрожающе нависал над ним,
вдавливая Элизия в пенел цепным клинком,
вгрызающимся в выставленный навстречу
крозиус. Над левым глазом орка темнел
рубец и воспаленный почерневший ожог от
удара крозиусом.

Элизий сдавал.

Тсү'ган из всех сил пытался
добиться до него, боль сковывала ноги и
словно тяжелый груз мешала передвигать
их. Он смотрел, почти оцепенев, как
капеллан прицелился из болт-пистолета
между потрескивающими дугами разрядов,
отбрасываемых крозиусом, но орочий вождь
лишь взмахнул силовой клешней.

Земля затряслась — очередной
толчок терзал Скорию. В это же время
вскрикнул Элизий, и его боль будто
тряхнула весь мир. Его рука была срезана у
локтя. Из раны хлынула кровь, собираясь в
неприятную красную слякоть вокруг стопы

и согнутого колена капеллана. Элизий
словно тонул в луже крови; зверь, не
переставая давить, шагнул вперед и
расплющил ногой отрубленную руку в
бесстысленном акте членовредительства.

До него было всего несколько метров,
но Тсу'ган уже предчувствовал неминуемый
смертельный удар, ощущал его, как
перемену ветра или шевеление в желудке.

Капеллан находился очень близко от
смерти, и Тсу'ган никак не мог ее
предотвратить. Еще один герой роты
будет убит, точно так же как...

Там оказался Н'келн, драконья шкура
раздвинулась от его рывка, двуклинковый
силовой меч сверкнул — и жребий
переменился. Выкрикивая имя Вулкана,
капитан вонзил искусно сработанный меч в
шею орку и вытянул его обратно вместе с
потокот темной крови. Зверь взревел:
хриплый крик вырвался из его разрушенной
глотки, откуда с готовностью плескала
кровь. Элизий был забыт, и капеллан упал,
потеряв сознание от шока и кровопотери.
Н'келн блокировал удар силовой клешней
плоскостью клинка — воздух вокруг них

запрещают от электрических разрядов.

Тсу'ган почувствовал привкус озона. От него невелики губы и покалывало язык, точно он побывал в огне. Не обращая внимания на боль, брат-сержант побежал. Болтер опустел, баллон с прометием для огнеметной насадки тоже давно был утрачен, поэтому Саламандр вытянул свою спату.

Землю снова тряхнуло в зловещей синергии с титанической битвой, которая развернулась на ее поверхности. Орочий вождь, похожий на разъяренного великана, обрушил на капитана Саламандр град ударов. Каждый удар, подобный падающей комете, был нацелен в голову и предназначен для убийства, но фехтовальное мастерство Н'келна отбрасывало его или отклоняло в сторону. Темный и отвратительный табарг из крови уже покрывал грудь орка, второй роз, прорезанный силовым мечом Н'келна в шее зеленокожего, выплескивал кровавую пену. Капитан Саламандр, оттесняемый яростным напором орка, не находя опоры в тепле, сдвигался назад, оставляя борозды в

непле.

Постепенно кровопотеря привела к тому, что движения военного вождя стали тяжелее, его непомерная мощь таяла. Чем больше он напрягал силы, тем быстрее из него вытекала кровь. Н'келн понимал это и сделал ставку на изматывание противника: по-настоящему протетейский способ умертвить врага. Никто не мог сравниться с Саламанграмми в исключительной стойкости. Огнерожденные не ведали поражений.

Сознание орочьего вождя меркло, его смертоносный удар не достиг цели, и Н'келн воспользовался шансом. Уклонившись от направленной книзу орочьей силовой клешни, он шагнул ближе -- в зону ее досягаемости -- и рубанул по запястью руки, сжимающей цепной клинок. Затем повел меч в обратную сторону и вонзил его в незащищенный бок зверя. Мономолекулярные крошки силовых клинков расплавили металл и вызвали перегрузку в генераторе тонкого силового поля, послав зыбь энергии по броне зеленокожего. Тот завыл, когда меч

прокусил его шкуру, затем плоть и, наконец, кость.

Вонь горелого мяса ударила Тсу'гану в нос, когда он накинүлся на орка со слепой стороны и вонзил спату в открытый участок орочьей шкуры между пластинами брони и звеньями цепи. Н'келн вознал меч глубже, нащүпывая органы и пытаясь найти способ уничтожить это чудовище изнутри. Зверь с усилием поднял силовую клешню в попытке отбиться. Претор сбил ее вниз ударом громового молота. Сержант и его Огненные Эмии наконец-то присоединились к схватке. Один из них, брат Манүбиан, ударил краем штормового щита в раскрытую пасть орка.

Тот все еще отказывался утираться его крошечные глазки, точно злобные кровавые солнца, горели обещанием возмездия, но этому не сүждено было сбыться. Орочий вождь сгорбился: вес собственного тела тянүл его вниз. Разряд плазмы ожег зеленое плечо — Дак'ур воспользовался просветом в рукопашной и выстрелил.

Перед утирающим орком возникла темная фигура.

Это был Элизий. Он тоже горбился, лицо его страдальчески кривилось под череполикой маской шлема. Кровь на обрубке почти запеклась, ларратановы клетки работали изо всех сил, чтобы остановить кровотечение. Тонкая струйка еще сочилась из неровного обрубка, из которого кровь сначала хлестала потоком, и капеллан бережно прижимал руку к телу. Несмотря на временную потерю сознания, он не выпустил из рук свой крозиус арканут.

— Смерть оркам! — прохрипел капеллан и обрушил щелкающую разрядку булавы на голову зверя, ставя окончательную точку в поражении зеленокожего. Без объединявшего их военного вождя орочьи кланы орков окончательно распались. Плохо дисциплинированных, дерущихся между собой зеленокожих вскоре перебили. Многие орки убежали в дюны, убедившись в победе Саламандр. Собственный клан вождя сражался до конца, но Огненные Этии и

подоспевшие отделения Дак'ира и Тсү'гана вместе с остальным подкреплением быстро одолели их. Инфернальная Гвардия собралась подле своего командира. Брат Маликант передал Н'келну рогное зная, и тот воздел его в сүтеречное небо:

--- Слава Прометею! Слава Вүлкану и Императору!

Салатангры ликующе зашумели, вместе с ними и человеческие поселенцы. Они не понимали, чем вызвано ликование, и радовались уже тому, что остались живы, а свинозубы --- нет.

Ба'кен догнал Дак'ира и остальных. Осевший труп орочьего вождя медленно остывал перед ними.

--- Зеленокожие разбиты, --- объявил он.

Дак'ир посмотрел на Улиага, ишедшего следом, и порадовался, что этот человек остался в живых. С ним шли семнадцать других поселенцев.

--- Они отдали свои жизни, защищая свой дом, --- произнес Улиаг, угадав мысли сержанта Салатангр. --- Именно этого хотели бы они сами и их семьи.

Дух Улиага остался непокорным.

хотя настроение было угрюмым и мрачным. Скорбь придет позже.

— Акута? — спросил Дак'ир о втором поселенце из двух участвовавших в сражении, которых он знал по имени.

— Он умер с честью, — поведал Ба'кен, и Дак'ира поразила печаль в его голосе. — Он сейчас покоится в мире, затем я отнесу его в пиреут, к остальным героям, павшим сегодня.

Наступила угрюмая тишина, которую нарушило появление капитана.

— Рад встрече, братья! — произнес Н'келн, вернувшись зная Маликанту и встав среди них.

Собравшиеся Салатандры склонили головы в знак уважения к мужеству и доблести капитана. Дак'ир почувствовал, как вселяется в него мужество, и был рад, что Н'келн обрел свою силу в пламени войны. Наковальня испытала его, и капитан вышел созданным заново. Оптимизм Дак'ира внезапно потерпел, когда он перехватил угрожающий взгляд Тсу'гана. Глаза брата-сержанта светились тускло, и двигался он неловко. Свежие

шрамы крест-накрест пересекали его лицо
--- почетные отметины хорошо
проведенного боя. Другие шрамы в память
об этом дне будут добавлены позже
жрецами-клеймовщиками. Ярость Тсу'гана
быстро растаяла, когда он перевел взгляд с
Дак'ура на Н'келна. Дак'ур был тронут,
заметив уважение в этом взгляде, и с
удивлением признался себе, что, возможно,
поначалу опасения Тсу'гана были
небеспочвенны, что он действительно
желал лучшего для роты, а не просто
рассчитывал ухватить для себя немного
славы. Если его брат-сержант мог
признать, что сугил поспешно и ошибся,
тогда, вероятно, Дак'уру следовало
сделать то же касательно мотивов
Тсу'гана. Это не означало, что вражда
между ними уменьшилась, конечно.

--- Апотекарий Фугис займется
этим, -- приказал Н'келн Элизию тоном,
не терпящим никаких возражений со
стороны капеллана.

Дак'ур поразился, что капеллан еще
стоит на ногах, учитывая тяжесть раны
даже для такого крепкого создания, как

Астармес.

Элизий просто кивнул. Адреналин уже уходил из тела, и ему приходилось концентрировать все внимание на том, чтобы не упасть и не потерять сознания.

— Что дальше, милорд? — спросил Претор, почтённый собственными ширатами. Его взгляд коротко метнулся туда, где пали Намор с Клайтеном. Два боевых брата уложили их рядом, приготовив для редуктора Фугиса. Печаль отразилась на мгновение лик Претора, затем вернулась его прежняя суровость. — Орки побеждены, но «Гнев Вулкана» по-прежнему прикован к земле, и ты ни на шаг не приблизились к разгадке, зачем «Книга огня» привела нас сюда.

— И толчки усиливаются с каждым часом, — напряженно проскрежетал Тсу'ган. — Сколько еще у нас времени, прежде чем этот мир расколется на куски и рассыплется в костическую пыль?

На щеке Улиага, прямо под левым глазом, задергалась нервная жилка при бессердечных словах Тсу'гана. Брат-сержант не заметил или не принял во

внимание то, как упоминание о
нагвизгающейся гибели Скорики действует
на ее жителей.

Дак'ир стиренно вышел вперед и
склонил голову в знак уважения к Претору
и Н'келну.

--- Возможно, у меня есть ответ на
второй вопрос, --- произнес он.

--- Сейчас этому придется
подождать, --- прервал его Элизий. Фүгис
уже был рядом с ним и занялся
обрубком.

Второй рукой Элизий указал на небо.

Саламандры, окружившие Н'келна,
обратили взоры туда, где пульсировал
похожий на злокачественную опухоль
черный камень. Он казался еще крупнее и
уже целиком проглотил солнце. Не
осталось даже светлого кольца, лишь
чернота, пустая и всепожирающая. От
каменя отваливались осколки, нацеливаясь
на планету, точно зазубренные и
целеустремленные градины.

Орочьи корабли. Еще больше, чем
прежде.

Несмотря на победу, Саламандры

были ослаблены. Даже объединившись, они дорого заплатили за то, чтобы одолеть зеленокожих. Подкрепления больше не будет: неоткуда взять свежие силы. Все, кто остался, были здесь, уставшие и потрепанные в битве на окровавленных пепельных дюнах.

--- Сколько у нас времени? --- глухо спросил Н'келн.

--- Несколько часов, --- ответил Элизий. --- Это все, что у нас осталось.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Обреченные

--- Выводите его.

Отдав короткий приказ, капеллан машинально прижал обрубок руки в пропитанной кровью перевязи ближе к телу.

Хирурги-гознаватели с готовностью подчинились. Раму экскрудатора и прикованного к ней кузнеца войны Железных Воинов вытащили под злобный свет дня.

Пленника прятали в грузовом отсеке одного из «Носорогов» роты. Главным образом, чтобы держать подальше от Саламандр, обороняющих стены, и не давать извергать вероучения Хаоса, которые могли бы сбить их с пути истинного.

Небольшая группа во дворе железной крепости наблюдала, как вытаскивают пленника. Кроме Дак'ура, там были Н'келн, Претор и Пурил. Верный с недавних пор установившемуся порядку,

библиарий не отходил далеко от брата-сержанта и время от времени окидывал его изучающим взглядом. Дак'ур не знал ни что с ним происходит, ни что Пуриил об этом думает. И если Скории суждено стать местом последней битвы для третьей роты, он может так никогда и не узнать этого. Однако Дак'ур понимал, что оно становится сильнее, и, несмотря на весь свой опыт, подготовку и тренировку, -- боялся.

Элизий вел дознание, отказавшись от прочей медицинской помощи, кроме слоя марли под перевязью, чтобы перебинтовать жуткую рану.

Фугис ничего другого и не ожидал. Они друг друга не очень-то жаловали, действуя на противоположных границах спектра войны. Дак'ур предположил, что аптекарь занят где-то в другом месте, помогая раненым и извлекая трупы погибших. Скорее всего, в пассажирском отсеке «Огненной наковальни». Н'келн объявил, что цитадель железной крепости останется запечатанной. Правда, сила зловещих и враждебных этанаций, идущих

от камня и металла, из которого была
выстроена крепость, без естественного
психического излучения орков ослабла, но,
что бы ни таилось в глубинах этого
места — телесное оно или нет, — его
нужно было оставить там, взаперти.

«Лендрейдер» послужил вполне сносной
заменой более просторному полевому
апотекариону. Вокруг штурмового танка
собралось немало раненых Саламандр и
даже человеческих поселенцев, ожидая,
пока аптекарий окажет им помощь.

Полчаса назад Дак'ур видел, как
внутри забрался Тсу'ган, раздраженный
тем, что не станет свидетелем дознания,
но подчинившийся приказу Н'келна пройти
постотр и подготовиться к новому бою как
можно быстрее. Раз он явно отказался от
оспаривания капитанства третьей роты,
Дак'ур решился встретиться с ним и
уладить несколько вопросов, прежде чем
явятся орки.

Остальные Саламандры — те, чьи
раны были не столь серьезными и не
требовали внимания фугиса,
расположились вдоль стен перед воротами.

Все вместе они наблюдали за небом и дюнами. Над головами, точно проклятие, угрожающе висел черный камень. Несколько часов — столько осталось до высадки зеленокожих: небо затмили снижающиеся по наклонной корабли орков.

— Говори, предатель, и твоя смерть будет быстрой, — заявил Элизий, мобилизовав всю свою ненависть и не обращая внимания на боль и дискомфорт от раны.

Железный Воин не сумел заговорить громко, но из-под шлема слышались приглушенные звуки.

— Громче, трусливый поклонник ложных богов! — рявкнул Элизий. — Преданные слуги Императора не прячутся за шепотом.

Дак'ур уловил шелест слов, когда Железный Воин повернул голову к капеллану и повысил голос.

— Железо внутри, железо снаружи! — нараспев повторил он, точно мантру.

Вспышка разряда предвосхитила удар крозиуса в грудь предателя. Оружие было выставлено на малую мощность, дабы не

убить пленника. Однако на теле Железного Воина появился рубец горелой кожи, отравляя воздух зловонием.

Дак'ур заметил, что капеллан не использует своих хирургов-дознавателей для допроса Железного Воина, предпочитая, что было для него не характерно, делать работу самому. Он явно был разозлен ранением и вытесчал эту ярость на предателе.

--- Хватит загадок, --- злобно проговорил он, убрав кроуиус и достал болт-пистолет. Затем прижал холодное дуло к голове Железного Воина: --- Говори.

--- Железо внутри, железо снаружи! --- ответил пленник, продолжая упорствовать.

--- Третий раз повторять не буду, --- пообещал Элизий, еще сильнее прижав болт-пистолет к голове Железного Воина. --- Расскажи мне, как вы одолели зеленокожих? Как вы сумели выжить? Пушка в недрах твоего вонючего бастиона имеет к этому отношение? Каково ее назначение? Говори, быстро!

--- Железо вну... --- начал предатель, но

внезапно остановился. Тень падающих осколков черного камня накрыла двор. --- Обречены, --- проскрежетал он.

Элизий проследил за его взглядом вместе с Дак'уром и всеми остальными. Все они знали, что приближается. Ранее, возвращаясь с поля боя в крепость, Дак'ур описал Н'келну происхождение черного камня, передав ему рассказ человеческого поселенца --- Улиага. Похож на планетонд, вращается по подковообразной орбите вокруг Скории; планетонд населен исключительно орками. Каждые несколько лет сближается со Скорией настолько, что орки запускают свои грубые атмосферные летательные аппараты, чтобы повоевать с теми, кто населяет планету, ибо орки обожают войну. До прибытия Салатангр эта война велась против Железных Воинов, возводящих свою крепость и устанавливающих сейстическую пушку неизвестно с какой целью. Дак'ур подозревал, что знает часть причины, но остальное было от него скрыто.

--- Обречены, --- повторил кузнец

войны. -- Нас было гораздо больше, чем вас, шавки Императора, и все же зеленокожие почти уничтожили нас. Вам не победить.

-- Именно поэтому ты строил свое оружие? -- спросил Элизий, сильнее прижимая болт-пистолет к виску Железного Воина. -- Ты собирался использовать его против орков, чтобы сдвинуть весы битвы в свою пользу.

Довольный металлический скрежет раздался из-под закрытого шлема предателя.

-- Ты не понимаешь, -- фыркнул он. -- Она спасет вас. Мы трудились здесь над вашим уничтожением. Гибель сынов Вулкана близка! Ваша ги...

Волна крови и мозгового вещества на черной броне Элизия стала следствием выстрела болт-пистолета, прострелившего голову Железному Воину.

Лицо капитана Н'келна едва заметно передернулось -- единственный признак того, что тот поражен или недоволен внезапной казнью.

-- Он пустышка и нам больше не понадобится, -- объяснил капеллан. --

Пусть гниет в пламени варна. Бездна
заберет его.

--- Тем не менее предатель был прав, ---
сказал Нириил.

Элизий резко развернулся. Судя по
тому, как это было сделано, библиарий
только что оклеветал преданность и веру
капеллана.

--- Мы не сможем одолеть орков, ---
продолжил Нириил. Элизий отступился
перед голубым сиянием из его глаз.
Библиарий повернулся к Н'келну. --- Черный
камень подходит все ближе. Скоро он
покажется на оптимальном расстоянии. В
небе и так уже нигде ткнуть, чтобы не
попасть в орка. Планетой орков, милорд,
вероятно исчисляемых миллионатами. Даже
с самым великолепным планом, даже с
целым орденом и лордом Ту'Шаном на
нашей стороне мы, скорее всего, проиграем
этот бой.

--- Не уверен, что мне нравится, куда
нас ведут подобные рассуждения, брат-
библиарий, --- заметил Н'келн.

--- Я разговаривал с
технодесантником Дрейгуем. --- Дак'ур

удивился, услышав эти слова, так как был
рядом с Нириилом почти все время до и
после битвы. -- Он считает, что оружие,
которое создали наши вероломные братья,
вполне работоспособно.

Элизий при этих словах взорвался.

-- Ты не можешь предлагать
воспользоваться оружием врага! -- бешевал
он. -- Ересь подстерегает в конце этого
пути, библиарий. Я скорее выберу смерть,
чем опорочу свою праведность грязью
Пертүрабова отродья.

-- Твое желание вполне может
исполниться, -- отозвался Нириил
сдержанно, -- но я не хотел бы добровольно
положить свою жизнь, или жизни своих
братьев, или людей этого мира на
наковальню войны только ради пустой
гордости. Вера в лояльность и стойкость
Ноктюрна впитана нами с самого
рождения и перерождения, -- убеждающе
заговорил он. -- Мы можем активировать
пушку и уничтожить черный камень со
всеми его полчищами зеленокожих.

-- И ради чего? -- возразил капеллан. --
Мы рискуем опорочить свою праведность

в глазах Бессмертного Императора. Предположим, нам удастся это проделать, остаться нетронутыми порчей и одолеть врагов. Что тогда? Наш корабль застрял в тепле, его двигателям не хватает мощности, чтобы высвободиться, в то время как планета разваливается изнутри.

И, словно услышав его слова, глубоко под землей заворчало и пламя бьющихся вулканов осветило темные небеса красным.

--- Отказаться от шанса на победу --- значит отказаться от надежды, --- произнес Пуриил. --- Я отказываюсь верить, что Вулкан с помощью «Книги огня» отправил нас сюда без причины, на неминуемое уничтожение. Ты сам сказал, брат, что это наша судьба --- участь с небес с открытыми для правды глазами.

Элизий, услышав собственные слова себе же в ответ, не нашел что сказать. Вместо этого, он взглянул на Н'келна. Решение оставалось за капитаном.

Н'келн стоял в молчании, казалось, очень долго, затем все-таки заговорил:

— Хотя необходимость замарать
руки оружием предателей оскорбляет меня
до глубины души, я не вижу иного выхода.
Мы не можем использовать «Гнев
Вулкана», чтобы уничтожить черный
камень, и ничто из нашего оружия не
способно на это. Сейсмическая пушка
Железного Воина — это наш выход.
Прагматизм превыше ложной славы. Я
принял решение.

Пирил кивнул. Элизий повторил его
движение парой мгновений позже,
неохотно, но уступив воле и желанию
капитана.

— Что вы хотите, чтобы я сделал,
тилорг? — спросил капеллан.

— После того как вскроют цитадель,
брат Дрейгий отправится с вами в
катакомбы, где хранится это оружие.
Возьмите огнеметы, возьмите все, что
нужно, и очистите помещение, освятите
оружие, и пусть техногесантник
подготовит его извращенных духов машин.
Затем мы вытащим его на свет и сотрем
черное пятно, что так портит небо этого
мира.

--- Для выстрела орудия потребуется некоторое количество фэйрона --- руды, которую добывали здесь в шахтах поселенцы, --- предупредил Пуриил.

Н'келн окинул суровым взглядом библиария. Дак'ур показалось, что фигура капитана растет с каждой прошедшей секундой.

--- Ты знаешь, где найти такую шахту, брат?

--- Мы можем взять проводника из выживших людей, --- решительно ответил тот. Дак'ур сразу же подумал об Улиаде и понял, что не видел главү поселенцев с тех пор, как они вернулись в железную крепость. И только сейчас заметил, что не хватает одного из бронетранспортеров.

--- Тогда займись этим. --- Строгое повеление Н'келна прервало размышления Дак'ура. --- Брат-сержант, --- прибавил капитан, привлекая непосредственное внимание Дак'ура, --- подбери боевое звено для сопровождения вас с Пуриилом. Крайне важно, чтобы вы принесли фэйрона хотя бы на один выстрел.

--- Есть, милорд, --- отсалютовал

Дак'ир.

--- Тогда за дело, братья! --- приказал Н'келн.

Брат Шен'кар терпеливо ждал в стороне, приготовив для оценки капитаном планы и возможные сценарии предстоящего сражения. Даже если удастся уничтожить черный камень, огромное количество орков уже находится в пути и вскоре должно приземлиться на Скорую. Битвы с ними избежать не удастся, и остальным Саламандрам нужно быть готовыми к ней.

Они больше ничем не могли помочь магистру Аргосу и «Гневу Вулкана». Н'келн отверг все просьбы отправить к кораблю подкрепление. Их позиции в крепости были сильными, и орки снова явятся сюда. Если хоть один найдет дорогу к месту крушения, с ним придется разбираться вспомогательным отрядам. Хотя Н'келн полагал это маловероятным. На этот раз Саламандры не станут прятаться за порченными стенами. С притоком психической энергии зеленокожих влияние крепости становилось слишком опасным и

непредсказуемым. Нет, они встретят орду в чистом поле, в ближнем бою, в котором сыны Вулкана были мастерами. «Если мы проиграем, -- решил Н'келн, -- значит мы и так не достойны любви примарха и не заслуживаем судьбы лучше». Он предпочел положиться на веру, надеясь, что спасение для роты явится из пламени войны.

Дак'ур хотел переговорить с Н'келном лично, чтобы обсудить участь Гравия и комплектов брони старого легиона более подробно, но сейчас капитан был занят планами битвы. Пока он успел лишь вкратце обрисовать их с Пуриилом находку древнего Саламандра и сообщить, что комплекты силовых доспехов находятся под охраной на борту «Гнева Вулкана», в одном из многочисленных армориумов корабля.

Капитан выслушал его с молчаливым и непроницаемым видом, но не сообщил, есть ли у него какие-то планы касательно этого.

Уничтожить черный камень, забрать с этого мира все, что можно, и надеяться, что появится способ улететь -- таков

порядок приоритетов для Саламандр сейчас. Все остальное — второстепенная работа.

— Собери своих воинов здесь, — велел Нуриил, как только Н'келн с Элизием ушли искать Дрейгуа и его огнеметчиков. — Я найду для нас проводников.

Дак'ур кивнул: его внимание неожиданно привлекли другие вопросы, когда он глянул на открытый люк «Огненной наковальни». Ба'кен ждал его по дороге к «Лендрейдеру».

Взяв громадного воина за наплечник, Дак'ур притянул его к себе и сказал:

— Мы отправляется в шахты. Мне нужны четыре боевых брата включая тебя.

Ба'кен кивнул и отправился собирать воинов.

Дак'ур двинулся дальше и вскоре оказался у посадочного трапа «Огненной наковальни». Освещение внутри работало вполсилы, но он все же сумел различить раненых боевых братьев, сгорбившихся на штурмовых скамьях в ожидании медицинской помощи. Еще Дак'ур заметил

два медицинских контейнера, в которых
полужаляли Саламандры, погруженные в
комы своими анабиозными мембранами
после тяжких ран, полученных в бою с
орками.

Он видел и другие контейнеры: там
лежали тела павших героев,
предназначенные для сожжения в пиреуме.
Их прогеноиды были извлечены, чтобы
вырастить из них следующие поколения
Саламандр. Погибшие из числа поселенцев
--- почти половина тех, кто храбро пошел в
бой вместе с Астартес, --- будут
присоединены к ним в знак почета и
уважения к их самопожертвованию.

Дак'ир забрался внутрь танка и
увидел, как ему сначала показалось, спину
Фугиса, который занимался раненым
Саламандрой в дальнем конце трюма. Но,
заметив на медстоле зеленый, а не белый
шлем, понял, что это вовсе не аптекарь.

--- Где Фугис? --- резко спросил он,
раздосадованный своей ошибкой.

Брат Емек повернул к нему голову, но
за него ответил его пациент.

--- Н'келн отправил его на задание, как

только ты вернулись в железную крепость, — сообщил Тсу'ган. Его острая борода торчила, точно красный язык пламени. Нагрудник сержанта и съёмная часть грудной подкладки были убраны. Емек только что закончил перевязывать Тсу'гану грудь. На тугой повязке проступили тёмно-розовые пятна. На кожу сержанта были наложены бальзамы и мази, чтобы ускорить процесс заживления. От них пахло перлом и жженым камнем. Ещё Дак'ур увидел, что кожа сержанта поражена множеством выжженных шрамов, глубоких и широких. Дак'ур удивился, как мог жрец-клеймщик Тсу'гана столь небрежно обращаться с его почётными метками.

— Я оставляю вас, братья, — сказал Емек, как всегда, дипломатичный, и перешел в другую часть трюма, где ждал ещё один пациент. Дак'ур кивнул, когда Емек прошёл мимо, но его внимание было целиком сосредоточено на Тсу'гане, который поднялся и принялся крепить на место нагрудник.

— А как же его обязанности здесь? —

спросил Дак'ур. -- И что за задание?

-- Здесь ему делать нечего, кроме как извлекать прогеноиды павших братьев. Это он сделал еще на поле боя. Остальных нужно лишь поглатать, с чем твой рядовой Емек, похоже, более чем способен справиться. -- Тсу'ган надел броню и застегнул крепления спереди и сзади, поторщившись от боли. -- Фүзис, видно, готовит его к месту в апотекарионе.

Настешка в голосе брата-сержанта заставила Дак'ура сжать кулаки.

-- Где Фүзис? -- спросил он снова.

-- Ушел, -- ответил Тсу'ган, разминая левую руку и плечо вращательными движениями внутри наплечника. -- Түговато, -- заметил он вполголоса.

-- Тсу'ган... -- предупредил Дак'ур. За то время, что они провели вдвоем друг от друга, он почти забыл, как сильно презирает сержанта.

-- Успокойся, изнеец. Н'келн отправил его в зал, где ты нашел старца. Он должен извлечь его геносемя.

-- А Улиаг отведет его туда, -- пробормотал Дак'ур, но не настолько

тихо, чтобы Тсү'зан его не услышал. Это также объясняло пропажу «Носорога».

— Тот человек, с которым ты пришел, — да.

Дак'ур ощутил укол сожаления. Это правильно, что геносетя Гравия будет сохранено, но древний Салатангр знал так много, что, дай время, они могли бы выведать это у него. А теперь вся информация будет предана забвению вместе с телом Гравия.

Дак'ур надеялся, что его можно каким-то образом вылечить, хотя бы вернуть на Прометей, в орден. Грустно было думать, что жизнь старого героя завершилась совсем неподобающе.

— Ты для этого пришел, чтобы поговорить с Фүгисом? — спросил Тсү'зан, прерывая размышления Дак'ура. — Сюда он вряд ли вернется, а мы будем по горло заняты орками, прежде чем у тебя появится другая возможность.

Безжалостная улыбка мелькнула на лице сержанта, наполнив Дак'уру сахаром, родну из хищных ящериц Пепельной равнины Ноктюрна.

Дак'ур шагнул ближе, так что губы
сержантов теперь разделяло не больше
метра, и понизил голос.

--- Я пришел поговорить с тобой, ---
признался он. --- Я видел, как ты смотрел
на Н'келна после того, как он умертвил
зверя. Должен ли я понимать это так,
что твое мнение изменилось?

--- Он прошел испытание пламенем
войны, --- только и ответил Тсу'ган,
прежде чем заняться проверкой
герметичных уплотнителей на досках.

--- Значит, конец тайным собраниям и
твоим претензиям на руководство
ротой? --- поинтересовался Дак'ур
многозначительно.

Тсу'ган вскинул голову. В пылающем
взгляде его был гнев, почти готовность
начать драку.

--- Мелочные угрозы ниже даже твоего
достоинства, изнеец, --- ответил он,
неправильно поняв смысл вопроса, и
предупредил: --- Не испытывай меня.

Дак'ур принял его вызов с такой же
твердостью.

--- А ты --- меня. И я не угрожаю. Я

просто хочу знать, на каких позициях ты с
тобой находимся.

--- На равных, --- процедил сквозь зубы
Тсү'ган. --- Не думай, что мое согласие
имеет какое-то отношение к тебе, изгнеч.
Не имеет. У нас с тобой по-прежнему есть
нерешенное дело.

--- Да что ты? --- провоцирующе
отозвался Дак'ур.

Тсү'ган наклонился ближе. Терпкий
аромат масел на его коже напомнил
Дак'уру запах серы.

--- Твои видения и предчувствия,
изгнеч, --- они не нормальные.

Выражение лица Дак'ура выдало
внутренний страх, вызванный тем, что
это может оказаться правдой. Тсү'ган
продолжил, не ослабляя напора:

--- Я вижу, как библиарий следит за
тобой. Не знаю, что ты скрываешь, но я
это узнаю... --- Тсү'ган придвинулся так
близко, что встал глаза в глаза с братом-
сержантом. --- И знай: я убью тебя без
колебаний, если окажется, что ты свернул
с праведного пути.

Дак'ур отступил на шаг, но его поза

осталась вызывающей.

--- Ты говоришь, как Элизий, --- зло
огрызнулся он. --- Дело касается не меня,
Тсү'ган. Дело касается Кагая и Стратоса.

Уверенное выражение на лице Тсү'гана
на мгновение дрогнуло.

«Ты всего боишься...»

Слова Нигилана завели привычку
являться, когда он меньше всего этого
ждал.

--- Я ничего не боюсь, --- пробормотал
он так тихо, что Дак'ур не услышал.

--- Отпусти свою вину, брат, --- сказал
Дак'ур, печально качая головой. --- Она тебя
просто разрушит в конце концов.

Костяшки пальцев Тсү'гана
хрустнули, и на мгновение Дак'ур подумал,
что тот его ударит, но Тсү'ган в
последнюю секунду обуздal свой гнев и
сдержался.

--- Мне не в чем себя винить. --- Это
прозвучало неискренне, как на взгляд
Дак'ура, так и для ушей самого Тсү'гана. ---
Мы закончили? --- прибавил тот после
напряженной паузы.

--- Я отправляюсь в шахты, --- сказал

Дак'ур, не зная, зачем он это говорит
Тсу'гану. Возможно, затем, что там он
может найти то, что каким-то образом
связало их друг с другом.

Тсу'ган просто кивнул.

--- Они хотят выстрелить из пушки,
чтобы уничтожить черный камень, ---
догадался он.

Теперь пришла очередь Дак'уру
кивнуть.

Больше говорить было не о чем, и
Дак'ур, по-прежнему не понимая, зачем
вообще пришел поговорить с Тсу'ганом,
развернулся. Он уже подходил к тране,
когда услышал за спиной голос сержанта:

--- Дак'ур...

Тсу'ган редко его так называл, обычно
он использовал слово «изнеец». Дак'ур
остановился и оглянулся. Лицо Тсу'гана
было угрюмым.

--- В зале, где мы обнаружили пушку, я
нашел жженный металл и окалину.

Дак'ур знал, что это значит. Взгляд
Тсу'гана сказал ему все, даже если бы он не
понял важности его слов. Убо Дак'ур тоже
это чувствовал. За те несколько дней, что

прошли с момента крушения, ощущение не
исчезло. Оно лишь булькало под
поверхностью, точно магматическая
кровь планеты, готовясь выплеснуться и
навсегда изменить лик Скории.

--- Во имя Вулкана! --- произнес Дак'ир
торжественно.

--- Да, --- ответил Тсу'ган и
отвернулся, чтобы поодобрать свой болтер.

Когда он снова глянул в сторону
трапа, Дак'ира уже не было.

Старые враги

Жизненный опыт --- это просто вереница событий, нанизанных друг за другом на паутину времени. Большинство проходят незамеченными, едва задевая переплетающиеся нити хронологии жизни, однако некоторые, по-настоящему важные, дергают так, что, кажется, вот-вот порвут нить, угрожая остальной цепочке. Такие вещи нередко можно почувствовать прежде, чем они произойдут: ощутить глубокую дрожь в позвоночнике, перелом в ветре, странное ощущение. Они непредсказуемы, эти события, их наступление можно почувствовать.

Передвигаясь по темным полостям подземного мира Скории, Дак'ир чувствовал, что такое событие вот-вот настанет.

--- Впереди чисто, --- раздался из устройства связи голос Аниона. Полтинуты спустя из трапа туннелей появился сам Саламандр, закончив

предварительную разведку.

Их было семеро --- боевое звено из пяти Астартес, Пуриил и выбранный ил проводник. Сам библиарий держался в тени, молчаливый и задумчивый; он простирал силу своих психических органов чувств, стараясь коснуться того, что могло таиться впереди в шахтах.

Сюда Саламангр привел мальчик Валин. Дак'ур сначала возражал, чтобы проводником стал такой юнец, но Пуриил объяснил, что Валин знает туннели лучше, чем любой другой поселенец, и будет в гораздо большей безопасности под землей с ними, чем наверху против зеленокожей лавины.

Прошел уже почти час с тех пор, как они спустились в одну из выходных нор, оставленных хитиновыми рядом с железной крепостью, и нашли путь, ведущий к шахтам. Шли они медленно и осторожно. Дак'ур решил, что так будет благоразумнее.

Жженный металл и окалина.

Это могло значить только одно. Мыслями Дак'ур перенесся к собратьям

наверху, собранным в боевые порядки на поверхности умирающего мира. К этому моменту первые из орочьих кораблей уже должны сесть, а орды зеленокожих --- стягиваться к месту последней битвы капитана Н'келна.

Дак'ур не позволил гложущему чувству отчаяния взять верх. Даже если они сумеют добыть файрон для пушки и уничтожат черный камень, нет никаких гарантий, что они смогут одолеть уже высадившихся орков. Даже если эта победа окажется возможной, Саламандры по-прежнему не смогут улететь со Скории --- планеты, которая медленно разрывает себя на части со все возрастающей силой. Они могут победить --- и оказаться сожранными вздымающимся океаном лавы или быть проглоченными бездонными провалами, когда кора планеты начнет разламываться. Дак'ур подумал, что это будет подходящей эпитафией для роты огнерожденных.

--- Твои приказы, брат-сержант, --- шепнул Ба'кен, стоявший рядом с Дак'уром.

с тяжелым огнеметом наготове.

До Дак'ура вдруг дошло, что Анион ждет указаний. Братья Ромул и Секулькар, занявшие позиции в арьергарде, тоже явно их ждали.

Сержант повернулся к Валину. Он вспомнил, какую храбрость мальчик проявил во время нападения хитиновых. Увидев сейчас он выглядел столь же храбро, наблюдая за сутраком и вслушиваясь в звуки, идущие от камня.

— Далеко еще, Валин? — спросил Дак'ур, присев так, чтобы не нависать угрожающе над мальчишкой.

Тот, не отрывая глаз от темноты впереди, рассматривал изгибы и очертания туннеля, почти неразличимые для Дак'ура и других, но для него понятные, как дорожные знаки. После недолгого размышления он ответил:

— Еще километр, может — полтора.

Еще на километр глубже в землю, где воздух становился горячее с каждым метром и на черных стенах можно было различить отсветы лавы. Спуск в темноту был похож на переход в другую

мир, сделанный из огня и непла. Саламандры, как никогда, чувствовали себя дома.

Дак'ур вспомнил запах дыма и окалины, который почувствовал в туннелях как раз перед тем, как схлестнуться с орками и воссоединиться с боевыми братьями. Сейчас запах вернулся, только это была не память об ощущении, а настоящий запах. Поток воздуха шел им навстречу едким ветром и нес зловоние гари и слабенький привкус серы.

Дак'ур подумал о красной чешуе и змеином теле, разворачивающемся в пелене липкого дыма. Тварь перед его мысленным взором словно явилась из жуткой огненной бездны, дьявольская и страшная.

--- Они близко. --- Голос Нуриила прорезал сумрак. Когда Дак'ур обернулся, глаза библиария светились, точно две небесно-голубые сферы.

--- Кто близко? --- спросил Текулькар. Его не было с отделением, когда они сражались на Стратосе: брат Текулькар, взятый из другой роты, заменил убитого

Аксора.

Голос Дак'ира был мрачен:

--- Воины-Драконы.

Передернув затвор котбиболтера, Тсу'ган почувствовал, как в груди кольнуло. От взрыва трицикла орочьего вождя треснули ребра и пробили легкое. Усиленная физиология Астартес быстро исцеляла Салатангра, но боль еще не ушла. Тсу'ган не обращал на нее внимания. С физической болью справиться легко. Он снова подумал о словах Дак'ира о вине и ее разрушительной природе. Сколько потребуются героических подвигов, чтобы стереть с совести пятно от смерти Кадая? Как это ни противно признавать, но игнеец прав. И в этот раз в нем говорила не та таинственная сущность, что пряталась в стенах железной крепости.

Салатангры покинули пределы предательского бастиона. Тсу'ган был рад этому: защита, предложенная им, не обеспечивала убежища и Салатанграм. Будет только лучше без нее.

Огнерожденные выстроились перед крепостью непоколебимой зеленой линией, камень и металл стены в нескольких метрах позади служил для них точной опорой. Саламандры встали так, чтобы прикрыть и защищать выходную нору, по которой Нуриил с изнейцем отправились к шахтам. Если удастся добыть файроновую руду, то им понадобится свободный проход в крепость и катакомбы цитадели, где их ждут Элизий с Дрейгуем.

Окинув взглядом войско, Тсу'ган увидел во главе передового клина капитана Н'келна. Инфернальная Гвардия выстроилась рядом с ним. Зная Маликанта тихо, но уверенно развевалось на слабом ветерке.

«Огненная наковальня» и прочие машины, за исключением бронетранспортера, который повез Фугиса к «Гневу Вулкана», перетежали линию воинов в стратегически важных точках. Транспортная бронетехника не обладала серьезной огневой мощью, однако в качестве мобильной защиты была весьма полезна.

Почтенные братья Ашамон и Атагей стояли неподвижно, но в полной боеготовности. Незыблемые силуэты гредноутов походили на бронированные столпы, торчащие среди зеленого поля Саламангр. Пока оружие гредноутов проходило подготовительные процедуры, лишь случайные вспышки электрических разрядов на силовом кулаке и сейстическом молоте выдавали нетерпение почтенных братьев вступить в бой.

Внимание Тсу'зана привлекли клубы непла, вздымающиеся на горизонте. Орки приближались, как и в прошлый раз. Только в этот раз их было больше. Их корабли висели наверху настоящим ковром, пятная точками небо, словно стая тух.

На главной палубе машинариума «Гнева Вулкана» было жарко, словно в жерле вулкана. Горячее тарево заставляло воздух пульсировать и мерцать, словно он был лишь наполовину реальным, а поверх него накладывался мираж. В воздухе

выстреливали струи пара, густые и белые; тусклое аварийное освещение высвечивало части машин, рубленые переборки и потеющих палубных сербов.

Фугис отыскал среди толчеи магистра Аргоса с парой технодесантников, которые помогли ему с нижними двигателями. Лютолапы, прикрепленные к сервокомплекту Аргоса, пронзали копьями света сумрак глубокой полости, где тот работал, достаточно широкой, чтобы вместить двадцать Астартес плечом к плечу. Апотекарий ощутил вонь смазок и масел, предназначенных для утиротворения неисправных духов машин. Ветерок переработанного воздуха, забитого запахом двуокиси углерода, доносил заунывное пение сопровождавших магистра технодесантников. Из полутрака проступали очертания частей двигателя, почерневшего металла и отсоединенных деталей.

--- Ты из апотекариона, брат. --- Голос Аргоса металлом завибрировал от темной ямы, где тот работал. Тугение

невидимых механогендритов и
сервоинструментов прибавляло свой
высокий рефрен к механической дикции
магистра кузницы. Фүгис заметил, что
слова магистра не звучали вопросительно.
Даже если Аргос и не знал, что
апотекарий возвращается на «Гнев
Вулкана», ему был ведом каждый
сантиметр своего корабля. Он
подсознательно чувствовал каждое его
движение так же четко, как движения
собственного тела.

Магистр кузницы продолжил:

--- Комплекты силовых госпехов
помещены в кортовой армориум двадцатой
палубы. Ты пришел спросить, не впустишь
ли ты старались, извлекая госпехи и
геноселя древнего.

Фүгис невесело устехнулся:

--- Магистр Аргос, ты
демонстрируешь не меньший гар
предвидения, чем брат-библиарий Пирин.

Из темноты впервые появилась голова
магистра кузницы. Он был без капюшона, и
Фүгис заметил, как задвигается внутри
его бионический глаз, подстраиваясь после

какой-то мелкой работы, результаты которой магистр тщательно исследовал.

--- Простая логика, брат, --- продолжил Арзос. --- «Гнев Вулкана» отремонтирован настолько, насколько я способен его починить, не имея в своем распоряжении мастерской механиков. Все остается по-прежнему: нам по-прежнему нужны четыре работающих блока нижних двигателей. Три из них заправлены и готовы, четвертый --- в служебном канале которого ты видишь меня --- нет. Для его работы необходимо заменить несколько важных деталей, поврежденных при крушении, которые нельзя скрутить из другого места корабля. Это относительно быстрая и несложная процедура, необходимые ритуалы коротки и просты, но дух машины нельзя уговорить ожить наполовину, брат-апотекарий.

Фугис невозмутимо принял резкий и четкий ответ техноксанта.

--- Значит, будем надеяться, что что-то изменится --- и мы сумеем отвести от себя такую судьбу.

Фугис не был уверен, что верит в

судьбу или рок. Как аптекарий, он был практичным и верил в свои руки и в то, что видит своими глазами. Несколько дней, проведенных на обреченном мире, изменили его веру. Он почувствовал это сильнее всего на разрушенном мостике древнего экспедиционного корабля, где восседал, словно откинувшийся на спинку трона мертвец, брат Гравий. По законам природы, древнего Саламангра не должно было быть в живых. Когда Фугис приблизился к нему — чувство благоговейного трепета и почтения стирало его шаг, — Гравий был близок к концу своего срока. Он точно заставлял себя держаться тысячи лет, ожидая возвращения боевых братьев.

Фугис не знал, насколько важна эта находка. Он следовал приказу своего капитана, но испытал особое чувство горя и ощущение значительности происходящего, подарив «покой Императора» при помощи инъекции нейросыворотки. Это было почти похоже на осквернение, когда он взломал старинный доспех и извлек прогеноиды

старца. В них хранился генетический код
легиона, невыхолощенный временем или
поколениями предшественников.
Переживание было поистине
унизительным и перекликалось с
подорванным духом апотекария.

— Брат Агатон и я возвращается в
железную крепость, — сообщил он Аргосу.
Сержант со своим боевым звеном
сопровождал Улиага в «Носороге». Агатон
ждал снаружи, когда Фүзис вошел на
мостик и двинулся к Гравию. Прямо сейчас
он со своими воинами управляет эвакуацией
поселенцев, включая тех, кто сражался с
орками: Н'келн решил, что больше ни одну
человеческую жизнь не заберут
зеленокожие, если этого можно избежать.
Все будут возвращены на «Гнев Вулкана» в
надежде, что корабль снова сможет
путешествовать среди пустоты и спасет
их.

Фүзис с Агатоном, оставив боевое
звено для защиты поселенцев и
сопровождения на корабль, отправятся
обратно и поддержат своих боевых
братьев, если смогут. Орки пока не

нападали на место крушения, как и не
выказывали признаков интереса к нему.
Это было на руку Саламандрам: для
обороны там остались только
вспомогательные части.

--- Датчики показывают, что
зеленокожие уже приземлились, брат. Ты
прибудешь слишком поздно, чтобы
добраться до линии фронта, если, конечно,
не планируешь пробиваться сквозь орочье
море, --- заметил Агатон. И что
примечательно: в его голосе не было ни
намёка на сарказм.

--- Мы войдем через туннели,
проложим через них путь и выйдем рядом
со стенами крепости.

--- Тогда вам лучше отправляться
прямо сейчас, --- сказал Агатон, перед тем
как вернуться во тьму служебного канала.
--- У нас всех осталось мало времени, брат.

Фугис повернулся к нему спиной и
покинул машинариум. И подумал: не в
последний ли раз?

Звук битвы наверху просачивался в
катакомбы цитадели, точно

призлущенные раскаты грома. Орки
выгвинули свое воинство и сейчас вели
ожесточенный бой с Саламандрами на
залитых кровью пепельных дюнах.

Капеллан Элизий отпустил
огнеметчиков, но едкая вонь сгоревшего
прометия еще не выветрилась.
Огнеметчики сейчас принесут больше
пользы наверху против орочьей орды, чем
здесь, среди тьмы и шепчущих голосов.

В затылке начинало зудеть. Сначала
капеллан едва это ощущал, вполголоса
борточа литании и глядя, как Дрейдий
трудится над сейстической пүшкой,
пытаясь провести обряд очищения ее дүхов
ташин. Позже технодесантнику придется
посетить реклюзиат, чтобы Элизий смог
проверить его дүшү и убедиться, что
Дрейдий не поддался порче. Зүд перерос в
ноющее, настойчивое множество
шепчущих голосов. Они звучали то
отчетливее, то более размыто, но при
этом продолжали оставаться на краю
сознания. Впрочем, капеллан подготовился
к этому. Темные силы, заточенные в
пределах железной крепости, пытались

преодолеть его защиту, однако очищающий огонь на какое-то время их ослабил, а проповеди капеллана --- обуздали.

Дрейдуй, стоя перед пушкой, проводил собственные ритуалы. Уцеление духа машины оружия будет непростым делом, однако без этого не обойтись. Без него пушка не выстрелит; она даже может сработать неправильно --- и последствия будут ужасны. Хорошо еще, что оружие уже не было одержимо демонами.

Элизия злило, что им приходится использовать вражеское оружие. Это пахло соглашением с врагом и отходом от веры. Но благочестивый капеллан не был глупцом. Пушка --- это лишь инструмент, чтобы уничтожить черный камень и остановить почти бесконечный орочий прилив. Рациональная часть рассудка капеллана задавалась вопросом: зачем Железным Воинам понадобилось конструировать подобное оружие? Возможность применить его здесь, на Скории, казалась весьма ограниченной. Элизий ощутил, что смотрит на пушку словно сквозь мутные линзы с въевшейся

грязью по краям. Он был близоруким, но инстинкт научил его смотреть не только глазами. За этой грязной оправой линз пряталось нечто неуловимое. Лишь сумеешь разглядеть это нечто, можно будет узнать всю правду о кознях Железных Воинов. Невозможность сделать это тревожила капеллана.

— Огонь Вулкана бьется в моей груди, — затянул нараспев Элизий, когда таинственная сила в катакомбах почувала его сомнения и решила подкормиться и воспользоваться ими, чтобы расширить крошечные трещинки в броне его веры.

— С ним я сокрушу врагов Императора! — закончил капеллан, сжав рукоять Знака Вулкана и чувствуя прилив сил от близости иконы-молота.

Но как бы пристально он ни разглядывал оружие, тьма вокруг линз не исчезала.

Из туннеля до них долетели грохот и лязг машин. Звук доносился из освещенного прохода ниже. Вместе с ними появились вонь лавы и покалывание жара.

Шахты были прямо впереди.

--- Держись сзади, Валин, ---
предупредил Дак'ур, обходя мальчишку и
заслоняя его своим бронированным телом.

Мальчик сделал, как было велено,
однако ахнул, заметив тень, выгнувшуюся
у основания туннеля.

Брат Анион, выгнувшись на
переднюю позицию, тоже ее заметил и
навел болтер, приготовившись открыть
огонь.

--- Он уже мертв, --- сообщил ему
Нуриил. В глазах библиария вновь засло
небесно-голубое пламя.

--- Останки Железного Воина, ---
заметил Дак'ур. Его зрение
адаптировалось достаточно, чтобы
разглядеть кератин цвета голого
металла и узнаваемые черно-желтые
шевроны на броне. То же самое, что было в
редутах. --- Продвигается, но осторожно,
братья.

Анион чуть опустил болтер и пошел
первым.

У основания туннеля Саламандры
обнаружили природную скальную галерею.

Шум машин — жужжание буров и
рыхление экскаваторов — усилился.
Длинные тени, отбрасываемые
движущимися силуэтами в большой
пещере дальше, чертили полосы на стенах
у конца галереи. Здесь было больше
«часовых»: облаченных в железо пугал,
поставленных наготове вдоль стен. Валин
съежился: давно мертвые тела, для него
бывшие очень даже живыми, источали
животный страх.

Ба'кен подвел его ближе к себе,
нагнулся, насколько позволяла его громада,
и прошептал:

— Держись рядом со мной, дитя.
Огненные ангелы не дадут тебя в обиду.

Валин кивнул, настроение его явно
улучшилось. Он подобрался поближе к
керамитовому столпу, который
представлял собой брат Ба'кен.

Дак'ур не заметил их разговора. Его
внимание было приковано к Аниону,
который добрался до конца галереи и
замер у порога. Дак'ур присоединился к
нему через несколько секунд и всмотрелся
в обширную полость внутри скалы. Там и

тут металлические подпорки удерживали
потолок пещеры. По всей пещере валялись
пустые кожухи горнодобывающего
оборудования, словно кладбище машин,
отработавших свое и брошенных, как
только срок их службы подошел к концу.
Дак'ур видел буровые механизмы,
копатели с ковшами-лопатками,
экскаваторы и гусеничные буровые
платформы. Сервиторы, обтянувшие в своих
машинах или сваленные в кучи, служили
лишним доказательством непрерывного и
хищнического горного промысла.

Кроме машин, здесь еще находились
три платформы из металла,
приподнятые прочными ногами на метр
над полом. Две платформы были плоскими
и пустыми. Третья была установлена
широкими металлическими бочками.
Дак'уру даже не пришлось заглядывать
внутрь, чтобы понять, что бочки до краев
наполнены файроновой рудой. Третья
платформа стояла ближе всех к
источнику машинного шума — короткого,
но широкого туннеля, погруженного во
тьму. Саламангры вошли в пещеру под

небольшим углом, и с помощью обостренного зрения Дак'ур разглядел две управляемые сервиторати буровые машины, похожие на те, что использовали поселенцы, когда устроили им засаду, и грозоздкий экскаватор на толстых гусеницах, отгребающий ненужный камень и землю, выбрасываемую буровыми машинами. Им тоже управлял сервитор, сгорбленный и сцепленный проводами с машиной, точно она была неотъемлемой частью его тела. Все три автомата были схожи с упырями-дронати, которых Саламандры встретили в зале сейстической пушкой. Тусклый свет от блоков натриевых ламп, висящих на проводах, прибитых к потолку пещеры, придавал гротескным лицам упырей злобещий вид. Их хозяева стояли неподалеку. Три Железных Воина расположились у входа в забой, наблюдая за работой. С шинастых наплечников свисали комбиболтеры с прижкнутыми штыками-сарисати. Железные Воины стояли так близко к месту добычи руды, что доспехи их были осыпаны осколками и покрыты

слоем серой пыли.

Вдалеке шестиколесный погрузчик без полный кузов бочек с файроновой рудой. Машина с урчанием ползла на широких гусеницах к обширному проходу у дальней стены шахты, который вел в неизведанную темноту.

Второй шестиколесник, который уже шел обратно, приближался к частью заставленной бочками платформе, где его ждал новый груз. Появилась пара волочащих ноги сервиторов-грузчиков — их руки были заменены на двузубые погрузочные вилы, — когда погрузчик подъехал вплотную к платформе.

За погрузчиком следовало еще несколько фигур.

Желваки у Так'ира на скулах вздулись, и он ощутил, как по телу прокатилась волна ярости.

Убийцы Кагая, Воины-Драконы, были здесь.

Их было трое, облаченных в кроваво-красный кератит, который местами превращался в чешую, точно сами госнехи некоторым образом мутировали. Латные

перчатки оканчивались когтями с окровавленными остриями. От тел сильно тянуло запахом меди. Когда-то они были костическими десантниками, эти твари; сейчас же они были изменниками, служащими Губительным Силам, рабами тьмы и проклятия.

Огун носил шлем, формой схожий с головой древнего ящероподобного зверя. Два рога, изогнутых, точно пара темно-красных клинков, выходили из висков шлема. В такт учащенному дыханию предателя из ощеренной и окаймленной клыками ротовой решетки вылетало облачко светящихся искр. От Воина-Дракона исходило жаркое тारेво, придавая его силуэту некоторую нереальность.

Второй прижимал к груди устаревшую мультимелту, покрытую, точно шрамами, метками за убитых врагов. На его шлеме не было никаких украшений, кроме тупоносого рыла, отделанного костью. Череп, прикрепленные к окровавленным цепям, свисали с его чешуйчатых наплечников, и он носил что-то похожее на темно-красную

шкуру ящера поверх брюшной брони. При каждом движении из сочленений доспехов сыпались частички пыли. Обостренным зрением Дак'ир разглядел, что частички похожи на крошечные чешуйки эпидермиса, и Саламангру тут же пришло в голову сравнение со змеей, сбрасывающей кожу.

Последнего из них Дак'ир знал очень хорошо. У этого, идущего между двумя воинами, горящие красные глаза сверкали, точно он пребывал в постоянном бешенстве. Слеющую ярость иттировали и шрамы на лице: устрашающая мешанина сожженной кожи и рваных ран. Старые рубцы и полосы расплавленной кожи портили его ониксово-черный лик. Из каждого наплечника изгибался рог; в когтистой перчатке воин сжимал потрескивающий разрядник психосилового посоха.

Это был Нугилан, колдун и вершитель уничтожения Кадая.

— Узменники, — зло прошипел Анион, и Дак'ир услышал, как хрустнули кулаки Саламангра.

— Ба'кен, — позвал сержант, не сводя

глаз с заклятого врага.

Давно следовало прочесать эти туннели. Дак'ур ведь чувствовал, что здесь что-то есть. Все его видения указывали на это. Даже Тсу'ган что-то подозревал — и все-таки они ничего не предприняли. Что ж, теперь время бездействия подошло к концу. На внутришлетном дисплее Ба'кена появился значок, отправленный одним движением глаза Дак'ура.

— Цель получена... — прозвучал огромный воин, выдвигаясь вперед и выставляя свой тяжелый огнемет. Погрузчик почти достиг платформы и топливные баки двинулись к нему, когда струя раскаленного протектора пронеслась через пещеру и вспыхнула. Кончик пламени пролетело сквозь пару баков, окутав их огнем, хотя и прошло лишь по касательной. Это настоящая цель, погрузчик, взлетел на воздух несколько секунд спустя, когда его топливные ячейки перегрелись и летучая жидкость внутри эффектно взорвалась. Погрузчик поглотен в воздух и перевернулся. Пылающие

обломки рүхнүли на горящих ұпырей-дронов
и уничтожили их в пламени взъярившегося
пожара.

--- Саламандры, в атаку! --- взревел
Дак'ур, и отряд ринулся в пещеру с
равкающими болтерами наперевес.

Железные Воины были ближе и
отреагировали быстрее. Однако один
оказался недостаточно проворным:
плазменный выстрел Дак'ура ударил его в
грудь и пробил дыру размером с кулак
Астартес. Разрывные снаряды из
комбиболтера пошлись по потолку и
сбили осветительные приборы, когда
пальцы предателя сжали спусковой крючок,
повинуясь последнему нервному импульсу.

Оставшиеся два Железных Воина
бросились в укрытие и открыли ответный
огонь, в то самое время как Воины-
Драконы начали занимать боевую
позицию. Дак'уру показалось, что между
выстрелами он заметил, как Нугилан
застеялся.

Саламандры разделились: Дак'ур,
Нириил и Ба'кен двинулись вправо, Анион,
Ротул и Текүлькар --- влево. Валин, не

горя желанием оставаться в коридоре наедине с трупом Железного Воина, убежал за остов сломанного погрузчика, с которого поснимали запчасти, и спрятался.

— «Наковальня», дойти до платформы и захватить файроновую руду! — приказал Дак'ур в вокс, используя позывные, с которых договорились перед входом в норы. Краем глаза за рывкающими выстрелами болтеров он заметил, как Апион с Ромулом несутся между остовами машин, пытаясь добраться до платформы с рудой. В то время как Текулькар продвигается вперед, прикрывая их огнем.

— «Молот», мы наступаем сейчас! — Дак'ур повел остальных вперед: полосы огня не давали Железным Воинам поднять головы, пока те не кинулись искать новое укрытие. Мельком бросая взгляды на врага, Дак'ур увидел, что Нугилан предоставил своим подчиненным делать всю работу. Ослепительный луч прожег корпус машины, за которым укрылся Нириил. Библиарий сдвинулся с его пути как раз вовремя. Другой изменник

непрерывно бомбардировал Саламангра градом выстрелов из болтера, казалось наслаждаясь самим процессом стрельбы. Он был похож на бешеную собаку, рвущуюся с поводка.

Низкий рокот прокатился по пещере, приостановив внезапную атаку Саламангра. С потолка посыпались куски камня, металлические подпорки злобеще и протестующе заскрипели.

Дак'ур упал на колени, потеряв равновесие. Один из Железных Воинов тоже упал, на мгновение показавшись из укрытия. Ба'кену, который стоял прочно, крепко упершись ногами, этого хватило, чтобы обратить его в пену. Металлический визг раздался из-под шлема предателя — и тот осел гымящейся кучей обугленного металла. Жесткие толчки усиливались, так что даже Ба'кен больше не смог устоять на ногах. Язык пламени из его огнемета угас.

Воины-Драконы тоже залегли. Дак'ур потерял из виду Нигилана, но все время ощущал его присутствие. Сержант прикинул, что предатели находятся где-

то в шестидесяти метрах от Саламангр, примерно в центре пещеры. Решительная атака, как только стихнут толчки, застанет врага врасплох — и они смогут добраться до изменников прежде, чем вражеская мультимедиа сможет выстрелить снова. Как псайкер Нугилан был непредсказуем, но Дак'ур готов был рискнуть. Стратегические символы зажглись на внутришлемных дисплеях Саламангр, передавая план сержанта.

Ромул и Анион были почти у платформ; две группы одновременно нападающих Саламангр отвлекли одинокого Железного Воина, защищавшего ее, и он не обращал никакого внимания туда, куда следовало. Короткие очереди из болтера Текулькара, который вел огонь лежа, не давали Железному Воину поднять головы, чтобы остальные Саламангры могли захватить цель.

Они добрались до платформы, когда в пещере раздался глубокий треск, точно раскалывался весь мир. Вспышка света залила туннель с забоем воспаленным сиянием, и грожащие трещины

разбежались от него зубчатыми линиями. Трещины расширялись до расщелин, затем до разломов, заполненных пузырящейся лавой. Инфернальное свечение из туннеля быстро распространялось. Оно шло впереди волны лавы, извергнутой оттуда, где забой разнесло на куски и потекла кровь Скории.

На волне лавы из туннеля вынесло горные машины. Тая в смертоносном потоке, они продержались недолго. Словно недолговечные островки из металла, они погрузились в тягучую трясину за считанные секунды. Равнодушных дронов засосало вместе с ними.

Теперь зияющий разлом, полный лавы, отделял Саламандр от их добычи. Тонкая полоса неровного камня перекрывала его, плававшая на поверхности, достаточно широкая, чтобы два Астартес пересекли ее одновременно. Сила толчков стихла, но новые трещины паутиной раскалывали пол, а с потолка непрерывно сыпались потоки пыли и камня. С врагом нужно было заканчивать быстрее, прежде чем свода пещеры рухнет на голову.

Ромул и Анион добрались до

файроновой руды и закрепляли ее к
силовым доспехам. Но две бочки на каждого
--- это все, что они могли унести, не
снижая своей боеспособности.

Надеясь, что четырех бочек хватит,
Дак'ур бросился к каменистому переходу
через разлом. За миг до того, как он
достиг края лавового потока, титан
пронеслась обжигающая вспышка света --- и
значок Текулькара на доспехе
сержантского шлема мигнул и погас.
Быстрый взгляд назад показал, что боевой
брат лежит на земле с частично
расплавленным торсом в нескольких
метрах от предыдущей позиции Дак'ура.

--- Вытаскивайте его! --- крикнул
Дак'ур, узнав жестокие последствия
попадания из мультиметлы.

Зная, что Анион и Ромул отступают
с Текулькаром и файроновой рудой, Дак'ур
потчался, невзирая на опасность, по
каменному переходу. Интенсивный жар от
лавы с обеих сторон покусывал доспехи, на
доспехе вспыхивали предупреждающие
значки.

Решительно не обращая внимания на

неприятные ощущения, Саламандр был уже на полпути через лаву, когда с другой стороны разлома из укрытия появился Железный Воин. Лай болт-пистолета Нуриила, который бежал в нескольких шагах позади сержанта, сколол куски с наплечника и горжета предателя, заставив того нырнуть обратно.

Но затем в поле зрения Дак'ира появился другой противник.

Гротескная и причудливая, благодаря иррациональным, ухмылка исказила лицо Нугилана, а его психосиловой посох потрескивал от силы. Он направил посох на Дак'ира, и тот не сумел увернуться от густой темной молнии, сорвавшейся с кончика посоха. Молния со всей своей мощью ударила Саламандра в грудь. Это была чистая энергия варна, направляемая колдовством Нугилана. Никто не смог бы выжить после такого удара.

Дак'ир вскрикнул, и его крик превратился в вопль агонии.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Черный камень утирает

Линия держалась. Немногие Астартес могут похвастаться стойкостью, столь же непоколебимой, что и у сынов Вулкана. Здесь, противостоя безжалостной и словно нескончаемой орде зеленокожих, третья рота полагалась на нее, как никогда раньше.

Тяжелые орудия в тылу боевых порядков Салатангр прореживали огнем стремительно наступающих зеленокожих, которые пытались подойти ближе, чтобы использовать свои главные преимущества: необузданную агрессию и жестокость.

Но Салатангры были в равной, если не превосходящей, степени мастерами в схватках с врагом лицом к лицу. Недавно вернувшиеся в строй огнеметчики взитали с обильную дань с орков, прорвавшихся сквозь залпы Опустошителей.

В отличие от первых атак на железную крепость, орки преимущественно наступали пеши; их сопровождали

машинны на гидравлических ногах — грубые
аналоги гредноутов Костицкого
Десанта. Орки не стали использовать
фургоны, мотоциклы и боевые грузовозы,
как их сородичи в предыдущих вылазках.
Дальнобойные орудия тоже почти
отсутствовали. Вместо этого на
Саламангр обрушилось невообразимое
множество цепных клинков, тесаков и
глубин, чтобы вбить в них покорность.

Но там, где орки ожидали лишь
убитой кровью смерти и капитуляции,
они встретили ярость и жесткий отпор.
Сплоченные, числом почти в целую роту,
защищая относительно узкий участок, в
котором располагалась железная крепость,
Саламангры оказались практически
несокрушимы. Потери были невелики; тех,
кто больше не мог служить ордену,
оттаскивали за крепкую стену зеленых
госпехов, на их место вставляли других
братья.

Тсу'ган метров с десяти свалил орка,
прострелив ему грудь, и зверюга рухнула,
пропахав землю, точно взбешенный
заворотур. Его место занял другой — и

этого тоже Тсу'ган убил меткой очередью
в оскаленную морду. За ним последовали
еще несколько. Зеленокожие рвались вперед
сквозь кинжальный огонь Саламандр. Когда
на них сверху обрушилось штурмовое
отделение Варго, хоть и в уменьшенном
составе, орки исчезли в свалке. Обмен
ударам был бешеным и стремительным.
Меньше чем через минуту штурмовое
отделение взметнулось в воздух на языках
пламени. Они искали новых врагов среди
тех орков, что опередили основную массу,
терзаемые нестерпимой жажды крови. В
рассеивающемся дыму остались лишь
искромсанные тела да пятно выжженной
земли.

--- Вперед! --- раздался из устройства
связи приказ Н'келна. Капитан поспешил
воспользоваться небольшим промежутком
времени, оставшимся после уничтожения
орков.

Линия Саламандр двинулась вперед
как один. Тсу'ган сквозь подошвы ботинок
ощутил тяжелую поступь терминаторов,
идущих в атаку рядом с его отделением.

--- На наковальню, брат-сержант, ---

произнес, трачно улыбнувшись, Претор и
махнул громовым молотом в сторону
следующей волны зеленокожих.

Изумленно фыркнув от всего этого
фатализма, Тсу'ган снова открыл огонь, и
его лицо осветилось вспышками
выстрелов. Он захохотал, вторя рывканию
своего болтера.

Над головой, точно кровь в
пораженных раком венах, текли по небу
вереницы орочьих кораблей. Черный камень
теперь извергал их без остановки. Скоро
пепельных дюн не хватит, чтобы
вместить всех зеленокожих, отправленных
с его изрытой кратерами поверхности.

При мысли об этом Тсу'ган захохотал
еще громче, но затем боевая истерия
угасла от пришедшей в голову мысли.

Пока цел черный камень, победы ил
здесь не видать. Если его не уничтожить,
вскоре они все будут мертвы.

Дак'ира опутала черная молния, по
доспехам побежали разряды темной
энергии из посоха Нигилана. Саламандр
вскрикнул и упал на одно колено, стискивая

в руках оружие и согрозаясь под действием жуткого колдовства.

Ступно, краем почти угасшего восприятия Дак'ур показалось, что Нириил выкрикнул его имя. Голос библиария был полон душевной тьмы, точно он уже оплакивал мертвого. Крепко зажмуренные глаза сержанта снова видели Цингарское плато и подъем наверх --- последнюю стадию вступления в неофиты. Резкий запах Едного моря щипал ноздри, горячие нисходящие потоки воздуха родных изнейских пещер согревали кожу.

Затем он вернулся обратно, и терзающая боль молнии утихла: нервным окончанием, прежде объатым пламенем, было спокойно и тепло. Дак'ур открыл глаза и понял, что еще жив.

Но лицу Нигилана скользнуло выражение веселого удивления, сила его посоха пошла на убыль, затем колдун развернулся и отступил за своих вероломных собратьев.

Когда Дак'ур начал подниматься на ноги, от его тела взвились ленточки колдовского дыма; мимо пронесся Нириил.

и потоком воздуха ленточки повлекло следом.

Дак'ур почувствовал, как сзади затормозил Ба'кен. Сержант неловко поднялся на ноги и взмахом руки велел огнеметчику двигаться дальше.

— Останови изменников, — невнятно произнес он, еще толком не придя в себя.

— Хазон, я думал, ты умер, — пробормотал Ба'кен и отправился вслеп за Нириилом.

— Должен был, — прохрипел Дак'ур, собираясь с силами. Он уже натеревался двинуться дальше, но увидел, как из темноты угрожающе рыскнул луч мультимелты. Нириил вскрикнул: смертоносное оружие обожгло сквозь наплечник его плечо. Библиарий едва не упал, но сумел удержаться на ногах.

Скрипя зубами от ярости, Дак'ур нашел взглядом стрелка. Он узнал этого темный силуэт, явившийся из храма Аурат-Церона сюда, на Скорию. Сначала он этого не понял, но теперь знал: это был убийца Кадая, убийца его прежнего капитана.

— Гхорган... — окликнул Нигилан

вооруженного мультимелтой Воина-Дракона. Остальная часть его приказа утонула в грохоте взревелих болтеров. Нугилан и другие предатели начали отступать в темноту. Гхорган лишь кивнул в ответ и остался на месте. Нугилан хотел бежать.

Этого нельзя было допустить. Дак'ур метнулся через лавовый поток. И хотя такой прыжок казался невозможным, Саламангр невероятным образом перелетел на противоположную сторону, проскрежеhtaв подошвами по краю, где камень обрывался в раскаленное ничто. Не обращая внимания на Железного Воина, Дак'ур, не снижая скорости, встретился к Воину-Дракону с мультимелтой. Заметив неожиданную угрозу, Гхорган развернул свое смертоносное оружие — в сгвоенном стволе уже расцветало сияние энергии.

Пирил почти достиг конца узкого каменного мостика, когда последний Железный Воин выскочил ему наперерез. Пирил мысленно слышал медленное нажатие пальца, затем долгий

металлический отзвук спущенного курка, когда предатель открыл огонь из болтера.

Скорость срабатывания болтера невероятно высока, темп стрельбы быстрее, чем мгновение ока. Но разум Перила был еще быстрее. Болтерные снаряды бесполезно лопались о невидимый щит — брызги густого света расцветали прямо в воздухе от каждого глупого хлопка.

Перил продолжал бежать, заметив, как приземлился Дак'ур. Он опередил его на другой стороне потока и добрался до стрелка. Меняя тактику, Железный Воин снизил темп стрельбы, чтобы ударить наконечником сапиды. Перил выхватил психосиловой меч и отбил выпад, которым он должен был быть проткнут. Воспользовавшись тем, что Железный Воин потерял равновесие, он бросился вперед и вогнал до середины клинок своего страшного оружия в живот предателю. Пластины керамики, разьединенные струящимся силовым полем, легко пропустили психосиловой меч; библиарий опустил невидимый щит и направил свою психическую мощь через лезвие клинка.

Железный Воин обмяк мгновенно: его грудь отделилась от тела и низринулась в варн на поживу демонам. Из стоторовых прорезей в шлеме предателя заструился дым, изнутри, из глубины, засиял свет. Предатель завыл на долгой и скорбной ноте, которая эхом отозвалась где-то за пределами реальности, и его опустевшая оболочка осела грудой на землю.

Сразив предателя, Нуриил глянул вперед -- на своего боевого брата.

Распаленный яростью, Дак'ур бросился на Гхоргана. Луч мультимелты пронзил воздух, но прицел отступника, которого безрассудная атака Саламангра вынудила выстрелить навскидку, был неточен. Луч прошел на несколько сантиметров выше Дак'ура, опалив лишь край шлема. Однако достаточно близко, чтобы прожечь кератин. Шлем начал плавиться, и Дак'ур сорвал его прежде, чем разрушающее воздействие телты проест его совсем и примется за лицо.

Оплавленный шлем со стуком покатился по земле, а Дак'ур с ревом нанес

удар. Зажатый двумя руками, ценной меч Саламангра взрылся в мультимелту Тхоргана, которая оборвала жизнь Кагая, и распилил ее надвое.

Пириил уже добрался до конца узкого мостика через реку лавы, когда обнаружил, что Ба'кена с ним нет. Он оглянулся в поисках массивного Саламангра, попутно заметив, как Дак'ир крушит могучего Воина-Дракона.

Огнететчик уходил назад по каменному мосту.

--- Брат! --- окликнул его Пириил с обвиняющими нотками в голосе.

Ба'кен полубернулся на ходу и обронил:

--- Библиарий, я не могу его оставить.

Пириил собрался окликнуть его еще раз, когда увидел, что Ба'кен направляется к мальчику Валину. Гейзеры из огня и лавы уже раскалывали пол пещеры, по земле змеились и разбежались трещины, расходясь все шире и выпуская наружу жизненные соки Скории. Валин отошел в угол пещеры и спрятался, пригнув голову.

Солстые жилы натекающей лавы перекрыли ему путь к отступлению, вокруг время от времени выстреливали из-под земли копыя огня. Мальчик сжался на обогранном остове экскаватора, вцепившись в него изо всех сил и окаменев от страха.

Стремясь поскорее добраться до Воинов-Драконов и, возможно, от боли в плече, причиненной злобредным касанием луча желты, Нуриил не услышал жалобного крика Валина. Ценить человеческие жизни их научил Вулкан. Саламандры были не просто воинами, они были защитниками человечества.

Но мальчика услышал Ба'кен и, будучи огнерожденным Ноктюрна, не смог остаться в стороне.

— Во имя Вулкана, брат, — вполголоса произнес библиарий. Пещеру уже заволокло дымом, застилая обзор. Внутренний силуэт Ба'кена исчез среди серо-черного тарава.

Вновь обратив свое внимание на Дак'ура, Нуриил сделал всего шаг с клочка скалы, когда землю у него перед ногами

расколола глубокая раздвоенная трещина и колоссальная стена пламени и невыносимого жара презградила путь.

Опрокинутый ударной волной огненного гейзера, Нирил моропливо поднялся на ноги, чтобы его не снесло в реку лавы. Тревожные значки вспыхнули красным напротив обозначения перчатки в реестре состояния госпехов. Библиарий осторожно попытался коснуться огненной преграды, но отдернул руку, когда показания тепловых датчиков госпеха резко подскочили. Перчатка, побывав в огне, сильно обгорела и даже слегка оплавилась.

Схватка между Саламангром и отступником за колышущейся завесой жара превратилась в аморфное тарево.

--- Дак'ур! --- крикнул библиарий, давая выход своему бессилию и досаде. Он ничем не мог помочь: стена огня простиралась через всю пещеру Дак'ур остался один.

Воин-Дракон выпустил обе половины разрубленной мультимелты и ударил левым когтем, как клинком, целя Дак'уру

в шею, одновременно рубанув вторым когтем по запястью противника. Горжет Саламандра принял на себя большую часть силы удара, но ошеломленный Дак'ур выронил ценной меч, когда острый, как коса, коготь сколол кусок керамита с латной перчатки. Гүлкий звон оружия, ударившегося в пол, прозвучал подобно похоронному колоколу. Зубья меча остановили свой бег.

Дак'ур быстро пришел в себя, почти не заметив огненной преграды, которая воздвиглась у него за спиной, и ударил головой в шлем Воина-Дракона, разбив тот же нос и даже не обратив внимания на причиненную себе боль. Гхорган, глухо вскрикнув, отшатнулся и сорвал шлем, открыв свой чешуйчатый лик, темный, словно жженая утбра, и постоянно шелушащийся. Воин-Дракон вырвал осколки керамита, воткнувшиеся в его ящероподобное лицо, и, отбросив окровавленные обломки в сторону, кинулся на Дак'ура.

Саламандр встретил его на полпути, и оба сцепились — ни сила, ни воля обоих не

давали возможности одержать верх.

--- Подлый убийца! --- взъярился Дак'ир и собрался плюнуть кислотой из бечеровой железы в лицо отступнику, но Гхорган остановил его, уткнув предплечье под челюсть Саламангру и вынудив того закрыть рот. Едкая желчь безвредно заплыла на нижней губе Дак'ира.

--- Бейся честно, --- проговорил Воин-Дракон голосом, похожим на треск лагмы. В пылу отчаянной борьбы Дак'ир заметил полужажившую рваную рану на горле врага, которая, видно, и была причиной его хрипоты.

--- У тебя нет чести, --- упрекнул его Дак'ир, сбросив руку предателя с шеи. --- Я знаю, ты тот убийца, что выстрелил в спину моему капитану.

Лицо Гхоргана потрачнело от чего-то, что можно было принять за сожаление.

--- Я лишь боевой пес, как и ты, --- прохрипел он, затем крикнул, пытаясь схватить Дак'ира за горло. Воин-Дракон был массивным, без натяжки равным по размерам и весу Ба'кену, и Дак'ир обнаружил, что с трудом противостоит

его мощи. — Я исполняю приказы, даже те,
с которыми не согласен. Такова война.

— Уже вымаливаешь прощение,
отступник?

— Нет! — Воин-Дракон приложил всю
свою силу, придавливая Дак'ура книзу и
обхватывая когтями его шею.

Саламангр почувствовал, как
сжимается горло. Он с силой провел
бронированными пальцами по лицу
Гхоргана, пытаясь ослабить хватку, но
остался лишь с горстью сошедшей кожи.
Гхорган сердито зарычал от рваной раны
на щеке, но давления не ослабил, лишь
выпрямил руки, чтобы держать Дак'ура
подальше от себя. Саламангр потянулся к
кобуре за пистолетом, но отступник
заметил его движение и ударил Дак'ура о
стену пещеры. У Саламангра перед
глазами полыхнуло белым, раскаленные
кинжалы пронзили бок, которым Дак'ур
приложился к скале.

— Не противься, — пророкотал
Гхорган почти по-отечески. — Твоя боль
скоро закончится...

Легкие в груди ощущались парой

сгущшихся мешков, горло медленно
стиналось. Темнота окутала границы
зрения, и Дак'ур почувствовал, что
соскальзывает в небытие...

Он потянулся куда-то, пытаясь
помешать неминүемому. Нириил остался
далеко за огненной стеной. Дак'ур был один
против Гхоргана. Убийца его прежнего
капитана собирался увеличить счет своих
убийств.

Ба'кен добрался до края
расползающегося озера лавы, которое
постепенно окружало островок металла,
где сидел Валин. Мальчик задыхался от
сернистых испарений и дыма, окутавшего
его крошечное убежище. Ба'кену придется
прыгнуть. Но он не сможет прыгнуть и
вернуться обратно с мальчиком, если не
бросит свой тяжелый огнемет. Не
раздумывая Ба'кен отстегнул ремни,
шевельнул плечами, снял со спины
громоздки баллоны и осторожно положил
их рядом с сапим оружием.

Борточа тягостную литанию,
Саламангр провел рукой по стволу

огнемета, который сделал и собрал сам, затем поднялся на ноги и перепрыгнул на остров к Валину.

--- Забирайся, мальчик, --- велел он.

Обогранный остов экскаватора уже прогибался под весом Саламангра, лава вокруг подобралась еще ближе. Валин забрался на плечи Ба'кену и что было сил уцепился за шею и наплечники огнерожденного.

--- Не отпускай, --- велел Саламангр мальчишке и прыгнул обратно в тот самый момент, когда поток лавы принялся за экскаватор и через несколько секунд поглотил его целиком.

Расплавленный поток, бьющий по всей пещере, разделяя ее надвое завесой из липкой жары, захлестнул каменистый мостик. Обратно к Нурилу с Дак'иром дороги не было. Ба'кен едва видел сквозь дым и сыплющиеся обломки.

Он крикнул:

--- Братья!

Рядом с тем местом, где он стоял, выстрелил язык пламени, и Саламангр, поторщившись, шагнул назад.

--- Братья! --- снова заорал он, но его голос заглушил треск земли и рев огня.

Конец Скории был близок. Времени у этого мира больше не осталось. Возможно, что у Дак'ура с Нириилом времени не осталось тоже. Моля Императора и Вулкана об их безопасном возвращении, Ба'кен неохотно отступил.

Валин задыхался. Саламандр слышал свистящее дыхание мальчика, чувствовал, как содрогается его грудь.

Ба'кен развернулся и направился к выходу.

--- Держись, --- велел он угрюмо и побежал по туннелю обратно к поверхности.

Среди пыла сражения Тсу'гану показалось, что из дыры выбрались Ромул с Анионом, таща повисшего на плечах раненого брата Текулькара. Файроновой руды при них он не разглядел, но тут его взгляд метнулся обратно в сумятицу боя.

Был дан приказ к полномасштабной атаке, и Саламандры теснили орков всемогнем и яростью, которые сумели собрать.

Передовой линии больше не было: она уступила место глубоким ударам по стратегически важным точкам на всём протяжении фронта зеленокожих. При взгляде сверху удары выглядели бы как траектории пуль, медленно пробивающих себе дорогу сквозь темно-зеленую плотность зверя. Командиры батаз, носильщики тотемов, псайкеры — все они были целями Саламандр. Выведи из строя орочьих командиров. Прогдемонстрируй им, что даже самые могучие из них могут пасть под огнем и клинком огнерожденных. Тут отлично показали себя штурмовые отделения. Варго и Ганнон устраивали налеты на уязвимые позиции или на вождей, оставшихся без защиты после неожиданной смерти или бегства своих соратников.

Тысячи зеленокожих пали, мало что успев сделать в ответ. Но даже при таких условиях потеря каждого Саламандра ощущалась необычайно остро. Фугис вернулся в бой вместе с братом-сержантом Агатоном. Эти двое сражались плечом к плечу, их отвага была достойна даже

похвалы Вулкана. Но апотекарий, какими бы героем он ни был, не мог прийти на помощь всем своим навшим братьям. Если они переживут эту битву, Фүгиса ожидает немало работы.

Тсү'ган потерял Фүгиса и Агамона из виду после приказа Н'келна начать полномасштабное наступление, и он не знал, сражаются ли они еще.

Битва растянулась вширь, и пепельные дюны стали похожи на медную пустыню, так они были залиты кровью. Сейстические толчки почти непрерывно терзали покрытый волнами пепла ландшафт, и темные молнии вырывали полосы в небе, когда вспыхивали извержения вулканов. Их голоса вторили злобещим рефреном тяжелым раскатам грома над головой.

--- Мир утирает, брат! --- прокричал Тсү'ган. Он остался рядом с Претором, хотя отделение сержанта рассыпалось среди толчеи рукопашной схватки. Цагон, например, был где-то совсем в стороне. Тсү'ган лишь надеялся, что тот еще жив.

--- Что ж, это подходящий конец и для

нас, --- отозвался Претор, сокрушив орка ударом трещащего разрядами громового молота, --- в пасту дыма и пламени. Всё --- прах, когда приходит конец света, брат.

Тсу'ган улыбнулся про себя: слова Претора прозвучали точно из уст брата Емека.

--- Всё --- прах, --- согласился Тсу'ган и продолжил сражаться.

Поверх нарастающей сүмятицы последней бури Скории едва слышимый в кипении битвы, рокочущий отзвук металла эхом донесся из внутренних помещений железной крепости.

Над краем стены показался тупой нос длинноствольного орудия, созданного Железными Воинами, но очищенного и освященного Саламанграмми. Пыль и камни бурными каскадами ссыпались с металлического кожуха; пневматическая платформа подняла его из глубин цитадели, и орудие надменно вознеслось над поверхностью Скории, точно металлический палец темного и мстительного бога.

На мгновение, всего на краткую

секунду, сражение остановилось: все, кто
увидел появление пушки, замерли в
изумлении. Ее жерло было направлено к
небу, намереваясь уничтожить черное
солнце. От запитанных файроном
накопителей электризовался воздух;
пульсирующий гул излучал волну силы.
Пушка набрала мощность, а затем,
секунду спустя, дала залп.

Возмездие

Мир вокруг Дак'ира погружался в черноту. Руки тяжелели, в глазах темнело, его сопротивление Гхоргану слабело.

— Вот так, — услышал он голос шипящей магмы. — Вот так, обретай покой...

Толчок из-под земли не дал Саламангру провалиться в забвение. Когда пещеру тряхнуло, бесцеремонная сила разбросала по сторонам сцепившихся десантников.

Схватившись за горло, Дак'ир закашлялся и с клокотанием втянул в легкие горячий и полный дыма воздух. Ощущения напомнили ему Ноктюри и пещеры Узнеи — это было все равно что вдохнуть панацею. Пока зрение Дак'ира прояснялось, Гхорган поднялся на ноги. Пещеру снова тряхнуло, и Воин-Дракон ухватился за каменную стену. Огромная трещина побежала вдоль нее, гейзеры

раскаленного пара и огня с ревом взлетали из неторопливо раскалывающейся на куски земли. Тут и там появлялись небольшие разломы и отвесные провалы, похожие на раскрывающиеся рты с жидкими языками, горячими и светящимися. Отступник обходил их, направляясь к Дак'уру с намерением закончить то, что начал.

--- Сдавайся, Саламандришка, --- произнес он негромко и устало.

Гхорган не замечал боевого клинка в руке Дак'ура, пока не стало слишком поздно. Лезвие клинка было всего полметра длиной, но Саламандр погрузил его в грудь отступника по самую рукоять. Точный удар нашел щель между керамитовыми пластинами и прошел сквозь доспех, кость и плоть.

--- Жизнь за жизнь! --- прорычал Дак'ур. --- Мой капитан должен быть отмщен.

Гхорган скривил губы от боли; глаза его превратились в узкие щелочки. Даже когда Дак'ур провернул клинок, нащупывая жизненно важные органы и мягкие ткани, отступник не перестал бороться и

погрүзил когти в шею Салатандра.

Дак'ур вскрикнул и нанес свирепый удар в ухо Воину-Дракону, одновременно еще глубже пропихивая клинок другой рукой. Гхорган дернул головой и принял удар в гораздо более твердую челюсть, однако это заставило его вытащить коготь.

С острия закапала кровь, и тут из стены жара неподалеку выкатился огненный шар, оставляя за собой дымный след. Из шара возник Нуриил, свернувшийся клубком в надежных объятиях своей мантии из драконьей шкуры.

Краем глаза Дак'ур заметил, как Нуриил кинулся на подмогу, но предупредил библиария, удерживая подмогшего Воина-Дракона наколотым на клинок.

--- Останови Нигилана! --- крикнул он хриплым от едва не ставшего смертельным удущья голосом. --- Не дай ублюдку сбежать еще раз!

Нуриил не стал останавливаться. Библиарий знал, что должен сделать, и бросился за Нигиланом и его сородичем.

— Снова только ты с тобой, —
издевательски произнес Дак'ур, чувствуя
запах серного газа, идущий из похожей на
кратер дыры позади Воина-Дракона.
Внезапно ему в голову пришла одна
мысль. — Ты ведь не огнерожденный, да,
отступник?

Впереди урчали на холостом ходу
мощные двигатели, пока Нуриил, грохоча
ботинками, бежал по туннелю вслед за
Низиланом и вторым Воином-Драконом.

Дак'ур прав: им нельзя позволить
уйти еще раз. Если все должно
закончиться здесь, на Скории, тогда
изменники сдохнут вместе с ними.
Библиарий умер бы спокойно, если бы знал,
что они мертвы.

Нуриил добрался до конца туннеля
слишком поздно. В обширной пещере перед
ним стояла в ожидании «Грозовая птица».
Ее двигатели тускло светились красным.
Посадочная рампа в трюме десантно-
штурмового корабля была опущена. Воин-
Дракон с зубастым ртом перевозил на
борт в шестиколесном погрузчике

последний файрон. Его хозяин наблюдал со стороны.

За миг до того, как Нугилан повернулся и обнаружил рядом врага, Нириил глянул вверх и понял, что потолок пещеры имеет форму купола. Точнее, потолок постепенно сужался и через несколько сотен метров переходил в узкую трубу, которая вела прямо на поверхность. Да, узкую, но «Грозовая птица», если ею управлять как следует, пройдет.

Психический вопль вырвался из глотки Нириила, когда библиарий понял, что Воинов-Драконов ему уже не остановить. Он собрал из эссенции варпа огненную стрелу, направил ее через психосиловой меч и метнул в Нугилана. По крайней мере, он хотя бы обожжет чернокнижника.

Нугилан, который стоял метрах в пятидесяти, повернулся и спешно возвел силовой барьер. Огненная стрела ударила в преграду и рассыпалась. Из клочьев дыма и пламени появился невредимый Нугилан.

Затем Воин-Дракон ответил. По земле заструился черный дым, который,

дойдя до Салатангра, распался на
щупальца. Те, коварно обвиняя руки и ноги
Нириила, проникли под доспехи, игнорируя
предохранительные устройства
кристаллического капюшона. Не в силах
помешать им, библиарий в считанные
секунды оказался полностью парализован.
Когда он взглянул на своего заклятого
врага, в глазах его вспыхнула угрожающая
ярость.

--- Давно не виделись, Нириил, ---
произнес Нигилан голосом, похожим на
звук рвущейся бумажки. --- На Стратосе мне
тебя не хватало, брат.

--- Какая жалость, --- с сарказмом
выдавил Нириил и скривился, пытаясь
ослабить хватку чернокнижника силой
разума.

Нигилан спустился с рамп, почти
как ни в чем не бывало. Несмотря на шум
работающих двигателей, его слова
странным образом были ясно слышны.

--- Сколько же прошло-то? Больше
сорока лет для тебя? Я смотрю, ты с тех
пор преуспел в глазах магистра Вел'коны.
Простой кодиций, если мне память не

изменяет, теперь — прославленный
эпистолярый. — Горящий багровым взглядом
Низилана с презрением прошелся по
колдовским символам звания, которые
украшали доспехи Нириила. Чернокнижник
попыхтел. — И ты по-прежнему
отвергаешь чистую мощь варна, —
вздыхнул он, задержав взгляд на знаке огня
на правом наплечнике библиария.
Враждебность, даже, возможно, ревность
кратко вспыхнула, затем погасла, как и
безжалостная улыбка, искривившая
верхнюю губу Низилана. — Я сейчас
превосхожу твои убогие способности.

— Сказано истинной нешкой Хаоса, —
сказал Нириил, вложив в ответ весь свой
сарказм. — Ты — ничто, лишь игрушка для
Губительных Сил. Как только ты
перестанешь приносить пользу, они от
тебя избавятся.

К Низилану вернулось веселое
настроение.

— А я думал, что зеленые только
доспехи у твоих бывших братьев. Не твои,
конечно, библиарий, но цвет твоих глаз
ведь тоже считается, да?

Взгляд Нириила вспыхнул злым красным огнем. Как бы он хотел глянуть на Нигилана и погрузить его в пламя своего гнева.

--- Если собираешься уничтожить меня, то давай. Избавь меня от своей болтовни, пока я не умер со скуки.

Нигилана это задело. На миг показалось, что он готов исполнить желание Нириила. Но тут затрещали помехи на внутренней вокс-линии в трюме «Грозовой птицы», отсрочив развязку.

--- Груз закреплен, милорд, --- донесся скрипучий голос. --- Брат Екрин готов к взлету.

Раздраженный, что его неожиданно прервали, Нигилан утело скрыл гнев в голосе:

--- Понял тебя, Рамлек. Буду через минуту, затем повернусь обратно к Нириилу. --- Я мог бы разгавить тебя на месте, но меня это не устраивает. Я хочу, чтобы ты потучился перед смертью, Нириил. Как Вел'кона заставил мучиться меня, когда ты обманул мое доверие.

Желваки на скулах Нириила

окаменели, тогда как темные щупальца, сковавшие его, ослабли.

— Предатели не заслуживают доверия.

Со свирепым воплем Нуриил страхнул себя колдовские узы. Вскинувшись психосиловой меч, он кинулся к Нигилану, который просто шагнул назад, и рампа корабля пошла вверх. До Нуриила долетело эхо издевательского хохота, когда «Грозовая птица» поднялась в воздух и люк трюма захлопнулся с гулким лязгом. Выхлоп маневровых двигателей швырнул библиария на землю, и «Грозовая птица» метнулась вверх по сходящейся каменной трубе к беспокойному небу Скории.

Прыгая в себя от колдовской атаки Нигилана и тихо выругавшись, Нуриил поднялся на ноги и двинулся обратно в туннель на поиски Дак'ира.

Он вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как сержант Салатангр со своим соперником переваились через край огнедышащей расселины и катнели полетели вниз. Расселину заволокло дымотом и взметнувшись неплот.

Пуриил снова дал волю своему
отчаянию:

--- Дак'ир!

Черный камень взорвался со всей
бесповоротностью и великолепием
расколовшейся вдребезги звезды. Кроваво-
красное небо тут же наполнилось
сверканием; сверхъестественный свет
очищающей белой вспышки омыл все
вокруг. Вспышка погасла, на ее месте
появилось солнце, тускло-желтое, но все же
ярче, чем зловещий сумрак затмения.

Внезапно и безжалостно расколотый
на куски черный камень рассыпался по
всему небосводу. Осколки после его смерти
стали новыми звездами, горящими в свете
дня. Притягиваемые гравитацией
планеты, звезды становились крупнее и
крупнее, пока не превратились в огромные
метеориты, объятые огнем и бурлящими
дымом.

Было ясно видно, как уничтожение
черного камня повлияло на орков. Орга
заколебалась; сила, толкавшая ее вперед,
исчезла, точно у корабля, которому вдруг

срезали паруса. И когда с неба по наклонной
начали падать неровные шары огня,
отчаяние орков еще больше усилилось.

Синхронные удары метеоритов
обрушились на тянущиеся издали по дюнам
тылы орочьей армии. Небесный шторм
принес полное опустошение, уничтожая
сотни зеленокожих яростью падающих
катней и еще сотни поджаривая заживо
образовавшейся волной теплового
излучения.

Тсу'ган смотрел на происходящее
сквозь все увеличивающиеся бреши в рядах
сражающихся. Как только сейстическая
пушка выпустила луч и пронзила небосвод
словно сияющим копьем, Н'келн отдал
приказ Саламанграм встать и
сплотиться. Рассеянные по полю боя
Астартес превратились в островки из
зеленой брони среди орочьего моря,
обратив болтеры наружу и не пропуская ни
одного чужака сквозь стену керамитовых
доспехов.

Встав плечом к плечу с Претором и
еще тремя Огненными Элияти, Тсу'ган
смотрел с немой изумлением на

необычайное зрелище, которое разворачивалось у него над головой. От ударов гудела земля, содрогаясь и раскалываясь. Трещины и разломы тысячами поглощали орков. Тех, кто не провалился в бездонную тьму, пожирали потоки лавы, хлынувшей наружу. Со стороны вулканов донесся грохот, громкий и какой-то окончательный: начались жуткой силы извержения.

Смех Претора мог посоперничать с их рокотом. Небосвод начал темнеть от дыма и пепла. Неестественная ночь, похоже, скоро вернется опять.

--- Когда с неба падает огонь, а пепел скрывает солнце, значит, наступил конец света! --- крикнул Претор.

Взгляд Тсу'гана был по-прежнему прикован к бушующим небесам.

--- Это не все, что приносит небо, брат.

Претор проследил за указующим перстом Тсу'гана.

Из туч клубящегося дыма неторопливо выступало днище корабля. Тсу'гану пришло в голову сравнение с

гигантским хищником, всплывающим из глубин окутанного туманом океана. Корабль завис в тысяче метрах над землей, мимо проносились огненными росчерками крошечные метеориты. Потоки воздуха из огромных нижних двигателей давили на Тсу'гана даже с такой высоты. Это был ударный крейсер Астармес.

Аргоз выбрался из канала нижнего двигателя в машинариум. Он потянулся, разминая затекшую спину, расслабил узлы перенапряженных мышц и подвигал плечами под броней, чтобы вернуть им некоторую подвижность. Он сделал все, что мог. Четвертый, по-прежнему не работающий блок нижних двигателей был починен насколько возможно. Проведены машинные ритуалы, произведены соответствующие утащения, сделаны приношения. В горле пересохло от литаний функционирования и зажигания, которые он выедал вместе со своими технодесантниками. Магистр кузницы был частью самого корабля: он чувствовал

его недуги и знал его прихоти. Если бы они могли заменить недостающие детали, корабль поднялся бы в воздух. Как только «Гнев Вулкана» освободился бы из непла, главные двигатели сделали бы все остальное.

В устройстве связи шлема зашипели и защелкали помехи, затем Аргос услышал голос брата Уклида из отделения Агатона, назначенного для сопровождения гражданских на борт корабля.

Проведя поверхностный геологический анализ, Аргос твердо убедился, что тектоническая целостность планеты близка к неминувшему распаду, поэтому предусмотрительно отдал приказ в целях безопасности разместить на корабле всех ауксилиариев и раненых. Тем раненым, кого нельзя было транспортировать, был подарен «покой Императора»; их тела поместили в медицинские контейнеры для последующего погребения в пиреуме.

— Все скорийские поселенцы на борту, магистр Аргос. Какие будут приказания?

Аргос собрался ответить, но тут заметил всплеск излучения в атмосфере,

зафиксированный еще функционирующими датчиками корабля, которые передавали ему сигналы через непосредственное сопряжение. Придя к выводу, что черный камень уничтожен, он переменил свое решение и ответил:

--- Отправляйся в ангар и помоги подготовить корабли. --- Не считая сервиторов, Саламангр остался один, он уже отправил других технодесантников к «Грозовым ястребам», все еще закрепленным на транзитных станциях. --- Нашим братьям скоро потребуются немедленная эвакуация и переброска обратно к «Гневу Вулкана».

Уклиз сообщил, что повинется, и отключился.

Аргос начал выбираться в служебный канал ушедшего в землю двигателя, когда рядом с ним с треском ожил динамик воксостанции корабля. Уклиз воспользовался быстрой связью через шлем, значит, сигнал шел снаружи.

--- Брат-технодесантник Аргос, третья рота, орден Саламангр, на борту «Гнева Вулкана», --- представился магистр,

соблюдая протокол. --- Назовите себя.

Прерывающийся от помех голос откликнулся со всем теплот и мягкостью ржавых гвоздей:

--- Это брат-технодесантник Гарней с ударного крейсера своего наиблагороднейшего господина Виньяра «Чистилище». Во имя Императора Злобные Десантники принесли вам избавление!

Приказ брата-капитана Н'келна стоять на месте удержал его войско вне зоны бомбардировки и самых неприятных мест падения метеоритного дождя. Небесный шторм уже почти прекратился, и зеленокожие, хотя и потрепанные и сильно уменьшившиеся в числе, еще были живы и сражались. За время короткой передышки Н'келн критически оценил ситуацию и окинул взглядом побоище. Инфернальная Гвардия и сержант Агатон, который явился вместе с Фүзисом, занимали вершину высокой дюны. Капитан видел крошечные пятнышки зеленых госпехов среди тмяущейся орды.

освещаемые контролируемы́ми залпами
болтерного огня и струями горящего
прометия. Тылы Саламандр по-прежнему
затыкали Ону́стошители в нескольких
сотнях метров позади. Лок умело вел их с
самого начала атаки. Оба гредноута были
целы и рыскали по краям зоны
расположения Саламандр. Ашамон
лишился своего тяжелого огнемета и
мелтагана, но продолжал крушить орков
сейстическим молотом. Амагей был
невредим, хотя несколько глубоких вмятин
на защитном саркофаге отмечали те
места, где зеленокожие пытались его
насилу́ю эксгумировать.

По прикидкам Н'келна, Саламандры
потеряли приблизительно треть от
первоначального состава. Кто из них
сто́жет сражаться вновь, он не знал.
Учитывая многочисленность орков,
уровень истощения сил оказался гораздо
ниже ожидаемого. Зеленокожие же,
наоборот, гибли тысячами. Дюны были
у́сеяны множеством медленно
разлагающихся трупов.

Зная роты, которое держал высоко

поднятым Маликант, бешено захлопало от внезапного потока воздуха сверху, заставив Н'келна поднять голову. Над головой брат-капитан увидел глинное серое днище знакомого корабля. В шлеме ожил забытый полехами канал связи. Н'келн внимательно выслушал брата Аргоса, который в точности передал все, что ему сказал Гаркейн с «Чистилища». Ближе к концу сообщения лицо капитана помрачнело.

— Передай ему, что я даю слово, — ответил он, играя желваками, затем отключил связь и приказал окружающим его воинам вновь вступить в бой. Н'келну неожиданно понадобилось сорвать на ком-то свой гнев.

Пирил подбежал к краю расселины, в которую свалился Дак'ур, ожидая самого худшего. Заглянув через край, сквозь дым, пламя и жар он увидел, что до бузырящегося озера лавы высоты там было всего ничего. У края лавы медленно распадались доспехи Воина-Дракона вместе с останками Тхоргана. Дак'ура

нигде не было видно.

Затем дым и пар немного рассеялись, и Нуриил увидел его. Дак'ур взбирался по каменной стене расселины и уже почти добрался до верха. Нуриил сунулся вниз и вытащил сержанта как раз в тот момент, когда лава поднялась достаточно высоко и полностью поглотила труп отступника.

— Ты мастер обманывать смерть, брат, — заметил Нуриил. В голосе его звучала противоречивая смесь облегчения и едва прикрытого подозрения.

Дак'ур, в данную минуту слишком измотанный, чтобы говорить, лишь кивнул.

Пещера вокруг них рушилась. Ее внутренности окутывал огонь, воздух тутманили падающие камни и сыплющаяся каскадами пыль. Теперь нигде нельзя было ступить с уверенностью: трещины, змеящиеся по полу пещеры, открывали новые провалы; из недр земли извергались причудливые фонтаны лавы. Нужно было выбирать, однако путь к туннелю был заблокирован.

— Нугилан... — прохрипел Дак'ир.
Неподалеку взметнулся гейзер пара.

Пириил пототал головой. Мрачный
взгляд библиария выдавал, насколько он
зол.

— Встань рядом, — велел Пириил
чуть погодя. Он тоже был измотан: чтобы
разорвать колдовскую хватку Нугилана,
потребовалось немало сил. Библиарий
собрал оставшиеся психические резервы и
открыл врата бесконечности.

Скория утирала и в отчаянии
старалась забрать с собой в небытие всех,
кто остался на ее поверхности.

Толчки землетрясений превратились
уже в непрерывный рокот, знаменующий
образование все новых разломов в скальном
основании обреченной планеты. Целые
участки дюн проваливались вниз,
отправляя зеленокожих тысячами в
объятия огненной смерти в
поднимающихся снизу потоках лавы. Поле
боя окутал дым, и оно стало похоже на
гигантский погребальный костер. Те, кто
сражался, с трудом избегали

прикосновений пламени. Всплески лавы отбрасывали красно-рыжие отсветы на серый туман; тусклое свечение лавы в забитом неплот воздухе казалось зернистым.

Даже железная крепость начала рушиться. Через несколько минут Элизий с Дрейдект покинули цитадель. Широкая трещина пробежала по двору, расколов бастион надвое. Затем в крепость попало несколько сбившихся с курса метеоритов. Разбитая башня вздымалась в угрожающе-красное небо, точно треснувшая кость, от второй башни остался жалкий огрызок. С частично обрушенными стенами, с зияющим во внутреннем дворе разломом, крепость практически развалилась.

Даже находясь далеко от места разрушения и едва видя железную крепость сквозь клубы дыма, Н'келн почувствовал страх, исходящий от нее, — страх и злобное отторжение. Конец Скорпи означал и конец той жуткой сущности, что владела катакомбами бастиона. Несмотря ни на что, огонь ее наконец-то вычистит.

Н'келн услышал в небе раскаты грома, который явился в виде десантно-штурмовых кораблей — и Саламангр, и Злобных Десантников. Сквозь густой серый смог ему показалось, что он видит траекторию снижающихся машин, которые отважились вытащить его боевых братьев с поля боя.

Время от времени сияющие копья энергии пронзали дымчатый облачный слой, заслонивший огромные участки небосвода. «Чистилище» обрушивало огонь своих орудий на дальние скопления зеленокожих. Серое покрывало на время расходилось, когда его выжигал жар пушек ударного крейсера, и тут же возвращалось обратно, когда яростный напор стихал.

Орки гибли в огромных количествах, и Н'келн отдал приказ начать заключительный рывок к победе, усиленный отделениями, которыми Виньяр соблаговолит им помочь. Сделка, заключенная при некотором давлении со стороны капитана Злобных Десантников, по-прежнему не давала Н'келну покоя, но особого выбора у него не было.

С неохотного согласия Н'келна с взлетных палуб «Чистилища» с ревом поднялась эскадрилья «Грозových птиц» и отправилась прямо к месту крушения «Гнева Вулкана». С ней летели бранителю Гаркейн и еще несколько технодесантников в сопровождении бригады сервиторов. С собой они везли детали машин, необходимые Аргосу для ремонта четвертого блока нижних двигателей, чтобы вернуть ударному крейсеру Саламандр способность летать.

Злобные Десантники вдобавок помогли обезопасить место крушения. Оставшихся орков, зажатых между ними и войсками Саламандр, которые по-прежнему находились снаружи, окружили и уничтожили. За эту помощь Н'келн был благодарен.

Сражение почти закончилось. Капитан отошел от своих воинов и стоял посреди поля боя, окруженный клубами дыма, в явном одиночестве. Наслаждаясь уединением, он слушал звуки затихающей битвы: отдельное рывканье болтеров, точно блуждающие вспышки пламени или

редкий орочий рык тщетной непокорности. Зеленокожие были разбиты. Больше никаких темных осколков с небес, никаких звериных кораблей, идущих на посадку. Все кончено.

Над головой сверкали следы «Громовых ястребов», перевозящих Саламангр обратно на «Гнев Вулкана». Н'келн сделал мысленную пометку воздать хвалу брату Аргосу за предусмотрительность и расчет. С небес падал огонь вместе с остатками метеоритного шторма, мир вокруг содрогался в предсмертных судорогах, а горячий ветер донес до Н'келна скандирование Саламангр.

Они повторяли его имя:

--- Prometheus victoria! N'keln gloria!^[8]

Старый обычай легиона --- громогласная хвала, заимствованная у терранских сородичей. Для Н'келна это была большая честь: уважение и похвала боевых братьев.

Когда он наблюдал, как из джунглей выбирается «Гнев Вулкана», видный даже

несмотря на расстояние и клубы дыма, сердце его переполняла гордость воина. Собшивки корабля, вновь поднимающегося в воздух, сходили лавины камней и пепла.

Наконец-то настало время вернуться на НоктюРН. Н'келн надеялся, что комплекты старинных силовых доспехов и геноселя брата Гравия помогут хоть что-то узнать о судьбе примарха и, возможно, о том, зачем «Книга огня» отправила их на этот обреченный мир. А пока он довольствовался одержанной победой и поражением врагов.

Н'келн хотел связаться с Аргосом, чтобы поздравить его и запросить эвакуацию, когда бок пронзила обжигающая боль. Он не сразу понял, что случилось, пока не получил новый удар и не почувствовал глубоко вошедший нож. Разъяренный, Н'келн попытался повернуться, чтобы взглянуть на своего вероятного убийцу, однако получил новый удар, и еще, и еще один. Из ран, где нож нашел щели в силовых доспехах, разбитых в непрерывных боях, обильно хлынула кровь.

На гисплее шлема появились

предупреждения о состоянии организмов силовой доспех запоздало сообщал об опасности, в которой находится хозяин. Острая боль проткнула бок, и капитан рухнул лицом вперед; тело начало неметь. Оружие, по-прежнему находящееся вне поля зрения Н'келна, как и напавший, выскочило из раны, и полувздых-полукрик вырвался из горла капитана.

Темнеющим сознанием — льющаяся кровь запачкала пальцы красным — Н'келн попытался понять, что произошло. Орки еще бродили среди дыма, решительно настроенные отомстить исподтишка. Неужели один из них сумел подобраться к нему, стремясь одержать, можно сказать, пиррову победу?

Из всех сил пытаясь вдохнуть пробитыми легкими дымного воздуха, Н'келн сорвал с головы шлем. Заставляя тело подняться, он, пошатываясь, встал, и клинок вонзился снова. Капитан попытался отразить удар, по-прежнему не видя, кто его нанес, но лишь опрокинулся на спину.

Глянув вверх, Н'келн наконец разглядел лицо напавшего. Залитые

кровью глаза капитана расширились. Он попытался что-то сказать, но толстый торочий клинок вонзился в его незащищенную шею. В горле забұлькала кровь, и все, что вышло у него изо рта, --- было лишь влажным клокотаньем. Кулаки Н'келна на мгновение сжались, затем клинок пробил ему грудь, основное и вспомогательное сердца.

Капитан Саламандр умер с яростью во взоре и со скрюченными в бессильной ненависти пальцами.

Отзвуки его победы и его имени затерли у него в ушах. Их опередила тьма...

Фүгис брел через густую пелену дыма, добивая раненых орков, даря «покой Императора» навшим Саламанграм и извлекая их геносемя. Слабый крик, донесшийся из сүтрака, привлек его внимание, и апотекарий двинулся на звук сквозь серое ничто.

На залитой кровью дюне он нашел брата Цагона. Саламандр зажимал рванный обрубок левой руки, стараясь остановить

кровотечение. Рядом лежали три орочьих тела. Четвертое тело, частично скрытое гребнем дюны, завалилось в неглубокую впадину в пепле. Визнулись ботинки, серые от грязи, но из-под нее блестела зелень. Оставив пока Цагона, чей взгляд гнал его к четвертому телу, Фүгис бросился к краю дюны и увидел внизу лежащего Н'келна с застывшим в маске ярости лицом. Обезумев, аптекарий полусошел, полусвалился к подножию дюны, где лежал поверженный капитан. Фүгис искал признаки жизни, уже зная, что ничего не найдет, когда появилась остальная Инфернальная Гвардия.

Затем к ним присоединились Претор с Огненными Этмиями и Тсү'ган с несколькими воинами из своего отделения. Именно ветеран-сержант терминаторов нарушил недоверчивое молчание:

— Во имя Вулкана, что здесь произошло?

В голосе Огненного Этмия сквозило едва сдерживаемое бешенство, когда он адресовал вопрос сначала к Фүгису, затем — к Цагону.

Цагон лишь покачал головой. Фүзис признался Претору, что знать не знает о столь гнусном событии и принялся оказывать помощь второму Саламандру.

— Я видел, как они... пробираются через дыт. — Речь Цагона прерывалась тумчительными паузами, когда Фүзис прижигал жуткую рану. — Трое незаметно... подбирались к капитану, — продолжал он. — Когда я до них добрался, Нкелн был уже мертв. Я уложил двоих, когда у меня кончились патроны, и третий отрубил мне руку. Я прикончил его прикладом, но спасти капитана не успел... — Цагон затих, повесив голову.

Претор осмотрел болтер — приклад был залит кровью — и разбитую торгу орка, валявшегося ближе остальных к раненому Саламандру. У двоих других были болтерные раны, скользкие от крови. Тесаки почти вывалились из тясистых лан. Доспехи Цагона были забрызганы темнo-алым.

Претор с мрачным видом медленно кивнул и повернулся спиной к печальной сцене. Он открыл канал связи на общей

частоте и отдал приказ к всеобщему
отступлению. К этому он прибавил лишь,
что брат-капитан Н'келн выведен из строя
и что он, Претор, берет командование
операцией на себя.

Дак'ур узнал о смерти капитана
Н'келна, сидя в отсеке-санктуарии
«Огненной виверны». Когда черная весть в
конце концов дошла до всех, в
пассажирском отсеке десантно-
штурмового корабля воцарилось
подавленное настроение. Сначала Кадай,
теперь Н'келн. Дак'ур задался вопросом:
какая следующая беда ждет третью роту?

Они с Пирилом появились на поле боя
в вихре молний и грохоте. Тошнотворный
эффект телепортации быстро прошел,
поблгнев на фоне необъятно
разрастающегося катаклизма, который
готовился разрушить Скорию. «Громовай
ястреб» уже опускался на землю
неподалеку. Дак'ур вспомнил чувство
легкой обиды, что ему не удалось
сражаться рядом со своими боевыми
братьями против орков до эвакуации. Но

для самоанализа времени не было.

Погрузочная рампа «Огненной виверны» с лязгом откинулась, едва корабль коснулся земли. Дак'ур, Нириил и несколько других воинов поблизости поднялись на борт, не говоря ни слова. Несколько секунд спустя корабль был уже в воздухе и прокладывал путь над разоренной пепельной пустыней, которую неторопливо пожирал огонь.

Это было лишь короткое путешествие к «Гневу Вулкана». Пилот, брат Текен, сообщил по вокс-связи в пассажирский отсек, что ударный крейсер находится в воздухе и готов унести их с этого обреченного мира.

Приглушенные возгласы одобрения слышались в ответ на эту новость, утраченные, однако, предыдущим сообщением Претора о случившемся с Н'келном и о том, что он принимает командование на себя. Вскоре от Саламандр, оставшихся внизу, поступили разрозненные слухи, утверждавшие, что капитан на самом деле мертв.

Уставившись в обзорный иллюминатор в борту бронированного корабля, еще не закрепив удерживающую раму, Дак'ур еще больше опечалился, когда увидел, как планета раскалывается на части. Он представил себе неподвижную фигуру брата Гравия, как лава вздымается и перекатывается через гребнегов Саламангра, погружая его в свои огненные недра. Весь мир горел; волны магмы походили на цунами, каскадами раскатываясь по расколотой поверхности Скори и превращая ее в желатиновое солнце.

Дак'ур отвернулся и обнаружил, что на него пристально смотрит Пуриил. Остальные Саламангры склонили головы в память о Н'келне, но на лице библиария отражалось все что угодно, только не скорбь. Дак'ур догадался, что эпистолярный гудает о том, что колдовство Нигилана должно было уничтожить сержанта Саламангр, но он лишь слегка пострадал. Это было невозможно. Именно тогда Дак'ур понял, что для него еще ничего не кончено и что по возвращении на Ноктюрн

ил предъавят все смета.

--- Не держи меня за дурака, капитан Виньяр... --- Глубокий и гулкий голос магистра ордена Ту'Шана наполнил огромный зал Огненных Эмиев на Прометее своей властью и силой. Такое начало первой встречи не предвещало ничего хорошего.

Виньяр молчал и не двигался --- весьма остотрительное поведение гля того, кто стоит в тронном зале гругого ордена перед лицом его сеньора, после того как навязал одному из его погибших капитанов соглашение, которое тот за неимением иного выбора вынужден был соблюсти.

--- Я знаю, что ты и твои воины следили за «Гневом Вулкана», --- продолжал регент Прометея. --- Уначе ты не услышал бы аварийный маяк и не откликнулся так своевременно, предлагая помощь, правда в обмен на снаряжение.

Брат Претор с отделением Огненных Эмиев наблюдал за Виньяром с едва

сдерживаемой яростью. Злобные
Десантники опорочили своим соглашением
жертву брата-капитана Н'келна. Они
протянули руку помощи в обмен на оружие
и доспехи, которые так жаждали увидеть
«Архимедес Рекс». Виньяр, по-видимому,
твердо вознамерился вернуть то, что, по
его мнению, безусловно принадлежит ему.
Все необходимое для его войны во имя
Императора.

Если у небольшой свиты из воинов,
которых он привел с собой по праву
капитана, и взыграло что-то при подобной
демонстрации агрессии, они, к несомненной
своей чести, этого не показали. Как и не
дерзнули открыть рот, пока магистр
ордена Саламандр выговаривал Виньяру.

— Я не верю в совпадения, как не верю
и в провидение, — сказал Ту'Шан,
подавшись вперед, чтобы подчеркнуть свои
слова. Магистр ордена понизил голос, и в
нем зазвучала весьма реальная угроза: —
Если бы я считал, что ты, выслеживая
той корабль, собирался мелочно
отомстить за «Архимедес Рекс», то ты с
тобой разговаривали бы совсем по-другому.

брат-капитан.

В зале Огненных Эмиев повисло напряженное молчание. Ту'Шан позволил себе несколько секунд побуравить взглядом Виньяра, затем подал знак кому-то в темноте.

Оттуда под свет горящих железных светильников появились грависани. В отблесках огня на стене угадывались десятки пышно украшенных знамен, восхваляющих подвиги первой роты. Тронный зал представлял собой строгое и простое помещение с арками нескольких выходов, теряющихся во тьме.

Злобные Десантники долетели за Саламанграми до самого Ноктюрна. Виньяр, выказав наглость столь же дерзкую, сколь и неслыханную, потребовал аудиенции у магистра ордена, прежде чем ему передадут военное снаряжение. Ту'Шан дал согласие без лишних слов: ему не терпелось взглянуть на этого выскочку-капитана.

Первые грависани лишь возглавляли глинный обоз, который сопровождал магистр Арзос и три его

технодесантника. На сани были погружены все болтеры, комплекты доспехов и прочее снаряжение, которое Саламандры забрали с «Архимедес Рекса».

Когда грависани остановились, магистр Арзос со своей командой отступили обратно в сумрак и покинули зал.

— Мы, Саламандры, воины, которые держат слово. — Теперь в голосе Ту'Шана слышалось сердитое ворчание, его терпение истощалось. — Но я лично обещаю тебе, что этим дело не кончится. Злобный. Ты сегодня сумел разгневать магистра ордена, а этого не забывают.

Виньяр проглотил угрозу и просто кивнул. По его виду, как и по выражению лица — он стоял без шлема перед регентом Прометея, — мало что можно было понять. Но Ту'Шан разглядел в его почтительных жестах самонадеянность и презрительное самолюбие, и это его возмутило.

— Убирайся! — рыкнул он, сдерживая закипающий в груди гнев.

Злобные Десантники отбыли без

лишних церемоний под конвоем Претора и
его Огненных Эмиев.

Оставшись в одиночестве, Ту'Шан
откинулся на спинку трона и нажал
несколько кнопок на панели, встроенной в
подлокотник трона, открыв потайную
дверь в боковой стене. В хранилище,
освещенном такими же горящими
светильниками, выстроились комплекты
силовых доспехов, найденные в катакомбах
Скорию. Ту'Шан пристально разглядывал
поставленные рядами доспехи, еще не
прошедшие осмотра и полировки, как
полагается артефактам войны. Тут же, в
прозрачном криорезервуаре, покрытом
изморозью жидкого азота, стоял флакон с
геносеменем, извлеченным у брата Гравия.

Из темноты раздался звенящий силой
голос.

— Ты пытаешься понять, зачем
«Книга огня» отправила нас на Скорию,
если нам суждено было найти только
это, — произнес магистр Вел'кона.
Главный библиарий Саламандр не
нуждался в своем поразительном
психическом даре, чтобы угадать мысли

магистра ордена.

Это был не вопрос, и Ту'Шан не стал отвечать. Вместо ответа он встопорился: что-то привлекло его внимание. Поначалу он не мог уловить что. Но когда пристотрелся внимательнее, то начал видеть... В расстановке доспехов, поставленных легионерским строем, Ту'Шан разглядел знаки пророчества. Они были заметны, лишь если все доспехи рассматривать сразу, под определенным углом; когда детали скрытых образов сливались в единое целое, которое только тогда обретало смысл.

Но даже когда эти условия были выполнены, лишь магистру ордена достало понимания, интеллекта и проницательности, чтобы увидеть пророчество.

— Что вы видите, милорд? — спросил Вел'кона, тихо приближаясь. Звук его шагов выдавал нетерпение: библиарий понял, что Ту'Шан начал читать знаки...

— Великое дело... — магистр ордена прищурился, — важное событие... Ноктюрн в равновесии... низкорожденный, один от

земли, пройдет сквозь врата огня.

--- Пророчество говорит о ком-то из наших рядов, --- выдохнул библиарий. --- Я знаю о ком.

--- Как и я, --- трачно откликнулся магистр органа.

--- Оно сулит хорошее или плохое, милорд?

Ту'Шан с каменным выражением на царственном лице повернулся к библиарию.

--- Он станет или нашей гибелью, или спасением! --- Регент Прометея позволил себе небольшую паузу, затем продолжил: --- Магистр Вел'кона, брат-сержант Хазон Дак'ур: следи за ним очень внимательно.

В глазах главного библиария, бездонных пропастях знания, вспыхнуло пламя. Он кивнул, затем поклонился и тихо исчез во тьме.

Ту'Шан вернулся к госпехам и принялся внимательно изучать их, пытаясь найти больше ясности в этом понятном лишь посвященным сообщении.

--- Следи за ним... --- повторил он пустоту залу, погруженный в свои мысли. --- Да, следи за ним очень внимательно.

Дак'ур встретил Ба'кена на
порыжелой плоской скале: тот обозревал
пустыню Погребальных Костров.
Посмотреть, как брат Фүзис
отправляется в Обжигающий путь,
пришли немногие. Обычно так не делалось.
Странствие, которое собирался
предпринять Саламангр, было духовным
путешествием: его начало предполагалось
проводить в одиночестве, как и само
испытание. Обычно в Обжигающий путь
отправлялись старые или больные. Таким
способом, согласно ноктюрнским обычаям и
культу Прометея, воин, который не погиб
в сражении, но больше не мог сражаться во
имя славы оргена, получал возможность
обрести хоть какое-то достоинство или
даже легендарность в конце своей жизни.
Фүзис, как и немногие другие до него,
испросил особого разрешения пройти
испытание, надеясь восстановить свой
слобленный дух. Дак'ур не знал никого в
оргене, кто вернулся бы из такого
путешествия. Их выбеленные кости лежат
сейчас под выжженной пустыней

Погребальных Костров, в отдаленных ее частях, ибо пустыня была местом смерти не только по названию.

Шагая по Обжигающему пути, Фүзис больше не будет апотекарием. Силловые доспехи и прочие атрибуты Астартес он снял и сейчас был одет в противонесочный плащ с воздухопроницаемой сетчатой подкладкой и противопылевой шарф, обмотанный вокруг шеи и нижней части лица. Специально переделанная ноктюрнская охотничья винтовка висела поперек спины — ибо он отказался от права носить священный болтер, и нес он тачете, пристегнутый к предплечью, и скудный запас воды, которого хватит ненадолго. После этого страннику придется искать свой способ выжить в пустыне.

Его естественный преемник стоял в одиночестве неподалеку, на прилегающем каменистом распаде, с поникшей головой и закрыв глаза в безмолвной медитации. Брат Емек покинул своих собратьев по отделению с тяжелым сердцем, но нужды роты перевесили личные чувства.

Ускусствѹ исцеления его будетъ учить
мастер-апотекариѹ ордена. Половина
шлема Емека уже была выкрашена в бѣлый
цвѣтъ согласно его должности.

Последнее плато, самое дальнее изъ
трехъ, занялъ Агатонъ. Онъ попривѣтствовалъ
двухъ Саламандръ легкимъ кивкомъ. Какъ
будущему капитану третьей роты,
кровавое наслѣдие и нелегкое бремя теперь
принадлежали ему. И это было видно по
тягостному выражению его опущенныхъ
долу глазъ.

Скоро Фугисъ исчезъ изъ виду,
превратившись въ искорку на зыбкомъ
горизонтѣ пустыни.

--- Давно заслуженная честь, ---
произнесъ Дак'иръ после долгого молчанія.

Ба'кену понадобилось какое-то время,
чтобы сообразить, что боевой братъ
говоритъ о немъ и свежихъ сержантскихъ
значкахъ, которые нанесли на его доспехи
ремесленники ордена. Боевая же броня
Дак'ира, наоборотъ, была чистой,
полностью освобожденной отъ прежнихъ
почетныхъ знаковъ: онъ более не былъ

сержантом.

--- Мне в голову не приходит никто, кто лучше тебя смог бы командовать отделением, Ба'кен, --- прибавил он и дружески хлопнул здоровенного костодесантника по плечу.

--- Это так, --- подтвердил Ба'кен.

Оба расхохотались от притворной чванливости, но веселость вскоре уступила место боли, когда они вспомнили о том, что потеряли и никогда больше не вернут.

--- Рота рассыпается, --- буркнул Ба'кен, поджаваясь унынию. --- Тебя отправляют служить к Нириилу. Емек вступил в аптекарион. Мои братья --- лишь пепел в пиреуме. --- Он вздохнул. --- Даже Тсу'ган...

--- Агатон скрепит роту заново, --- уверенно произнес Дак'ур. --- Он прочно стоит на ногах. И у Кагая, и у Н'келна достойный преемник.

На Саламандр упала тень, оборвавшая бывшего сержанта.

--- Брат Дак'ур. --- Это был Нириил.

Ба'кен знал, что это в конце концов

случится, и, коротко кивнув библиарию, ушел.

— Я почувствовал в тебе силу очень давню, Хазон, — признался Нуриил, подойдя к краю плоской скалы и взглядываясь в кажущуюся бесконечной пустыню. Глухое ворчание галек вулканов у него за спиной раскатывалось по опаленному солнцем небу.

— То, что ты сделал против колдовства Нугилана... — начал он, преодолев свою досаду, прежде чем обернуться, — это не что иное, как чудо. Этого не должно было быть. Тебя не должно было быть, — сказал он, подойдя ближе. — Более сорока лет в Космическом Десанте — и твои латентные способности раскрылись только сейчас. — Он помолчал. — Ты уникал, Дак'ир. Головоломка. — Нуриил снова отвернулся, обнаружив, что легче смотреть на жестокое солнце. — Капеллан Элизий хотел, чтобы тебя подвергли гнинообработке, даже клеймлению и осуждению, но я был против.

— Так что будет теперь?

--- Ты пойдешь со мной.

--- Для этого они тебе не понадобятся. --- Дак'ур указал на пару массивных терминаторов, которые только что тяжеломерно подошли по знаку библиария.

--- Не понадобятся? --- спросил Пуриил, повернувшись к нему лицом. --- Ты --- загадка, и, как надо всеми загадками, над тобой висит тень подозрения, но я развею ее, если ты окажешься достоин.

--- И как ты это узнаешь? --- Тон Дак'ура выдал его раздражение.

Ответ библиария был категоричным:

--- После испытаний, если выживешь, ты будешь считаться достойным.

--- Достойным чего?

Глаза Пуриила вспыхнули небесно-голубым глянцем театральности.

--- Обучаться у меня.

Дак'ур услышал ворчание оживающих двигателей. Снизу, где их ждал корабль, взметнулось облако пыли.

--- Куда ты забираешь меня, Пуриил?

Библиарий улыбнулся, хотя взгляд его остался холодным.

--- В библиариум на Прометее, на
встречу с магистром Вел'коной.

Тсу'ган прошел по глиняной
каменистой дорожке, устланной
потемневшими углями, к огромным
воротам. С высоты, укрывшись в сумраке
горной пещеры, за ним следил Цагон.

Горечь наполняла душу Саламангра.
Он что есть сил сжал кулаки и прошипел:
--- Я убивал ради тебя...

Мечты и планы Цагона лежали в
руинах. Тот, кто должен был стать его
патроном, бросил его, несмотря на то что
пусть наверх оказался свободен. Правда,
Тсу'ган все-таки получил повышение, но
только в прославленные ряды Огненных
Эмиев, а не на капитанство третьей
роты и с Цагоном в качестве своего
главного помощника. Брат Претор ---
Цагон подавил укол завистливого гнева ---
ходатайствовал о повышении Тсу'гана,
впечатленный его действиями на Скории
его отвагой и воинской этикой, его
умением повести за собой и боевым
мастерством. Сержант Огненных Эмиев

не знал, что за хрупкий клинок он принимает в свои ряды. Цагона так и подмывало поведать ему о пристрастии Тсу'гана к мазохизму, о его разрушающем внутреннем чувстве вины, но это было бы слишком просто.

В сердце Цагона поклонение герою превратилось в ненависть. Ему хотелось, чтобы Тсу'ган дорого заплатил за свое предательство.

Спустившись по каменным ступеням, Тсу'ган вошел в небольшой амфитеатр. Это место считалось священным: лишь Огненные Этии и те, кому суждено было стать одним из них, имели право ступать по этой части Ноктюрна. Цагона это мало заботило. За ним никто не следил и никто его не заметил. Он должен был это увидеть.

Зловещий удар грома тряхнул открытое сооружение, в котором исчез Тсу'ган. Оттуда сверкнула вспышка и погасла: включился телепортатор — и Тсу'гана на Ноктюрне не стало.

Цагон остался сидеть на месте, ожидая, пока в глазах не исчезнет

отпечаток вспышки. Он услышал стук
капель по земле и решил, что начинается
дождь. Но когда увидал у ног красную
лужицу, то понял, что это капает кровь с
его перчаток. Он сжал кулаки так сильно,
что пальцы проткнули перчатки и
впились в плоть.

Саламангр моргнул, на мгновение
увидев там не свою кровь, но кровь других...
Он попытался стереть ее, но кровь липла к
рукам и размазывалась еще больше. Из
горла раздался отчаянный, постепенно
переходящий в безумный, жалобный вой, и
он побежал. Лишь одно утешит его
темную душу. Единственная мысль горела
у него внутри. Месть.

Об авторе

Ник Кайл родом из Гримсби, небольшого города на восточном побережье Англии. Ник переехал в Ноттингем в 2003 году, получив работу верстальщика в журнале «White Dwarf». С тех пор он прошел большой путь в священных залах Черной Библиотеки, работая в качестве редактора и принимая участие во множестве различных проектов. На его счету несколько изданных рассказов, книг по бэкграунду и романов.

notes

События из рассказа Н. Кайта «Огни войны», вошедшего в антологию «Герои Костодесанта».

Интрузия --- геологическое тело, сложенное магматическими горными породами, закристаллизовавшимися в глубине земной коры. Геодезическая интрузия --- интрузия в виде купола.

Лиманово ухо, ухо Лимана (Lyman's ear) --- имплантированный орган слуха, позволяющий отфильтровывать шум и предохраняющий от оглушения и головокружения.

Мукраноид (mucranoid) ---
имплантат, который при внешней
стимуляции выделяет через поры
субстанцию, защищающую кожу
костомодесантника от жары, холода и,
частично, вакуума.

Оккүлоба

(occulobe)

имплантированная железа, усиливающая
диапазон и чувствительность зрения
костодесантника.

Меланохроматический --- с избытком
черного пигмента в коже.

Анабиозные мембраны (англ. sustained animation membrane) --- вживляемая костомодесантнику поверх мозга оболочка, позволяющая впадать в состояние анабиоза в случае тяжелой травмы.

Победа Прометея! Слава Н'келну!
(лат.)